

СОДЕРЖАНИЕ

СОЗДАНИЕ АКАДЕМИИ – ОТВЕТ НА ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ	5
--	---

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ

Емельянов С. Н. <i>О состоянии и перспективах развития юридического образования в России</i>	8
Вульфович Е. В. <i>Формирование культурно-страноведческой компетенции студентов юридических специальностей на основе англоязычных материалов исторической тематики</i>	12
Долганова Н. В. <i>Идеал воспитания в контексте свободы и в современной образовательной парадигме</i>	14
Ильин В. А. <i>Реализация стратегических целей Всероссийского педагогического собрания в сфере образования в деятельности Владимирского юридического института</i>	15
Клементьев А. С. <i>Гарантии качества образования</i>	18
Коленбет С. А. <i>Пути повышения уровня профессиональной подготовки курсантов в учебных заведениях Федеральной службы исполнения наказаний</i>	19
Кудрявцев А. В., Кудрявцева Е. В. <i>К вопросу о формировании правовой культуры личности курсантов в период обучения</i>	22
Кудрявцев А. В. <i>Некоторые особенности проведения учебных занятий по дисциплине «Оперативно-розыскная деятельность» (на примере работы кафедры организации оперативной работы ВЮИ ФСИН России)</i>	24
Кузьмина Е. Б. <i>Инвективная лексика как проблема психолого-педагогического дискурса</i>	26
Невский Н. Н. <i>Основные составляющие обучения сотрудников ОВД личной профессиональной безопасности</i>	29
Под страхова А. В. <i>Лингвистические аспекты глобализации и языковое образование в юридическом вузе</i>	32
Фортова Л. К. <i>Современные подходы к образовательному пространству высшей школы</i>	36
Фортова Л. К., Калининская С. Б. <i>Государственный образовательный стандарт как инновационное явление в области профессиональной подготовки специалиста</i>	39

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Морозов В. М. <i>Роль социально- педагогической компоненты в процессе ресоциализации осужденных</i>	42
Батищева Е. В. <i>Роль и основные направления социальной работы с женщинами, находящимися в местах лишения свободы</i>	44
Виноградов В. В. <i>Актуальные проблемы трудового и бытового устройства лиц, освобождаемых и освобожденных из мест лишения свободы</i>	48
Горбунов В. А. <i>Инновационные методы воспитательной работы в уголовно-исполнительной системе</i>	51
Дружинина С. В. <i>Правовые меры по поддержанию и развитию организационной культуры кадровых подразделений УИС</i>	55
Звонов А. В. <i>Основные проблемы в правоприменительной деятельности уголовно-исполнительных инспекций</i>	59
Ивасенко Я. С. <i>Вопросы правового регулирования общего и профессионального образования, профессиональной подготовки осужденных к лишению свободы</i>	60

Каляшин А. В.	
Анализ требований к сотруднику уголовно-исполнительной системы	62
Коломытцев Н. А.	
Европейские правовые стандарты и проблемы обеспечения законных интересов субъектов особо опасного рецидива в учреждениях уголовно-исполнительной системы России	65
Кулакова А. А.	
Особенности виктимизации сотрудников уголовно-исполнительной системы	67
Лапшин В. Е.	
Социально-педагогическая концепция ресоциализации личности осужденного (теоретико-методологический аспект)	69
Лукьянова Е. Е.	
Основные аспекты понятия принципа равенства осужденных перед законом	71
Меркуров В. В., Мальцева О. Н.	
Государственная защита детства и уголовные наказания несовершеннолетних: конституционные и международно-правовые аспекты	74
Соколов С. А.	
Пути достижения целей уголовно-исполнительного законодательства РФ в отношении осужденных, отбывающих уголовные наказания в тюрьмах	82

ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Агарков А. В.	
Деятельность оперативных подразделений пенитенциарной системы СССР в годы Великой Отечественной войны	85
Блинов Ю. С., Книжникова А. Н.	
Особенности прокурорского надзора за оперативно-разыскной деятельностью подразделений криминальной милиции	88
Веденин А. В.	
Понятие наблюдения как оперативно-разыскного мероприятия	92
Евдокимов Ю. В.	
Комплексные оперативно-профилактические операции в сфере топливно-энергетического комплекса России: сущность и задачи	95
Зиборов Д. В.	
Индивидуальная профилактика – залог эффективной предупредительной деятельности побегов осужденных из исправительных колоний	98
Ковалев С. Д.	
Содержание понятия «тактика применения технических средств»	100
Маркова Ю. В.	
Взаимодействие аппаратов уголовного розыска и милиции общественной безопасности в контексте предупреждения экстремистских проявлений в среде несовершеннолетних	102
Меркуров В. В., Тараканов И. А.	
Причинение вреда при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий как обстоятельство, исключаящее преступность деяния	106
Назаров С. В.	
Отдельные аспекты научного обеспечения деятельности оперативных аппаратов УИС (из опыта работы Владимирского юридического института)	109
Потоцкий Н. К.	
Отдельные проблемы профессиональной подготовки сотрудников оперативных служб уголовно-исполнительной системы	112
Рыбаков О. В.	
Проблемы реализации антикоррупционных мер оперативными подразделениями ОВД (на примере Владимирской области)	116
Сенатов А. В.	
Роль оперативных аппаратов тюрем в проведении мероприятий индивидуальной профилактики с лидерами преступной среды	120
Щетнев Л. Е.	
Процессуальные аспекты применения оперативно-разыскной информации	123

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Амосова О. С.	
Правовое и экономическое положение городского сословия в России XVIII в.	127
Ашин А. А.	
Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних в период становления советского исправительно-трудового законодательства	129
Ерин Д. А.	
Районные административные отделения Владимирского округа в 1929–1930 гг.: проблемы становления	134
Ешкилева Н. А.	
Национальная концепция взаимоотношений общества, государства и права в трудах А. С. Хомякова	137
Карпов Э. С.	
Осуществление финансового контроля в системе сталинского ГУЛАГа	140
Колесов Н. Б.	
Княжеские уставы X–XII вв. как правовая основа материального обеспечения собственности русской православной церкви	146
Кузнецова И. А.	
Организационно-правовая роль начальника отряда исправительно-трудовой колонии в процессе исправления и перевоспитания заключенных (1957–1969 гг.)	148
Тимошук А. С.	
И. А. Ильин и право в традиционном обществе	151
Фетищев Д. В.	
Судебная реформа Петра I и ее политико-правовое значение	153
Шагаев В. А.	
Изменение военно-судебной системы России в ходе реформы 1867 года	157

ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: ОПЫТ, СОТРУДНИЧЕСТВО, ПЕРСПЕКТИВЫ

Абатуров А. И.	
Законодательное описание злостных нарушений в кодифицированных источниках Российской Федерации и других стран СНГ: общность и специфика	165
Богатова О. В.	
Прецедент как основной источник английского права	168
Девятьяров М. В.	
Международное сотрудничество субъектов расследования преступлений, совершаемых на территории дипломатических представительств и консульских учреждений, с правоохранительными и судебными органами государств пребывания	173
Елизаров А. Б., Князев А. В.	
Исполнение отдельных видов наказаний в Великобритании и Финляндии	175
Колосов А. С.	
Зарубежный опыт применения наказания в виде обязательных (общественных) работ	180
Фокина С. П.	
Школы права в США: истоки и развитие	183
Шадловский А. В.	
Альтернативные наказания несовершеннолетних правонарушителей в России и за рубежом: сравнительный аспект	186

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Абозина Т. Н.	
Особенности проведения отдельных следственных действий на предварительном и судебном следствии	190
Баландин Д. А.	
Конкурсная система государственного заказа как фактор предотвращения преступлений экономической направленности	192
Горшенков Г. Н.	
Альтернативное наказание как проблема криминологического исследования	195

Гудков А. И.	
<i>Порядок и способы найма жилого помещения по новому жилищному законодательству: проблемы реализации</i>	199
Дерипаско В. М.	
<i>Конфликт интересов: решение проблемы</i>	202
Каковкин М. С.	
<i>Криминалистическое значение деятельности отдельных субъектов доказывания при работе со свидетелями по уголовным делам</i>	205
Карпов Э. С., Халак О. Н.	
<i>Проблемы понимания прав человека</i>	207
Кацуба С. А.	
<i>Особенности назначения наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, по Уголовному кодексу РФ</i>	210
Кудряшов И. Н.	
<i>Проблемы нормативного соотношения категорий «общественное объединение» и «некоммерческая организация»</i>	212
Кужиков А. Ю.	
<i>Свобода совести при осуществлении юридической ответственности</i>	213
Куркина И. Н.	
<i>Особенности развития транснациональной организованной преступности в странах СНГ</i>	216
Кучков Д. С.	
<i>Некоторые аспекты реализации правового воздействия на отношения людей</i>	220
Лапшин В. Ф.	
<i>Актуальные вопросы политики противодействия финансовой преступности</i>	222
Москалёв Ю. Н., Тимошук А. С.	
<i>Традиционный фактор в социально-экономических процессах</i>	224
Остапенко И. А.	
<i>Причины возникновения судебных ошибок</i>	227
Остапенко П. И.	
<i>Основные аспекты антитеррористической деятельности правоохранительных органов (на примере г. Краснодара)</i>	230
Пожарский Д. В.	
<i>Цели государства и права человека: проблемы соотношения</i>	233
Пухова Т. Б., Зяблова Т. Е.	
<i>Эстетический компонент юридической деятельности</i>	235
Рузевич О. Р.	
<i>Классификация способов совершения преступлений</i>	238
Садов А. Ю.	
<i>Гражданский истец или потерпевший?</i>	243
Сбитнева В. Н.	
<i>Правовое положение суда в уголовном процессе Российской Федерации</i>	245
Сокол Р. П.	
<i>Актуальные проблемы соблюдения сроков составления протокола судебного заседания и ознакомления с ним</i>	246
Сртлян С. В.	
<i>Сущность и специфика реализации юридических гарантий обеспечения правового статуса личности</i>	249
Тараканов И. А.	
<i>Необходимая оборона: проблема соотношения фактического и доказанного</i>	251
Тверезовская С. А., Зюков А. М.	
<i>Соотношение религиозных законов и отдельных аспектов наказания в уголовной этнополитике</i>	254
Чучаев А. И.	
<i>Уголовно-правовое обеспечение реализации наказания</i>	261
Юсипова И. В.	
<i>Морфологическая специфика нормативного регулирования частной жизни</i>	264

СОЗДАНИЕ АКАДЕМИИ – ОТВЕТ НА ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ

Академия проблем безопасности, обороны и правопорядка (далее: Академия), созданная в августе 2000 г. по инициативе В. В. Путина, утверждена научным общественным центром комитета Государственной Думы РФ по безопасности для научно-исследовательского обеспечения законодательной работы в сфере национальной безопасности. При поддержке полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах Академия принимает активное участие в научно-исследовательских работах по заказу аппарата Совета безопасности РФ.

Современные проблемы безопасности государства представляют собой огромный комплекс не только военных, но и экономических, правовых и социальных проблем. Их решение требует комплексного анализа, работы специалистов высочайшего класса и коллегиального обсуждения. Кроме того, невозможно решать вопросы безопасности внутри одной страны. Терроризм, наркомания, экологические и энергетические проблемы не имеют границ.

Академией открыто более 70 отделений в субъектах Федерации и 8 филиалов в странах СНГ, в которых трудятся более 6000 ученых, руководителей силовых министерств и ведомств, более 70 глав субъектов РФ, 210 ректоров высших учебных заведений, 312 Героев Советского Союза, Героев России.

В декабре 2004 г. во Владимире состоялось заседание регионального отделения Академии, на котором были рассмотрены вопросы, имеющие общественную значимость: борьба с терроризмом, экономическая, экологическая безопасность, разрешение межнациональных и социальных конфликтов. Отдельным пунктом в повестке дня стоял вопрос об избрании президента регионального отделения, которым стал доктор наук, профессор генерал-майор внутренней службы В. М. Морозов (бывший в то время начальником ВЮИ ФСИН России).

Владимирское региональное отделение Академии объединяет руководителей силовых структур области, учебных и научных центров, видных ученых-правоведов, экономистов, производственников, работников социальной сферы. На состоявшемся заседании был избран вице-президент регионального отделения генерал-майор милиции А. И. Большаков. В состав регионального отделения вошли новые члены – известные в области генералы Р. В. Сиванов, Н. А. Сеньшов,

В. Ф. Харченко, А. М. Милуков, В. И. Прудченко, С. В. Каракаев и полковники Ю. А. Федоров, Ю. В. Нецветаев и В. С. Зиборов.

С 24 мая 2005 г., после получения Свидетельства о государственной регистрации общественного объединения (основной государственный регистрационный номер 1053303915598), региональное отделение приобрело официальный статус на всей территории Владимирской области.

Говоря о задачах, которые решает региональное отделение Академии, следует отметить следующие.

Первая задача касается проведения научно-исследовательских работ, направленных на решение вопросов безопасности, обороны и правопорядка. За прошедшие 7 лет учеными области было подготовлено и выпущено в свет большое количество учебных и научных изданий по проблемам борьбы с организованной преступностью и терроризмом, защиты жизни человека в современных условиях, деятельности правоохранительных органов.

Кроме того, специалисты проводили научные экспертизы законопроектов «Об обороте пневматического оружия на территории Владимирской области», «Об альтернативной военной службе»; участвовали в разработке в региональную программу предложений и мер по предупреждению, раскрытию и расследованию тяжких преступлений против жизни и здоровья граждан, в целевую программу «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту». Предложения ученых Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний (далее: ВЮИ ФСИН России) учтены при совершенствовании Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Сотрудники активно выступают в качестве экспертов Совета Европы по вопросам реформирования российского законодательства.

Вторая задача связана с решением проблемы экологической безопасности Владимирской области. На ее территории расположены предприятия оборонной, химической промышленности, Всероссийский научно-исследовательский институт защиты животных, завод биопрепаратов. С помощью комплекса специальных мер мы должны обеспечить надежную защиту этих и многих других предприятий от террористической угрозы.

Третьей задачей является разработка программы действий органов исполнительной власти региона в чрезвычайных ситуациях для предотвращения негативных последствий, подобных трагедии в Беслане.

Отделение также работает над решением задач по укреплению правопорядка и социально-политической стабильности в обществе, развитию федерализма и местного самоуправления. Для этого используются общественные приемные ВЮИ ФСИН России, в которых преподаватели и курсанты разъясняют гражданам их права и обязанности, своевременно знакомят с изменениями в российском законодательстве. Такая деятельность оказывает помощь администрации Владимирской области в выполнении целевой программы «Повыше-

ние правовой культуры населения Владимирской области на 2006–2010 годы».

В соответствии с планом основных мероприятий Владимирского отделения АБОП 29 мая 2007 г. во ВЮИ ФСИН России состоялась межведомственная научно-практическая конференция «Оперативные подразделения правоохранительных органов России в обеспечении безопасности и правопорядка» с участием ведущих ученых, руководителей правоохранительных органов и практических работников.

Выбор темы не случаен. Известно, что значительная роль в повышении эффективности оперативно-разыскной деятельности на всех уровнях функционирования ФСИН России принадлежит отраслевой науке. Она является составной частью общероссийской науки, участвующей в формировании правового государства, консолидации усилий государственных и общественных структур в борьбе с преступностью, укреплении правопорядка в стране.

Важное место в решении указанных задач занимает кафедра организации оперативной работы ВЮИ ФСИН России. Научные исследования, постоянно проводимые сотрудниками, носят прикладной характер и эффективно применяются в деятельности оперативных подразделений органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. Так, директор ФСИН России Ю. И. Калинин определил ВЮИ ФСИН России приоритетным вузом в разработке проблем оперативно-разыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе.

Вместе с тем вопросы оперативно-разыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе еще не находят должного отражения в проводимых научно-практических конференциях, семинарах ученых и практиков, посвященных проблематике исполнения уголовных наказаний.

В связи с этим следует положительно оценить результаты межведомственной научно-практической конференции «Оперативные подразделения правоохранительных органов России в обеспечении безопасности и правопорядка». Материалы конференции представлены в этом номере «Вестника Владимирского юридического института».

Обращаясь к читателям журнала хотелось бы подчеркнуть, что Владимирское региональное отделение Академии всегда готово видеть в своих рядах патриотов Отечества, тех, кого волнует судьба страны и кто хотел бы направить свои усилия на поддержание законности и правопорядка в обществе, увеличение политической и экономической мощи Российского государства.

В. Меркурьев,
*секретарь Владимирского
регионального отделения АБОП
доктор юридических наук, доцент
полковник внутренней службы*

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ

С. Н. Емельянов,
начальник ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук, доцент

О СОСТОЯНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Значение юридического образования в современной России сложно переоценить. Не секрет, что ошибки как в законодательной, так и в правоприменительной практике дорого обходятся людям. За этим зачастую стоят сломанные судьбы, а то и жизни многих ни в чем не повинных граждан. В недалеком прошлом судебная практика помнит случаи, когда человека, подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, приговаривали к исключительной мере наказания, приговор приводили в исполнение, а после этого правоохранительным органам удавалось задержать истинного преступника. И такие случаи, к сожалению, не единичны.

Отсюда и пристальное внимание руководства страны, прогрессивной общественности, работников системы профессионального образования к проблемам именно юридического образования в нашей стране.

В течение ряда последних лет юридические вузы, органы управления образованием находились в поиске оптимальной модели развития российского юридического образования. Необходимость перемен обусловлена не только вступлением России в Болонский процесс, а главным образом тем, что дальнейшее затягивание или откладывание их осуществления в «долгий ящик» углубит внутренний кризис системы высшего образования¹.

Профессия юриста в современной России в настоящее время стала одной из самых востребованных и выбираемых моло-

дежью, поступающей в высшие учебные заведения. И связано это не только и не столько с материальными интересами, но и, прежде всего, вероятно, с универсальностью получаемого образования, позволяющего использовать приобретенную специальность в самом широком диапазоне возможностей. Действительно, юридическое образование дает возможность работать практически во всех сферах деятельности человека – политика, управление, государственная служба всех уровней. Всего, наверное, и не перечислишь. И это помимо собственно юридических специальностей!

Руководство Минобрнауки России, Рособнадзора, представители научной и образовательной общественности всерьез обеспокоены состоянием и тенденциями современного юридического образования, которое характеризуется следующими отличительными чертами:

1) экстенсивностью, т. е. увеличением числа вузов, готовящих юристов, множественностью форм обучения. Причем здесь необходимо отметить, что, с одной стороны, наблюдается механическое увеличение количества учебных заведений без учета реальных возможностей реализации образовательных программ, и открытие юридических специальностей в вузах, профиль подготовки которых изначально далек от юриспруденции – с другой;

2) на этом фоне возникает вторая проблема – снижение качества подготовки юристов, что обусловлено целым рядом факторов. Отсутствие условий, установленных требованиями Минобрнауки России, необходимой учебно-материальной базы, а главное – квалифицированного преподавательского состава оказывает влияние на качество подготовки специалистов. Это привело к тому, что на сегодняшний день рынок труда перенасыщен юристами, а найти грамотного специалиста – большая проблема. На качество обучения влияет и интенсификация труда преподавателя, и заниженные требования к обучающимся,

¹ См.: Белов В. А. Какие юристы нужны России в XXI веке? // Тенденции развития юридического образования в России: Сб. тез. выступлений на конф. и ст. / Под ред. А. К. Голиченкова. М., 2006. С. 19.

поскольку вузы стараются во что бы то ни стало сохранить их контингент.

Результатом «борьбы за студента (курсанта)» стало то, что в последние десятилетия в России масса людей, имеющих диплом о высшем юридическом образовании и занимающихся практической юридической деятельностью, на деле не являются юристами, поскольку у них не сформировано профессиональное правосознание. Очевидно, что наибольшую опасность это представляет тогда, когда такие лица замещают должности в правоохранительных и судебных органах, в связи с чем в этих структурах юридическому образованию придается особое значение. Не случайно в соответствии с перечнем должностей, подлежащих замещению специалистами высшей и средней квалификации в уголовно-исполнительной системе (приказ МВД России от 30.09.1994 № 259), свыше 70 % должностей начальствующего состава подлежат замещению сотрудниками, имеющими высшее юридическое образование.

Существуют и другие вполне очевидные, но от этого не менее важные проблемы. Среди них в первую очередь следует выделить такие, как: устойчивая тенденция к снижению общеобразовательного уровня абитуриентов; существование многочисленных и не всегда оправданных льгот для поступающих в вузы, в которых зачастую нарушается единственно верный принцип отбора на обучение – наличие соответствующих знаний; пределы использования информационных технологий в подготовке юристов; качество подготовки профессорско-преподавательского состава. Особую тревогу в системе ведомственного профессионального образования вызывают, на наш взгляд, два основных фактора:

– переход к 2010 г. в соответствии с Болонской декларацией на общеевропейскую, так называемую двухуровневую систему профессионального образования (бакалавриат и магистратура); это потребует от нас в первую очередь значительных усилий по разработке квалификационных требований к сотрудникам УИС, в том числе и с учетом получения квалификации по программе бакалавриата. Если мы сегодня не приступим к этой работе, завтра можем не вписаться в

общегосударственную систему высшего профессионального образования и остаться, как говорится, за бортом истории. Призывы, как вы знаете, по этому поводу звучат различные;

– второй фактор – это переход с 1 января 2009 г. на повсеместное проведение единого государственного экзамена (ЕГЭ). Первый опыт его использования уже имеется, хотя в целом это довольно дискуссионный вопрос. С одной стороны, учет результатов ЕГЭ при поступлении в вузы обеспечит равные возможности для всех абитуриентов вне зависимости от их социального статуса, материального положения, региона проживания. С другой стороны, уже есть прецеденты «улучшения» показателей, когда школьники из некоторых отдаленных регионов показывают в системе координат ЕГЭ наилучшие знания по русскому языку и получают баллы, превосходящие результаты, при этом в процессе учебы демонстрируют низкий уровень подготовки. Эта проблема актуальна и для нас, поскольку к нам поступают ребята из самых разных регионов России.

Сегодня законодатель предоставил нам шанс разработки психологических и профессиональных требований к абитуриентам, обусловленных спецификой предстоящей службы в УИС. Если сейчас не использовать этот шанс, не разработать таких требований, то через два года мы будем вынуждены принимать на обучение лиц, заведомо не пригодных и не готовых к службе в учреждениях, исполняющих наказания. Этого мы допустить не имеем права.

Учитывая то, что в обозримом будущем спрос на юридические профессии едва ли снизится, а следовательно, не уменьшится и число вузов, осуществляющих подготовку юристов, учебному заведению, желающему выжить в условиях жесткой конкурентности, существующие проблемы необходимо ставить и решать. Совершенствование юридического образования сегодня – это одна из важнейших задач высшей школы, поскольку от его качества зависят защита прав и свобод, безопасность граждан, качество принимаемых решений на всех уровнях государственной власти, а следо-

вательно, и безопасность общества и государства в целом.

Для достижения этой цели представляется необходимым решение целого ряда задач, в том числе:

1) определение содержания юридического образования. Иными словами – что должно доминировать в подготовке юристов: теоретический или прикладной компонент, традиции или инновации;

2) пределы вариативности учебных программ;

3) определение допустимых форм обучения юристов и пределы использования информационных технологий в учебно-воспитательном процессе;

4) качество подготовки профессорско-преподавательского состава¹.

Содержание юридического образования. Как известно, целью высшего юридического образования является формирование профессионального правосознания, которое может быть выработано при соблюдении двух условий: 1) при серьезном преподавании таких основополагающих дисциплин, как история и теория государства и права, философия права и т. п.; и 2) при высоком теоретическом уровне преподавания общепрофессиональных дисциплин. Именно поэтому, по мнению многих ученых, педагогов, доминировать в подготовке юристов должен теоретический, а не прикладной аспект. Это тем более важно сегодня, в условиях постоянно меняющегося законодательства, когда именно хорошая, основательная теоретическая подготовка позволяет ориентироваться в быстро трансформирующейся правовой материи и верно решать возможные в такой ситуации коллизии.

Сказанное, однако, не умаляет и не отменяет необходимости и важности практического обучения. Различные виды практики, стажировка, проведение занятий с использованием естественных полигонов позволяют максимально подготовить курсантов в будущей профессиональной деятель-

ности, обеспечить им быструю и легкую адаптацию к условиям службы.

О традициях и инновациях. Современная система образования характеризуется активным ростом инновационных процессов, которые в большинстве случаев рассматриваются с позитивной точки зрения. Действительно, позитивный инновационный опыт, использование новых педагогических форм, методов и технологий позволяют достигать высоких результатов в обучении и воспитании. Однако и здесь нельзя впадать в крайности, называя инновациями, педагогическим творчеством непродуманные, спонтанные, заранее не спроектированные действия педагога. Сегодня достаточно распространенным является сравнение процессов обучения и воспитания с сочинением музыки. Даже самые красивые и самые сложные мелодии сочиняются при помощи только семи нот. При этом и плохая музыка получается при сочетании этих же нот. Очевидно, что результат творчества зависит от профессионализма и таланта композитора. То же самое можно сказать и о педагоге, мастерство которого является основополагающим фактором всех инновационных перемен.

Отсюда вытекает и следующая проблема высшей школы – **качество подготовки профессорско-преподавательского состава**. Сегодня это один из основных факторов повышения качества образования. Общеизвестно, что безупречная репутация выпускников Гарварда, Оксфорда, Кембриджа – это отнюдь не только новейшие образовательные технологии, но в первую очередь профессорско-преподавательский состав, занимающийся профессиональным становлением обучающихся. Не секрет, что во многих российских вузах, в том числе и юридических, такие факторы, как интенсификация преподавательского труда, невысокая заработная плата, активизирующая работу по совместительству, неотремонтированные помещения, отсутствие возможности использовать новейшие технологии отнюдь не способствуют самоотдаче педагогов. Заметим, что в образовательных учреждениях ФСИН России, в том числе и в нашем вузе, условия труда преподавателей значительно отличаются от гражданских

¹ См.: *Верещагина А. А.* Цель и задачи реформы юридического образования в России: некоторые аспекты // Тенденции развития юридического образования в России. С. 27–28.

учебных заведений. Поэтому для нас определяющей задачей в этом направлении должен стать пересмотр критериев оценки деятельности преподавателей – упор необходимо сделать на поощрение занятий научно-исследовательской работой. Не случайно в официальных документах, посвященных созданию Зоны европейского высшего образования, подчеркивается, что высшее образование должно основываться на научных исследованиях и параллельно необходимо создавать Зону европейских научных исследований. Иными словами, для европейского образовательного сообщества совершенно ясно, что качественное преподавание без исследовательской деятельности преподавателя немыслимо. Это положение должно быть принято и реализовано и преподавателями нашего вуза, тем более что все условия для этого созданы.

Несколько слов *о формах обучения юристов и оптимальных пределах использования информационных технологий в учебно-воспитательном процессе.* За последние годы много изменений в высшем юридическом образовании связаны с расширением использования современных информационных технологий. Их позитивная роль несомненна. Новые информационные технологии позволяют осуществлять построение открытой системы образования, обеспечивают каждому возможность самообучения в соответствии с его интересами и потребностями, повышают эффективность самостоятельной работы, открывают новые возможности для творчества, обретения различных профессиональных навыков.

Все чаще при этом мы слышим о необходимости создания на базе новых информационных технологий единой системы дистанционного юридического образования, основу которого составляет целенаправленная и контролируемая самостоятельная работа обучающихся, которые занимаются по индивидуальным расписаниям и имеют контакт с преподавателем по телефону, факсу, электронной почте или очно. При этом преподаватели должны взять на себя ответственность за свою подготовку и подготовку обучающихся в области информационных технологий. Мо-

жем ли мы с уверенностью сказать, что наши слушатели такой подготовкой обладают в достаточной мере? Вероятно, на данном этапе пока еще не следует говорить о дистанционной форме обучения как о самостоятельной форме подготовки юристов. Другое дело, что информационные технологии могут и должны активно использоваться в учебном процессе как дополнительные средства, направленные на повышение качества образования – проведение видеоконференций, консультаций, тестовая диагностика и т. п. Но даже в таком объеме их использование предполагает серьезную подготовительную работу в самых различных направлениях, в том числе: 1) создание и постоянное обновление преподавателями инструментария; 2) разработка программного обеспечения, соответствующее техническое оснащение вуза, оборудование рабочих мест преподавателей; 3) изменение критериев формирования индивидуальных планов преподавателей, поскольку использование компьютерных технологий требует больших временных затрат на подготовку и обновление специального методического обеспечения и на индивидуальную работу с обучающимися и ряд других. Готовы ли мы сегодня в полной мере к внедрению и эффективному использованию дистанционной формы обучения – вопрос, требующий взвешенного и очень ответственного решения.

И еще об одной составляющей подготовки юриста. Мы много говорим о качестве образования, зачастую уравнивая это понятие с «научением», передачей знаний и забывая о воспитательном аспекте. И беда эта не только нашего вуза, и даже не только юридического образования.

В «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» стратегия воспитательной деятельности учебных заведений практически не отражена, хотя именно это направление представляется особенно важным, поскольку нынешние студенты и курсанты – это поколение, сформировавшееся в условиях становления рыночной экономики, кардинальной смены ценностных ориентаций. Разработка Национальной доктрины воспитания – прерогатива государства, органов

управления образованием. Наша же задача – сделать процесс подготовки юристов именно учебно-воспитательным процессом, обе стороны которого были бы равно важны, прививать нашим курсантам высокие духовно-нравственные, социальные, эстетические ценности. Лишь в этом случае мы сможем так организовать систему подготовки юристов, что на наших выпускников будут смотреть не только как на представителей определенного профессионального сообщества, но и как на будущих просвещенных, развитых, благородных, интеллектуально воспитанных людей.

Е. В. Вульфович,

*старший преподаватель кафедры
профессиональной языковой подготовки
ВЮИ ФСИН России*

**ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-
СТРАНОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ
СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НА ОСНОВЕ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ**

Современное содержание обучения иностранным языкам невозможно без приобщения обучающихся к культуре стран-носителей иностранного языка, которым они овладевают как средством межкультурного общения. В связи с этим перед преподавателем ставится следующая задача: «основывать преподавание языков на принципе глубокого понимания культуры, образа жизни и мыслей носителей изучаемого языка»¹.

По мнению Н. А. Суховой, культурно-страноведческая компетенция (далее: КСК) – это совокупность знаний о культуре и страноведении страны изучаемого языка, создающая у обучающихся образ стран-носителей этого языка, образ их жителей и

Библиографический список

1. Белов, В. А. Какие юристы нужны России в XXI веке? / В. А. Белов // Тенденции развития юридического образования в России : сб. тез. выступлений на конф. и ст. / под ред. А. К. Голиченкова. – М., 2006.

2. Верещагина, А. А. Цель и задачи реформы юридического образования в России: некоторые аспекты / А. А. Верещагина // Тенденции развития юридического образования в России : сб. тез. выступлений на конф. и ст. / под ред. А. К. Голиченкова. – М., 2006.

способствующая приобщению к менталитету носителей изучаемого языка и их культуре в целом².

В методической литературе последних лет широкое освещение получили такие составляющие культурно-страноведческой компетенции, как знания о речевом этикете, применение экстралингвистических средств общения, умения выразить толерантное отношение к представителям другой культуры, а также умение преодолевать стереотипы и предвзятости по отношению к другой культуре.

Предметом рассмотрения настоящей статьи является такой компонент КСК, как исторические знания о стране изучаемого языка и умения воспользоваться ими в общении с носителями языка. Данная составляющая КСК имеет исключительную важность, поскольку постижение культуры страны изучаемого языка невозможно без знаний исторического прошлого этой страны, истории культуры, представлений о ее выдающихся исторических личностях. Именно изучение истории дает возможность понять истинный дух народа.

Большое значение приобретает изучение истории в контексте обучения студентов юридических специальностей английскому

¹ Рогачева Е. Ю. Ключевые компетенции владения иностранным языком в контексте требований Совета Европы и российский контекст // Концептуально-технологическая модель обучения в вузе: Материалы 1-й междунар. науч.-практ. конф. Владимир, 2006. С. 15–18.

² См.: Сухова Н. А. Формирование культурно-страноведческой компетенции на основе аутентичных материалов в процессе обучения устной речи студентов педагогического вуза: Дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2002. С. 38.

языку. Причина этого заключается в том, что, говоря о современной правовой системе США или Великобритании, нельзя не упомянуть некоторые исторические факты. Примером может послужить воплощение в политическую реальность в Северной Америке таких просветительских идей, как народный суверенитет, республиканизм и права человека. В проекте Декларации независимости США, предложенной Т. Джефферсоном в 1776 г., впервые были провозглашены такие права человека и гражданина, как «жизнь, свобода и стремление к счастью», которые являются неотъемлемой частью нашей современной жизни и кажутся нам естественными.

В 1787 г. была принята Конституция США. Вместе с «Биллем о правах» она явилась в известном смысле документом большого демократического значения, что, несомненно, сказалось на последующей истории мира.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что включение в обучение английскому языку будущих юристов исторических материалов может способствовать повышению их уровня КСК.

Кроме того, изучение материалов исторической тематики в курсе английского языка может оказать положительное влияние на овладение данным иностранным языком в целом.

Подтверждением этого могут стать исследования по проблемам преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах, проведенные под руководством В. А. Артемова¹, а также работы В. М. Постоева², Л. В. Александровской³, Т. В. Лит-

виновой⁴. Данными исследователями была теоретически обоснована и экспериментально доказана идея о том, что каждая научная дисциплина обладает своей спецификой в решении методических вопросов преподавания иностранного языка. Эта специфика заключается в различном соотношении между специальной профориентированной (терминологической), общенаучной и общеупотребительной лексикой каждой научной дисциплины. Исторические материалы содержат значительное количество общенаучных и общеупотребительных лексических единиц нетерминологического характера. При этом необходимо отметить значительное преобладание абстрактной лексики, плохое усвоение которой вызывает повсеместную обеспокоенность у методистов⁵.

Таким образом, использование англоязычных материалов исторической тематики в процессе подготовки будущих юристов способствует обогащению их словарного запаса абстрактной лексикой и формированию культурно-страноведческой компетенции студентов в целом.

Библиографический список

1. Гурвич, П. Б. О пяти блоках норм и рекомендаций методики обучения иностранному языку / П. Б. Гурвич. – Владимир, 2004. – С. 15.

2. Литвинова, Т. В. Управление самостоятельной работой студентов неязыковых факультетов по овладению лексикой по специальности : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – СПб., 2001.

3. Сухова, Н. А. Формирование культурно-страноведческой компетенции на основе аутентичных материалов в процессе обучения устной речи студентов педагогического вуза : дис. ... канд. пед. наук. – СПб., 2002. – С. 38.

⁴ См.: Литвинова Т. В. Управление самостоятельной работой студентов неязыковых факультетов по овладению лексикой по специальности: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2001.

⁵ См.: Гурвич П. Б. О пяти блоках норм и рекомендаций методики обучения иностранному языку. Владимир, 2004. С. 15.

¹ См.: Артемов В. А. Основные проблемы современной психологии обучения иностранным языкам // Иностр. яз. в шк. 1967. № 1.

² См.: Постоев В. М. К вопросу об учете отраслевой специфики в преподавании иностранных языков на неязыковых факультетах // Проблемы обучения иностранным языкам. В 16 т. Т. 7. Исследования в области обучения устной речи. Владимир, 1973. С. 235–251.

³ См.: Александровская Л. В. Семантика термина как члена общелитературной лексики: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1973.

Н. В. Долганова,
*старший преподаватель кафедры
профессиональной языковой подготовки
ВЮИ ФСИН России*

ИДЕАЛ ВОСПИТАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СВОБОДЫ И В СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ

Как известно, идеал воспитания менялся на протяжении всей истории цивилизации. Это определялось как культурными традициями, так и политическим строем страны. Например, целью спартанского воспитания являлось развитие крепкого, физически здорового человека. Вероятно, поэтому существовавшие в те времена телесные наказания считались одними из лучших средств воспитания, которые «закаляли тело», но в то же время «уродовали душу». В средние века воспитание основывалось именно на духовной жизни общества, его идеалы были подотчетны религии, богу; в эпоху же Нового времени внимание педагогов было вновь обращено на интеллект и умственные способности человека, гармонию тела и души.

Сегодня определенной популярностью пользуются так называемые альтернативные школы, определяющие процесс воспитания как внимание к личности ребенка, учитывая его физическое, духовное и умственное развитие. Квинтэссенцией этих школ являются идеи свободного воспитания, которого, как считают теоретики свободных школ, так мало в традиционной школе.

Еще со времен Сократа педагоги пытаются проложить путь от воспитания к свободе. Школа и весь учебный процесс не должны тяготить ребенка, противоречить его природе. По мнению Л. Н. Толстого, «учить и воспитывать ребенка нельзя и бессмысленно по той простой причине, что ребенок ... стоит ближе каждого взрослого к идеалу гармонии, правды, красоты и добра». Отсюда следует, что воспитание разрушает гармонию ребенка, изначально заложенную природой. Это заставляет задуматься и пересмотреть существующий процесс обучения и воспитания, взглянуть на школу «глазами ребенка».

Л. Н. Толстой отмечал, что «...чтобы образование было плодотворным, ... нужно, чтобы образование было свободным...».

Возможен ли путь к воспитанию в свободе? Согласно классическим, общепринятым дефинициям данных понятий воспитание – это процесс систематического, целенаправленного воздействия на духовное и физическое развитие личности в целях обучения, привития навыков поведения в обществе, формирования характера и его отдельных черт¹, а свобода – отсутствие зависимости от кого-либо, возможность располагать собой по собственному усмотрению, действовать без ограничений, запретов, беспрепятственно².

Если исходить из указанных определений, то этот путь кажется непреодолимым, так как прилагательное «свободный» в данном случае не сочетается с существительным «воспитание». В словосочетании «свободное воспитание» мы пытаемся соединить на первый взгляд два противоположных слова. В стилистике существует термин оксюморон – оборот, в котором сочетаются семантически контрастные слова, создающие неожиданное смысловое единство³. Являются ли слова «свобода» и «воспитание» контрастными?

Многие педагоги пытались и пытаются до сих пор не только теоретически, но и на практике преодолеть пропасть между свободой и воспитанием. Сторонники свободного воспитания рассматривают воспитание именно таким образом, что эпитет «свободный» является единственно верным и подходящим для «воспитания». Свобода – это, прежде всего, ответственность. Если человек понимает свободу не как анархию, а как ответственность, то и к своему образованию, которое включает воспитательный аспект, он будет относиться с полной ответственностью. Это значит, что механизм воспитания соединит в себе элементы самовоспитания, а также будет направлен

¹ См.: Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2001. С. 1536.

² См.: там же. С. 1161.

³ Современный словарь иностранных слов. М., 1992. С. 420.

на становление свободной, творческой, создающей личности.

Идеи свободного воспитания базируются на трех основных принципах:

1) принцип природосообразности, который подразумевает осуществление воспитания с естественным ходом развития ребенка, развитие присущих человеческой природе духовных и физических сил в соответствии со свойственным ребенку стремлением к всесторонней деятельности. Данный принцип отвергает «авторитаризм, насилие над природой ребенка, непонимание детской души»¹;

2) принцип культуросообразности. Впервые он был выдвинут А. Дистервегом и означал, что воспитание должно считаться не только с природой ребенка, но и с уровнем культуры данного времени и данной страны, т. е. необходимо учитывать ту среду и ту культуру, в которой живет и воспитывается ребенок;

В. А. Ильин,

начальник учебного отдела

ВЮИ ФСИН России

кандидат педагогических наук, доцент

**РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ
ВСЕРОССИЙСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
СОБРАНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЛАДИМИРСКОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА**

Семнадцатого ноября 2006 г. на съезде партии «Единая Россия» по вопросам образования было принято решение о создании Общероссийской общественной организации «Всероссийское педагогическое собрание» (далее: Организация, ВПС), избраны руководящие органы данной Организации, утверждены ее Устав и Обращение делегатов съезда к регионам.

ВПС представляет собой добровольное общественное объединение граждан на основе общности интересов для реализации целей, определенных его Уставом.

Высший руководящий орган Организации – съезд.

3) принцип самостоятельности, основывающийся на самостоятельности и инициативе ребенка, его внутренней активности, «которая служит важнейшей силой его «самостоятельного вхождения в жизнь»². Поэтому авторитарная позиция воспитателя, учителя в педагогическом процессе исключается изначально. Наставник выступает лишь как помощник ребенка, организатор той среды, в которой он живет, развивается, реализует свой потенциал, накапливает свой уникальный опыт.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка. – СПб., 2001.

2. Вентцель / сост. и авт. предисл. : Г. Б. Корнетов, М. В. Богуславский. – М., 1999.

3. Современный словарь иностранных слов. – М., 1992.

Согласно Уставу целями ВПС являются:

– содействие реализации конституционных прав граждан на получение образования;

– создание условий для формирования эффективной системы образования в Российской Федерации;

– помощь в обеспечении высокого качества образования;

– внедрение механизмов контроля граждан за реализацией их прав в сфере образования;

– содействие объединению работников образовательных учреждений и иных граждан, принимающих активное участие в решении вопросов образования, а также депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации с целью решения проблем, связанных со сферой образования;

– обеспечение эффективного взаимодействия педагогического сообщества с органами государственной власти Рос-

¹ Вентцель / Сост. и авт. предисл.: Г. Б. Корнетов, М. В. Богуславский. М., 1999. С. 12.

² См.: там же.

сийской Федерации, субъектов Российской Федерации.

Для достижения уставных целей Организация в соответствии с действующим законодательством решает следующие задачи:

- оказывает содействие в разработке предложений и изменений в законодательство Российской Федерации по вопросам образования и способствует их реализации, взаимодействуя с депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, депутатами законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации;

- участвует в подготовке и формировании кадрового резерва работников образовательных учреждений в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;

- содействует организации обучения и обмена положительным опытом работников образовательных учреждений (проведение семинаров, заседаний «круглого стола», научно-практических конференций и др.);

- осуществляет помощь в разработке новых образовательных программ и технологий и их внедрении в деятельность учебных заведений.

Высшим руководящим органом Организации в период между съездами является ее Центральный совет, действующим коллегиальным руководящим органом – бюро Центрального совета Организации. Со-председателем-координатором Организации (высшее выборное должностное лицо Организации) избрана В. Н. Иванова – заместитель председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке.

Членство в Организации и выход из нее являются добровольными.

Во Владимирской области региональное отделение ВПС (региональный совет и бюро регионального совета) было образовано на учредительной конференции 19 декабря 2006 г. В состав регионального совета вошли 16 представителей педагогического сообщества области, председателем избрана Е. Б. Семенова – директор школы № 34 г. Владимира.

Двадцать пятого сентября 2007 г. в г. Санкт-Петербурге состоялся Второй съезд ВПС. В

его работе приняли участие 820 делегатов от 67 региональных советов и присутствовали 320 гостей.

Выступая на съезде, Председатель Государственной Думы Федерального Собрания РФ Б. В. Грызлов подчеркнул: «... Общественная организация “Всероссийское педагогическое собрание” должна стать экспертом вносимых в Государственную Думу законопроектов об образовании».

Делегаты Съезда поддержали стратегию партии «Единая Россия» в вопросах модернизации образования, способствовать которой должна консолидация различных структур в рамках развития гражданского общества. Результаты деятельности ВПС являются основой для выработки новых форм, технологий, механизмов и целей совершенствования сферы образования.

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний (далее: ВЮИ ФСИН России, институт), осуществляющий подготовку образованных, культурных, высококвалифицированных специалистов для российской пенитенциарной системы, достойно вписывается в общую систему высшего профессионального образования, успешно решает задачи и реализует цели, продекларированные Уставом ВПС, такие как совершенствование учебно-воспитательного процесса, увеличение кадрового и научного потенциала, укрепление материальной базы, расширение связей с зарубежными правоохранительными системами, создание новых образовательных структур.

Положительным итогом произошедших во ВЮИ ФСИН России перемен явилось успешное прохождение им процедуры комплексной оценки его деятельности, в результате которой институт получил лицензию на право ведения образовательной деятельности по всем заявленным специальностям. В 2006 г. к основной специальности (юриспруденция) добавились новые востребованные направления подготовки курсантов и слушателей – социальная работа и управление персоналом, в связи с чем был увеличен прием обучающихся на факультет внебюджетного образования института. Кроме того, на факультете профессиональ-

ной переподготовки и повышения квалификации ведется обучение социальных работников пенитенциарных учреждений ФСИН России.

Значительно укрепилась за последнее время материальная база института. Введены в строй новые учебные площади, заканчивается строительство нового курсантского общежития на 500 мест, пополняются фонды общей и специальной библиотек. Причем свыше 5 тыс. экземпляров учебных и научных изданий только за 2007 г. издано на полиграфической базе института. Особую значимость среди них имеют учебные и учебно-методические пособия, имеющие гриф ФСИН России.

Вместе с тем успешная деятельность института зависит не только и не столько от количества литературы, учебных площадей и направлений подготовки специалистов, сколько от кадрового потенциала, профессионального мастерства педагогов, осуществляющих учебно-воспитательный процесс, их стремления к профессиональному и творческому росту. Повышение научного уровня, совершенствование педагогического мастерства профессорско-преподавательского состава института – одно из ключевых направлений деятельности образовательного учреждения. В течение 2007 г. 13 сотрудников института защитили диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, свыше 60 человек в настоящее время осуществляют научные исследования, из которых 25 сотрудников работают над докторскими диссертациями. Результаты научных изысканий активно используются в учебно-воспитательном процессе.

В минувшем учебном году ряд сотрудников кафедр института повысили свой профессиональный уровень в Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Академии дополнительного профессионального образования и Российском государственном социальном университете.

Еще одним важным направлением деятельности института является осуществление преемственности в образовании. Реализуя данное направление, ВЮИ ФСИН Рос-

сии в течение ряда лет взаимодействует с департаментом образования администрации Владимирской области, образовательными учреждениями, детскими дошкольными учреждениями г. Владимира. В институте осуществляется довузовская подготовка учащихся школ города по правовому направлению, проводятся учебные занятия по курсам «Обществознание», «Психология», а также по основам правоведения с учащимися профильных (социально-юридических) и лицейских классов ряда школ города, Владимирского педагогического колледжа. Преподаватели и курсанты ВЮИ ФСИН России принимают активное участие в организации и проведении научно-практических конференций, заседаний «круглого стола», правовых конкурсов (например, «Гражданином быть обязан»), лекториев. Ежегодно для выпускников школ города и области в институте проводится День открытых дверей, осуществляется выпуск пособий по обществознанию и истории Отечества, организуются подготовительные курсы.

Большое внимание в институте уделяется правовому образованию «трудных» подростков. В рамках практических занятий курсанты ВЮИ ФСИН России посещают Центр временной изоляции несовершеннолетних, а также вечернюю сменную среднюю школу № 4 и открытую (сменную) школу № 8 г. Владимира, где в рамках оказания шефской помощи организуют занятия и проводят беседы с правонарушителями, подростками с девиантным поведением по основам правовых знаний.

Таким образом, деятельность ВЮИ ФСИН России, как других вузов Федеральной службы исполнения наказаний, направлена на реализацию стратегических целей, продекларированных на Втором съезде ВПС, – повышения качества образования и его модернизации.

Библиографический список

1. Вестник Всероссийского педагогического собрания. – 2007. – Сент.
2. Устав Общероссийской общественной организации «Всероссийское педагогическое собрание». – М., 2006.

А. С. Клементьев,
заместитель начальника
факультета заочного обучения
ВЮИ ФСИН России
кандидат технических наук, доцент

ГАРАНТИИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

В соответствии с Концепцией модернизации российского образования на период до 2010 г. главная задача российской образовательной политики – обеспечение высокого качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства.

Гарантии качества образования – это многоуровневая структура, включающая государственную политику, политику вуза, квалификационные требования работодателя, мотивацию выпускника и его семьи.

Анализируя содержание понятия «качество образования», следует учитывать ряд существенных моментов. Потребителями результатов образовательного процесса выступают как сами студенты, так и их семьи, предприятия-работодатели и, наконец, общество и государство в целом, поскольку именно они будут эффективно (или неэффективно) использовать потенциал выпускников учебных заведений. В связи с этим качество образования можно определить как сбалансированное соответствие совокупности свойств и характеристик образовательного процесса, его результатов и всей системы образования установленным потребностям, целям, требованиям и нормам (стандартам), которые определяются отдельными гражданами, предприятиями и организациями, обществом и государством в целом¹.

Однако внешней оценки качества образования, как показывает мировой опыт, в настоящее время оказывается не достаточно. Требуются внутренние механизмы гарантии, обеспечиваемые самими вузами.

Сегодня системе образования осуществлен переход к комплексной оценке деятельности вузов на базе утвержденного пе-

речня показателей аккредитации, включающего, в частности, показатель эффективности внутривузовской системы обеспечения качества образования или систем управления и контроля качества².

По существу, данный показатель должен отражать наличие и эффективность системы обеспечения качества или системы гарантий качества в вузе, что напрямую обязывает образовательные учреждения приступить к созданию таких систем.

Федеральная служба по надзору в сфере образования (Рособрнадзор) считает основной гарантией качества образования вузов систему управления им.

Министерство образования и науки РФ (Минобрнауки) на протяжении трех лет осуществляет инициативный учебно-методический инновационный проект «Апробация типовой модели системы качества вуза», в котором участвуют лучшие в области систем качества высшие учебные заведения (всего более 100 вузов России.)

В 2006 г. среди вузов, прошедших процедуру комплексной оценки, только 30 % не имеют замечаний по системам качества, а во многих из них оценивать было нечего.

Анализ высокой динамики жалоб на образовательные учреждения от обучающихся в Рособрнадзор (2005 г. – 250, 2006 г. – 16000) показывает, что в тех вузах, где создана система качества, жалоб практически нет, например, на Российский университет дружбы народов не пришло ни одной жалобы.

Следует отметить, что система качества образования не является его гарантией, а выступает основой механизма управления данным процессом и в будущем по Болонскому процессу станет определять место вуза в сфере образования и науки.

По нашему мнению, Интернет-экзамен может способствовать выработке критериев оценки и измерителей внутривузовской системы качества. Вопрос о расширении блоков государственного образовательного стандарта (ГОС) (в настоящее время – СГД – социально-гуманитарные дисциплины, ОМиЕН – общематематические и естественно-научные дисциплины) будет решен в

¹ См.: Шульгин Е. А. Мы ответственны за качество образовательных услуг // Аккредитация в образовании. 2006. № 6. С. 24–30.

² См.: Распоряжение Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) от 17 июля 2006 г. № 1192-05.

2007 г., по-видимому, произойдет передача блоков СД – специальные дисциплины, ОПД – общепрофессиональные дисциплины от АСТ-центра в Росакредагенство¹.

Департамент госполитики и нормативно-правового регулирования с сфере образования Минобрнауки предложил типовую модель системы качества вуза до 2010 г. В частности, в 2007 г. вводится двухуровневая модель образования. Создается ГОС 3-го поколения. Его макет готов и будет рассмотрен в ближайшее время. Новый стандарт имеет ряд существенных отличий: компетентностный подход; приоритет работодателя; модульно-рейтинговое построение; система зачетных единиц.

В этом ГОСе предусмотрены два компонента: базовый – федеральный и вузовский – работодателя-учредителя. Вуз будет сам разрабатывать рабочие программы вузовского компонента без типовых и примерных. Качество образования станет прерогативой вуза и будет зависеть от уровня научных исследований в целях улучшения содержания образования.

Независимые общественно-профессиональные агентства по аудиту качества образования предлагали свои модели менеджмента и услуги. Лидером является ENQA – европейская ассоциация гарантий качества образования. Все эти организации выдают сертификаты стоимостью от 25 тыс. руб. до 100 тыс. долларов.

Владимирский юридический институт в силу централизованности и иерархии управления учебным процессом, ведомственной

дисциплины, наличия контроля текущей успеваемости и курсового управления хорошо адаптирован в типовую модель качества.

При этом, как показывает опыт других вузов, создать систему качества образования можно только при непосредственном и самом активном участии руководителя вуза, а главным координатором должен выступать его заместитель по учебной работе (во многих университетах есть отдельный проректор по качеству и служба качества, подчиняющаяся только ректору).

Средний срок внедрения систем управления качеством образования для вузов ведомственного сегмента – 2–3 года.

Таким образом, каждый вуз стоит перед новой задачей – организовать апробацию и адаптацию типовой модели системы качества к особенностям своей деятельности с целью успешного прохождения очередной государственной аккредитации. При этом инновационные модели качества образования не должны нарушать традиции и эффективно зарекомендовавшую себя практику деятельности и развития вуза.

Библиографический список

1. *Наводнов, В.* Интернет-экзамен в сфере профессионального образования / В. Наводнов, А. Масленников // Высш. образование в России. – 2006. – № 4. – С. 15–19.
2. *Шульгин, Е. А.* Мы ответственны за качество образовательных услуг / Е. А. Шульгин // Аккредитация в образовании. – 2006. – № 6. – С. 24–30.

С. А. Коленбет,

заместитель начальника Воронежского юридического института ФСИН России по учебной работе

Пути повышения уровня профессиональной подготовки курсантов в учебных заведениях Федеральной службы исполнения наказаний

Преобразования, произошедшие в последнее время в политической, экономи-

ческой, социальной и правовой сферах, коснулись всех сторон российского общества, в том числе и деятельности уголовно-исполнительной системы. Увеличение числа служебных задач, необходимость подготовки персонала новой формации, руководствующегося в своей работе идеями приоритета прав человека, способного сознательно и честно выполнять служебный долг, грамотно реализовывать на практике мероприятия, по ее приведению в соответствие с требованиями международных стандартов, обусловили особое внимание руководства ФСИН России к проблемам подготовки высококвалифицированных

¹ См.: *Наводнов В., Масленников А.* Интернет-экзамен в сфере профессионального образования // Высш. образование в России. 2006. № 4. С. 15–19.

кадров для уголовно-исполнительной системы. В связи с этим перед образовательными учреждениями ФСИН России остро встает вопрос о повышении уровня профессиональной подготовки курсантов и слушателей.

С 2001 по 2006 г. на базе Воронежского юридического института было проведено комплексное исследование условий, эффективно влияющих на процесс профессиональной подготовки специалистов для уголовно-исполнительной системы.

Исследованием было охвачено 1027 человек, из них: 205 преподавателей, 602 курсанта и 220 выпускников.

Среди основных задач комплексного исследования и методов, с помощью которых они решались, необходимо выделить следующие:

1. Выявление успеваемости курсантов (методы: контроль журналов, ведомостей, присутствие на занятиях).

2. Определение качества проведения учебных занятий (методы: посещение учебных занятий, анкетирование курсантов, преподавателей).

3. Анализ посещаемости библиотеки курсантами (методы: работа с библиотечными учебными карточками, анкетирование).

4. Выявление интереса к выбранной профессии (методы: тестирование, анкетирование).

5. Отношение курсантов к практике, стажировке (методы: наблюдение, контроль).

6. Выявление уровня сформированности знаний и умений к практической деятельности (методы: наблюдение, оценка результатов практики).

7. Выявление качества профессиональной адаптации выпускника (методы: анализ отзывов с места службы выпускников).

Остановимся на каждом пункте более подробно.

В ходе исследования было установлено, что успеваемость курсантов находится на низком уровне: 27 % из них учатся на «4» и «5», а остальные – на «удовлетворительно». Такое положение дел обусловлено следующими причинами: отсутствие в

библиотечном фонде учебников по специальным дисциплинам, недостаточный уровень общеобразовательной подготовленности, пропуск занятий по болезни, а также во время несения службы в суточном наряде и др.

В результате посещения учебных занятий было выявлено, что на качество обучения негативно влияют недостаточное использование технических средств обучения, компьютерной техники, отсутствие раздаточного материала, что во многом лишает преподавательский состав возможности осуществлять индивидуальный и дифференцированный подход в обучении.

Анализ формуляров курсантов показал, что в основном библиотеку курсанты посещают с целью получения учебников, учебных и учебно-методических пособий, а научная литература остается не востребованной. Данный результат нацеливает преподавателей на более активное привлечение курсантов к научной деятельности (участие в научных конференциях, диспутах, подготовка докладов, рефератов и т. д.). Кроме того, важно, чтобы в библиотеке вуза имелся читальный зал, где бы педагог-консультант мог помочь каждому курсанту в удовлетворении его самых различных научных интересов.

Изучение интереса курсантов к избранной профессии дало следующие результаты: на первом курсе он довольно стабильный, однако к моменту окончания учебного заведения желание стать сотрудником уголовно-исполнительной системы несколько снижается. Это объясняется тем, что выпускники ведомственных образовательных учреждений получают более выгодные предложения со стороны коммерческих структур.

С целью преодоления сложившейся ситуации преподавателями Воронежского юридического института был разработан педагогический комплекс профессиональной подготовки курсантов (далее: ПКППК). Основной целью ПКППК является подготовка специалиста нового типа, имеющего глубокие профессиональные знания, умения, диалектически мыслящего, высоко нравственного и дисциплинированного.

Для достижения указанной цели были решены следующие задачи:

1. Разработка структуры комплекса, совершенствующего общие системы профессионализации в вузах ФСИН России.

2. Разработка всех структурных компонентов интегрированной функциональной деятельности.

3. Создание условий для эффективной деятельности каждого структурного подразделения.

4. Составление перспективного и календарного планов деятельности в рамках ПКППК.

5. Разработка инновационных технологий преподавания учебных дисциплин с широким использованием обучающих компьютерных технологий.

6. Обновление содержания изучаемых дисциплин на основе научной глобализации информации.

7. Инновационное моделирование профессиональной практики на основе глубокой научности.

8. Разработка планов методического обеспечения в контексте современных требований.

9. Разработка плана культурно-массовых мероприятий, оказывающих влияние на воспитание и развитие обучающихся.

Важное место в процессе профессиональной подготовки курсантов занимают практические занятия. Центр по организации практики обучающихся института в течение семестра проводит практические занятия, кафедральные и межкафедральные учения для приобретения практических навыков в условиях, приближенных к реальным. В процессе прохождения практики кураторы осуществляют проверку выполнения поставленных задач, проводят семинарские занятия, групповые и индивидуальные консультации с практикантами. По завершении практики специальная комиссия характеризует и оценивает практическую деятельность курсанта.

Крайне необходимо сегодня создать интернет-компьютерный центр, фонды которого будут содержать электронные носители с текстами лекций по изучаемым дисциплинам и другой учебный материал. При-

чем доступ к нему должен быть открыт каждому курсанту.

Важным инновационным компонентом в организации ПКППК является введение в методический совет курсантов. Это – наиболее подготовленные младшие командиры учебных групп, которых выбирают советы курсов. Они имеют право на методическом совете вносить свои предложения, доводить информацию методического совета до учебных групп. Так, например, в соответствии с предложениями органов курсантского самоуправления ученым советом было принято решение поощрить курсантов за успехи в учебе, примерную служебную дисциплину, активное участие в научной и общественной жизни дополнительным каникулярным отпуском, денежной премией и внеочередным увольнением.

Внедрение ПКППК позволило повысить эффективность профессиональной подготовки будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы, о чем свидетельствуют успеваемость и характеристики, отзывы из исправительных учреждений после прохождения практики, стажировки.

Таким образом, ПКППК вносит определенный вклад в развитие системы профессиональной подготовки специалистов для пенитенциарной системы; создает условия для совершенствования социально-профессионального института уголовно-исполнительной системы и решает выдвинутые обществом задачи по повышению качества всей системы профессиональной подготовки специалистов в ведомственных образовательных учреждениях ФСИН России.

Библиографический список

1. Беспалько, В. П. Слагаемые педагогической технологии / В. П. Беспалько. – М., 1989.
2. Скок, Г. Б. Аттестация преподавателей: подготовка и проведение / Г. Б. Скок. – Новосибирск, 1993.
3. Хозяинов, Г. И. Педагогическое мастерство преподавателя / Г. И. Хозяинов. – М., 1998.

А. В. Кудрявцев,
*старший преподаватель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России,
кандидат юридических наук*
Е. В. Кудрявцева,
курсант ВЮИ ФСИН России

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ КУРСАНТОВ В ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ

Формирование правовой культуры общества определяется множеством факторов и предпосылок социального, экономического, политического, национального, геополитического, исторического и иного порядка. Правовая культура – емкое понятие, значение которого определяется границами нормативного воздействия права на общественные отношения, складывающиеся в различных сферах социальной жизни. Являясь составной частью общечеловеческой культуры, она представляет собой результат этого воздействия, ориентир и цель.

«Культура» – одно из тех слов, которые используются и в практическом, и научном обиходе. Это объясняется тем, что оно имеет богатую языковую историю и применяется для обозначения сложных понятий в разных научных дисциплинах. Многообразие определений культуры свидетельствует о многоаспектности данного явления. Каждое из них сосредотачивается на какой-то одной ее стороне или качестве¹.

В русском языке оно впервые встречается в Карманном словаре иностранных слов, изданном Н. Кирилловым в 1845 г. В 60-х гг. XIX в. появляется уже во многих словарях русского языка, а в 1880-х и позже получает широкое распространение с тем же набором значений, что и в западноевропейских языках.

Согласно Толковому словарю В. Даля «культура – это обработка и уход, возделывание, умственное и нравственное; говорят

даже культивировать вместо обрабатывать, возделывать, образовывать»².

В современных европейских языках можно выделить четыре основных значения слова «культура»:

– абстрактное обозначение общего процесса интеллектуального, духовного, эстетического развития;

– обозначение состояния общества, основанного на праве, порядке, мягкости нравов и т. д.; в этом смысле слово «культура» совпадает с одним из значений слова «цивилизация»;

– абстрактное указание на особенности способа существования или образа жизни, свойственных какому-то обществу, какой-то группе людей, какому-то историческому периоду;

– абстрактное обозначение форм и продуктов интеллектуальной, и прежде всего художественной, деятельности³.

Разнообразие подходов к определению понятия «культура» привело к тому, что в современной науке посредством категории «правовая культура» обозначается комплекс сложных социальных явлений, в которых отражаются различные аспекты политико-правовой жизни общества и государства. Правовая культура является одной из форм социальной культуры наряду с политической, экономической, религиозной, этической, эстетической и др.

В правовой культуре выделяют – индивидуальную правовую культуру (культуру отдельного человека) и правовую культуру группы людей (коллектива) или всего общества.

Следует отметить, что в научной литературе весьма часто понятия «культура» и «личность» рассматриваются в неразрывном единстве. Характерно, что сходных позиций придерживаются представители различных наук: культурологии, социологии, психологии. Так, по мнению Я. Щепаньского, «личная культура индивида – это совокупность его личных образцов поведения, его методов деятельности, продуктов

¹ См.: Бондуровский В. В. Формирование правовой культуры курсантов и слушателей государственных образовательных учреждений пожарной безопасности МВД России: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 51.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1979 Т. 2.

³ См.: Ионин Л. Т. Социология культуры. М., 1996. С. 11.

этой деятельности, его идей и мыслей»¹. Аналогичную позицию занимает В. С. Библер, понимающий личность «как некую регулятивную идею бытия индивида в культуре, как идею обретения духовного мира»².

Современная психология рассматривает человека в качестве субъекта деятельности, а также совокупности характеристик, которые описывают его со стороны поведения, включая знания, умения, навыки, мастерство, индивидуальное знание деятельности, креативность и саму его деятельность. Индивидуальная культура представляет собой ценность в той мере, в какой позволяет людям пользоваться благами свободы и справедливости.

Как считает В. В. Лазарев, культура служит обеспечению достоинства личности, участвует в достижении им высокого уровня жизни³. Это утверждение соответствует общепризнанному в философии мнению, что культура – это, прежде всего, система выработанных способов общественно-целесообразной деятельности людей, а также продукты этой деятельности, обладающие позитивно-ценностной значимостью для общественного прогрессивно-гуманистического развития⁴.

Таким образом, правокультурная личность характеризуется правовой активностью по отношению к социальной среде и на этом основании определенной автономностью, независимостью от нее, что предполагает высокий уровень общей и нравственной культуры, на которых и основывается правовая культура индивида.

Под правовой культурой личности будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы понимаются обусловленные правовой культурой общества степень и характер прогрессивно-правового развития личности специалиста, выражающиеся в компетентной осознанной правомерной деятельности по выполнению общих (гра-

жданских) и специальных (определяемых спецификой службы) функций в служебно-правовой сфере. С учетом вышеизложенного правовая культура указанных субъектов характеризуется знанием права, пониманием его сущности и принципов, признанием ценностных свойств и качеств; знанием законодательства; уважением к праву, убежденностью в справедливости его главных идей; юридической ответственностью, уважением к правам и свободам граждан; привычкой соблюдать закон; автономностью и активностью в служебно-правовой сфере; способностью обеспечить реализацию требований права в соответствии с его смыслом и целями.

Особое место в решении задач, связанных с организацией и управлением подготовкой курсантов к службе, занимают учреждения профессионального образования уголовно-исполнительной системы. Их главная цель – подготовить специалистов, обладающих необходимыми профессиональными качествами, что, безусловно, предполагает формирование профессионально-правовой культуры личности обучающихся, т. е. их правовых качеств.

Будущие сотрудники пенитенциарной системы должны в своей профессиональной деятельности ориентироваться на потребности и правовые интересы человека, общества, государства.

Представляется, что к основным правовым качествам относятся следующие:

- знание и понимание права (в том числе нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность учреждений и органов, исполняющих наказания);
- владение навыками и умениями решать служебные задачи;
- способность самостоятельно принимать правовые решения в пределах ответственной компетенции и правового статуса;
- уважение к праву как системе нормативных установок, основанных на идеях справедливости и свободы;
- уважение к правам, свободам, обязанностям граждан;
- юридическая ответственность, включающая постоянную внутреннюю готовность к исполнению служебных обязанностей и полномочий;

¹ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 44.

² Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. М., 1991. С. 192.

³ См.: Лазарев В. В. Общая теория права. М., 1995. С. 201.

⁴ См.: Шинкарук Е. И., Яценко А. И. Гуманизм диалектико-материалистического мировоззрения. Киев, 1984. С. 183–184.

– активная правовая деятельность по оказанию юридической помощи гражданам и правовому самосовершенствованию.

Следует также согласиться с мнением В. В. Бондуrowsкого, что сам учебно-воспитательный процесс зависит от множества сопутствующих и препятствующих достижению целей факторов, которые необходимо учитывать при формировании кадров, поскольку они (факторы) во многом определяют успешность правового обучения и воспитания. Такими факторами могут быть: состояние кадров постоянного состава (его профессионально-правовая культура); действующая в учреждении профобразования система служебно-правовых отношений; состояние законности в учебном заведении, правопсихологический климат в учебно-строевом подразделении, учебной группе; профессиональные традиции; система отбора кандидатов на учебу; система и уровень правового обучения и воспитания; нормативно-правовое и организационно-материальное обеспечение повседневной деятельности и др.¹

Особую роль в формировании правовой культуры курсантов, безусловно, играет профессорско-преподавательский состав, который выполняет задачи по квалифицированному правовому обучению личного состава решению служебно-правовых задач, систематизации юридических знаний, совер-

шенствованию навыков и умений профессионального правомерного поведения. Кроме того, преподаватели участвуют в проведении правовоспитательной работы во внеучебное время, привлекают обучающихся к научно-исследовательской работе т. д.

При этом следует отметить, что заключительной стадией в процессе формирования профессионально-правовых качеств курсантов далеко не всегда является момент окончания образовательного учреждения. Скорее всего цель следует считать достигнутой в том случае, если выпускник и в дальнейшем будет испытывать устойчивый интерес и потребность в постоянном совершенствовании полученных им юридических знаний и стремиться строить свою профессиональную деятельность в соответствии с принципами и идеями права, требованиями законов.

Библиографический список

1. Бондуrowsкий, В. В. Формирование правовой культуры курсантов и слушателей государственных образовательных учреждений пожарной безопасности МВД России : дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1999.
2. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры / В. С. Библер. – М., 1991.
3. Ионин, Л. Т. Социология культуры / Л. Т. Ионин. – М., 1996.

А. В. Кудрявцев,
*старший преподаватель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России,
кандидат юридических наук*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ КАФЕДРЫ Организации оперативной работы ВЮИ ФСИН России)

Одной из основных задач, решаемых профессорско-преподавательским составом кафедры организации оперативной работы ВЮИ ФСИН России при проведении учеб-

ных занятий, является формирование у курсантов и слушателей практических навыков осуществления ОРД в исправительных учреждениях. Не случайно еще в XX в. о значении практической направленности образования говорил великий русский ученый Д. И. Менделеев. «Русское образование, – подчеркивал он, – должно быть жизненным и реальным». Необходимость практической направленности образования и воспитания он объяснял государственной и общественной потребностью, определяемой временем, всем ходом мирового развития². В научной литературе ведущим,

¹ См.: Бондуrowsкий В. В. Указ. соч. С. 118.

² См.: Менделеев Д. И. О направлении русского просвещения и необходимости подготовки учителей // Антология по истории педагогики в России (первая половина XX века) / Сост.: А. В. Овчинников, А. Н. Беленчук, С. В. Лыков. М., 2000.

стержневым принципом государственной службы признается принцип профессионализма и компетентности¹.

Профессионализм предполагает прежде всего знание особенностей соответствующей управляемой сферы². Отметим, что юридические знания необходимы для правового обеспечения любой отрасли управления. Кроме знания профессионализм предполагает владение практическими навыками³. В научной литературе встречается и более широкое толкование профессионализма, где компетентность рассматривается как его составная часть⁴. Однако существует и прямо противоположное мнение, согласно которому профессионализм выступает составной частью компетенции⁵.

Формирование же профессиональных умений, навыков и качеств начинается в период обучения в вузе⁶. Именно поэтому особую актуальность приобретают использование опыта оперативных подразделений и проведение практических занятий в условиях так называемых естественных полигонов как возможности соединения в учебном процессе теоретических знаний с практикой.

В связи с этим реализация указанного элемента педагогической деятельности организуется по следующим направлениям.

1. Использование передового опыта оперативных подразделений при подготовке учебно-методической и научной литературы.

Данная задача решается путем целенаправленного изучения и обобщения со-

трудниками кафедры организации оперативной работы результатов работы оперативных подразделений как центрального аппарата России, так и ряда территориальных органов ФСИН, а также непосредственно исправительных учреждений. Итогом данного процесса является подготовка и издание научной и учебно-методической литературы по ряду направлений деятельности оперативных подразделений ФСИН.

2. Участие действующих сотрудников оперативных подразделений в проведении практических занятий.

К проведению занятий с курсантами и слушателями целесообразно привлекать сотрудников, обладающих достаточным опытом работы в оперативных подразделениях мест лишения свободы, имеющих соответствующий образовательный уровень. Весьма важным при этом является дифференцированный подход, который заключается в учете специализации привлекаемых сотрудников и наличия у них соответствующих знаний по той или иной тематике.

Кафедрой организации оперативной работы ВЮИ ФСИН России налажены прочные деловые контакты со всеми структурными подразделениями оперативного управления УФСИН России по Владимирской области.

Возможность привлечения сотрудников оперативных подразделений ФСИН к проведению занятий значительно увеличивается за счет факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации ВЮИ ФСИН России, где обучаются слушатели из 86 регионов страны, имеющие высокий профессиональный уровень.

Обучение на факультете представителей оперативных подразделений различных уровней и регионов позволяет проводить сотрудникам кафедры организации оперативной работы, используя научные методы: анкетирование, интервьюирование, тестирование, социологические опросы и др., исследования по различным проблемам осуществления ОРД в уголовно-исполнительной системе, что способствует неуклонному росту научного потенциала профессорско-преподавательского состава. Широкая география участников курсов переподготовки обеспечивает репрезентативность научных исследований.

¹ См., напр.: *Сергун П. П.* Служба в органах внутренних дел: Справ. М., 1997. С. 22.

² См.: *Габричидзе Б. Н., Колонд В. М.* Принцип профессионализма в государственной службе // *Государство и право.* 1995. № 12. С. 19.

³ См.: *Старилов Ю. Н.* Государственная служба в Российской Федерации: Теоретико-правовое исследование. Воронеж, 1996. С. 96.

⁴ См.: *Бахрах Д. Н.* Административное право: Учеб. М., 1993. С. 105.

⁵ См.: *Дырда С. Г.* Организация работы с руководящими кадрами ОВД: Учеб. пособие. Минск, 1993. С. 23.

⁶ См.: *Тюгаева Н. А.* Формирование профессиональных умений и навыков у курсантов и слушателей образовательных учреждений Минюста России // *Актуальные проблемы и перспективы формирования профессиональных навыков в процессе подготовки сотрудников органов юстиции: Материалы XIII учеб.-метод. сборов профессор.-преподават. состава / ВЮИ Минюста России. Владимир, 2003. С. 17.*

Кроме участия в практических занятиях сотрудники оперативных подразделений систематически привлекаются в качестве посредников-консультантов к проведению комплексных учений, ежегодно осуществляемых с курсантами института.

Следует отметить, что практические сотрудники всегда охотно откликаются на предложения участвовать в проведении тех или иных занятий с курсантами. И в этом – большая заслуга руководства института, кафедры, регулярно ходатайствующих перед администрацией органов и учреждений ФСИН о поощрении практических сотрудников, принимающих активное участие в проведении занятий.

3. Организация учебных занятий на базе естественных полигонов.

В качестве естественных полигонов выступают ряд исправительных учреждений Владимирской области. Занятия, проводимые на их базе, представляют особую ценность, так как у курсантов появляется непосредственная возможность познакомиться с особенностями деятельности оперативных подразделений исправительных учреждений, делопроизводством в их работе.

После проведения таких занятий интерес к изучению теоретической части дисциплины у курсантов значительно повышается. Ведь около 90 % курсантов, обучающихся в вузе, – вчерашние школьники, и возможность непосредственного участия в деятельности оперативных подразделений исправительных учреждений является для них значительным стимулом в изучении ОРД.

Е. Б. Кузьмина,
преподаватель кафедры
профессиональной языковой подготовки
ВЮИ ФСИН России

ИНВЕКТИВНАЯ ЛЕКСИКА КАК ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Преобладание в современном российском обществе материальных ценностей над духовными, снижение уровня нравственной культуры общества, рост преступности (как следствие этих процессов) при-

4. Стажировка профессорско-преподавательского состава кафедры в должностях сотрудников различных оперативных подразделений органов и учреждений ФСИН.

В соответствии с законодательством ежегодно сотрудники кафедры организации оперативной работы проходят стажировку в практических органах ФСИН с целью повышения своего профессионального мастерства, изучения и обобщения передового опыта работы. Это позволяет своевременно знакомиться с передовым опытом деятельности оперативных подразделений с последующим его использованием в учебном процессе.

В заключение следует отметить, что вышеперечисленные направления педагогической деятельности, без сомнения, является действенным инструментом повышения эффективности изучения курсантами и слушателями такой специфичной дисциплины, какой является ОРД.

Библиографический список

1. Дырда, С. Г. Организация работы с руководящими кадрами ОВД : учеб. пособие / С. Г. Дырда. – Минск, 1993.

2. Тюгаева, Н. А. Формирование профессиональных умений и навыков у курсантов и слушателей образовательных учреждений Минюста России / Н. А. Тюгаева // Актуальные проблемы и перспективы формирования профессиональных навыков в процессе подготовки сотрудников юстиции : материалы XIII учеб.-метод. сборов профессор.-преподават. состава / Владим. юрид. ин-т. – Владимир, 2003.

вели к тому, что практически все слои населения, включая властные государственные структуры, поражены сегодня вирусом сквернословия, под которым понимается употребление неприличных, непристойных слов, выражений; брань, ругань¹.

В телевизионных передачах, кинофильмах, на страницах газет и журналов употребляется лексика, находящаяся далеко за пределами великого русского литературно-

¹ См.: Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2001.

го языка. Это и жаргонно-арготическая лексика (ее, кстати, в многочисленных телесериалах употребляют не только представители криминальных структур, но и работники правоохранительных органов), и нецензурные выражения, иногда ханжески скрытые в некоторых ток-шоу под звуком «пи». Самое опасное в этой проблеме – преступное равнодушие со стороны общества к данным процессам, уродующим русский язык. Уходят в небытие, забываются красивые звучные русские слова, а их место занимает грубая нелитературная лексика, основу которой составляют агрессивные слова со значением «убить», «огрбить», «изнасиловать» и т. п.¹ Сегодня для обозначения подобных слов употребляется термин «обценная лексика» (от англ. *obscen* – непристойный, непотребный, неприличный, грязный).

Как шутит один из ведущих на «Русском радио», мы матом не ругаемся, мы на нем разговариваем. Только смешного в этой шутке, увы, мало. «Мат пронизывает все русское общество по вертикали и по горизонтали, формирует нашу среду обитания: его мы слышим везде»². Во многих исследованиях, посвященных нецензурной лексике, утверждается, что необходимо выработать спокойное отношение к матерным словам и выражениям, так как «русская бранная лексика, по существу, уже допущена в художественную литературу, проникла в нашу печать, в поэзию и в прозу тоже»³. Но следует ли воспринимать этот факт как беспрепятственный пропуск мату в литературный язык?

Вопрос о происхождении нецензурной лексики породил множество гипотез. Еще З. Фрейд установил, что у первобытных народов отношение к теме рождения и оплодотворения было иным, чем у цивилизованных, – оплодотворение почиталось свя-

щеннодействием. Следовательно, лексика, относящаяся к данной сфере, должна была носить не непристойный, а, напротив, сакральный характер. Именно это показал на древнерусском материале советский исследователь Б. А. Успенский. Он возвел русский мат к дохристианскому культу плодородия, сельскохозяйственным ритуалам. Понятно, что с утверждением на Руси христианства этот пласт культуры должен был стать греховным и потаенным⁴. Лексика превратилась в бранную и обценную, хотя продолжала существовать в русском языке. Христианская церковь, ожесточенно воевавшая против древних языческих верований, называла мат «жидовским словом» и всячески подчеркивала антихристианский характер мата. Можно сколько угодно утверждать, что первоначально мат – вовсе не сквернословие (также по одной из версий), а чуть ли не молитва, ключевая формула которой обращена к древнему божественному началу – Великой Матери. Ясно одно: долгая история мата слишком отягощена дурными напластованиями, искажениями смыслов (так ствол дерева, дававший некогда жизнь, превращается в смертоносную дубину). Сейчас матерные выражения являются тяжкими оскорблениями (особенно в адрес женщины), вызывают обиду, агрессию⁵.

Особенно настораживает то, что подобными словами пестрит речь подростков и молодежи. Взрослое сообщество в один голос утверждает, что сегодняшние подростки, как никогда, социально опасны, агрессивны, криминализированы. Причем эта оценка распространяется не только на мальчиков, но и на девочек, которые по природе своей, казалось бы, должны быть мягче, добрее, терпимее. Конечно, следует принять во внимание, что на рубеже тысячелетий в нашей стране произошло своеобразное наложение общемировой тенденции женской эмансипации на негативные последствия собственной социокультурной трансформации, в результате чего изменились женские паттерны полоролевой социализации. Сегодня девушкам с раннего

¹ См.: Грачев М. А. Жаргонизация русской речи: размывание нормы и трансформация сознания современного человека // INTER-CULTUR@L-NET. Вып. 2. Владимир, 2003. С. 10–11.

² Новая газ. 1998. 25 дек.

³ Илюшин А. А. О русской «фривольной» поэзии XVIII–XIX вв. // «Летите, грусти и печали...». Неподцензурная русская поэзия XVIII–XIX вв. М., 1992. С. 10–11.

⁴ Ермакова А. Русский мат как феномен культуры // Высш. образование в России. 2001. № 3. С. 104–112.

⁵ См.: там же.

возраста прививаются многие свойства, традиционно присущие воспитанию мальчиков: рациональность, прагматизм, инициативность¹.

В последнее время вырос уровень женской агрессии. Эмпирическое исследование гендерной специфики в агрессии современных подростков (опрос 2001–2002 гг.) показало, что для девочек агрессия характерна примерно в той же степени, как и для их ровесников-мальчиков. Девочки оказались даже в 1,5 раза более раздражительными, чем мальчики.

Специальный анализ средств вербальной агрессии показал, что инвективное поле (унизительные сравнения, обзывания, саркастические замечания, нецензурная лексика) в целом шире и богаче у девочек, чем у мальчиков. Девочки уступают им лишь в частоте употребления ненормативных слов, но не в их выразительности, которая достигается за счет более высокой аффективности, а также рельефного контраста между внешней привлекательностью девушки и отборным матом, к которому она прибегает не только в состоянии раздражительности, гнева, но и в коммуникациях, протекающих в обычном (неконфликтном) психоэмоциональном режиме². А ведь это будущие мамы, которые через несколько лет станут воспитывать своих детей – новое поколение косноязыких сквернословов.

Проблема заключается не только в неумении говорить грамотным русским языком, она гораздо глубже. Язык – это прежде всего фактор, через который выражается духовность народа в целом и конкретного человека, в частности. Если в речи человека преобладают оскорбительные слова по отношению к женщине, нецензурная брань, изощренное глумление над общечеловеческими ценностями (милосердием, гуманностью и т. п.), унижающие человеческое достоинство высказывания, то можно сказать, что у этого человека нет ничего святого. Индивидуальный словар-

ный запас личности точно может отразить ее внутренний мир³.

Известно, что формирование человека как биосоциального существа стало возможным только благодаря развитию речи, поскольку слово как раздражитель нервной системы занимает среди других раздражителей особое место, обозначенное физиологом И. П. Павловым как «вторая сигнальная система». В статье «Условный рефлекс» он писал: «Психическая деятельность есть результат физиологической деятельности определенной массы головного мозга»⁴. Таким образом, без осмысленной речи (сознание – функция коры головного мозга) невозможно развитие и становление человека как личности.

Однако не любое слово благотворно для человека. Каждое слово, которое он говорит или слышит, несет конкретную смысловую нагрузку и раздражает определенные отделы нервной системы⁵. Отсюда следует, что слова объективно могут быть социально опасными и безопасными, полезными и вредными. Особенно опасны слова, грубо обозначающие половые органы и половые отношения, выражающие оскорбление в адрес женщины, матери. Понятно, что речь идет о нецензурных (матерных) выражениях. Перераздражая половой центр, расположенный в пояснично-крестцовом отделе спинного мозга, создавая именно там господствующий центр (доминанту), этот «словарный букет» по закону доминанты ослабляет работу других, более высоких, центров головного мозга, подчиняя себе их энергию⁶. Следовательно, подобная лексика не только тормозит, но и извращает развитие ребенка, делает его потенциальным слабоуспевающим общеобразовательных учреждений, а возможно, и будущим правонарушителем в

¹ Завражин С. А. Речь современных девочек-подростков как показатель деструктивных изменений в молодежной среде // INTER-CULTUR@L-NET». Вып. 2. Владимир, 2003. С. 11–13.

² См.: там же.

³ Пирожков В. Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь, 1994. С. 147–163.

⁴ Павлов И. П. Мозг и психика: Избр. психич. тр. / Под ред. М. Г. Ярошевского. М., 1996. С. 242.

⁵ Тверская С. С. Русские пословицы о социальной безопасности речи // Психология притеснения: обидчики и обиженные: Материалы 3-й Всерос. науч.-практ. конф. М.; Коломна, 2003. С. 192–193.

⁶ См.: там же.

силу неустойчивости представлений о морали и нравственности.

Таким образом, индивидуальный словарный запас влияет на формирование личности человека и проблема сквернословия – проблема не только языковая, но и общенациональная, поскольку речь идет о воспитании подрастающего поколения – новых граждан России.

Все подобные исследования данной темы заканчиваются призывами к борьбе с косноязычием и сквернословием. И это правильно. Однако, на наш взгляд, необходимо сначала определить причины этого явления (а они и языковые, и психологические, и социальные) и начать бороться с ними, а не с самим сквернословием. Чтобы устранить болезнь, нужно определить ее истоки. А значит, данная про-

Н. Н. Невский,

*начальник кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
ВЮИ ФСИН России*

кандидат юридических наук

ОСНОВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОВД ЛИЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В настоящее время преступность в России вызывает серьезные опасения. Она стала более агрессивной, изощренной, технически оснащенной, также высок уровень бытового насилия и посягательств на собственность.

Отрицательное влияние на криминальную ситуацию оказывает деятельность экстремистских сил, влекущих нарушение общественного порядка и вовлечение в противоправную деятельность неформальных молодежных организаций. В этих условиях возрастают требования к профессиональной безопасности сотрудников.

Создание необходимого уровня защищенности – процесс сложный и многоплановый, во многом зависящий от деятельности системы МВД в целом. Профессиональная защищенность – одна из интегративных характеристик условий деятельности сотрудника. Профессиональная безопасность сотрудников непосредственно

связана с реальной степенью профессионального риска.

Библиографический список

1. *Грачев, М. А.* Жаргонизация русской речи: размывание нормы и трансформация сознания современного человека / М. А. Грачев // INTER-CULTUR@L-NET. Вып. 2. – Владимир, 2003.

2. *Завражин, С. А.* Речь современных девочек-подростков как показатель деструктивных изменений в молодежной среде / С. А. Завражин // INTER-CULTUR@L-NET». Вып. 2. – Владимир, 2003.

3. *Павлов, И. П.* Мозг и психика: избранные психические труды / И. П. Павлов ; под ред. М. Г. Ярошевского. – М., 1996.

связана с реальной степенью профессионального риска.

Существует несколько видов профессионального риска:

– риск материального свойства, т. е. утеря каких-либо, в том числе личных, материальных ценностей в связи с профессиональной деятельностью (например, поджог здания РОВД или квартиры сотрудника);

– профессионально-нравственный, подразумевающий угрозы, шантаж, провокации или втягивание в незаконные связи, организуемые криминальными элементами, что может привести к нарушению закона, этических норм или снижению эффективности, а иногда и прекращению профессиональной деятельности;

– психологический, т. е. возможность получения психологических травм, дестабилизации личности под влиянием стрессов и эмоциональных перегрузок, связанных с профессиональной деятельностью;

– физический, т. е. опасность для жизни и здоровья, связанная с профессиональной деятельностью. В. Балашов, начальник департамента собственной безопасности МВД России, отметил, что за 9 месяцев 2006 г. в России при исполнении служебных обязанностей погибли 425 сотрудников ОВД, 451 получил ранение¹. В США

¹ См.: <http://www.mvdinform.ru/>.

каждый год погибает около 160 полицейских, в Германии – 2–3 представителя правоохранительных органов. Мнение о том, что профессия сотрудника правоохранительных органов рискованная и опасная, особых доказательств не требует.

Важную роль в обеспечении личной безопасности играет педагогический компонент. Мы согласны с мнением Ю. В. Чуфаровского, что «... обеспечение собственной безопасности правоохранительных органов – это комплекс правовых, административных, оперативно-розыскных, технических, профилактических, идейно-воспитательных и иных мер, направленных на создание и соблюдение в этих органах режима безопасности в целях надежной их защиты, локализации и пресечения противоправной деятельности»¹.

Однако меры правового, материально-технического, управленческого характера будут малоэффективны без собственной сознательной и грамотной деятельности сотрудника по обеспечению личной безопасности, заключающейся в повышении своего профессионального уровня, активном осмыслении личного профессионального опыта и опыта своих коллег. Кроме того, требуются особые усилия по специальному изучению стратегии, тактики и методов обеспечения личной безопасности и безопасности своих коллег и подчиненных, особенно, если речь идет о выполнении служебных задач в экстремальных условиях. При этом необходимо не только освоение таких знаний, но и формирование установки на их постоянную реализацию в ходе служебной деятельности.

Следует отметить, что защищенность и безопасность находятся также в сложной диалектической взаимосвязи. Наличие в системе профессионального обучения специального направления – «педагогика личной безопасности» – является реальной возможностью получения соответствующих знаний, умений и навыков, которые повышают уровень профессиональной защищенности сотрудника и способствуют

обеспечению личной безопасности. Сотрудник, владеющий стратегией, тактикой и приемами обеспечения безопасности (особенно руководитель), способен обеспечить более высокий уровень социально-психологической, физической защищенности своих коллег.

Таким образом, сотрудник ОВД должен уметь:

- анализировать социально-экономические условия осуществления правоохранительной деятельности и определять факторы, влияющие на уровень профессиональной защищенности и личной безопасности личного состава ОВД;

- выявлять и анализировать факторы и условия профессиональной деятельности, определяющие реальный уровень профессионального риска сотрудников;

- определять реальные возможности системы ОВД и ее отдельных структур в повышении степени профессиональной защищенности и обеспечении возможной профессиональной безопасности сотрудников;

- формулировать предложения в соответствующие государственные органы и вышестоящие ведомственные структуры МВД, направленные на повышение уровня защищенности и безопасности сотрудников;

- осуществлять результативные контакты с государственными органами (в том числе с правоохранительными органами), общественными и частными организациями и объединениями, средствами массовой информации, населением с целью обеспечения более высокого уровня профессиональной защищенности и безопасности сотрудников;

- мобилизовывать имеющиеся экономические и материально-технические возможности для повышения уровня профессиональной защищенности и безопасности сотрудников;

- принимать специальные управленческие решения, направленные на повышение уровня профессиональной защищенности и безопасности;

- учитывать фактор безопасности при принятии всего комплекса управленческих решений и оценке деятельности сотрудников;

- включать в систему работы с личным составом ОВД самостоятельное направление

¹ Чуфаровский Ю. В. Психологические основы обеспечения безопасности сотрудников правоохранительных органов: Учеб.-метод. пособие. М., 2003. С. 27.

ние деятельности по повышению уровня профессиональной защищенности и безопасности сотрудников;

- организовать обучение сотрудников стратегии, тактике и методам обеспечения личной безопасности. Кроме того, каждый сотрудник должен владеть тактикой и методами обеспечения личной профессиональной безопасности.

Таким образом, педагогика личной безопасности включает:

- обучение менеджменту безопасности, т. е. специальной отрасли управленческой деятельности, направленной на достижение реально возможного уровня профессиональной защищенности и безопасности сотрудников;

- обучение тактике и методам обеспечения личной профессиональной безопасности в процессе служебной деятельности или в ситуациях, связанных с такой деятельностью.

Такое обучение, естественно, не может ограничиться только специальными курсами по менеджменту или тактике безопасности, хотя подобные курсы необходимы. Сотрудник ОВД, особенно руководитель, должен обладать знаниями в сфере социально-экономических наук, юриспруденции, общей, социальной и юридической психологии, теории и практики управления, социальной и профессиональной педагогики, кадровой работы, криминологии, криминалистики, информатики, оперативно-разыскной и следственной работы. Необходимо также соответствующая боевая и физическая подготовка.

Уровень требований к таким знаниям, умениям и навыкам у различных категорий сотрудников по обеспечению профессиональной защищенности и безопасности будет различен. Например, командиру подразделения патрульно-постовой службы вряд ли нужны юридические знания в том объеме, чтобы формулировать предложения по проблемам безопасности в проекты законов и ведомственных нормативных актов, что в настоящее время требуется от начальника УВД. Однако командир подразделения должен лучше начальника УВД владеть тактикой и методами обеспечения личной безопасности и безопасности своих подчиненных при решении специфических

для патрульно-постовой службы милиции служебных задач.

Основными составляющими обучения сотрудников ОВД личной безопасности в процессе их профессиональной подготовки являются:

1. При подготовке руководителей:

- специальный курс «Менеджмент безопасности», учитывающий особенности управленческой деятельности данной категории руководителей;

- включение в соответствующие учебные дисциплины отдельных тем по правовым, социальным, материально-техническим, психологическим или иным вопросам обеспечения профессиональной защищенности и безопасности сотрудников;

- специальный курс «Тактика и методы обеспечения личной профессиональной безопасности руководителя» с учетом специфики деятельности службы или специалиста (участковый уполномоченный, инспектор подразделения по делам несовершеннолетних и т. д.).

2. При подготовке рядового и младшего начальствующего состава:

- специальный курс «Тактика и методы обеспечения личной профессиональной безопасности» с учетом особенностей выполняемых служебных задач;

- включение ряда вопросов обеспечения личной безопасности в другие учебные курсы, прежде всего, боевой и физической подготовки.

3. При переподготовке и повышении квалификации руководящего состава и специалистов системы МВД наиболее продуктивно сочетание отдельных тем, посвященных вопросам обеспечения профессиональной защищенности и безопасности в различных учебных дисциплинах, с кратким целевым курсом, рассматривающим вопросы тактики и методов обеспечения личной профессиональной безопасности данной категории обучаемых.

4. В системе служебной подготовки практических работников целесообразно проведение отдельных занятий по проблеме обеспечения личной безопасности в сочетании с рассмотрением этой проблемы в контексте всех подходящих по тематике занятий в качестве отдельного вопроса.

Необходимо отметить, что при подготовке, переподготовке, повышении квалификации преподавателей образовательных учреждений МВД России, ФСИН России и практических работников, проводящих занятия в системе служебной подготовки, необходим специальный курс «Методика подготовки и проведения занятий по проблеме обеспечения личной профессиональной безопасности сотрудников ОВД».

А. В. Подстрахова,
заведующая кафедрой
профессиональной языковой подготовки
ВЮИ ФСИН России
кандидат филологических наук, доцент

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Язык – это тюрьма, из которой нам никогда не удастся сбежать. Язык – это очки, без которых нам никогда не разглядеть окружающий мир. Язык – слуга и господин. Язык – наш друг и враг одновременно.

М. Кронгауз

В традициях отечественного высшего юридического образования языковой подготовке всегда отводилось важное место. Высокий уровень владения родным и иностранными языками был и остается не только показателем общей культуры, но и собственно профессиональной компетенции юриста.

В России сложилась практика коммуникативно-направленного и профессионально ориентированного преподавания языков. Формируемые в вузе языковые умения и навыки должны позволить будущим юристам широко использовать родной и иностранные языки в своей профессиональной деятельности, возможной научной работе, повседневном и деловом общении с носителями других языков и культур.

Кроме того, в ходе языковой подготовки собственно учебные задачи гармонично сочетаются с процессом воспитания личности будущего юриста. Знакомясь с языками и культурой других народов, человек учится лучше понимать ценности своей национальной культуры и родного языка, уважи-

Библиографический список

1. *Невский, Н. Н.* Социально-психологическая работа с кадрами – актуальное направление повышения эффективности управления в ОВД / Н. Н. Невский, И. Н. Кудряшов // Юрид. вестн. – 2005. – № 1 (2).

2. *Чуфаровский, Ю. В.* Психологические основы обеспечения безопасности сотрудников правоохранительных органов : учеб.-метод. пособие / Ю. В. Чуфаровский. – М., 2003.

тельно относиться к культурно-языковому многообразию мира. Вклад языковых дисциплин в формирование разносторонней личности состоит также и в развитии навыков успешной повседневной и профессионально-деловой коммуникации, в частности: устанавливать контакт с собеседником, вести диалог, понимать и принимать точку зрения собеседника, корректно выразить собственную позицию. На уроках родного и иностранного языков курсанты и студенты приобретают навыки работы с текстом: найти, осмыслить, преобразовать необходимую информацию из разнообразных источников, устно и письменно представить результаты работы с текстом, дать критическую оценку полученной информации и т. д.

Однако следует признать, что глобальные изменения, происходящие во всех областях жизни мирового сообщества и каждого конкретного государства, не могут не влиять на цели и задачи высшего образования, в том числе гуманитарного, и еще более конкретно – языкового. Не будет преувеличением сказать, что вопросы языковой политики, как никогда прежде, находятся в центре общественного внимания. Объявление Президентом РФ В. В. Путиным 2007 года Годом русского языка оживило широкую общественную дискуссию по вопросам языковой политики и языкового образования.

В связи с этим попытаемся:

- определить факторы, влияющие сегодня на языковую подготовку в вузе;
- кратко охарактеризовать состояние современного русского языка и культуры речи;
- сформулировать и вынести на обсуждение коллег возможные рекомендации по повышению эффективности преподавания

языков с позиций неразрывной связи учебного и воспитательного процессов.

Важнейшим фактором, определяющим в настоящее время общемировое развитие, является глобализация. Выделяют противоположные по смыслу характеристики этого многомерного и, как считают специалисты, необратимого и объективно действующего процесса. Глобализация выступает системным фактором, меняющим все параметры социальных институтов и ценностей общества. Это жестокая реальность, альтернативы которой нет. Но есть возможность отбора ее конструктивных форм и структур.

Существуют две противоположные стратегии развития глобализации – стремление к насильственному, агрессивному, преступному *захвату* места в мире и стремление к *объединению* на основе общечеловеческих ценностей, справедливого и ненасильственного решения проблем. Вторая стратегия – это стратегия гуманизма, сотрудничества, взаимообогащения языков и культур. Перспективы высшего образования расположены именно в ее рамках. Перед лицом грозящих опасностей человечество вынуждено будет пойти по пути гуманистического миропонимания и мирозерцания.

Уже сегодня проявления глобализации в образовании многообразны и неоднозначны: дистанционное обучение на базе Интернета, виртуальные и корпоративные университеты, транснациональные учебные центры, невиданная ранее мобильность мирового рынка образовательных услуг.

Установлено, что глобализация чрезвычайно ускоряет все процессы, в том числе и смену знаний. Ежегодно обновляется 5 % теоретических и 20 % практических знаний. Стало возможным говорить о «периоде полураспада профессиональной компетенции специалиста»¹, под которым подразумевается продолжительность времени с момента окончания вуза, когда под влиянием новой информации и новых задач компетентность специалиста без переподготовки снижается на 50 %. Для инженеров этот период равен 5 годам, для гуманитариев – несколько больше, 8–10 годам.

Таким образом, необходимость образования в течение всей жизни (*life-long education*) обусловлена самой жизнью.

Следует, однако, отметить, что устаревание *знаний* не означает одновременного устаревания полученных в вузе *навыков* эффективной коммуникации и самообразования, включая навыки самостоятельной работы с информацией. Наоборот, их ценность в процессе профессиональной деятельности специалиста при условии постоянного совершенствования только возрастает.

В эпоху глобализации неразрывная связь обучения и воспитания, профессиональных знаний и навыков, с одной стороны, и нравственности – с другой, особенно важна. На первый план выходят проблемы диалога культур, толерантности, коммуникативной компетенции. Игнорирование этой связи грозит превратить образование в деструктивную силу, результатом действия которой может стать появление отечественной «*нетократии*» (от слияния двух слов *Internet* и *kratos*) – правящей группы общества, пользующейся благами, создаваемыми глобальными информационными технологиями, но лишенной при этом нравственных, гуманистических ориентиров.

Глобализация как всемирный процесс интеграции была бы невозможна без единого языкового средства общения. Лингвистические аспекты глобализации еще не достаточно изучены, но уже сегодня явно выделяются две группы проблем:

- определение статуса родного (в данном случае – русского) языка, повышение его роли, разработка и реализация эффективной языковой политики;
- осознание места английского языка в современном мире как признанного языка международного общения, внесение корректив в его преподавание наряду с другими иностранными языками.

В последние годы в России отмечается значительное внимание государственных структур к проблемам русского языка, принят ряд законов, федеральных и местных программ, посвященных усилению роли русского языка в обществе: закон «О государственном языке Российской Федерации» (май 2005 г.), постановление Прави-

¹ См.: Гречко П. Глобализация: образовательные горизонты // Высш. образование в России. 2005. № 11. С. 102.

тельства РФ «О федеральной целевой программе «Русский язык» (декабрь 2005 г.). Состояние русского языка рассматривается в данных документах как фактор *национальной безопасности*, обеспечивающий российскую государственность, интеграционные процессы внутри России и в отношениях со странами-членами СНГ, полноправное вхождение нашей страны в мировое политическое, экономическое, культурное и языковое сообщество¹.

Сейчас русский язык является родным для 170 миллионов человек, проживающих в России и за ее пределами; в бывших республиках СССР им владеет около 100 миллионов человек. Для сравнения отметим, что к началу распада СССР на русском языке говорило 286 миллионов. Через 10 лет, по прогнозам специалистов МИД России, опубликовавших недавно доклад «Русский язык в мире», число людей, пользующихся им в этих странах сократится более чем в 2 раза².

Известно, что русский язык выполняет три основные функции, являясь:

- государственным языком Российской Федерации;
- родным языком и языком межнационального общения населения России;
- языком международного общения, одним из официальных языков ООН и других международных организаций.

Кризисное состояние языка в обществе, низкая и продолжающая падать культура речи у значительной части населения, необходимость выработки срочных и эффективных мер для улучшения ситуации – темы широких дискуссий в обществе. Так, уровень культуры речи в среде политических деятелей, государственных служащих, работников средств массовой информации настолько низок, что в настоящее время разработаны квалификационные требования к государственным служащим в области языка, созданы и применяются типовые тестовые материалы.

¹ См.: О государственном языке Российской Федерации: Федер. закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 23. С. 2199; О Федеральной целевой программе «Русский язык: 2006–2010 годы»: Постановление Правительства РФ от 29 дек. 2005 г.

² См.: там же.

В чем конкретно проявляется кризисное состояние «израненного реформами» современного русского языка? Во-первых, это нарушение норм литературного языка, и как следствие – функциональная неграмотность значительной, особенно молодой, части населения. Во-вторых, это отсутствие толерантности, языковая агрессия, выражающаяся в том, что современное речевое употребление чрезмерно насыщено жаргонизмами, бранной и даже нецензурной лексикой. В-третьих, язык переполнен заимствованиями, в основном из американского варианта английского языка, что ведет к необоснованному использованию заимствованных слов при наличии полноценного исконного соответствия.

Под функциональной неграмотностью понимается такой уровень языковой компетенции, когда говорящий не в состоянии использовать родной язык для адекватного выражения своих мыслей, воспринимать и перерабатывать необходимую информацию при планировании своих действий в тех или иных бытовых и профессиональных ситуациях. Люди не могут грамотно и лаконично написать заявление, прочитать инструкцию и действовать в соответствии с ней и т. д. Уже точно установлено, что функциональная неграмотность является причиной многих техногенных аварий.

В других странах эта проблема не менее актуальна: так, в 1995 г. США тратили 6,6 млрд долларов на содержание в тюрьмах 260000 человек, осужденных за преступления, вызванные функциональной неграмотностью. Проблема насыщенности современной русской речи грубыми, бранными и нецензурными словами гораздо глубже и выходит за рамки чисто лингвистической. Как известно, язык отражает мир его носителей и между речью, мыслью, поступками существуют явные причинно-следственные связи: «Состояние речи отражает состояние мысли и сознания, которые, в свою очередь, являются предпосылками поступков людей; поступки составляют сущность поведения, а поведение отдельных людей складывается в судьбу народа»³.

³ Русинова Л. А. О духовной сущности слова // Intercultural Net: междунар. (электрон.) науч.-практ. журн. 2005. Вып. 4.

«Криминализация» языка есть следствие криминализации общества: пришедшие из криминального жаргона следующие слова широко понятны и употребляются значительным числом говорящих: *«разборка, общак, откат, крыша, разыгрывать воздух, арбуз (в значении «миллиард»), стопудово, стрелка, колбасить, мочить, накрыть поляну, распальцовка»*. В разговорной речи сформировался целый набор правил поведения современного человека, выраженных таким фразами, как *«фильтруй базар, не парься, забей на него, не тормози, не наезжай»*.

При общем падении интереса к чтению средства массовой информации (СМИ) превратились в одну из основных сфер использования языка, реализации языковой нормы или ее нарушения. СМИ в значительной мере определяют состояние языка: многократная повторяемость речевых образцов и огромный охват аудитории мгновенно тиражируют слово, произнесенное с экрана или напечатанное в газете. В погоне за популярностью у читателей и с целью выразить языковые пристрастия определенной части читающей или слушающей аудитории многие СМИ позволяют сегодня то, что совсем недавно было под строгим запретом.

Что касается употребления нецензурной лексики, то вместе со всем запретным русский мат «вырвался на волю» и появился там, куда прежде путь ему был заказан – в книгах, газетах, на телевидении.

Как мы отметили, современный русский язык характеризуется огромным количеством заимствований, в основном из американского варианта английского языка. Некоторые заимствования так прочно вошли в русский язык, что их замена исконным словом проблематична. Кроме того, заимствования часто более компактны по форме: *спичрайтер* – составитель текстов речей, *шоп-тур* – поездка за границу с целью закупки, *экзит пол* – опрос избирателей на выходе с избирательного участка после голосования, *киднэптинг* – похищение человека (необязательно ребенка) с целью получения выкупа и др.

Следует признать, что современный русский язык явно перенасыщен заимствованиями, употребление многих из которых

неоправданно. Налицо варваризация языка – проникновение в русский язык английских заимствований, имеющих уже существующий адекватный русский эквивалент: *бебиситтер* (няня), *тинэйджер* (подросток), *экссклюзивный* (исключительный), *сейл* (распродажа) и др.

Ситуация усугубляется еще и тем, что носители русского языка, принимая иноязычное слово, создают большое число его производных; особенно четко эта тенденция прослеживается в молодежных жаргонах: *аскать* – спрашивать (*ask*), *олдовый* – старый (*old*), *герла, герлушка, герлица* – девушка (*girl*), *дринк-сейшн* – вечеринка, на которой подают спиртное (*drink session*), *мессага* – сообщение (*message*). Список подобных слов весьма значительный.

Заимствования часто используются в русском языке в качестве нетранслитерированных единиц, то есть слов в английской орфографии, особенно если это распространенные сокращения: *face control*, *E-mail*, *short list*, *shopping*, *DVD*, *CD-ROM*, *DJ*, *SMS*, *PR*.

Вопросы о том, насколько русский язык устойчив и сможет ассимилировать или отвергнуть такое количество заимствований, актуальны не только с чисто лингвистической точки зрения. Это вопросы, имеющие социально-психологическую подоплеку, непосредственно связаны с формированием вкуса, мировоззрения, культуры поведения.

Повышение культуры речи наиболее активной, молодой части населения – процесс кропотливый и длительный. Подобные образовательные и воспитательные задачи могут быть решены только тогда, когда основой учебно-воспитательного процесса станет подход к слову как духовной сущности, его неразрывной связи с личностью, характером человека, судьбой народа.

Библиографический список

1. *Гречко, П.* Глобализация : образовательные горизонты / П. Гречко // Высшее образование в России. – 2005. – № 11.
2. *Кронгауз, М.* Язык мой – враг мой / М. Кронгауз // Новый мир. – 2002. – № 10.
3. *Русинова, Л. А.* О духовной сущности слова / Л. А. Русинова // Intercultural Net: – 2005. – Вып. 4.

Л. К. Фортова,
профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
доктор педагогических наук, профессор

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ ПРОСТРАНСТВУ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Образование – многогранный процесс, включающей в себя не только передачу опыта, знаний, умений и навыков от одного поколения другому, но и восприятие, сохранение, осмысление, применение их в деятельности людьми, чей образ, имидж совершенствуются с помощью науки¹.

Результатом образования можно считать развитие личностных и профессионально-трудовых качеств человека, его интеллигентности, культуры, способности быстро адаптироваться в меняющейся социальной среде и положительно влиять на ее изменение, используя свои личностные и профессиональные возможности.

Учебный план, учебная программа – это те нормативные стандарты, документы, в соответствии с которыми строится содержание образования в современной высшей школе. При этом отношение к самому понятию «стандарт образования» у современных ученых неоднозначно. Так, В. Айнштейн полагает, что его вообще не следует применять. По его мнению, правильнее было бы говорить о минимальном уровне образования, поскольку английское слово «standard» означает не только «норму, образец», но и «мерило, уровень». Учить по стандарту – значит «абстрагироваться от особенностей, личности, ориентировать преподавателя на одинаковый (но не индивидуальный) подход к студентам. Тогда о каком воспитании творческой личности можно говорить?

В 1992 г. в РФ был принят Закон об образовании. Новым в нем явился подход к содержанию образования, заключающийся в развитии гуманистической сущности и

демократических начал в самом учебном процессе, организации преподавания на этих принципах. Согласно данному акту образование – это «целенаправленный процесс обучения и воспитания в интересах личности, общества и государства». Как видим, на первое место выдвигаются личность и ее интересы, а воспитание и обучение, включающиеся в процесс образования, не разделяются искусственно, как это пытались делать раньше².

Указанный Закон предусматривает изменение технологии образовательных учреждений: укрепление правовых и экономических баз, финансирование образовательных учреждений, введение платных дополнительных образовательных услуг, в том числе в государственных образовательных учреждениях.

Особое внимание обращается в Законе на расширение прав и ответственности родителей в воспитании детей, так как именно они «являются первыми педагогами». Родители обязаны заложить основы физического, нравственного, интеллектуального развития личности ребенка (ст. 18). В связи с этим предлагаются новые формы образования: семейное образование, самообразование, экстернат, – отвечающие требованиям государственных образовательных стандартов.

Высшее образование в России переживает сегодня определенные трудности, обусловленные объективными и субъективными факторами духовного и экономического плана. Необходимость подготовки специалистов, способных не только успешно адаптироваться в сложных современных условиях, но и достаточно конкурентоспособных, вступает в противоречие с экономическими и мировоззренческими проблемами.

Отход от традиционного процесса обучения идет параллельно с формированием нового содержания образования.

Проблемный подход к процессу обучения предполагает применение активных методов обучения: педагогических ролевых и деловых игр, тренингов, решения педаго-

¹ См.: Черниченко В. И. Методы обучения. М., 2001. С. 23.

² См.: Об образовании: Закон РФ от 10 июля 1992 г. // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 150.

гических задач, дискуссионных аквариумов, интеллектуальных футболов и т. д.

Помимо достижения чисто дидактических целей выдвигаются цели развития творческой личности специалиста, формирования у него мировоззрения.

Исходя из этого для организации современного процесса обучения и образования в высшей школе целесообразно решить следующие задачи:

1) определить пути большего разнообразия технологического инструментария при традиционных формах обучения;

2) преодолеть информационную перегрузку в обучении;

3) найти оптимальные технологические решения для осуществления логического перехода от представлений системного знания к его проблематизации;

4) использовать наиболее целесообразные методы и средства в активизации обучающихся на лекционных и семинарских занятиях;

5) построить систему обратной связи.

Самая сложная часть учебного процесса – формирование у обучающихся умений.

Что должен уметь будущий специалист и каким путем идти к этому, решает, как правило, преподаватель. В выборе умений субъективизм проявляется значительно в большей степени, чем отбор информации для включения в лекцию, поскольку те умения, которые преподаватель выделяет из общего числа, отражают его личностный подход, его культуру, мировоззрение, широту образования и, что особенно важно, знание им специфики будущей профессии курсантов, студентов.

В процессе профессионально-педагогической подготовки методологически обоснованными должны быть эмпирический и творческий уровни. Вместе с тем проблемы, связанные с духовно-творческим развитием, являются одними из актуальных мировоззренческих проблем дидактики современной высшей школы, так как непосредственно относятся к познавательной деятельности студентов и имеют нравственно-этические и эстетические аспекты.

Следует отметить, что решение образовательных проблем высшей школы осложнено тем, что утрачены прежние методологические основы процесса обучения и образования, а новая методология находится в стадии становления.

По мнению исследователя В. А. Разумного, всеобщие глобальные принципы любого образовательного процесса состоят в следующем:

– первоочередная педагогическая задача – освоение новым поколением науки выживания на основе развития естественной пластичности, приспособляемости человека к любым, в том числе экстремальным, ситуациям;

– у студентов должен быть внутренний побудитель к образованию;

– студентам необходимо иметь ценностные представления о смысле бытия¹.

Б. Г. Гершунский выделяет 4 аспекта содержания образования: образование как ценность; образование как система; образование как процесс; образование как результат².

Технологии обучения, как и всей системе целостного процесса формирования личности, свойственны синхронность и гармоничность.

Сегодня основная тенденция в образовании – переход от субъективных отношений к субъектно-субъективным, от репродуктивного типа взаимоотношений в процессе обучения к творческому. Главным препятствием в этом долгие годы был консерватизм в обучении специалистов в высшей школе, предполагавший, как правило, репродуктивность знаний. В результате происходило постепенное снижение познавательной активности не только у студентов, но и преподавателей.

Отечественные ученые, разрабатывая педагогическую технологию эвристического типа, выделяют ряд проблем, нуждающихся в решении и модернизации. Так, В. Груздева и Г. Груздев рассматри-

¹ См.: Нейман Р. Э. Роль лекции в высшем образовании. М., 1998. С. 16.

² См.: Гершунский Б. Г. Содержание образования. М., 2003. С. 8–9.

вают обучение в высшей школе как процесс делового общения, а преподавателя и студентов – как партнеров в нем¹. Однако исследователи данной технологии упускают из виду творческие начала учебной деятельности.

Творческий тип деятельности характеризуется тем, что в процессе ее создается нечто новое. Любое творчество характеризуется самостоятельной деятельностью, а этому надо учить.

К новым технологиям, сочетающим в себе элементы традиционных, можно отнести те, которые направлены на обеспечение учебного процесса в вузе (М. Н. Ахметова: эвристического обучения как развивающей дидактической системы; игрового обучения; исследовательских методов обучения; проблемного обучения как развивающей системы современных инновационных систем обучения; использование наглядных средств в обучении; реализация педагогических идей «творческого пространства» в инновационных процессах обучения и воспитания; развитие воспитывающих отношений в процессе обучения и др.).

В образовательный процесс, имеющий отношение к высшей школе, стала внедряться новая технология – виртуально-тренинговая. Она разработана Современным гуманитарным университетом и применяется в порядке эксперимента по дистанционному обучению Министерством образования и науки РФ. С помощью спутникового телевидения читаются лекции профессорами, а обратная связь осуществляется через Интернет (согласно проведенным исследованиям, скорость усвоения знаний при использовании электронных учебных пособий увеличивается на 40 % по сравнению с изучением материала по традиционным учебникам).

Одним из достоинств новой технологии ее разработчики считают то, что студенты не получают невыполнимых заданий – они даются дозированно и с учетом предыдущей

подготовленности. Данная методика предоставляет максимум свободы творчества студенту в проведении индивидуальной самостоятельной работы, а также мониторинг их качества.

Таким образом, мастерство организаторов процесса обучения в современных вузах отражается в умении выбирать такие технологии, принципы и методы обучения, которые способствовали бы развитию творчества у студентов, формированию их самосознания и делали бы сам процесс обучения интересным и увлекательным.

О широком внедрении новых технологий можно говорить только тогда, когда для этого будут созданы необходимые условия, позволяющие на должном уровне проводить как учебную деятельность, так и научно-исследовательскую. Здесь важна не только подготовка самих специалистов, организующих процесс, но и готовность обучающихся участвовать в нем. Именно в этом случае возможна реализация дидактических принципов: связи обучения с жизнью, теории с практикой; учета возрастных и индивидуально-психологических различий; научности и доступности и др.

В тех вузах, где обращается внимание на единство учебного и воспитательного процесса, качество подготовки специалистов, по всем параметрам отвечающим современным требованиям, значительно выше. Их выпускники не только обладают деловыми, профессиональными качествами, но и являются интеллигентами в прямом смысле. В этом отношении для дидактики высшей школы будущего имеется широкое поле деятельности.

Библиографический список

1. *Гершунский, Б. Г.* Содержание образования / Б. Г. Гершунский. – М., 2003.
2. *Груздева, В.* Педагогические технологии / В. Груздева, Г. Груздев. – М., 2001.
3. *Черниченко, В. И.* Методы обучения / В. И. Черниченко. – М., 2001.

¹ См.: Груздева В., Груздев Г. Педагогические технологии. М., 2001. С. 21–23.

Л. К. Фортова,
*профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
доктор педагогических наук, профессор*

С. Б. Калининская,
*старший преподаватель факультета
педагогики и методики дошкольного
образования Владимирского государственного
педагогического университета*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СТАНДАРТ КАК ИННОВАЦИОННОЕ ЯВЛЕНИЕ В ОБЛАСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТА

В настоящее время остро стоит вопрос совершенствования и повышения уровня профессиональной подготовки в высших учебных заведениях. Проблемы и недостатки в данной сфере стимулировали появление инновационных процессов, направленных на обновление педагогической деятельности, внесение в образовательную среду стабильных элементов (новшеств), улучшающих характеристики отдельных частей, компонентов и самой образовательной системы в целом. Одним из проявлений инновационных процессов в отечественной педагогике стала разработка государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ГОС ВПО).

Содержание любого предмета, преподаваемого в высшем учебном заведении, задается и подчиняется в настоящее время определенным нормативным документам и в первую очередь ГОСу. Он задает эталонный уровень образования, необходимый для данного общества в определенной исторической ретроспективе. Все учебные заведения, выдающие документ государственного образца об образовании, обязаны выстраивать свою деятельность в соответствии с ГОСом¹.

ГОСы ВПО появились относительно недавно – в 1994 г. Они были утверждены в

соответствии с Постановлением Правительства РФ от 12 августа 1994 г. № 940 во исполнение Постановления Правительства РФ от 10 августа 1993 г. В период существования Советского Союза, когда была централизована не только промышленность, но и образование, ГОСов ВПО не существовало. Высшие учебные заведения осуществляли свою деятельность по единым учебным планам и программам, которые разрабатывались и «спускались» на места Министерством образования СССР.

В постсоветское время, в начале 90-х гг. XX в., от регламентированного и централизованного образования вузы отказались. Это привело, с одной стороны, к росту их творческой активности, с другой – к большой вариабельности в качестве и уровне подготовки специалистов в различных учебных заведениях.

В результате возникла проблема выработки единых требований к содержанию и оценке уровня подготовки специалистов – ГОСов. Так, в ст. 7 Закона РФ «Об образовании» от 10 июля 1992 г. было включено положение о том, что в стране должен быть введен образовательный стандарт, представляющий собой федеральный нормативный документ, который определяет минимум содержания образовательных программ, максимальный объем нагрузки обучающихся, требования к уровню их подготовки².

В 1993 г. в целях обеспечения разработки нормативных документов для регулирования деятельности образовательных учреждений Министерство образования РФ создает рабочие группы. В сфере высшего образования были определены два направления: первое – разработка ГОСа ВПО для подготовки специалистов; второе – разработка ГОСа ВПО для многоуровневой системы высшего образования (бакалавриат, магистратура).

Особую сложность представляло последнее из указанных направлений. Дело в том, что в СССР существовала практика подготовки специалиста в высшем учебном заведении, который за пять лет (в разное

¹ Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Педагогический словарь. М., 2000. С. 156; Словарь-справочник по педагогике / Авт.-сост. А. А. Миже-риков; Под общ. ред. П. И. Пидкасистого. М., 2004. С. 365–367.

² См.: Об образовании: Закон РФ от 10 июля 1992 г. (в ред. Федер. закона от 13 янв. 1996 г. // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 150.

время шесть или четыре года) получал как базовое, так и полное высшее образование. В случае, если студент не выполнял учебного плана полностью, ему выдавали диплом о неполном высшем образовании.

Многоуровневая система образования в РФ впервые была введена 1 сентября 1991 г. на основании эксперимента в Московском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена и Калужском государственном педагогическом университете им. К. Э. Циолковского согласно приказу Министерства образования РСФСР № 260 от 6 августа 1991 г.¹ Официально двухуровневая система образования в постсоветской России была утверждена постановлением Комитета по научной школе Министерства науки, высшей школы и технической политики РФ «О введении многоуровневой структуры высшего образования в Российской Федерации» от 13 марта 1992 г. № 13. В 1993 г. были выпущены Государственные требования по обязательному минимуму содержания и уровню подготовки выпускников-специалистов по специальностям различных направлений, а также Государственные требования к обязательному минимуму содержания и уровню подготовки бакалавра и магистра образования.

В Государственных требованиях к обязательному минимуму содержания и уровню подготовки выпускника-специалиста указано, что получаемый уровень высшего профессионального образования – третий (полное высшее). Однако, как отмечают В. А. Шаповалов, В. С. Белозеров, В. И. Горювая и другие ученые, диплом специалиста приравнивается к диплому бакалавра образования, который предполагает освоение базового высшего образования, совмещенного с профессиональной подготовкой (второй уровень высшего образования)².

¹ См.: О реализации эксперимента по введению многоуровневой структуры высшего педагогического образования / Под ред. И. Л. Калинина. Калуга, 1993. С. 3.

² См.: Шаповалов В. А., Белозеров В. С., Горювая В. И. и др. Концепция реализации многоуровневого высшего образования и профессиональной подготовки учителя // Многоуровневое образование: Сб. науч.-метод. материалов. Вып. 1. Ставрополь, 1994. С. 20–23.

Срок обучения как специалиста, так и магистра при очной форме составляет в соответствии с ГОСом ВПО пять лет, и объем полученных ими знаний примерно одинаков. При этом, как считают указанные авторы, уровень магистра выше уровня специалиста. Последний может освоить третий уровень образования, только поступив в магистратуру и проучившись в ней от одного года до двух лет. Противоречие по данному положению мы находим в ГОСе ВПО бакалавриата. Так, в пункте данного документа «Возможности продолжения образования» указано, что бакалавр подготовлен к продолжению образования в магистратуре и к освоению в сокращенные сроки основных образовательных программ специалитета. Таким образом, уровень образования бакалавра ниже уровня специалиста и, скорее, равен уровню выпускника среднего профессионального учреждения, с которым бакалавр имеет одинаковые права в области продолжения обучения.

Следует отметить, что у студента-выпускника среднего специального учебного заведения (ссуза), имеющего квалификацию, а значит и специальность, в соответствии с ГОСом будет только среднее специальное образование, пусть даже и повышенного уровня, в случае окончания колледжа, а не училища. В свою очередь, выпускник бакалавриата, не имея специальности, которую можно получить, только окончив магистратуру, будет иметь высшее образование, что прописано в Федеральном законе «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями). Итак, налицо парадокс: можно получить серьезную профессиональную подготовку в ссузе, расширив область своей деятельности за счет ряда возможностей, представленных в стандарте, либо получить высшее образование в рамках бакалавриата и иметь, как отмечают А. Федяева и О. Сидельникова, большой багаж абстрактных знаний³. А ведь появление высшего образования, как отмечает за-

³ См.: Федяева А., Сидельникова О. Двухуровневая система высшего образования: за и против // <http://www.kurskcity.ru/news.php?date=2007-03-12&id=11271>.

рубежный исследователь Дж. Минцер, исторически было обусловлено именно потребностью рынка труда в конкретных специалистах высокой квалификации¹.

Таким образом, ГОС ВПО будучи относительно новым явлением в области профессиональной подготовки, имеет неограниченные возможности в сфере определения и управления образовательным процессом вузов. Дальнейшее совершенствование данного документа выступает залогом оптимизации и повышения эффективности образовательной работы в институтах, академиях и университетах. Поскольку формирование ГОСа ВПО – процесс не завершённый, инновационная деятельность по поиску его идеальной формы и содержания должна продолжаться.

Библиографический список

1. Шаповалов, В. А. Концепция реализации многоуровневого высшего образования и профессиональной подготовки учителя / В. А. Шаповалов, В. С. Белозеров, В. И. Горюнов и др. // Многоуровневое образование : сб. науч.-метод. материалов. Вып. 1. – Ставрополь, 1994.

2. Коджаспирова, Г. М. Педагогический словарь / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. – М., 2000.

3. О реализации эксперимента по введению многоуровневой структуры высшего педагогического образования / под ред. И. Л. Калинина. – Калуга, 1993.

4. Mincer, J. On the job-training costs, returns, and some implication / J. Mincer // The Journal of Political Economy. – 1962. – № 5.

¹ См.: Mincer J. On the job-training costs, returns, and some implication // The Journal of Political Economy. 1962. № 5.

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В. М. Морозов,

*директор факультета внебюджетного
образования ВЮИ ФСИН России,
советник ФСИН России
доктор социологических наук, профессор*

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО- ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПОНЕНТЫ В ПРОЦЕССЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ

В условиях осознания государством и обществом приоритетов, связанных с развитием и использованием человеческого ресурса страны, восприятия пенитенциарного сообщества как составной части гражданского встает проблема социальной поддержки осужденных.

Социальная работа в пенитенциарной системе России только начинает развиваться. Правильная ее организация ускорит процесс реформирования уголовно-исполнительной системы и будет способствовать гуманизации условий исполнения наказаний.

В настоящее время значительно усилилась роль социально-педагогической компоненты.

В основе деятельности пенитенциарной системы лежат принципы гуманизма и демократии. Процесс ресоциализации осужденных в исправительных учреждениях осуществляется в соответствии с международными стандартами и рекомендациями. Формируется единое социально-педагогическое пространство, в которое, кроме коллективов структурных подразделений исправительных учреждений, входят семья, государственные, негосударственные, общественные, религиозные и иные организации социума. Опора на социальную активность осужденных, оказание им юридической, медицинской, психологической, социально-педагогической и иной помощи и поддержки становятся главными инструментами в методике исправительно-воспитательной деятельности пенитенциарной системы. Воспитательные меры приобретают преобладающее значение по сравнению с карательными.

На современном этапе особенности социальной работы в местах лишения свободы

обусловлены: жесткой правовой регламентацией условий жизни; наличием педагогически неблагоприятной среды; ограниченными возможностями взаимодействия с социумом; потребностью расширения социально-педагогических средств сопровождения процесса ресоциализации; своеобразием подходов и технологий привлечения осужденных к общественно полезному труду; отсутствием механизма межведомственного взаимодействия исправительных учреждений с другими институтами в вопросах социально-педагогической поддержки осужденных и др.

Современное состояние социальной работы в исправительных учреждениях характеризуется наличием тенденций, отражающих динамику социальных отношений как в России, так и в международном сообществе, среди которых необходимо выделить: повышение значимости общечеловеческих, гуманистических ценностей; изменение социально-правового статуса осужденных в сторону его либерализации, гуманизации и демократизации; открытость деятельности учреждений пенитенциарной системы для сотрудничества с отечественными и международными организациями различной направленности; возрастающая роль народных и национальных ценностей; взаимодействие исправительных учреждений с религиозными организациями, различными институтами государства и общества.

Совершенствование современной практики социальной работы в пенитенциарных учреждениях опирается на ряд ключевых теоретических положений социальной педагогики. К последним относятся:

- профилактический характер социально-педагогической работы применительно к категориям осужденных, впервые совершивших преступления, характер которых не является тяжким;
- выявление социально-поведенческих проблем осужденных на основе дифференцированного личностно-ориентированного подхода;
- включение осужденных в процесс решения собственных проблем на принципах

самопомощи как активных субъектов преодоления иждивенческих настроений и проявлений потребительской психологии;

- восстановление и укрепление семейных и родственных связей осужденного, использование возможностей семьи как активного субъекта его ресоциализации;

- интеграция сил, средств и возможностей социальных институтов государства и общества в социально-педагогической поддержке осужденных;

- повышение социально-педагогической компетентности субъектов процесса ресоциализации осужденных, прежде всего специалистов исправительных учреждений.

На основе этого можно охарактеризовать социально-педагогическую поддержку осужденных в исправительных учреждениях как систему средств юридического, педагогического, духовно-нравственного, медицинского, психологического и иного характера, реализуемую в период пребывания осужденного в местах лишения свободы и после исполнения наказания.

Каждая из названных позиций индивидуальности характерным образом влияет на содержание социально-педагогической поддержки осужденных, которая с учетом особенностей последних изменяет социальную активность целостной личности и повышает ее адаптивные способности к условиям жизнедеятельности в семье и здоровом социуме после исполнения наказания.

Субъектами системы социально-педагогической поддержки осужденных выступают: коллективы сотрудников и осужденных исправительных учреждений, в том числе коллективы отрядов; методический совет и педагогические коллективы; советы родственников; государственные, общественные, религиозные, международные и иные организации при субъектной позиции самого осужденного.

Социально-педагогическая поддержка должна осуществляться адресно, основываясь на целостном представлении о личности осужденного: его индивидуальных и психологических особенностях; состоянии здоровья; нуждах, интересах, потребностях; возможных отклонениях в развитии; способности анализировать и контролировать свое поведение в различных жизненных ситуациях; умении с пользой проводить свободное время.

Современная модель исправительных учреждений предусматривает участие в социально-педагогической поддержке специалистов различного профиля: медицинских работников, психологов, психиатров, социальных работников, преподавателей школ и средних специальных учебных заведений, работников служб социальной защиты и трудовой занятости, предпринимателей, юристов, практических психологов, церковнослужителей.

Важными составляющими прогностической социально-педагогической модели модернизации исправительных учреждений выступают технологии и методики системы социально-педагогической поддержки, связанные с особенностями различных сфер жизнедеятельности осужденных и самой системы: методика взаимодействия исправительных учреждений с другими государственными и общественными институтами, институтом семьи; методика межведомственного взаимодействия при решении вопросов по трудоустройству граждан, освобождающихся из исправительных учреждений, их адаптации на рынке труда и методика восстановления родственных связей.

Социально-педагогическая направленность деятельности пенитенциарных учреждений в ряде регионов России начинает занимать доминирующее положение. В социальной работе с осужденными первенство постепенно переходит к педагогическим и психологическим методам воздействия, решению социальных вопросов, связанных с оказанием социально-педагогической поддержки в широком диапазоне. Приоритет человеческих ценностей над уходящими в прошлое силовыми и карательными методами воздействия, понимание необходимости оказания социально-педагогической поддержки осужденным становятся одними из элементов профессиональной культуры сотрудников учреждений пенитенциарной системы.

Библиографический список

1. Морозов, В. М. Социальная работа в уголовно-исполнительной системе : учеб. пособие / В. М. Морозов, В. В. Виноградов ; Владим. юрид. ин-т. – Владимир, 2006.

2. Андреев, О. В. Профессиональная этика сотрудника уголовно-исполнительной системы : учеб. пособие / О. В. Андреев, М. А. Алексеева ; Владим. юрид. ин-т. – 2-е изд. – Владимир, 2007.

Е. В. Батищева,
*старший преподаватель-методист
учебного отдела ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

**РОЛЬ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ЖЕНЩИНАМИ,
НАХОДЯЩИМИСЯ
В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Несмотря на усиливающееся в последнее время внимание к различным аспектам социальной работы в уголовно-исполнительной системе, по-прежнему чрезвычайно злободневным остаются вопрос о социально-педагогической поддержке осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях, а также проблема социальной реабилитации, адаптации и ресоциализации лиц, отбывающих и отбывших наказания в местах лишения свободы. В первую очередь это касается таких наиболее уязвимых категорий, как: женщины, несовершеннолетние, пенсионеры, лица, страдающие хроническими заболеваниями, инвалиды, осужденные, утратившие родственные связи или не имеющие определенного места жительства.

Именно этим категориям сложнее всего вначале привыкнуть к условиям жизни в местах лишения свободы, а затем еще труднее адаптироваться к нормальной жизни после отбывания наказания, связанного с лишением свободы. Не оказанная своевременно практическая помощь по их включению в жизнь социума, обеспечению работой, восстановлению утраченных или ослабленных социальных связей неизбежно приведет их к рецидиву преступной деятельности.

Тюрьма и женщина – понятия трудно совместимые, поскольку представить себе за колючей проволокой женщину, мать, а порой даже девочку-подростка почти невозможно. Однако жизнь вносит свои коррективы в наши обыденные представления, и в реальности складывается далеко не простая ситуация.

По состоянию на декабрь 2006 г., в исправительных учреждениях содержалось около 47 тысяч осужденных женского пола, что на 16,86 % больше по сравнению с аналогичным периодом 2005 г. (40 202 чел.). Это внушительная цифра, составляющая

почти 8 % от общей численности лиц, отбывающих наказания в местах лишения свободы. Впервые отбывают наказания, связанные с лишением свободы, 70 % осужденных женщин, второй раз – около 22 %. Эти цифры свидетельствуют о многом и в первую очередь о недостаточной социальной, психолого-педагогической и воспитательной работе, проводимой в исправительных учреждениях, где отбывают наказания осужденные женщины.

Данная категория осужденных требует к себе повышенного внимания персонала, прежде всего социальных работников, в силу того, что во многих случаях процесс адаптации женщин к условиям отбывания наказания происходит дольше и труднее, чем у мужчин, особенно у тех из них, кто находится в местах лишения свободы первый раз. У женщин-осужденных значительно чаще распадаются семьи, после освобождения им труднее устроить личную жизнь и найти работу, вследствие чего возрастает вероятность рецидива преступного поведения. Кроме того, пребывание женщин, особенно молодежного возраста, в местах лишения свободы способствует усвоению ими отрицательных установок и ориентаций, изменению их личностных характеристик в сторону отягощения (например, у них могут проявляться апатия, нервозность, чувство безысходности; теряется интерес к жизни). Это вызывает нервно-психические заболевания, приводит к дезадаптации личности, затрудняет процесс приспособления женщин после освобождения к существующим нормам права и морали, условиям жизни на свободе. Все это в конечном итоге может привести к распаду личности.

В местах лишения свободы происходит утрата осужденными-женщинами общепринятых моральных норм, ценностей, их взгляды претерпевают существенные изменения. Вследствие этого, попадая после освобождения в новые условия, иную социальную среду, женщина встречается с множеством трудностей, к преодолению которых не всегда готова, и тогда ее поступки часто вступают в противоречия с законом. В результате такая женщина ведет образ жизни, отличающийся отрицательным отношением к труду, другим гражданским

обязанностям, ограничением или прекращением общественно полезного общения.

Женщины молодого возраста, отбывшие наказания в виде лишения свободы, в большинстве своем регулярно употребляют спиртные напитки, а нередко и наркотики, что создает предпосылки совершения ими новых преступлений.

Среди других последствий пребывания женщин, особенно молодых, в местах лишения свободы можно отметить случаи суицида, а также отказ от возвращения к прежним трудовым, семейным и другим социальным связям и отношениям. Это весьма серьезная проблема постпенитенциарного периода, которая значительно затрудняет адаптацию женщин к условиям жизни в обществе после отбывания наказания. Вероятно, для решения данной проблемы было бы целесообразно с целью сохранения социально полезных связей обеспечить отбывание женщинами молодого возраста наказания по месту жительства до ареста или в исправительном учреждении, расположенном к нему максимально близко. Конечно, это далеко не самый легкий путь решения обозначенной проблемы, поскольку требует значительных финансовых и кадровых ресурсов, проведения целого ряда организационных мероприятий по увеличению числа исправительных учреждений для женщин во многих регионах страны. Однако результат в конечном счете должен оправдать издержки, поскольку такая практика исполнения уголовных наказаний, на наш взгляд, будет способствовать наименьшему отрыву осужденных женщин от семей, родственников, привычного уклада жизни, позволит укреплять необходимые для успешной ресоциализации связи с трудовыми коллективами, общественными и религиозными организациями, чье участие в процессе подготовки женщин-осужденных к жизни в обществе можно считать одним из важнейших факторов, обеспечивающих нейтрализацию отрицательных последствий отбывания наказаний. При этом целесообразным является оказание помощи общественными, религиозными организациями не только тем женщинам, которые находятся в социальной изоляции, но и освобожденным,

особенно в начальный период жизни вне мест лишения свободы.

Одной из основных целей социальной работы с женщинами, находящимися в местах лишения свободы и освобожденными от отбывания наказаний, должны стать повышение их юридического сознания, воспитание правопослушных граждан. Результаты исследований свидетельствуют о низком уровне знаний женщин по правовым вопросам. Они практически не знакомы с принципами деятельности правовой системы, действием норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. А между тем, как справедливо заметил И. Анденес, «для того, чтобы уголовно-правовые нормы оказывали удерживающее воздействие, население должно знать их или хотя бы иметь о них какое-то представление»¹.

Важным направлением осуществления государством своей социальной функции в отношении осужденных женского пола, предупреждения дезадаптации женщин, отбывших наказания в изоляции от общества, является оказание им помощи со стороны государственных и негосударственных органов, общественности. Однако несмотря на усилившееся внимание к реализации основных прав осужденных как в период отбывания наказания, так и после него, в деятельности учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, все чаще имеют место случаи освобождения из мест лишения свободы лиц женского пола без предварительного решения вопроса об их трудовом и бытовом устройстве, хотя на это рассчитывают обычно до четверти всех осужденных. Так, согласно отчету о работе групп социальной защиты и учета трудового стажа осужденных по Владимирской области из исправительной колонии для женщин за 2005 г. освобонилось 364 человека, из которых 27 не имели постоянного места жительства, в отношении 19 из них вопрос трудового и бытового устройства был решен положительно. Однако это не стопроцентный показатель. Примерно третья часть из нуждающихся в

¹ Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений: Пер. с англ. М., 1979. С. 217.

помощи при трудовом и бытовом устройстве ее не получила. С большой долей вероятности можно предположить, что эти лица в поисках работы, жилья разъезжают по различным населенным пунктам страны. При этом они ведут асоциальный образ жизни, занимаясь бродяжничеством.

Причины происходящего очевидны. Основная из них – отсутствие прочной законодательной базы, регулирующей взаимодействие администрации, социальных работников исправительных учреждений с органами исполнительной власти в решении данных вопросов.

Но есть и другие факторы, затрудняющие адаптацию женщин к жизни в обществе после освобождения и способствующие повторному совершению ими преступлений. После освобождения женщины ожидают помощи не только от администрации исправительных учреждений, сотрудников правоохранительных органов, но и от родственников, друзей, близких. Однако, по данным исследований отечественных ученых, около 30 % лиц указанной категории были лишены ожидаемой моральной и материальной поддержки.

Безусловно, ожидая помощи, женщина сама должна быть готова к возвращению в семью, трудовой деятельности, общению с самыми разными людьми. На формирование у нее этой готовности и должна быть прежде всего направлена социальная работа в исправительном учреждении. В последние годы в пенитенциарной системе России сделаны определенные шаги по улучшению условий отбывания наказаний осужденными женщинами, созданию предпосылок для их последующей социальной адаптации и ресоциализации. В частности, к таким мерам организационно-правового характера можно отнести некоторые изменения уголовно-исполнительного законодательства, касающиеся основных направлений социальной работы. В первую очередь, это – установление обязательности выплат пособий по беременности и родам осужденным женщинам независимо от исполнения ими трудовых обязанностей (ст. 98 УИК РФ, Федеральный закон от 8 декабря 2003 г.

№ 161-ФЗ)¹. С целью обеспечения реализации права на медицинское обслуживание в уголовно-исполнительное законодательство была введена норма об оказании обязательной медицинской помощи осужденным беременным женщинам, женщинам во время родов и в послеродовой период (ст. 100 УИК РФ, Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ). Статьей 117 УИК РФ и вышеназванным Федеральным законом устанавливается запрет на помещение в штрафной изолятор, помещения камерного типа, единые помещения камерного типа осужденных женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет в Доме ребенка при исправительном учреждении, а также женщин, освобожденных от работы по беременности и родам.

Позднее законодателем был введен запрет на перевод осужденных женщин в тюрьму (ч. 4 ст. 78 УИК РФ, Федеральный закон от 1 апреля 2005 г. № 28-ФЗ)², а в 2006 г. была установлена отсрочка отбывания наказания в случае беременности женщине, осужденной к обязательным или исправительным работам либо ограничению свободы (ст. 42, 49, 175 УИК РФ, Федеральный закон от 9 января 2006 г. № 12-ФЗ)³.

В УИК РФ закреплено положение о том, что осужденным женщинам, имеющим детей в домах ребенка при исправительных колониях (таких детей на конец 2006 г. насчитывалось 736), в установленном порядке может быть разрешен краткосрочный выезд за пределы исправительных учреждений на срок до 15 суток для устройства детей у родственников либо в детском доме, а имеющим несовершеннолетних детей-инвалидов вне исправительной колонии – один краткосрочный выезд в год на тот же срок для свидания с ними (ч. 2

¹ См.: О приведении УИК РФ и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в УК РФ»: Федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 161-ФЗ // Парламент. газ. 2003. 11 дек.

² См.: О внесении в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 1 апр. 2005 г. № 28-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 14. Ст. 1213.

³ См.: О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 9 янв. 2006 г. № 12-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 276.

ст. 97). В соответствии с ч. 1 ст. 100 УИК РФ начальники исправительных учреждений имеют право разрешить женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, совместно проживать с ними в домах ребенка. Однако, как правило, бытовые условия в домах ребенка не дают возможности реализовать данное право, несмотря на то, что совместное проживание матерей с детьми способствует развитию материнских чувств, повышает ответственность осужденной за свою судьбу и судьбу ребенка, создает предпосылки для более успешной ресоциализации.

Безусловно, в этой связи заслуживает всяческой поддержки и одобрения проект федерального закона «О внесении изменений в статью 100 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации», предусматривающий возможность пребывания детей в домах ребенка при исправительных учреждениях до пятилетнего возраста.

Тем не менее, несмотря на своевременность и актуальность принятых мер, в настоящее время проблема социальной адаптации и ресоциализации женщин, сохранения их семейных связей недостаточно разработана в юридической и психологической литературе, а существующие формы и методы и законодательное закрепление социальной работы по-прежнему нуждаются в совершенствовании.

Работа по исправлению, социальной адаптации и подготовке осужденных женщин к жизни на свободе – это комплексная задача, решить которую возможно, только объединив усилия специалистов разного профиля. Этим занимаются практически все службы пенитенциарного учреждения, однако основная роль должна принадлежать представителям групп социальной защиты. Это подтверждает и зарубежный опыт. Так, например, весьма интересным для изучения и творческого применения в российских пенитенциарных учреждениях является опыт организации социальной работы в исправительном учреждении (единственном в стране) Швейцарии, где отбывают наказания осужденные женщины. Численность осужденных и персонала в нем практически равная – около 100 человек. Функции социального работника фак-

тически выполняют начальники групп, на которые разбиты все осужденные. Основными направлениями реализации социальной функции в отношении содержащихся здесь осужденных являются поддержание, укрепление, а при необходимости восстановление социально полезных связей, сохранение здоровья, поскольку большинству женщин после отбывания наказаний предстоит выполнить свою главную миссию – рождение и воспитание ребенка. Поскольку за время даже относительно коротких сроков отбывания наказаний (средняя их продолжительность в Швейцарии – 4 года, что весьма существенно по сравнению с другими странами Западной Европы, где длительность сроков – от 4 до 6 недель) часто разрушаются семьи осужденных, женщина оказывается один на один с многими проблемами социального характера: поиск работы, оплата жилья, получение профессионального образования. В их решении ей могут реально помочь приобретенные в тюрьме трудовые навыки, поддержка семьи, родственников, с которыми социальный работник проводит индивидуальные встречи и консультации по сохранению семейных связей, оказанию помощи женщинам в обретении достойного места в обществе.

Как показала международная пенитенциарная практика, социальная помощь и поддержка осужденных, в том числе и женщин, находящихся в исправительных учреждениях, на различных этапах их исправления и подготовки к жизни на свободе только тогда достигает желаемых результатов, когда ею занимаются специалисты – социальные работники.

Вследствие этого реализация в высших и средних образовательных учреждениях уголовно-исполнительной системы программ подготовки специалистов по социальной работе представляется своевременной, целесообразной и, безусловно, заслуживает всемерного развития и поддержки.

Библиографический список

1. *Анденес, И.* Наказание и предупреждение преступлений : пер. с англ. / И. Анденес. – М., 1979.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. – М., 2006.

В. В. Виноградов,
начальник факультета очного обучения
ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОГО
И БЫТОВОГО УСТРОЙСТВА ЛИЦ,
ОСВОБОЖДАЕМЫХ И ОСВОБОЖДЕННЫХ
ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

В настоящее время принципы индивидуальной социальной работы с осужденными получают все большее признание, поскольку она способствует изменению их социально-правового статуса, активизации их личностного потенциала, а также социальной адаптации в условиях жизни на свободе.

В процессе проведения индивидуальной социальной работы с осужденными, подлежащими освобождению, необходимо учитывать их семейное положение, степень устойчивости семейных и родственных связей, наличие у них трудового стажа.

Исходя из этого подготовка осужденных к освобождению включает:

- проведение беседы с каждым осужденным, в процессе которой выясняется, где эти лица намерены проживать, работать или учиться после освобождения из мест лишения свободы;

- разъяснение освобождаемым законодательства РФ о порядке оказания им содействия в трудовом и бытовом устройстве, выдачи паспортов и оформления регистрации. Одновременно им разъясняется целесообразность возвращения в места постоянного проживания и на те предприятия, где они работали до осуждения;

- разъяснение основных положений Закона РФ «О занятости населения в РФ» от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 (в редакции Федерального закона от 31 декабря 2005 г.)¹ по следующим вопросам: порядок постановки на учет в службе занятости населения; права и обязанности граждан при поиске работы с помощью службы занятости; перечень и порядок предоставления услуг и дополнительных гарантий, устанавливаемых Законом РФ «О занятости населения в РФ» для данной категории граждан;

дан, в том числе по профессиональной ориентации, организации профессионального обучения по специальным программам в соответствии с потребностями регионального и местного рынков труда;

- получение от освобождаемых письменных заявлений на имя начальника исправительного учреждения с просьбой об оказании им помощи в трудовом и бытовом устройстве по избранному месту жительства;

- рассмотрение заявлений начальником исправительного учреждения и принятие соответствующих решений по оказанию содействия в трудовом и бытовом устройстве конкретным лицам.

Следует отметить, что действенность системы трудоустройства различных групп населения, как впервые выбирающих род занятий, так и утративших работу в силу различных причин, существенно сказывается на криминологической ситуации в целом.

Вопросы трудового и бытового устройства лиц, подлежащих освобождению из мест лишения свободы, регулируют УИК РФ и ведомственные нормативные акты. Обязанность по проведению соответствующих подготовительных мероприятий в исправительных учреждениях возложена на сотрудников группы социальной защиты осужденных, начальников отрядов и других должностных лиц. При этом они тесно взаимодействуют с территориальными службами занятости населения.

Лица, освобожденные от отбывания наказаний, могут реализовать свое право на труд, обратившись, как и иные граждане, либо в службу занятости, либо непосредственно на предприятие, в организацию, учреждение, к другим работодателям. Причем на них распространяются все гарантии по обеспечению указанного права, закрепленные в Трудовом кодексе РФ, в том числе касающиеся запрещения необоснованного отказа от заключения трудового договора.

Вместе с тем достаточно быстро устроиться на работу данной категории лиц удается редко. Это объясняется низким уровнем квалификации большинства освобожденных, негативным отношением администрации к приему на работу лиц, имеющих судимость. Однако главным препятствием при трудоустройстве освобожденных явля-

¹ См.: СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1915.

ется жилищная проблема, поскольку прием на работу указанных лиц во многом зависит от наличия жилья и прописки. Администрация предприятий при обращении лиц, имеющих судимость, по вопросам трудоустройства часто использует факт отсутствия у них жилья и возможностей его получения в качестве повода для отказа в заключении трудового договора, который сложно опровергнуть.

Во многих случаях своевременный прием на работу освобожденных из мест лишения свободы бывает затруднен ввиду утраты ими в период отбывания наказания документов, необходимых для трудоустройства.

Таким образом, помимо правоограничений в выборе вида деятельности лицами, освобожденными от наказания, имеется ряд фактических ограничений возможностей реализации ими права на труд. Иногда подобные фактические ограничения рассматриваются в литературе как своеобразный элемент их правового положения.

В целях создания наиболее благоприятных условий для осужденных, подлежащих освобождению, в вопросах трудового и бытового устройства ведомственными нормативными актами установлен определенный порядок оказания им содействия в предоставлении работы с последующей социальной адаптацией со стороны исправительных учреждений и органов внутренних дел.

В частности, на основании письменного заявления осужденного при выборе места жительства после освобождения из мест лишения свободы и желания трудоустроиться администрация исправительного учреждения направляет запросы в орган внутренних дел, федеральную службу занятости населения по избранному месту жительства о возможности его трудоустройства, предоставления регистрации и жилья, а также письма родственникам и близким по этим же вопросам. Предварительные результаты, полученные при переписке, доводятся до сведения лица, отбывающего наказание.

Осужденным к лишению свободы, содержащимся в исправительных и воспитательных колониях, оставленным в установленном порядке в следственных изоляторах и тюрьмах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, могут быть раз-

решены краткосрочные выезды за пределы исправительного учреждения продолжительностью до семи суток, не считая времени проезда туда и обратно, для предварительного решения вопросов трудового и бытового устройства.

Разрешение на выезд за пределы исправительного учреждения дается начальником учреждения с учетом характера и тяжести совершенного преступления, личности и поведения осужденного.

Успешное трудовое устройство освобождающихся осужденных обеспечивает наличие:

- паспорта;
- прописки;
- общего образования;
- профессии, пользующейся спросом на рынке труда;
- документов об общем и профессиональном образовании;
- возможности трудоустройства.

Для успешного бытового устройства необходимо наличие:

- социально полезных связей (устойчивые позитивные отношения с близкими родственниками, ближайшим социальным окружением, трудовым коллективом, в котором работал до осуждения, и т. п.);
- паспорта;
- возможности прописки;
- реальной жилплощади для проживания.

Отсутствие хотя бы одного из указанных показателей порождает проблемы трудового и бытового устройства освободившегося лица, в зависимости от которых могут быть выделены следующие группы осужденных:

а) лица, не имеющие проблем (к данной категории относятся освобождающиеся, сохранившие позитивные отношения с семьей и ближайшим окружением, имеющие образование, профессию, все необходимые документы, жилплощадь для прописки и проживания, возможность устроиться на работу и вернуться к полноценной жизни);

б) лица, не испытывающие трудности с бытовым устройством, но имеющие проблемы с трудовым устройством (к их числу относятся освобождающиеся, у которых есть документы, прописка, место проживания, сохранились позитивные отношения с семьей и социальным окружением, но они не могут найти работу и трудоустроиться);

в) лица, у которых нет проблем с трудовым устройством, но возникают трудности с бытовым устройством (в эту группу входят освобождающиеся, имеющие необходимое образование и профессию, возможности трудоустройства, однако при этом у них либо нарушены социальные связи с семьей и нет возможности прописаться или проживать по прежнему месту жительства, либо ближайшее окружение имеет асоциальную направленность, либо утеряны документы и т. п. К этой же категории относятся бывшие воспитанники детских домов и школ-интернатов, у которых до осуждения не было ни семьи, ни жилплощади, ни прописки, но во время отбывания наказаний они получили образование и профессию, имеют все документы и возможность устроиться на работу);

г) лица, имеющие проблемы и с трудовым, и с бытовым устройством (это освобождающиеся, у которых либо не в порядке документы, либо целый комплекс разных проблем);

д) лица с устойчивой криминальной ориентацией (к данной категории относятся освобождающиеся, которые наиболее вероятно проблемы бытового устройства будут решать преступным способом).

В международном праве социальная помощь освобождающимся осужденным четко регламентирована (правила 64, 84 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными). Указанные правила утверждают необходимость создания специальной системы социальной реабилитации, способной «проявлять действенную заботу» об освобождающихся заключенных. В соответствии с данной системой освобождающемуся должна предоставляться необходимая помощь в оформлении документов, получении жилья и работы. Кроме того, при освобождении заключенные должны иметь подходящую для климата одежду и обувь и располагать средствами не только на проезд, но и для жизни в течение ближайшего периода.

Статья 182 УИК РФ, подтверждая наличие у осужденных, освобождаемых из мест лишения свободы, права на трудовое и бытовое устройство, относит порядок предоставления помощи к общефедеральному законодательству о социальной защите населения. Однако до настоящего времени никаких специальных нормативных актов в этой сфере не принято. Например, трудо-

устройство освободившихся из мест лишения свободы возложено на органы службы занятости. В соответствии с Законом РФ «О занятости населения в РФ» помощь в поисках работы производится по общей процедуре и исключительно по личной инициативе освобождающегося. Только со дня обращения исчисляются сроки, связанные с выплатой пособия по безработице. Причем размер пособия зависит от размера оплаты труда осужденного, а для не работавших в местах лишения свободы (что актуально для современной уголовно-исполнительной системы) – составляет 20 % от величины прожиточного минимума.

Следовательно, исходя из требований указанного Закона целесообразно обеспечить работой в исправительном учреждении в первую очередь осужденных, подлежащих освобождению, не позднее, чем за 26 недель до освобождения, что позволит им в случае постановки на учет в службе занятости получать в первые три месяца пособие по безработице в размере 75 % от их среднемесячного заработка, исчисленного за последние три месяца по последнему месту работы (на производстве в исправительном учреждении), в следующие четыре месяца – в размере 60 %, в дальнейшем – в размере 45 %, но во всех случаях не выше величины прожиточного минимума, исчисленного в субъекте Российской Федерации в установленном порядке, и не ниже 20 % величины указанного прожиточного минимума.

В свою очередь, федеральные государственные службы занятости населения при трудоустройстве лиц, освобожденных из мест лишения свободы, сталкиваются с целым рядом проблем, в числе которых:

- низкий уровень социальной адаптации, в том числе к рынку труда (низкие мотивация к труду и уровень самоопределения на рынке труда, отсутствие навыков формирования профессиональной карьеры, ведения переговоров с работодателями по вопросам трудоустройства);

- частые отказы работодателей в приеме на работу (просто потому, что обратился человек со справкой об освобождении);

- неудовлетворительное состояние здоровья (хронические заболевания, в том числе открытая форма туберкулеза, различные формы психических заболеваний);

– утрата или отсутствие профессиональной квалификации за неимением в большинстве случаев работы в местах лишения свободы.

С целью решения проблем социальной и профессиональной реабилитации граждан, освобожденных из мест лишения свободы, в ряде областей принимаются целевые программы социальной реабилитации граждан, отбывших уголовные наказания в виде лишения свободы. Полагаем, необходимо разработать такую программу и на федеральном уровне, отразив ее в законе «Об основах социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы», проект которого уже подготовлен.

В. А. Горбунов,

*доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и гражданского права
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук*

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

В настоящее время укрепились правовые основы исполнения наказаний, улучшились условия содержания осужденных: им предоставлена возможность трудиться, учиться, заниматься общественной работой, участвовать в самодеятельных организациях, отправлять религиозные культы. Кроме того, отмечаются и другие изменения гуманистической направленности.

Однако эффективность исправления в пенитенциарной системе остается весьма низкой. Имеют место как объективные, так и субъективные факторы. К последним можно отнести консерватизм персонала данных учреждений. Поэтому попытка «подлатать» существующую систему путем введения отдельных новелл гуманистического характера в основном не эффективна. Вместе с тем система исполнения уголовных наказаний должна постоянно опираться как на накопленный положительный опыт, так и на новые идеи с учетом экономических и социально-правовых условий, складывающихся в стране.

Библиографический список

1. *Алферов, Ю. А.* Социальная адаптация освобожденных из мест лишения свободы : учеб. пособие / Ю. А. Алферов, В. П. Петков, В. П. Соловьев. – Домодедово, 1992.
2. *Дебольский, В. Г.* Контент-анализ жалоб и обращений осужденных в ИТУ / В. Г. Дебольский, В. Н. Казанцев. – Рязань, 1988.
3. *Детков, М. Г.* Подготовка осужденных к освобождению из ИТУ : учеб. пособие / М. Г. Детков. – Рязань, 1984.
4. *Ушатиков, А. И.* Психология основных средств исправления и ресоциализации осужденных : учеб. пособие / А. И. Ушатиков, Б. Б. Казак. – Рязань, 2002.

В связи с этим необходимы, во-первых, теоретическое обоснование концепций изменения пенитенциарной системы; во-вторых, разработка прикладной концепции внедрения новшеств в систему исправительных учреждений; в-третьих, формирование психологически правильного восприятия нового персоналом учреждений.

По утверждению В. И. Игнатенко, нововведения сталкиваются с консерватизмом сотрудников. Изучение мнений слушателей, курсантов показало, что 73 % респондентов высказываются против изменения условий содержания в зависимости от поведения; 84 % – расширения стимулов исправления; 90 % – расширения прав осужденных; 65,4 % – ликвидации постовых вышек; 48,7 % – снятия с окон решеток; 54,3 % – разрешения осужденным выхода за пределы колонии. Все это свидетельствует о трудностях, связанных нововведениями.

Нововведение в процессуальном значении – это одновременно создание, освоение и распространение разного типа новшеств.

Выделяют три концептуальных подхода к нововведениям.

1. Рационалистический, заключающийся в предположении, что в поведении человека есть рациональность, но люди нередко поступают вопреки предписаниям и указаниям «сверху».

2. Поведенческий (психологическое направление), основывающийся на самоорганизации, использовании неформальных ме-

ханизмов, активизации работы малых групп, децентрализации в принятии решений.

3. Системный, пытающийся синтезировать два предыдущих.

Конечный результат внедрения – это всегда компромиссное решение. В данном процессе выделяют следующие направления, или принципы, обновления:

- информированность о происходящих изменениях и психологическая готовность к любым нововведениям;
- стимулирование самостоятельности и инициативы работников;
- благожелательный контроль;
- связь с жизнью, стремление постичь реальность;
- создание условий для сотрудничества, взаимного доверия в работе;
- стабильность, последовательность в развитии;
- доверие и внимание к персоналу со стороны руководства;
- активизация мотивационной сферы работников.

Психологическое обеспечение инновационной деятельности обычно проводится в трех направлениях: общем, особом и специальном. Общее направление подразумевает проведение мероприятий по психологическому обеспечению всех сотрудников учреждения; особое – работу с отдельными частями и службами; специальное – отдельными сотрудниками исправительного учреждения.

К факторам, влияющим на восприимчивость к нововведениям в исправительном учреждении, относятся: личностные особенности руководителей и их отношение к нововведениям; время освоения; характер самого новшества; особенности организации (формальные, неформальные), внешние условия. Указанные факторы выступают в качестве составных компонентов инновационного процесса.

Руководителем инновационного процесса на уровне исправительного учреждения, как правило, является начальник учреждения. От его личностных особенностей, отношения к введению новшеств и желания во многом зависит отношение к нововведениям и всего коллектива.

Руководитель, успешно реализующий нововведения в организациях, должен обладать следующими личностными качествами:

– творческие особенности, проявляющиеся в том, что руководитель с интересом участвует в дискуссиях, научно-практических конференциях и т. п.;

– организаторские способности руководителя, заключающиеся в умении организовать людей, увлечь их новой идеей, создать творческий коллектив;

– готовность к профессиональному риску, даже если нет полной уверенности в успехе. Для мотивации деятельности таких руководителей характерны интерес к содержанию работы, возможность воплотить в жизнь свои планы.

В научной литературе выделяют следующие типы руководителей по отношению к нововведениям:

- консервативный, ориентированный на привычные, многократно проверенные способы работы, к новому относится с предубеждением (11 %);
- декларативный, на словах выступающий за любое новшество, но на деле реализующий только те из них, которые не требуют большого труда (24 %);
- колеблющийся, боящийся нововведений, не имеющий собственной точки зрения, с одинаковой легкостью принимающий противоположные решения (15 %);
- прогрессивный, постоянно ищущий новые пути достижения целей организации, обладающий развитым чувством нового, передового (42 %);
- одержимый, выступающий за разнообразные изменения и перестройки, все время что-то меняющий, не утруждающий себя глубоким предварительным расчетом (4 %);
- другие (4 %).

Таким образом, руководители разделяются на несколько типов, поэтому требуется их специальная подготовка к инновациям. Выработка у них правильной позиции, соответствующих качеств – важная задача науки и практики.

Характер инноваций определяется рядом признаков, главными из которых являются:

– виды нововведений: материально-технические, экономические, нормативно-правовые, оперативно-режимные, воспитательные (вологодский, пермский, челябинский, татарстанский опыт и др.), управленческие, кадровые (использование психодиагностики в профессиональном отборе и

т. п.), психологические (внедрение психологической службы и т. д.). Многие нововведения являются комплексными и затрагивают основные аспекты деятельности исправительных учреждений;

- степень обязательности внедрения его в практику (рекомендательный или обязательный, приказной характер);

- инициатором, субъектом новшества выступают: Министерство юстиции, Главное управление исполнения наказаний РФ по РТ, исправительные учреждения и др.;

- степень радикальности нововведения по сравнению с существующей практикой (чем радикальнее изменения, тем больше оказывается сопротивление);

- к числу факторов, влияющих на восприятие новшеств в исправительных учреждениях, относятся особенности самой организации. Их можно разделить на две группы: объективные факторы, не зависящие от сотрудников, и субъективные.

В первую группу включаются: закрытость, степень регламентации, централизация управления, вид режима, размеры исправительного учреждения, численность состава осужденных, возраст сотрудников из числа начальствующего состава, период существования и др.

Вторая группа признаков, характеризующая систему, связана с человеческими особенностями (чаще всего с инновационным потенциалом коллектива).

М. Г. Дебольский является одним из первых исследователей инновационной деятельности в уголовно-исполнительной системе исправительных учреждений, он сводит все субъективные факторы к инновационному потенциалу коллектива, выделяя в нем следующие признаки:

- удовлетворенность трудом;

- информированность о результатах деятельности и нововведениях в системе исправительных учреждений;

- наличие творческой атмосферы в коллективе исправительного учреждения;

- личная заинтересованность сотрудников исправительных учреждений в инновациях¹.

¹ См.: Дебольский М. Г. Психологическое обеспечение нововведений в органах внутренних дел. М., 2003.

Главным препятствием внедрения инноваций, особенно психолого-педагогических, является чрезмерная регламентация деятельности уголовно-исполнительной системы. Часто психолого-педагогические инновации широко не реализуются на практике, так как они не предусмотрены тем или иным приказом или инструкцией.

Например, на базе нескольких исправительных учреждений Пермской области в течение более 10 лет в работе с осужденными использовался психолого-педагогический аутотренинг, однако он так и не был внедрен в широкую практику. Также не был использован и опыт создания коллективов осужденных в исправительных учреждениях Вологодской области и другие новшества. Значительные трудности возникают в связи со становлением и развитием психологической службы.

Восприятие нововведения связано с отношением к нему: пассивным, активным или отрицательным. От него зависят психологические барьеры, возникающие при внедрении новшеств. М. Г. Дебольский выделяет следующие психологические барьеры:

- профессиональная некомпетентность (часто бывает связана с непониманием сущности нововведений);

- перестраховка (при существовании опасения, что нововведение может дать отрицательные результаты);

- устоявшиеся навыки, привычки, традиции (нежелание изменять навыки и умения);

- идилия;

- боязнь потерять вознаграждение;

- нежелание менять место работы в результате нововведений;

- недоверие к науке и др.²

Один из этапов связан с выявлением проблемной ситуации и принятием решения о нововведении. Важной функцией руководителя является анализ оперативной обстановки, включая как внешние факторы, так и внутренние, например профессиональную подготовку личного состава и др. На основе изучения поступающей информации руководитель может понять, что в учреждении что-то не в порядке и приходит к выводу о принятии срочных мер во

² См.: там же.

избежание осложнения ситуации. Противоречия между поставленными целями, задачами, ожиданиями и реальным положением дел составляют сущность проблемной ситуации. Таким образом, выявление проблемной ситуации начинается с осознания противоречий, понимания того факта, что существующими силами и средствами, принятыми методами работы нельзя достигнуть поставленных задач.

Следующий этап заключается в принятии решения о нововведении и подготовке программы его реализации. Для этого создается творческая (рабочая) группа (команда). Руководителю коллектива целесообразно поставить перед творческой группой ряд задач, главные из которых заключаются в следующем:

- четко и подробно описать суть проблемы и факторы, которые привели к ее возникновению;
- дать прогноз развития ситуации, если проблема не будет решена вовремя.

Для того чтобы преодолеть сопротивление нововведению, можно использовать приемы психологического воздействия:

- пригласить сотрудников и руководителей частей и служб принять участие в совещании, на котором будет поддержана идея о нововведении;
- обратиться к ученым, чтобы они выступили с сообщением о нововведении;
- повторно (неоднократно) предложить новшество в измененном виде;
- представить новшество как вариант идей или указаний начальника;
- заручиться поддержкой новшества у авторитетных сотрудников;
- попытаться повлиять на руководителя посредством авторитетных для него лиц.

Необходимым этапом является достаточно сложная и многоплановая организация выполнения программы внедрения новшества. Она включает: доведение информации о нововведении до всех сотрудников и их мобилизацию; профессионально-психологическую подготовку личного состава к работе в новых условиях; контроль за ходом инновационного процесса и коррекцию программы; оценку эффективности нововведения.

Следующий этап – доведение информации о нововведении до сотрудников испра-

вительного учреждения – предполагает формирование у них представлений о сущности инновации, ее последовательности, практической значимости. Одновременно осуществляется мобилизация личного состава (т. е. активизация мотивационной сферы сотрудников).

Потребность в профессионально-психологической подготовке сотрудников к работе в новых условиях обусловлена необходимостью повышения профессионального мастерства личного состава и преодоления психологических барьеров.

Важными формами предупреждения психологических барьеров к нововведению являются развитие коммуникативных качеств, творческого мышления, социально-психологический тренинг и инновационные игры. Их сущность состоит в том, что в процессе дискуссии, проигрывания конкретных ситуаций или анализа трудностей, которые могут возникнуть при внедрении новшества, у участников тренинга формируются соответствующие мотивы и необходимые качества, вырабатывается правильная позиция относительно инновации.

На стадии непосредственного внедрения новшеств важно выбрать научно обоснованную стратегию. Могут быть применены две крайние, противоположные стратегии: растянутая на длительный период и быстрая, радикальная. Управление инновационным процессом включает его контроль и коррекцию. Контроль возлагается на руководителя и рабочую комиссию. При обнаружении отклонений от программы инноваций анализируются причины данного явления. В зависимости от обстоятельств, вызвавших отклонения, вносятся коррективы либо в организацию управления инновационным процессом, либо профессионально-психологическую подготовку сотрудников, либо отдельные элементы самого нововведения.

Заключительный этап связан с оценкой эффективности нововведения, критериями которой являются экономические и оперативно-служебные показатели. Однако любая реорганизация должна быть ориентирована на удовлетворение материальных и духовных потребностей самих сотрудников исполнительного учреждения. В связи с этим

каждое нововведение должно оцениваться с позиций того, насколько оно способствует повышению трудовой активности, уровня удовлетворенности трудом, оптимизации психологического климата в коллективе. Практика убеждает, что игнорирование социально-психологических и воспитательных последствий нововведений приводит к ухудшению оперативно-служебных показателей в работе. Только комплексный подход, включая социально-психологические аспекты, позволяет обеспечить эффективность нововведений в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России.

С. В. Дружинина,
соискатель Академии права и управления
ФСИН России

ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ И РАЗВИТИЮ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАДРОВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УИС

В настоящее время объективные потребности тесной взаимосвязи пенитенциарной науки настолько возросли, что успешное проведение исследовательских, проектно-конструкторских, технологических и других научно-технических работ возможно лишь на базе успешной деятельности всех отраслей народного хозяйства. Кроме того, в названной сфере возникают сложнейшие отношения между человеком и техникой, между самими людьми. Поэтому проблемы организационной культуры кадровых подразделений носят философский, социологический, экономический, правовой характер, и разрешить их можно лишь путем всестороннего анализа всей совокупности социально-экономических процессов, происходящих в среде работников УИС. Социальную природу и направленность организационной культуры кадровых подразделений определяет характер организационной культуры УИС.

Правовое регулирование содержания воспитания у работников УИС организационной культуры должно охватывать: 1) круг вопросов, касающихся понятия организационной культуры кадровых подразделений как объекта регулируемых отношений

Библиографический список

1. Дебольский, М. Г. Психологическое обеспечение нововведений в органах внутренних дел / М. Г. Дебольский. – М., 2003.
2. Зубков, А. И. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России / А. И. Зубков, Ю. И. Калинин, В. Д. Сысоев. – М., 1998.
3. Игнатенко, В. И. Основы предупреждения антиобщественного образа жизни и рецидива преступлений несовершеннолетних : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1993.
4. Ушатиков, А. И. Пенитенциарная психология / А. И. Ушатиков, Б. Б. Казак. – Рязань, 2003.

и ее правового режима; 2) вопросы руководства ФСИН организационной культурой; 3) правовое положение организаций, осуществляющих исследования и разработки вопросов организационной культуры; 4) вопросы, касающиеся связей организаций, занимающихся исследованиями согласно договорам о разработке и передаче достижений в области организационной культуры; 5) вопросы, связанные с правовыми формами обеспечения организации использования достижений организационной культуры в работе кадровых подразделений; 6) вопросы труда и заработной платы работников, занимающихся исследованиями и разработками в области организационной культуры кадровых подразделений; 7) вопросы международного сотрудничества в области организационной культуры; 8) отдельные формы организации внедрения достижений организационной культуры: наставничество, рационализацию, научно-техническую информацию и т. п.; 9) специфику организации внедрения достижений организационной культуры в кадровых подразделениях.

Организационная культура кадровых подразделений УИС России – это совокупность духовных и материальных ценностей, установленный порядок действий и поведения работников кадровых служб, главной целью которых является повышение творческой отдачи персонала, ориентация на сокращение доли и численности работников УИС, разработка и реализация

политики подбора и расстановки персонала, выработка правил приема и увольнения персонала, решение вопросов, связанных с обучением и повышением квалификации персонала, воспитание персонала, достижение цели с наименьшими издержками, социальная эффективность (удовлетворенность трудом), ориентация организационной культуры на согласие.

На первый взгляд может показаться, что социальные аспекты развития организационной культуры кадровых подразделений УИС касаются только вопросов труда и заработной платы сотрудников, занимающихся разработкой и передачей достижений организационной культуры кадровых подразделений. Однако круг проблем имеет и собственно социальную сторону. Так, знание самих достижений в области организационной культуры является специфическим объектом в социальных отношениях, регулируемых правом.

Организационная культура кадровых подразделений определяет условия работы. Множество интересов и надежд связано с идеей организационной культуры как жизненно важной для контроля в управлении. Излишний плюрализм в идеях, что считать приоритетным, приводит к озабоченности, нерешительности, спорам, конфликтам.

Организационная культура кадровых подразделений означает мобилизацию всех резервов, организационно-экономических и социально-психологических, в целях лучшего использования созданного кадрового потенциала, повышения действенности стимулирования труда, укрепления организованности и дисциплины.

Низкая текучесть кадров свидетельствует о том, что организационная культура кадровых подразделений УИС России является своего рода социальным клеем, который сохраняет подразделение как единое целое.

Организационная культура кадровых подразделений УИС России содействует социализации новых сотрудников. Без нее социализация невозможна, как и без социализации не будет носителей культуры. Культура является предпосылкой к социализации и контролирует поведение каждого сотрудника на каждом уровне организации. Она выступает тем компасом, который

указывает на суть организации, стимулирующую людей принимать на себя строгие обязательства по отношению к ней. Организационная культура находит отражение и воспроизводится в организационной структуре кадрового подразделения, стратегических планах организации УИС.

Организационная культура кадровых подразделений неразрывно связана с практикой управления персоналом, и ее следует рассматривать как важный стратегический инструмент управления, позволяющий ориентировать другие подразделения УИС на общие цели, мобилизовать инициативу сотрудников, облегчающий общение между ними.

С этой целью необходимо значительно усовершенствовать методическую основу, а также практику проектирования трудовых процессов в кадровых подразделениях, целесообразно использовать целевой подход к организации премирования сотрудников, при котором размеры премий по каждому показателю стимулирования устанавливаются отдельно, с учетом значимости последних для улучшения общих показателей работы подразделений.

Организационная культура кадровых подразделений УИС определяет необходимость уточнения критериев оценки коллективных норм поведения сотрудников. Реформирование УИС предполагает и соответствующие изменения в поведении людей в коллективе, их отношении к работе, коллегам и к самому себе. Следовательно, анализ характеристики поведения членов коллектива, его стабильности и динамики проявления позволит более комплексно подойти к разработке воспитательных мероприятий и оценке их эффективности, уточнению коллективных норм поведения.

Реформирование и рост организационной культуры приведут к интенсивности труда. В связи с этим становится очевидной необходимость разработки метода обеспечения высокой интенсивности труда. Но возникает вопрос: какова готовность кадрового работника к более высокой интенсивности труда (как физической, так и психологической)? Как свидетельствует практика, физическая готовность значительной части работников УИС не отвечает предъявляемым требованиям.

В этой связи важнейшим ресурсом и инструментом повышения эффективности деятельности кадровых подразделений УИС являются выработка и внедрение Кодекса организационной культуры кадровых подразделений УИС, которым и должны руководствоваться последние в своей работе.

Но поскольку профессиональная этика работника кадровых подразделений является составной частью организационной культуры, поэтому мы предлагаем профессионально-этический кодекс кадровых подразделений УИС.

Кодекс профессиональной этики работника кадрового подразделения УИС

1. Общие положения.

1.1. Работник кадрового подразделения УИС является специалистом, профессиональная деятельность которого направлена на реализацию кадровой политики УИС России по формированию требований к работникам УИС, их подбору, подготовке и рационального использования с учетом состояния и перспектив развития УИС, прогнозов о количественных и качественных ее потребностях в кадрах.

1.2. Работник кадрового подразделения должен отчетливо сознавать, что его деятельность во многих аспектах целенаправленно влияет на человека и коллектив, в котором он работает, на организационную культуру УИС.

1.3. Работником кадрового подразделения является лицо, имеющее высшее образование и прошедшее специальную подготовку (переподготовку) в области социально-трудовых отношений.

2. Назначение Кодекса.

2.1. Основным назначением Кодекса являются:

- закрепление системы основополагающих этических норм и общих правил поведения в соответствии с требованиями, предъявляемыми к персоналу Европейскими пенитенциарными правилами, Общими принципами служебного поведения государственных служащих, утвержденными указом Президента РФ от 12 августа 2003 г. № 885; Концепцией по воспитанию работников УИС;
- осознание работниками реальных возможностей кадровых подразделений влиять на кадры УИС;

– создание основ для правильной оценки роли кадрового работника в формировании и развитии организационной культуры УИС.

3. Основные принципы.

3.1. Права и обязанности кадрового работника определяются действующим законодательством и нормативными документами Минюста России и Федеральной службы исполнения наказаний, а также основываются на общих гуманистических ценностях: уважение друг к другу, защита прав человека, чувство ответственности, честность, доверие, компетентность и корректность в применении кадровых технологий и методов изучения и воздействия на личность.

3.2. Работник кадрового подразделения обязан:

- соблюдать нормы служебной и профессиональной этики, правил делового поведения;
- проявлять корректность и внимательность в обращении с гражданами и представителями организаций;
- уважать обычаи и традиции, моральные убеждения, свободы и права личности;
- учитывать при проведении кадровой, социальной и воспитательной работы особенности различных этнических, социальных групп и конфессий, способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию;
- воздерживаться от поведения, которое могло бы вызвать сомнение в объективном исполнении государственных должностных (служебных) обязанностей, а также избегать конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб репутации или авторитету УИС;
- при угрозе возникновения при исполнении должностных (служебных) обязанностей конфликта интересов стремиться к предотвращению и урегулированию данного конфликта;
- не использовать свое служебное положение для оказания влияния на деятельность государственных органов, организаций, должностных лиц, государственных служащих и граждан при решении вопросов, лично его касающихся;

– воздерживаться от публичных высказываний, суждений и оценок в отношении деятельности органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, и их руководителей, если это не входит в его должностные (служебные) обязанности;

– соблюдать установленные в учреждениях и органах УИС правила публичных выступлений и предоставления служебной информации;

– уважительно относиться к деятельности представителей средств массовой информации по информированию общества о деятельности учреждений и органов УИС, а также оказывать им в установленных законами случаях и порядке содействие в получении достоверной информации.

3.3. В интересах оптимального выполнения своих задач работник кадрового подразделения должен стремиться к взаимодействию с другими функциональными подразделениями и общественными организациями по всестороннему развитию личности, проведению работы по патристическому, профессиональному, нравственному, экономическому, эстетическому, физическому воспитанию, обеспечению развития творческой инициативы, созданию условий для приобретения сотрудниками УИС квалификации и наилучшего использования ими знаний и передового опыта, созданию благоприятного морально-психологического климата в коллективах.

3.4. Публичное распространение кадровой информации должно быть обосновано, учитывать цель и задачи кадровых подразделений УИС.

3.5. Нарушение основных принципов данного Кодекса считать несовместимым с профессиональной деятельностью кадровых работников.

3.6. Важнейшее достоинство Кодекса в триединстве и определении этического поведения:

- 1) органов, руководящих сотрудниками УИС;
- 2) учреждений и органов ФСИН;
- 3) территориальных органов ФСИН.

Кодекс действует, если руководящие органы создали для учреждений и органов ФСИН надлежащие условия. Создание же условий – это служебная и мо-

ральная ответственность руководящих органов¹.

3.7. Руководящий орган этически обязан поддерживать и по возможности укреплять все аспекты деятельности учреждений и органов ФСИН, именно руководящий орган обязан поддерживать минимальные стандарты Европейских пенитенциарных правил в плане финансирования и комплектования штата сотрудников.

3.8. Чтобы выполнять свои задачи по культурному строительству УИС, работники кадровых подразделений УИС должны располагать достаточными средствами, регулярно предоставляемыми из государственных или частных источников.

3.9. Руководящий орган несет особую ответственность за назначение начальника кадрового подразделения, замену сотрудников кадровых подразделений.

3.10. Руководящий орган организационной культуры УИС должен сознавать, что необходимо иметь штат сотрудников кадровых подразделений с соблюдением профессиональных и этических норм Европейских пенитенциарных правил и возможностью их повышения квалификации.

3.11. Роль, которую играют кадровые подразделения, свидетельствует об ответственности государства за состояние организационной культуры УИС.

3.12. Кодекс профессиональной этики сотрудников УИС требует от них осознания и чувства ответственности.

3.13. Сотрудники кадровых подразделений должны постоянно расширять свою деятельность.

3.14. Прием на работу в кадровое подразделение – свидетельство общественного доверия, налагающее большую ответственность. В любом виде деятельности от сотрудников кадровых подразделений требуется абсолютная честность, принципиальность и максимальная объективность.

3.15. Отношения между сотрудниками кадровых подразделений всегда должны быть корректными. Различия во взглядах не должны перерасти в негативные отношения личного характера.

¹ Термин «руководящие органы» используются для обозначения вышестоящей власти, ведающей организационной культурой УИС. Это может быть министр, директор ФСИН, начальник кадрового подразделения.

Библиографический список

1. Аксенов, А. А. Управление в уголовно-исполнительной системе / А. А. Аксенов. – Рязань, 2003.

2. Киселева, Р. Н. Повышение эффективности деятельности исправительных учреждений путем оптимизации их организационной культуры / Р. Н. Киселева // Ак-

туальные проблемы функционирования УИС в свете достигнутых результатов реформирования : сб. науч. тр. фак. управления. В 2 ч. Ч. 2. – Рязань, 2007.

3. Чечкова, А. В. Социально-психологическая адаптация к организационной культуре исправительных учреждений : автореф. ... канд. психол. наук. – Рязань, 2001.

А. В. Звонов,
*инспектор ГУ «МРУИИ № 4
УФСИН России
по Владимирской области»*

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ

Современная уголовная политика России направлена на усиление борьбы с тяжкими и особо тяжкими преступлениями при смягчении уголовной ответственности за преступления небольшой и средней тяжести, что напрямую связано с развитием альтернативных лишению свободы видов уголовных наказаний и служб, их исполняющих. Одним из таких структурных подразделений являются уголовно-исполнительные инспекции (УИИ), задачи которых заключаются в исполнении наказаний в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ, осуществлении контроля за поведением условно осужденных, осужденных беременных женщин и женщин, имеющих детей до четырнадцатилетнего возраста, которым судом отсрочено отбывание наказания, а также предупреждении преступлений и иных правонарушений лицами, состоящими на учете в инспекции.

При осуществлении полномочий по исполнению вышеуказанных уголовных УИИ сталкиваются с рядом проблем, обусловленных несовершенством законодательства, в частности, Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов РФ.

Так, в соответствии с п. 5 ст. 73 УК РФ законодатель дает право суду возложить либо не возложить на условно осужденного

исполнение определенных обязанностей. Казалось бы, это правильный подход при решении вопроса о назначении условного осуждения – необходимо учитывать характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, в том числе смягчающие и отягчающие обстоятельства. Но при внимательном рассмотрении данной статьи в совокупности с п. 3 ст. 74 УК РФ прослеживается возможность ухода от неотвратимости наказания, предусмотренного в случае нарушения условий отбывания наказания, а именно лишения свободы. Замена условного осуждения на лишение свободы предусмотрена только в случае неисполнения возложенных на осужденного судом обязанностей. В свою очередь, возложение обязанностей по представлению инспекции возможно при наличии уже имеющихся. Таким образом, отсутствие возложенных судом обязанностей в момент вынесения приговора не позволяет сотрудникам УИИ принять адекватные меры к нарушителю условий отбывания наказания в виде условного осуждения.

Наиболее ярко «гуманизация наказания» проявилась при разработке и введении в действие ст. 31–38 УИК РФ, регламентирующих такой вид наказания, как «лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью». Самое серьезное наказание, которое может ожидать осужденного, – это продление срока лишения соответствующего права на тот период времени, в течение которого он не исполнял возложенные на него обязанности, если это будет доказано сотрудником УИИ. По нашему мнению, это слишком гуманно.

Кроме того, заслуживает внимания момент рассмотрения представления в отно-

шении условно осужденного в суде. По смыслу ч. 7 ст. 73, ч. 1–3 ст. 74, ч. 2–4 ст. 190 УИК РФ полномочия сотрудников УИИ заканчиваются при направлении представления в суд. Казалось бы, поддерживать данное представление должны именно они, однако их вызывают как представителей, в качестве докладчиков и часто они не обладают необходимыми правами, а прокурор только вправе участвовать, но не обязан. Налицо нарушение принципа состязательности сторон, предусмотренного ст. 15 УПК РФ. Поставленный вопрос касается и других видов уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы.

Забота законодателя о гарантиях объективности и беспристрастности судьи, предусмотренная ст. 63 УПК РФ, не подлежит сомнению. Однако данную статью следует применять только в процессе рассмотрения уголовного дела. Исходя из ее содержания она не может быть применена при рассмотрении в судебном заседании представлений УИИ в отношении одного осужденного по разным основаниям. Повсеместно вопросы по представлению об отмене условного осуждения, продлении испытательного срока, возложении дополнительных обязанностей, замене наказания на лишение свободы решаются теми же судьями, которые изначально выносили приговор. Не нарушаются ли в данном случае вышеуказанные гарантии?

Также следует обратить внимание на вопрос признания осужденного скрывшимся от контроля УИИ. В соответствии с ч. 5

ст. 188 УИК РФ сотрудники УИИ обязаны провести первоначальные разыскные мероприятия по установлению его места нахождения и причин уклонения. В процессе осуществления данных мероприятий сотрудники опрашивают граждан, которым могут быть известны сведения о вероятном местонахождении осужденного, направляют запросы в медицинские учреждения, морги, другие организации и проводят иные мероприятия. Однако согласно ч. 4 ст. 21, ст. 40 УПК РФ запросы, направляемые сотрудниками УИИ, не носят обязательного характера для исполнения, что значительно затрудняет проведение разыскных действий. По-видимому, законодатель, обязывая УИИ к действиям, забыл предоставить им право на их осуществление.

Вышеперечисленные проблемы в деятельности УИИ являются только частью тех проблем, которые необходимо незамедлительно решать в свете реформирования УИС, а именно: внести изменения и дополнения в УК РФ, УПК РФ и УИК РФ, разработать и принять иные нормативные акты, регламентирующие деятельность УИИ.

Библиографический список

1. Об утверждении Инструкции о порядке исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества : приказ Минюста России от 12 апр. 2005 г. № 38 // Рос. газ. – 2005. – 11 мая.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федер. закон : [принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г.]. – М., 2006.

регулирования общего и профессионального образования осужденных к лишению свободы.

Правовой основой получения осужденными к лишению свободы общего образования и профессиональной подготовки являются, во-первых, положения Конституции РФ о правах и обязанностях граждан на образование и выбор профессии (ст. 37, 43), во-вторых, уголовно-исполнительное законодательство, относящее получение общего образования и профессиональной подготовки к основным средствам исправления осужденных (ст. 9 УИК РФ).

В первом случае речь идет о правовом статусе осужденного как гражданина Рос-

Я. С. Ивасенко,
адъюнкт кафедры уголовно-исполнительного права Академии права и управления ФСИН России

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Изменения действующего законодательства Российской Федерации в значительной мере затронули все сферы жизнедеятельности человека. Коснулись они и правового

сийской Федерации с присущими ему неотъемлемыми правами и обязанностями.

Во втором – общее образование и профессиональная подготовка рассматриваются как самостоятельные компоненты в системе основных средств исправления осужденных, а также как элементы воспитательного воздействия. Причем речь идет не просто о получении осужденными того или иного уровня образования, специальности или о ее усовершенствовании, а о процессе, имеющем исключительно высокую воспитательную направленность.

Значимость получения осужденными общего образования и профессиональной подготовки как средства исправления бесспорна, поскольку оно способно не только повышать образовательный и культурный уровни осужденных, но и во взаимодействии с другими средствами оказывать на последних интенсивное позитивное влияние, формировать положительные интересы и потребности, способствовать ресоциализации в период отбывания наказания, стимулировать правопослушное поведение, содействовать достижению целей уголовного наказания, создавать предпосылки для успешной адаптации к жизни на свободе.

Совершенствование рассматриваемого средства исправления, без сомнения, повысило бы его практическую функцию.

В науке уголовно-исполнительного права вопросами правового регулирования общего и профессионального образования осужденных к лишению свободы, применения их общеобразовательной подготовки как средства исправления в разное время занимались такие ученые, как Ю. А. Алферов, Г. П. Байдаков, В. А. Елеонский, Л. Г. Крахмальник, А. А. Лакеев, А. С. Михлин, И. А. Сперанский, Н. А. Стручков, Н. А. Тюгаева, В. А. Фефелов, А. В. Шамис, И. В. Шмаров и др.

Вместе с тем с учетом последних изменений законодательства, уголовно-исполнительной политики правовое регулирование общего и профессионального образования, профессиональной подготовки осужденных к лишению свободы комплексно не исследовалось, в то время как сегодня возникают определенные, иногда достаточно серьезные, вопросы в этой сфере.

В частности, в уголовно-исполнительном законодательстве не урегулировано закрепленное в Конституции РФ и Законе РФ «Об образовании» от 10 июля 1992 г. № 3266-1 (в редакции от 16 марта 2006 г. № 42-ФЗ) право осужденных к лишению свободы на получение среднего профессионального, высшего и послевузовского образования. Юридически осужденные не лишены такого права (ст. 108, 129, 141 УИК РФ), но фактически процедура получения ими данного образования является затруднительной. Как отмечает В. Л. Полозюк, «в настоящее время стали применяться современные дистанционные технологии обучения студентов в местах лишения свободы с использованием спутниковой связи»¹, однако область применения данных технологий сегодня невелика, а заочная форма обучения не может обеспечить в условиях исправительных учреждений реализацию права осужденных на получение среднего профессионального, высшего и послевузовского образования в полном объеме. В этом случае уголовно-исполнительная практика России существенно уступает западной.

Кроме того, в соответствии со ст. 9 УИК РФ «основными средствами исправления осужденных являются: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие». Отсюда следует, что профессиональное образование не относится к основным средствам исправления. Однако оно имеет не меньшее по сравнению с указанными средствами практическое значение для исправления осужденных, формирования у них положительных интересов и потребностей, в значительной мере способствует их адаптации к жизни на свободе.

Таким образом, чтобы повысить эффективность образования осужденных к лишению свободы, заинтересовать их в нем, следует законодательно урегулировать переориентацию производственно необходимых направлений образовательных процес-

¹ Полозюк В. Л. Научить учиться // Преступление и наказание. 2006. № 7. С. 4.

сов в школах, профессиональных училищах уголовно-исполнительной системы на разносторонние, общегражданские, что, в свою очередь, напрямую будет способствовать реализации закрепленного в Конституции РФ права осужденных на выбор профессии, трудоустройству освобождаемых и, как следствие, предупреждению совершения ими новых преступлений.

Еще одна проблема в рассматриваемой сфере заключается в том, что в уголовно-исполнительном законодательстве не нашло конкретизации правовое регулирование получения общего и профессионального образования, профессиональной подготовки осужденными иностранными гражданами и лицами без гражданства.

Существуют также определенные затруднения в части регулирования получения общего и профессионального образования, профессиональной подготовки в определенных видах исправительных учреждений. Так, осужденные, отбывающие наказания в тюрьмах, в связи с «режимными ограничениями»¹ не могут обучаться в профессиональных училищах и тем самым фактически лишены права на получение начального профессионального образования. Осужденные к пожизненному лишению свободы согласно уголовно-исполнительному законодательству имеют возмож-

ность для самообразования и получения профессиональной подготовки и фактически лишены конституционного права на общедоступность получения общего и профессионального образования.

Эти и другие аспекты правового регулирования получения общего и профессионального образования, профессиональной подготовки осужденными требуют пересмотра и законодательного урегулирования.

Дальнейшее совершенствование уголовно-исполнительного законодательства в части, касающейся средств исправления в целом и общего и профессионального образования, профессиональной подготовки осужденных к лишению свободы, в частности, будет способствовать устранению у них негативных наклонностей и формированию одобряемых обществом интересов и потребностей, позволит стать законопослушными гражданами, обладающими знаниями и умениями, необходимыми для полноценной жизни в современном обществе.

Библиографический список

1. Полозюк, В. Л. Научить учиться / В. Л. Полозюк // Преступление и наказание. – 2006. – № 7. – С. 4.
2. Уголовно-исполнительное право : учебник. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / под общ. ред. Ю. И. Калинина. – М.; Рязань, 2006.

А. В. Каляшин,

преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД ВЮИ ФСИН России

АНАЛИЗ ТРЕБОВАНИЙ К СОТРУДНИКУ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

К лицам, поступающим на службу в уголовно-исполнительную систему (далее: УИС), предъявляются определенные требования, которые в юридической литературе классифицируются на *общие* и *специальные*².

Общие требования закреплены в Положении о службе в органах внутренних дел Российской Федерации³ и включают следующее:

- гражданство России;
- соответствие имеющегося у него образования и специальной подготовки требованиям, предъявляемым к должности, на которую он принимается;
- деловые, личные и нравственные качества;
- состояние здоровья и физического развития.

¹ См.: Уголовно-исполнительное право: Учебник: В 2 т. / Под общ. ред. Ю. И. Калинина. М.; Рязань, 2006. Т. 2: Особенная часть С. 344.

² См.: Уголовно-исполнительное право. Общая часть: Учеб. / Под общ. ред. Ю. И. Калинина. Рязань, 2001. С. 426.

³ См.: Об утверждении Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы: Приказ Минюста РФ от 6 июля 2005 г. № 76 // Рос. газ. 2005. 6 июля.

Изучение зарубежного опыта показало, что, например, к кандидату на службу в УИС Германии предъявляются следующие требования: возраст от 18 до 32 лет; определенные физические данные (минимальный рост мужчин не менее 160 см, женщин – 155), интеллектуальные способности и моральные качества¹.

Следует заметить, что с учетом особенностей службы в УИС предъявляемые требования являются обоснованными.

Сотрудникам УИС необходимо уметь действовать в экстремальных ситуациях, применять различные виды мер государственного принуждения, противостоять различного рода негативным воздействиям.

Специальные требования, предъявляемые к сотрудникам УИС, зависят от места службы, должности и других обстоятельств.

«Применительно к отдельным должностям сотрудников существуют требования рекомендательного характера. Так, сотрудники, работающие в оперативно-режимных подразделениях, как правило, должны иметь юридическое, начальники отрядов – педагогическое либо юридическое образование»².

К сотрудникам УИС, относящимся к персоналу учреждений, исполняющих наказания (непосредственно работающих с осужденными), могут предъявляться специальные требования к профессиональным, личным качествам, социально-демографическим показателям сотрудников оперативной службы и отделов безопасности, воспитательной, производственно-технической, медико-санитарной служб и т. д.³

Н. Н. Барановский и В. М. Демин специальные требования к сотрудникам основных служб УИС определяют как *квалификационные*. Данные требования рекомендованы к использованию кадровыми

аппаратами, отраслевыми службами учреждений и органами ФСИН России при осуществлении отбора кандидатов на службу в УИС и на учебу в образовательные учреждения ФСИН России⁴. Квалификационные требования предъявляются к лицам, претендующим на прохождение службы в следующих службах УИС: безопасности, охраны и конвоирования, оперативная, кадровая и т. д.

Конкретный перечень квалификационных требований к кандидату на службу в УИС, касающихся образования, физической подготовки, состояния здоровья, личных и деловых качеств, определяется Минюстом России и ФСИН России и зависит от должности, на которую он претендует.

Таким образом, с учетом специфики службы в УИС к кандидатам предъявляются общие требования, закрепленные в правовых нормах. Кроме того, они могут быть дополнены специальными (квалификационными) требованиями, носящими рекомендательный характер.

Однако, по нашему мнению, в правовых нормах, регулирующих требования, предъявляемые к сотруднику УИС, неоднозначно определено право на службу в УИС граждан России, которые имеют гражданство иностранного государства (бипатриды).

Согласно ч. 1 ст. 6 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ лица, имеющие двойное гражданство, рассматриваются в Российской Федерации как ее граждане, за исключением случаев, специально оговоренных соответствующим международным договором или федеральным законом. Так, гражданин Российской Федерации может приобрести гражданство иного иностранного государства, что не повлечет прекращения гражданства России⁵.

Следует отметить, что существование института двойного гражданства законода-

¹ См.: Пантелеев В. А. Предупреждение и пресечение кризисных ситуаций в пенитенциарных системах зарубежных стран: Учеб. пособие / ВЮИ Минюста России. Владимир, 2005. С. 30.

² Уголовно-исполнительное право России: Учеб. / Под ред. В. И. Селиверстова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 147.

³ См.: Уголовно-исполнительное право. Общая часть: Учеб. / Под общ. ред. Ю. И. Калинина. С. 430.

⁴ См.: Барановский Н. Н., Демин В. М. Квалификационные требования к сотрудникам основных служб уголовно-исполнительной системы: Метод. рекомендации. М., 2006.

⁵ См.: Россинский Б. В. Административные правонарушения: Энцикл. слов. М., 2003. С. 288.

тельством России рассматривается как исключительный случай, поскольку условием приобретения российского гражданства является отказ от гражданства иностранного государства (п. «г» ч. 1 ст. 13 вышеуказанного Закона).

По мнению В. В. Коряковцева, лица, имеющие двойное гражданство, могут состоять на государственной службе, допускаться к сведениям, содержащим государственную тайну¹.

В соответствии с ч. 2 ст. 2 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ иностранным гражданам предоставлено право прохождения военной службы в добровольном порядке (по контракту) на воинских должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами в Вооруженных силах РФ, других войсках, воинских формированиях и органах.

Пункт 1 ч. 2 ст. 40.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1 устанавливает положение, согласно которому лицо не может быть принято на службу в органы и учреждения прокуратуры и находиться на указанной службе, если оно имеет гражданство иностранного государства. В пп. 4 п. 4 ст. 49 Проекта Федерального закона «О правоохранительной службе Российской Федерации» заложена норма о расторжении контракта и увольнении служащего с правоохранительной службы в связи с приобретением им гражданства другого государства.

Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. № 5473-1 и Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации не устанавливают прямой запрет на прохождение службы в УИС гражданам России, имеющим гражданство иностранного государства.

Изучение опыта иностранных государств показало, что подавляющее боль-

шинство полицейских департаментов США принимают на работу только граждан этой страны, однако некоторые подразделения в последнее время принимают также иностранцев, не имеющих ограничений по условиям пребывания в стране. В Англии полицейским может стать только тот, кто является гражданином этой страны (по рождению или натурализации)².

Таким образом, по нашему мнению, следует дополнить п. «б» ст. 57 «Основания для прекращения службы» Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, изложив его в следующей редакции: «прекращение гражданства Российской Федерации или *приобретение гражданства другого государства*».

Предложенное дополнение позволит уменьшить ограничение прав граждан России, имеющих гражданство иностранного государства, поступающих на службу в учреждения и органы ФСИН России, так как, с нашей точки зрения, государственная власть и обеспечение правопорядка являются прерогативой граждан, имеющих только гражданство Российской Федерации.

Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации не включает следующие ограничения, установленные федеральными законами, являющиеся основаниями для отказа в приеме на службу в УИС: отказ от прохождения процедуры оформления допуска к сведениям, составляющим государственную тайну; прохождения обязательной государственной дактилоскопической регистрации и др. Так, в соответствии с п. «в» ст. 9 Федерального закона «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ обязательной государственной дактилоскопической регистрации подлежат граждане Российской Федерации, проходящие службу в учреждениях и органах УИС.

¹ См.: Коряковцев В. В. Гражданство РФ: приобретение и оформление: Комментарий к рос. законодательству. СПб., 2005. С. 25.

² См.: Морозов В. М. Социальные проблемы подготовки кадров правоохранительных органов: Моногр. / ВЮИ Минюста России. Изд. 2-е. Владимир, 2004. С. 227.

Библиографический список

1. Морозов, В. М. Социальные проблемы подготовки кадров правоохранительных органов : монография / В.М. Морозов ; ВЮИ Минюста России. – Изд. 2-е. – Владимир, 2004.

2. Мюллер, Томас. Статус сотрудника пенитенциарной системы, набор нового персонала и подготовка кадров в Герма-

нии / Томас Мюллер // Состояние, тенденции и перспективы развития уголовно-исполнительной системы : материалы междунар. науч.-практ. конф., 4 окт. 2004 г., Липецк. – Липецк, 2004.

3. Уголовно-исполнительное право. Общая часть : учебник / под общ. ред. Ю. И. Калинин. – Рязань, 2001.

Н. А. Коломытцев,

начальник кафедры

уголовно-исполнительного права

ВЮИ ФСИН России

доктор юридических наук, профессор

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ ОСОБО ОПАСНОГО РЕЦИДИВА В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Новые социально-экономические явления и процессы, изменения нравственно-психологической атмосферы в обществе способствовали включению в число основных задач повышение эффективности предупреждения преступлений. В настоящее время это особо актуально, так как в Российской Федерации сохраняется высокий уровень зарегистрированной и латентной преступности. Кроме того, многие проблемы связаны с организованной преступностью, охватившей различные сферы жизнедеятельности, включая органы государственной власти и правоохранительные структуры. Поэтому работу учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, нельзя считать полностью отвечающей современным гуманистическим представлениям.

Известные обязательства России в рамках приведения внутренних законодательных нормативных актов в соответствие с европейскими стандартами обусловлены ее участием в реализации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Эксперты Совета Европы и отечественные юристы сформулировали критерии, обосновывающие целесообразность изменения действующего законодательства

Российской Федерации с учетом рекомендаций указанной Конвенции.

Согласно Европейским пенитенциарным правилам 2006 г. основной целью наказания является защита общества от преступных посягательств. Для ее достижения необходимо решение задач, связанных с предупреждением преступлений со стороны осужденных, их исправлением или ресоциализацией.

Различные рекомендации, содержащиеся в Европейских пенитенциарных правилах, направлены на пересмотр и модернизацию реформ, происшедших в уголовно-исполнительной политике.

Субъекты особо опасного рецидива, отбывающие наказание в виде лишения свободы, как граждане Российской Федерации обладают правами и свободами человека и гражданина. Закрепление правового положения указанной категории лиц создает гарантию обеспечения принципа законности в деятельности исправительных учреждений.

Условия и оплата труда, продолжительность рабочего времени, правила техники безопасности и время отдыха осужденных регулируются законодательством о труде и нормами уголовно-исполнительного права в соответствующих законах и ведомственных актах.

Однако организация труда 76 % самых опасных преступников сопряжена со значительными трудностями преодоления социально-нравственной и психолого-педагогической запущенности их личности.

Практика показала, что эти осужденные имеют низкий уровень общеобразовательной и профессиональной подготовки, около 97 % не приспособлены к целенаправленному труду; 26,7 % субъектов особо опас-

ного рецидива вели паразитический образ жизни; 73,3 % работали до совершения преступления на производстве в обществах с ограниченной ответственностью или на стройках.

Следовательно, перед персоналом исправительных колоний и тюрем, предприятиями разных форм собственности, общественностью стоит первоочередная задача преодоления отрицательных качеств осужденных путем включения их в труд, воспитания потребности трудиться в коллективе, реализации положения европейских стандартов о том, что труд не должен использоваться как наказание.

Государство берет на себя обязанность защищать права, свободы и интересы осужденных. Вместе с тем ст. 10–15 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) определили конкретный перечень прав и обязанностей лишенных свободы, отвечающих требованиям международных документов.

Закон воспроизводит также другие требования и рекомендации европейских норм, касающихся, например, классификации осужденных при особо опасном рецидиве преступлений, условий отбывания наказания, организации с ними воспитательной работы, обучения в общеобразовательных школах и профессиональных училищах.

Европейские правовые стандарты содержат этические и организационные аспекты здравоохранения для осужденных. Согласно ст. 97 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) к лицам, страдающим психическим расстройством не исключающим вменяемости, больным алкоголизмом или наркоманией, и осужденным к ограничению свободы, аресту, лишению свободы, учреждения, исполняющие данные наказания, по решению суда применяют принудительные меры медицинского характера. Данные меры применяются к 42 % субъектов особо опасного рецидива одновременно с отбыванием назначенного уголовного наказания.

Вместе с тем, если будет установлено наличие психического расстройства, не исключающего вменяемости у обследо-

ванных нами осужденных в период отбывания наказания, и это связано с возможностью причинения указанным осужденным иного существенного вреда или опасностью для себя, иных лиц, а также заболеванием алкоголизмом или наркоманией, то сотрудники исправительных учреждений должны направить в судебный орган представление о назначении таким осужденным принудительных мер медицинского характера.

Наряду с применением к субъектам особо опасного рецидива принудительных мер медицинского характера в соответствии со ст. 18 УИК РФ к ним может применяться и обязательное лечение (по решению медицинской комиссии учреждения, исполняющего наказание).

На наш взгляд, более успешному достижению целей социальной адаптации освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы будет способствовать наличие норм в семейном законодательстве, предусматривающих законный интерес этих лиц к трудовому и бытовому устройству путем пересмотра положения, ликвидирующего упрощенный порядок расторжения брака с лицами, осужденными к лишению свободы на срок не менее трех лет.

По нашему мнению, реализация данных предложений создаст условия и возможности для сохранения родственных отношений, семьи, будет положительно сказываться на закреплении результатов уголовного наказания в виде лишения свободы и решении проблемы применения европейских правовых актов в деятельности персонала исправительных колоний особого, строгого режимов и тюрем уголовно-исполнительной системы Федеральной службы исполнения наказаний России.

Библиографический список

1. Европейские пенитенциарные правила. – Страсбург, 2006.
2. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными и процессуальные положения эффективного выполнения этих правил. – Нью-Йорк, 1998.

А. А. Кулакова,
*старший преподаватель кафедры
пенитенциарной педагогики, психологии
и социальной работы
ВЮИ ФСИН России*

ОСОБЕННОСТИ ВИКТИМИЗАЦИИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Центральным звеном в системе понятий виктимологии и основным элементом ее предмета является виктимность.

Термин «виктимность» введен в научный оборот Л. В. Франком, который определил индивидуальную виктимность как реализованную и потенциальную способность «тех или иных лиц стать потерпевшими или, иными словами, неспособность избежать преступного посягательства там, где объективно это было возможно»¹.

В. И. Полубинский считает, что при определении характеристики виктимности конкретного человека следует иметь в виду не любую его повышенную способность становиться жертвой преступления, а лишь особенности личности и поведения пострадавшего, в том числе специфику его взаимоотношений с причинителем вреда. Ученый рассматривает индивидуальную виктимность как «свойство данного человека, обусловленное его социальными, психологическими или биофизическими качествами (либо их совокупностью), способствующее в определенной жизненной ситуации формированию условий, при которых возникает возможность причинения ему вреда противоправными действиями»².

В. Я. Рыбальская определяет виктимность как «комплекс стабильных типических социальных и (или) психологических свойств личности», как «весьма сложное понятие, поскольку уязвимость личности обусловлена существенно различающимися факторами»³.

А. И. Папкин называет ее комплексным психологическим образованием личности, способным при определенных об-

стоятельствах привести к несчастному случаю, ранению или гибели⁴.

Некоторые ученые выделяют два конститутивных типа виктимности:

– личностный (антропологический) – объективно существующее у человека качество, выражающееся в субъективной способности некоторых индивидуумов в силу образовавшихся у них совокупности психологических свойств становиться жертвами определенного вида преступлений в условиях, когда имела реальная и очевидная для обыденного сознания возможность избежать этого;

– ролевой (атрибутивный) – объективно существующая в данных условиях жизнедеятельности характеристика некоторых социальных ролей, выражающаяся в опасности для лиц, их исполняющих, независимо от своих личностных качеств, подвергнуться определенному виду преступных посягательств лишь в силу исполнения такой роли⁵.

Применительно к исследованию сотрудников уголовно-исполнительной системы можно структурировать виктимность по четырем критериям:

– личностному, обусловленному индивидуальными психологическими качествами человека (неосторожность, некритичность, отсутствие опыта, склонность к риску и т. д.);

– антропологическому, определенному наличием физиологических особенностей, делающих жертву уязвимой перед преступником (физическая слабость, в том числе в силу возраста, половой принадлежности, болезни, беспомощное состояние и т. п.);

– социально-ролевому, обусловленному положением в социуме (профессиональная принадлежность, лидерство либо подчиненность, реализация властных полномочий и т. п.);

– атрибутивному, вызванному наличием у жертвы оружия, ключей и других предметов, заманчивых для преступника.

Уровни виктимности являются личностным качеством и характеризуют степень виктимизации личности, уязвимости поведения определенного лица и вероятности

¹ Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977. С. 8.

² Полубинский В. И. Правовые основы учения о жертве преступления. Горький, 1979. С. 32–33.

³ Рыбальская В. Я. Виктимологические исследования в системе криминологической разработки проблем профилактики преступлений несовершеннолетних // Вопр. борьбы с преступностью: Сб. ст. М., 1980. Вып. 33. С. 33.

⁴ См.: Папкин А. И. Психология безопасности сотрудников ОВД. М., 2000. С. 35.

⁵ См., напр.: Коновалов В. П. Виктимность и ее профилактика // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. Иркутск, 1992. С. 25–26.

стать жертвой в криминальной или иной опасной ситуации. Чем выше уровень виктимности, тем больше вероятность стать жертвой и наоборот. Динамика уровней виктимности может меняться.

Определенное поведение, социальная роль, статус, если они создают так называемую предрасположенность к тому, что лицо при определенных обстоятельствах может стать жертвой преступления, выражают специфическое свойство этого лица, отражающее его личностные качества. Это свойство представляет собой одно из составляющих качеств индивидуальной виктимности, выступающей своего рода состоянием уязвимости, которое зависит не только от субъективных, но и от объективных факторов¹.

Таким образом, индивидуальная виктимность складывается из личностного и ситуационного компонентов, причем качественная характеристика первого находится в зависимости от второго.

Личностный компонент индивидуальной виктимности – это способность стать жертвой в силу определенных, присущих индивиду субъективных качеств. Условно говоря, это – виктимная годность определенного лица.

Повышенная степень уязвимости за счет личностного компонента виктимности вытекает из наличия соответствующих виктимных предрасположений, т. е. социальных, психологических, биофизических качеств, повышающих степень уязвимости индивида и проявляющихся в большей мере активно.

Таким образом, индивидуальная виктимность – это способность, а повышенная индивидуальная виктимность – сочетание способности и предрасположенности стать жертвой, причем способность в большей или меньшей степени усиливается наличием предрасположений. Исходя из этого, мы полагаем, что позиция, из которой следует возможность для конкретного лица оказаться жертвой преступления, т. е. приобрести реальную, реализованную виктимность, не будучи потенциально виктимным, принципиально неверна. Связь между личностными компонентами виктимности двусторонняя.

Если виктимная способность может реализоваться практически при отсутствии виктимных предрасположений (а при обычной виктимности так и происходит), то противоположный вариант реализации невозможен.

Криминальная виктимность определяется через социально-отклоняющуюся активность субъекта², через совокупность отклонений от безопасного поведения, от безопасного образа, стиля жизни, ведущих к повышенной уязвимости, доступности, привлекательности такого субъекта для правонарушителя.

Итак, виктимность есть свойство определенной личности, социальной роли или социальной ситуации, которое провоцирует или облегчает преступное поведение и зависит от ряда факторов: личностных характеристик; правового статуса должностного лица; специфики его служебных функций; уровня материальной обеспеченности и защищенности; степени конфликтности ситуации; особенностей места и времени, в которых эта ситуация развивается³.

Стоит признать существование профессиональной виктимности сотрудников правоохранительных органов вообще и уголовно-исполнительной системы, в частности. Последние имеют индивидуальные характеристики, повышающие или понижающие их уязвимость, но сам факт найма на работу в органы, исполняющие уголовные наказания, с нашей точки зрения, является фактором, резко повышающим вероятность преступных посягательств в отношении такого человека.

Библиографический список

1. Франк, Д. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии / Д. В. Франк. – Душанбе, 1977. – С. 8.
2. Полубинский, В. И. Правовые основы учения о жертве преступления / В. И. Полубинский. – Горький, 1979. – С. 32–33.
3. Рыбальская, В. Я. Виктимологические исследования в системе криминологической разработки проблем профилактики преступлений несовершеннолетних / В. Я. Рыбальская // Вопр. борьбы с преступностью : сб. ст. – М., 1980. – Вып. 33. – С. 33.

¹ См.: Коновалов В. П. Указ. соч. С. 25; Рыбальская В. Я. Виктимологическая характеристика несовершеннолетнего преступника // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. Иркутск, 1982. С. 25–27.

² См.: Сабитов Р. А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия). Томск, 1985. С. 11.

³ См.: Инишаков С. М. Зарубежная криминология. М., 1997. С. 184.

В. Е. Лапшин,
*начальник кафедры боевой
и тактико-специальной подготовки
ВЮИ ФСИН России*
кандидат юридических наук

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО (ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Под социально-педагогической концепцией мы понимаем систему педагогических идей, определяющих цели, задачи, основные направления воспитания и образования.

Система взглядов на ресоциализацию личности осужденного в процессе исполнения уголовного наказания – это комплекс социально-педагогических идей, которые обуславливают сущность и характер ресоциализации и опираются на гуманизацию, психологизацию и педагогизацию процесса исполнения уголовного наказания.

Принципиальной основой построения данной концепции является положение о субъектном развитии личности. Навязывая «воспитательные» мероприятия, невозможно развить человека социально и духовно. Оказавшись в местах лишения свободы, осужденные, осознав свое положение, могут и должны изменить свое положение сами, выбирая для этого не аутодеструктивные, а созидательные способы. Уголовное наказание должно побуждать их к этому, оказывать помощь в коррекции своего отношения к закону и принятым в обществе моральным нормам.

Уголовное наказание мы рассматриваем как способ изменения поведения личности. Кара – это не цель наказания, а его содержание. Общественное сознание воспринимает кару как восстановление попорченной социальной справедливости, конкретный же человек воспринимает ее как невозможность удовлетворить жизненно важные потребности личности. Это осознание стимулирует личность к изменению своего поведения – исправлению.

А. В. Пищелко отмечает, что в настоящее время в практике исполнения уголовного наказания под исправлением понимают цель деятельности исправительного уч-

реждения, под перевоспитанием – процесс изменения личности осужденного под воздействием системы воспитательных воздействий¹.

Другими словами, цель перевоспитания – исправление правонарушителя – коррекция его поведения до выработки привычки соблюдения правовой нормы.

Мы придерживаемся точки зрения А. В. Пищелко и Д. В. Сочивко, которые считают основной целью уголовного наказания ресоциализацию личности осужденного, формирование в процессе отбывания им уголовного наказания качеств личности, обеспечивающих включение его в конструктивную жизнь общества².

Процесс ресоциализации складывается из целенаправленного влияния на поведение и деятельность человека в процессе исполнения уголовного наказания со стороны общества (представитель – администрация исправительного учреждения), воздействия среды (необходимое условие развития личности) и активности самого человека как субъекта этого процесса, проявляющейся в избирательном отношении к ближайшему окружению, его нормам и ценностям, к воспитательным воздействиям, самовоспитанию и саморегулированию поведения.

Ведущей идеей социально-педагогической концепции ресоциализации личности осужденного выступает идея гуманизации процесса исполнения уголовного наказания.

Гуманизация системы исполнения уголовного наказания – это важнейшая характеристика жизнедеятельности исправительных учреждений, предполагающая установление гуманных (нравственно-правовых) отношений как в среде осужденных, так и между осужденными и администрацией исправительного учреждения. Она является ключевым элементом нового социально-педагогического мышления сотрудников исправительных учреждений, корригирующим взглядом на

¹ Пищелко А. В., Сочивко Д. В. Реадаптация и ресоциализация. М., 2003.

² См.: там же.

характер и суть исправительного процесса, в котором и администрация исправительного учреждения, и осужденные выступают как субъекты ресоциализации личности осужденного.

В чем состоит гуманистическая сущность процесса исполнения уголовного наказания? Это – ориентация на ресоциализацию личности правонарушителя на основе признания его права на определенную свободу (в условиях несвободы), возможность развития и креативного проявления своих сущностных (физических и духовных) сил в социально-позитивной деятельности в противовес ранее доминировавшей ориентации на формирование конформного поведения человека в жестко очерченных рамках ролевых функций. Нравственно-правовое и социально-нравственное развитие осужденных, исходя из методологии ценностного подхода, предполагает формирование мотивационно-ценностного отношения их к нравственно-правовой и социально-нравственной деятельности, являющегося центральным звеном в сложном синтезе структур, характеризующих его личностную готовность к ресоциализации.

Мотивационно-ценностное отношение представляет собой единство объективного и субъективного. В качестве объективного положения осужденного выступает его избирательная направленность на социально-нравственные ценности.

Социально-нравственные ценности – это те нравственные нормы, которые позволяют человеку удовлетворить свои первичные и духовные потребности социально допустимыми способами: реализация в обществе, самоактуализация в общении, самодетерминация личности, ее самовыражение и т. д.

Перестройка мотивационной сферы осужденного на различных этапах отбывания уголовного наказания зависит, прежде всего, от доминирующего вида деятельности – динамических, содержательных тенденций нравственно-правовой парадигмы, коммуникативности, опреде-

ляющих развитие у осужденных преобладающих ценностных ориентаций. Правовая (соблюдение режима отбывания наказания), трудовая, когнитивная, коммуникативная виды деятельности выступают средством разрешения диалектических противоречий, возникающих во время исполнения уголовного наказания, и связаны с противопоставлением и столкновением социально-нравственных и асоциальных норм, витального образа, просоциальной и преступной деятельности. Отсюда и сам процесс субъектного преобразования личности осужденного необходимо рассматривать с точки зрения разрешения этих противоречий. Личностно-деятельностный подход как ведущая стратегия гуманизации процесса исполнения уголовного наказания позволяет преобразовать собственно социально-педагогические задачи уголовного наказания в «личностный смысл» деятельности осужденных и обеспечить субъектную позицию их развития.

На наш взгляд, в процессе ресоциализации необходимо относиться к осужденному как к отличной от других личности и персонализировать перевоспитание. Это нужно для того, чтобы и сам осужденный воспринимал себя уникальной личностью и подобным образом относился к каждому из окружающих. В соответствии с данной установкой и администрация исправительного учреждения, и осужденные должны относиться к каждому человеку как к самостоятельной ценности, а не как к средству достижения своих целей.

Библиографический список

1. *Карпец, И. И.* Наказание: социальные, правовые и криминологические проблемы / И. И. Карпец. – М., 1993.
2. *Пищелко, А. В.* Реадаптация и ресоциализация / А. В. Пищелко, Д. В. Сочивко. – М., 2003.
3. *Сочивко, Д. В.* Расколотый мир. Опыт анализа психодинамики человека в экстремальных условиях жизнедеятельности / Д. В. Сочивко. – М., 2002.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ОСУЖДЕННЫХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ

На протяжении веков ключевой проблемой общественно-политической мысли являлось выяснение сущности равенства людей и путей его достижения. Многие выдающиеся мыслители стремились дать ответ на этот «вечный» вопрос, пытались прогнозировать развитие такого государственного и общественного устройства, при котором принципы равенства и социальной справедливости получили бы действительное воплощение.

Каждой ступени в историческом развитии человечества присуще свое понимание равенства между людьми. Оно находило отражение не только во взглядах мыслителей и ученых, но и в источниках права. Равенство признавалось в философии неотъемлемым свойством справедливости и права. В исследовании данной проблемы при социализме существовал явный крен в сторону внедрения фактического равенства в ущерб формально-юридическому. Всеобщее уравнивание в этот период не способствовало реальному воплощению прав и свобод человека.

В течение многих лет принципы права рассматривались с преобладанием классового подхода. Современная теория права исходит из гуманистических представлений и общечеловеческих ценностей, которые не должны ущемлять политические, экономические и иные интересы.

Принципы права объективны по своему характеру, хотя одновременно являются субъективной категорией. Объективность принципов определяется тем, что основные идеи, содержащиеся в них, подлежат обязательному воплощению как в конкретной отрасли права, так и при реализации в правоприменительной деятельности. Субъективность принципов права связана с тем, что они формулируются людьми, а затем воспринимаются общественным сознанием как нравственные постулаты и входят в качестве составной части в правовую идеологию.

Принцип равенства граждан перед законом характеризует прежде всего форму отношения закона к гражданину и не касается

имеющихся в действительности различий между ними. Данный принцип не раскрывает содержание самого закона, поскольку требование равенства граждан сформулировано безотносительно к характеру этого нормативного акта. В такой ситуации неясен характер закона – прогрессивный, полезный для общества или дискриминационный. В данном случае подчеркивается то, что закон одинаков для всех (*Dura lex, sed lex*), что ему безразличны фактически существующие различия между людьми. Как нам представляется, принцип формального равенства граждан перед законом предполагает следующие требования к организации взаимодействия граждан и закона: нормативный акт не может устанавливать, а гражданин не вправе претендовать на исключительное положение в сфере права; нравственные качества закона, его мягкость и суровость должны быть справедливы для всех; закон должен вознаграждать и карать граждан одинаково, причем вознаграждать беспристрастно, то есть без учета прежних наказаний, а карать, невзирая на прежние заслуги; принцип равенства перед законом обязывает к тому, чтобы на всех граждан и на все юридически значимые действия в одинаковой мере распространялись разрешения и запреты, исходящие из закона, то есть, если что-то разрешено, то это можно делать всем, если запрещено, то этого нельзя совершать никому; все члены общества должны подчиняться единой системе законов, неуклонно соблюдать и исполнять юридические предписания; каждый гражданин обязан воздерживаться от нарушения норм права и предотвращать подобные нарушения со стороны других лиц. Последнее требование выражает идею законности, игнорирование которой компрометирует идею равенства всех перед законом и показывает незащищенность самого закона перед злоупотреблениями других людей, имеющих власть и деньги.

Принцип равенства перед законом принадлежит к числу демократических принципов общественной жизни и закреплён в целом ряде международных актов: Всеобщей декларации прав человека 1948 г.¹,

¹ См.: Всеобщая декларация прав человека 1948 г. // Международные акты о правах человека: Сб. док. М., 2002.

Международном пакте о гражданских и политических правах 1976 г., Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г., Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме 1989 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и др.

Движение нашего общества к формированию институтов и структур правового государства, основанных на общечеловеческих ценностях, требуют особого признания прав человека, их провозглашения, совершенствования механизма их реализации и юридической защиты.

В ст. 19 Конституции Российской Федерации говорится: «Все граждане равны перед законом независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям». Под правами и свободами человека следует понимать естественные, неотчуждаемые, соблюдаемые, охраняемые и защищаемые государством возможности свободно и осознанно выбирать вид и меру своего поведения. Таким образом, равенство перед законом является конституционным правом каждого человека.

Уголовно-исполнительное право – материальный носитель присущих ему принципов, которые находят выражение в виде конкретных норм или в содержании целой группы норм и институтов. Независимо от формы проявления они тесно взаимосвязаны с самим уголовно-исполнительным правом и не существуют вне образующей его системы норм. В противном случае они будут не принципами права, а принципами уголовно-исполнительной политики либо идеями и взглядами людей по вопросам исполнения наказаний.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ в ст. 8 впервые в истории развития пенитенциарного законодательства нашей страны установил основные принципы уголовно-исполнительного законодательства. Закрепление системы принципов свидетельствует о том, что возрос уровень и роль право-

вой науки, сумевшей теоретически обосновать ключевые идеи, положения, заложенные в основу данного нормативного акта.

Важным принципом уголовно-исполнительного законодательства является равенство осужденных перед законом¹. Содержание принципа равенства осужденных перед законом представляет собой совокупность трех элементов: равенства в законе; равенства перед законом; равной юридической защиты. Поэтому нормы уголовно-исполнительного законодательства призваны обеспечить: равенство условий содержания осужденных независимо от указанных выше характеристик; одинаковое правовое положение осужденных (совокупность прав, законных интересов и обязанностей осужденных); равенство дисциплинарной и иной специальной ответственности осужденных за нарушение установленного порядка отбывания наказания. При этом указанный принцип реализуется не только в отношении всех осужденных: граждан России, иностранных граждан и лиц без гражданства, отбывающих наказание на территории нашей страны.

Основу содержания этого принципа в уголовно-исполнительном законодательстве составляет требование равных критериев для определения условий отбывания наказания и одинаковую для различных категорий граждан ответственность при неравенстве таких свойств, которые имеют важное значение для ее применения. Различие между конституционным и уголовно-исполнительным понятием равенства заключается в том, что конституционная формулировка закрепляет равенство «всех», а уголовно-исполнительная провозглашает равенство осужденных перед законом.

Равенство осужденных перед законом не означает равенство условий отбывания наказания. Они дифференцируются в зависимости от возраста, состояния здоровья, пола, вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденных, их поведения.

Особенности отбывания наказания и уголовной ответственности для женщин, муж-

¹ См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. М., 2006.

чин пожилого возраста, должностных лиц, предусмотренных действующим законодательством, не дают оснований для вывода об отступлении в этих случаях от принципа равенства граждан перед законом.

Запрет применять к женщинам пожизненное лишение свободы и смертную казнь не может рассматриваться как отказ от принципа равенства при применении к ним мер уголовной ответственности. Он обусловлен определенными психофизиологическими особенностями женщин, которые более уязвимы во взаимодействии с внешней средой, чем мужчины. Поэтому данный запрет не может считаться как данная женщинам привилегия и как нарушение равенства критериев определения содержания и размеров уголовного наказания.

По этой причине не может рассматриваться как нарушение принципа равенства запрет применять пожизненное лишение свободы и смертную казнь к мужчинам, достигшим к моменту вынесения приговора 65-летнего возраста.

Равенство и различие должны определяться применительно к различным группам осужденных. Так, совершенно справедливо лица, осужденные к пожизненному лишению свободы, могут быть представлены к условно-досрочному освобождению по отбытии не менее 25 лет лишения свободы. В этом выражается дифференцированный подход к осужденным в зависимости от степени их социальной опасности. Однако в своей среде осужденные к пожизненному лишению свободы должны быть равны, что выражается в их идентичном правовом положении.

Принцип равенства осужденных перед законом – это руководящая идея, содержащая два взаимосвязанных элемента: закрепление формального юридического равенства осужденных перед уголовно-исполнительным законом; стремление к социально справедливому фактическому равенству свободы для различных групп осужденных путем предоставления им специальных правовых статусов. Указанные элементы неразрывно связаны друг с другом. Если представить, что действует только первый элемент равноправия осуж-

денных – их формальное равенство перед уголовно-исполнительным законом, а второй элемент – социально справедливое фактическое равенство тяжести условий отбывания наказания за счет специальных юридических статусов для всех категорий лиц, лишенных свободы – отсутствует, то в этом случае различные категории осужденных (мужчины и женщины, взрослые и несовершеннолетние, здоровые и больные) обладали бы совершенно определенным кругом специальных прав и обязанностей (специальным юридическим статусом) независимо от особенностей организма, состояния здоровья. Они подвергались бы одинаковым дисциплинарным мерам, обязывались выполнять одни и те же нормы выработки. При такой ситуации фактические условия отбывания лишения свободы для женщин, несовершеннолетних станут вообще невыносимыми или намного тяжелее, чем для взрослых мужчин.

Вместе с тем законодательство устанавливает для всех категорий осужденных одинаковые возможности изменения своего правового положения в зависимости от поведения в период отбывания наказания.

Исходя из вышесказанного следует, что принцип равенства осужденных заключается в раздельном содержании осужденных различных групп, различное воспитательное воздействие применительно к каждой категории осужденных, создании различных условий отбывания наказания, различном правовом положении осужденных, основанном на их классификации в зависимости от возраста, пола, состояния здоровья, общественной опасности личности и степени исправления.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. // Международные акты о правах человека : сб. док. – М., 2002.
2. Конституция (Основной закон) Российской Федерации. – М., 2002.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах 1976 г. // Права человека. Основные международные документы : сб. док. – М., 1989.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. – М., 2006.

В. В. Меркурьев,
*заместитель начальника ВЮИ ФСИН
России по заочной форме обучения
доктор юридических наук, доцент*
О. Н. Мальцева,
*старший инспектор отдела кадров
ФГУ «ИК-3»*

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАЩИТА ДЕТСТВА
И УГОЛОВНЫЕ НАКАЗАНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ
И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

В любом государстве дети находятся в привилегированном положении. Не является исключением и Россия: забота о подрастающем поколении проявляется в различных областях его деятельности. В большей степени это связано с тем, что несовершеннолетние наряду с престарелыми, инвалидами, беременными женщинами, душевнобольными относятся к группе лиц, которые значительно чаще подвергаются негативному воздействию, а потому нуждаются в особой защите своих прав и законных интересов.

В последние десятилетия XX в. мировое сообщество обратило внимание на необходимость особой правовой защиты несовершеннолетних. Знаковым событием стало принятие 20 ноября 1989 г. на 44-й сессии Генеральной ассамблеи ООН Конвенции о правах ребенка. После подписания этого главного международного документа в сфере защиты прав несовершеннолетних Россия должна привести в соответствие с ним национальное законодательство¹.

Обеспечение несовершеннолетнему «таких защиты и заботы, которые необходимы для его благополучия», — обязанность государства². Отсюда факт совершения несовершеннолетним преступления в определенной мере означает невыполнение государством этой обязанности, что оказывает

значительное влияние на восстановление социальной справедливости, т. е. исправление несовершеннолетнего как цели уголовного наказания³.

Как известно, сущность государства состоит в обеспечении нормальной жизнедеятельности общества. Согласно ст. 7 Конституции РФ политика государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Кроме того, в ч. 2 указанной статьи закреплено, что в РФ обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, а ст. 38 содержит положение о государственной защите детства и определяет заботу о детях и их воспитание в качестве конституционного права и обязанности родителей.

Итак, Конституция РФ провозглашает государственную поддержку и защиту детства. Данные законодательные положения приняты во исполнение международно-правовых обязательств России. Соблюдение этих крайне важных установлений Конституции РФ и международных нормативно-правовых актов предполагает создание в России системы правовых гарантий безопасности детей, среди которых важное место занимают уголовно-правовые нормы⁴. Таким образом, международные и конституционные нормы являются основаниями норм уголовного права. Например, провозглашая правоспособность принадлежащей каждому от рождения, Конституция РФ в силу того, что несовершеннолетние не могут в полной мере осознавать значения своих действий, говорит о частичной дееспособности лиц до 18 лет (ст. 17.60). В этой связи их деликтоспособность, если так можно выразиться, смягчена: в УК РФ несовершеннолетие виновного является обстоятельством, смягчающим наказание (п. «б» ч. 1 ст. 61).

³ См.: Кузанкина И. А. Наказания несовершеннолетних (уголовно-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 19.

⁴ См.: Степанова И. Б. Уголовно-правовые гарантии реализации конституционного принципа приоритетной защиты детства // Конституционные основы уголовного права: Материалы I Всерос. конгресса по уголов. праву, посвящ. 10-летию Уголов. кодекса РФ. М., 2006. С. 566.

¹ См.: Ювенальное право: Учеб. для вузов / Под ред. А. В. Заряева, В. Д. Малкова. М., 2005. С. 7.

² См.: Конвенция о правах ребенка: Одобрена Ген. Ассамблеей ООН 20 нояб. 1989 г. (вступила в силу для СССР 15 сент. 1990 г.) // Международная защита прав ребенка: Сб. док. М., 1993.

В уголовном праве существует система норм, регламентирующих защиту прав ребенка по двум направлениям. Во-первых, совершившему преступление несовершеннолетнему устанавливается уголовная ответственность, отличная от взрослых правонарушителей, которая обеспечивает защиту его прав и интересов при отправлении правосудия. Во-вторых, ряд норм обеспечивают защиту основных прав и интересов ребенка от различного рода преступных посягательств и от причинения ему вреда, предусматривая ответственность за преступление против жизни, духовного и физического развития детей. Рассмотрим подробнее первое из указанных направлений.

Закрепление в уголовном праве специальных норм об ответственности несовершеннолетних вытекает из принципов справедливости и гуманизма¹. Современные идеи гуманизма по отношению к осужденным, особенно несовершеннолетним, не принадлежат ни конкретному человеку, ни конкретной стране. «Они принадлежат человечеству, поскольку в них слились многовековая боль и страдания, несправедливость и непонимание, излишние репрессии и бесчеловечность пенитенциарных учреждений всех стран и всех континентов»². Гуманистические тенденции, мировой опыт уголовной и уголовно-исполнительной практики концентрируются в международно-правовых стандартах обращения с несовершеннолетними правонарушителями, в частности, в Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила).

Согласно ст. 43 УК РФ наказание – это мера государственного принуждения, применяемая к лицу, признанному виновным, которая заключается в определенных лишениях и ограничениях прав и свобод данного лица.

Вопрос о сущности наказания в теории уголовного права до настоящего времени

остается дискуссионным. Многие исследователи отождествляют наказание с карой. Другие считают, что кара – лишь необходимый признак наказания³.

Сущность и виды наказания определяются его целями. УК РФ в качестве целей наказания называет восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения им новых преступлений. Восстановить социальную справедливость – значит уравновесить нарушенный преступлением порядок вещей: наказывая правонарушителя, вернуть его в общество законопослушным человеком. Цель наказания предполагает демонстрацию обязательной отрицательной оценки государством действий преступника, возмещение причиненного вреда. Прав был И. И. Карпец, отмечая, что «наказание назначается не только для того чтобы конкретный преступник (и другие) не совершал преступление, но и за то, что он совершил»⁴.

Главная трудность в разработке руководящих принципов для вынесения судебного решения в отношении молодых людей проистекает из неразрешенных противоречий философского характера: между перевоспитанием и воздаянием по заслугам, помощью и наказанием, мерой воздействия с учетом исключительных обстоятельств конкретного дела и мерой воздействия в интересах защиты общества в целом. Данные противоречия четче проявляются в отношении уголовных дел по преступлениям, совершенным несовершеннолетними, чем взрослыми⁵, поскольку проводимая государством уголовная политика относительно первых, с одной стороны, осуждает их противозаконные действия и делает все возможное, чтобы они понесли справедливое наказание, а с другой стороны, обеспечивает их усиленную охрану.

Безусловно, мы не отрицаем карательного момента наказания, однако по отноше-

¹ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник / Под ред. А. И. Рарога. М., 2003. С. 271.

² Беляева Л. И. Несовершеннолетний в ВТК: международные стандарты. М., 1998. С. 6.

³ См.: Петрова О. Н. Назначение уголовного наказания несовершеннолетним (уголовно-правовые и криминологические аспекты): Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 53.

⁴ Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 144.

⁵ См.: Беляева Л. И. Указ. соч. С. 97–98.

нию к детям необходимо полностью преодолеть антагонизм между ними и законом на основе не карательного, а воспитательного (восстановительного) правосудия, что, в свою очередь, следует из конституционного принципа поддержки и защиты детства, а также сопутствует достижению целей уголовного наказания. Данной теории придерживаются многие исследователи, называя в качестве первоочередной функции наказания воспитательную¹.

А. Н. Радищев, например, относил воспитание к лучшим средствам в выработке твердых устоев человеческого поведения, к мерам, предупреждающим преступление². О необходимости изменения вектора деятельности правоохранительных органов в работе с несовершеннолетними с карательного на воспитательный говорят специалисты и сейчас³.

Вместе с тем цель воспитания не получила своего законодательного закрепления в УК РФ. По мнению О. Н. Петровой, это не вполне правильно, так как отрицать воспитательное воздействие наказания на осужденного, особенно на несовершеннолетнего, нельзя. По данным исследования, проведенного М. А. Скрыбиным, наказание оказало на осужденных несовершеннолетних, по их собственному мнению, определенное воспитательное воздействие в 68,9 % случаев⁴. Поэтому О. Н. Петрова полагает допустимым, рассматривать процесс воспитания как одну из целей уголовного наказания несовершеннолетних в отличие от взрослых⁵.

С этим мнением можно согласиться, если внести небольшие коррективы. В теоретическом смысле цель рассматривается как

конечный результат, а под основными средствами, с помощью которых достигаются цели, понимаются функции. Отсюда процесс воспитания правильнее отнести к функциям уголовного наказания в отношении несовершеннолетних, способствующих достижению целей, указанных в УК РФ.

Воспитать – значит вырастить, воздействуя на духовное и физическое развитие, обучив правилам поведения; путем систематического воздействия, влияния сформировать чей-нибудь характер, привить, внушить что-нибудь⁶. Научные исследования в области педагогики и психологии свидетельствуют о незавершенности процесса формирования личности к 14–17 годам. Таким образом, возможность или, по крайней мере, надежда в отличие от нереалистической цели перевоспитания⁷ взрослых существует как на практике, так и в теории.

Следует отметить, что в законе «Об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних»⁸ Германии четко прослеживается идея о том, что все меры уголовно-правового характера должны способствовать воспитанию несовершеннолетних.

Кроме того, при изучении вопросов наказания несовершеннолетних воспитание необходимо рассматривать в узком смысле – как процесс формирования у осужденного образцов правомерного социального поведения, соответствующего нормам закона⁹.

В связи с вышеизложенным считаем необходимым закрепить в уголовном законе в качестве основного средства достижения целей наказания – оказание воспитательного воздействия на несовершеннолетнего.

Придерживаясь идеи восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних, основанной на принципах справедливости и гуманности, ряд исследователей говорят об обязательности тесного сотруд-

¹ См.: Васильева А. Правосудие для несовершеннолетних: карательный или восстановительный подход? // Преступление и наказание. 2003. № 7. С. 24–26.

² См.: Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952. С. 461.

³ См.: Материалы Восьмого семинара по вопросам помилования, исполнения наказания и другим правовым проблемам: Сб. выступлений. Владимир, 2006. С. 49.

⁴ См.: Скрыбин М. А. Общие начала назначения наказания и их применение к несовершеннолетним. Казань, 1988. С. 24.

⁵ См.: Петрова О. Н. Указ. соч. С. 56.

⁶ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 13-е изд., испр. М., 1981. С. 89.

⁷ Цель перевоспитания была закреплена в ст. 20 УК РСФСР 1960 г.

⁸ См.: Jugendgerichtsgesetz (JGG). In der Fassung der Bekanntmachung vom 11. Dezember 1974 (BGBl. I S. 3427). Zuletzt geändert durch Artikel 9 des Gesetzes vom 21. Dezember 2004 (BGBl. I S. 3599).

⁹ См.: Петрова О. Н. Указ. соч. С. 57.

ничества государства и общества в этой области. Разработчики реформы правосудия по делам несовершеннолетних считают, что в качестве приоритетной при его осуществлении должна быть установка на осознанное и добровольное участие в нем правонарушителя¹.

В гл. 14 УК РФ определены следующие виды наказаний, которые могут быть назначены несовершеннолетним: лишение свободы на определенный срок и арест (наказания, связанные с лишением свободы); штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы (наказания, не связанные с лишением свободы).

По мнению некоторых ученых, наказание в виде лишения свободы основано на презумпции того, что лицо, совершившее преступление, ценит личную свободу выше всего, а значит, угроза помещения в исправительное учреждение является фактором, сдерживающим преступность². О незавершенности процесса формирования личности несовершеннолетних мы уже говорили выше. Соответственно общей превенции колонии вряд ли содействуют. Обезопасить общество от «трудных детей» – легче всего, но ведь «дети – это наше будущее». О воспитательных колониях как о «школе преступности»³ уже много было сказано, и говорить об исправлении в них и достижении задач частной превенции не приходится: экономически – дорого, демографически – не продуктивно, по-человечески – жестоко, социальная адаптация – иллюзия.

Вот почему, развивая идеи о восстановительном правосудии, идеологи ювенальной юстиции возлагают большие надежды на ее внедрение в практику, что позволит максимально заменять лишение свободы альтернативными видами уголовных нака-

заний. По нашему мнению, эти наказания должны в большей мере содействовать достижению целей восстановительного правосудия, а также соответствовать принципу экономии уголовной репрессии в отношении несовершеннолетних.

Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) гласят, что заключение в исправительное учреждение несовершеннолетних должно быть крайней мерой и применяться в течение минимально необходимого срока. Данное правило следует воспринимать как практический руководящий принцип, который должен служить общей отправной точкой. Согласно с резолюцией 8 шестого Конгресса ООН, в подп. «b» правила 17.1 указывается на необходимость использования всего диапазона существующих альтернативных мер и разработки новых альтернативных мер с учетом требований безопасности общества, что, безусловно, будет способствовать максимально широкому применению альтернатив заключению⁴.

При назначении наказания несовершеннолетним Пленум Верховного Суда РФ, опираясь на институциональный принцип уголовного права – экономии уголовной репрессии, еще в 2000 г. указал на обязательное обсуждение судом применения к несовершеннолетнему наказания, не связанного с лишением свободы⁵, а в 2006 г. председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев отметил, что в отношении несовершеннолетних и женщин уголовные наказания в виде лишения свободы уже стали применяться как можно реже⁶.

Полагаем, что принцип экономии уголовной репрессии по отношению к несовершеннолетним в России должен найти свое законодательное оформление. Напри-

¹ См.: Васильева А. Указ. соч. С. 24–26.

² См.: Хромых Е. В. Альтернативные лишению свободы уголовные наказания: теория и практика назначения и исполнения: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 3.

³ Генеральная Ассамблея ООН подчеркивает, что в результате лишения свободы несовершеннолетние становятся крайне уязвимыми для злоупотреблений, виктимизации и нарушения их прав.

⁴ См.: Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) от 14–15 мая 1984 г. М., 1998. С. 99–100.

⁵ О судебной практике по делам несовершеннолетних: Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 14 февр. 2000 г. № 4 // Бюл. Верхов. Суда РФ. 2000. № 7.

⁶ Телеканал «Россия». Программа «Вести». 7 авг. 2006 г.

мер, УК Литовской Республики в ст. 80 устанавливает специальное предназначение уголовной ответственности несовершеннолетних: обеспечить, чтобы она соответствовала их возрасту и социальной зрелости; повысить возможность более широкого применения воспитательных мер; снизить роль (возможность широкого применения) лишения свободы¹.

Итак, в свете требований международного и национального права необходимо развитие уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, в том числе в части расширения наказаний, альтернативных лишению свободы², поскольку процент назначения этих видов наказаний несовершеннолетним по-прежнему остается незначительным, а основная доля отводится лишению свободы реально или условно.

Кроме того, следует повысить роль уголовно-исполнительных инспекций (УИИ). В 2005 г. в структуре ФСИН России создано Управление исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы. В соответствии с законодательством в процессе исполнения альтернативных наказаний участвуют органы местного самоуправления, внутренних дел, суды, администрации организаций, в которых работают осужденные, а также органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних³.

Большая работа по повышению эффективности деятельности УИИ проводится в сотрудничестве с международной неправительственной организацией «Международная тюремная реформа».

¹ См.: Дракшене А., Дракшас Р. Защита прав ребенка в уголовном праве Литовской Республики // Конституционные основы уголовного права. С. 169–176.

² См.: Дубровицкий Л. П. Соблюдение прав человека в учреждениях и органах УИС, соблюдение гарантий личной безопасности осужденных в свете требований национального и международного права // Материалы Восьмого семинара по вопросам помилования, исполнения наказания и другим правовым проблемам. С. 41.

³ См.: Князев А. Взаимодействие УИИ с другими органами и учреждениями по исполнению наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества // Ведомости УИС. 2005. № 2. С. 16.

Проанализировав действие существующей в Российской Федерации системы наказаний, назначаемых несовершеннолетним, необходимо констатировать следующее.

Воспитательное воздействие штрафа сейчас, еще более чем раньше, подвергается многими учеными сомнению, некоторые и вовсе его отрицают, так как он противоречит принципу личной ответственности, что рассматривается как его незаконность. Реальное применение штрафа составляет около 0,3 % от общего числа наказаний, назначаемых несовершеннолетним. По моему мнению, более целесообразно применение штрафа за преступления, носящие имущественный характер.

В судебной практике такое наказание, как лишение права заниматься определенной деятельностью, практически не применяется. Законодатель не посчитал необходимым снизить сроки данного наказания, что многие ученые рассматривают как противоречие ст. 88 УК РФ.

Обязательные работы стали назначаться с 10 января 2005 г. Сегодня практика их применения очень незначительна, хотя первый опыт показывает, что повторные преступления после обязательных работ почти не совершаются⁴.

Ограничения трудового законодательства⁵, по мнению судей, будут препятствовать применению обязательных работ к лицам в возрасте до 16 лет⁶. Однако актуальным остается исправительно-воспитательное воздействие этого вида наказания, поскольку оно должно способствовать формированию у несовершеннолетних ответственного отношения к выполнению общественно полезных работ.

Анализ первых результатов применения обязательных работ показывает, что их назначение еще редко встречается в судебной

⁴ См.: Владимирка. 2007. Март. С. 3.

⁵ По общему правилу допускается заключение трудового договора с лицами, достигшими 16 лет (ст. 63 ТК РФ); в ст. 265 ТК РФ определен перечень работ, на которых запрещено применение труда несовершеннолетних.

⁶ См.: Кузанкина И. А. Наказания несовершеннолетних (уголовно-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 91.

практике. На 1 января 2006 г. из 7,5 тыс. осужденных данной категории каждый десятый – несовершеннолетний¹. Это около 5 % по сравнению с количеством несовершеннолетних, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Исправительные работы, как свидетельствует судебная практика, также применяются к несовершеннолетним нечасто. Их доля от общего числа наказаний составляет около 0,5 %. Изменения, внесенные в 2003 г., относительно назначения данного вида наказания осужденному, не имеющему основного места работы, не привели к существенным переменам², а только осложнили работу УИИ³.

Некоторые исследователи предлагают расширить действие ст. 50 УК РФ и на работающих лиц, совершивших незначительные и средней тяжести преступления, с исполнением наказания по месту работы. Таким образом, осужденный не утратит социально полезных связей, будет находиться под контролем не только УИИ, но и администрации учреждения, трудового коллектива. В этом случае эффект исправления осужденного может быть значительно повышен⁴.

Другие авторы высказываются о бесперспективности исправительных работ, назначаемых несовершеннолетним, они считают, что это наказание рассчитано на взрослых. Дело не столько в определенных ограничениях, предусмотренных трудовым законодательством, сколько в экономической ситуации в стране. Ряд авторов предлагают отказаться от применения данного вида наказания к несовершеннолетним⁵.

Однако, по нашему мнению, исправительные работы, применяемые к несовер-

шеннолетним, имеют перспективы при выработке действительно функционирующей системы воспитательного воздействия на подростков. Подобного мнения придерживается И. А. Кузанкина, отмечая использование педагогического, образовательного, культурного и другого арсенала воспитательного влияния при исполнении данного вида наказания⁶.

Система наказаний, применяемых к несовершеннолетним, закрепленная в гл. 14 УК РФ, построена по принципу выделения из общей системы наказаний и не содержит специальных видов, применяемых только к несовершеннолетним, что свидетельствует о необходимости ее реформирования.

В декабре 2005 г. была проведена международная научно-практическая конференция «Проблемы исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, и иных мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних». В ходе дискуссии участники конференции пришли к выводу, что основным направлением развития уголовной политики государства в отношении несовершеннолетних следует признать дальнейшее расширение применения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы; нуждаются в совершенствовании положения уголовного законодательства о применении к несовершеннолетним условного осуждения; административное, гражданское, семейное и трудовое законодательство должно быть тщательно проанализировано с учетом интересов подростков; необходимо организовать изучение положительного опыта работы УИИ по социальному, психологическому и педагогическому обеспечению работы с подростками в условиях исполнения уголовных наказаний без изоляции от общества; следует активизировать проведение научных исследований проблем исполнения такого рода наказаний, а также разработку программ социальной помощи подросткам после отбытия наказаний в целях облегчения их социальной адаптации⁷.

¹ См.: Никитина Т. Обязательные работы: первые результаты исполнения нового вида наказания // Ведомости УИС. 2006. № 10. С. 23.

² См.: Кузанкина И. А. Указ. соч. С. 96.

³ См.: Ручкин Ф. Уголовно-исполнительные инспекции на пути новых преобразований // Ведомости УИС. 2006. № 6. С. 3.

⁴ См.: Туманова Л., Алчина С. Законодательство нуждается в поправках // Преступление и наказание. 2006. № 8. С. 17–19.

⁵ См.: Ашин А. А. Наказание несовершеннолетних за хищение чужого имущества (закон, теория, практика) / Под ред. А. И. Чучаева. Владимир, 2004. С. 37.

⁶ См.: Кузанкина И. А. Указ. соч. С. 99.

⁷ См.: Нагорных Р. Конференция в Вологде // Преступление и наказание. 2006. № 2. С. 29.

Многие авторы высказываются об эффективности такого вида наказания, как ограничение свободы именно в отношении несовершеннолетних¹. Мы разделяем данную позицию.

Наказания, не связанные с лишением свободы, применяемые в настоящее время в России, а также условное осуждение воспринимаются несовершеннолетними как всепрощение. Безусловно, объясняется это, в том числе неразвитостью системы альтернативных наказаний в нашей стране. Однако всегда должна быть золотая середина. По нашему мнению, ограничение свободы несовершеннолетних и может стать той мерой, которая не «ломает», но и не «расслабляет», создавая возможности действительно профилактики, а не кары.

Трудности применения ограничения свободы в настоящее время в России заключаются в отсутствии исправительных центров. Выходом из этой ситуации может служить использование колоний-поселений в качестве учреждений, исполняющих ограничение свободы. Тем более, что они загружены всего на 61,9 % от запланированного лимита и имеются практически во всех субъектах Российской Федерации². Кроме того, это не потребует больших материальных затрат, что очень актуально для нашей страны. Именно поэтому 20 марта 2006 г. был одобрен законопроект о введении в действие наказания в виде ограничения свободы, в котором указывается, что

создание исправительных центров не оправдано, поскольку уже есть аналогичные учреждения – исправительные колонии-поселения³.

В связи с вышеизложенным нам представляется целесообразным исключение из ст. 53 УК РФ слов «(достигшего к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста)», а также включение в ст. 88 УК РФ соответствующего пункта.

Некоторые исследователи справедливо, на наш взгляд, предлагают ввести для несовершеннолетних систему заменяющих наказаний. Причина этого заключается во внутрисистемной несогласованности положений гл. 14 УК РФ и санкций статей Особенной части УК РФ. В частности, во многих санкциях некоторые альтернативные виды наказаний просто не предусматриваются⁴. Подобным образом рассуждают другие ученые, которые предлагают включить в УК РФ норму, позволяющую суду избрать несовершеннолетнему более мягкий вид наказания, если он не предусмотрен санкцией соответствующей статьи⁵.

Создание специальной системы наказаний несовершеннолетних – это довольно трудный процесс как в теоретическом, так и в практическом плане. Поэтому необходимо внимательно изучить полезные разработки зарубежного законодательства в данной области. Некоторые начинания уже имеются, например, в Санкт-Петербурге осуществляется проект общественной правозащитной организации «Гражданский контроль» по созданию региональной службы пробации для несовершеннолетних правонарушителей⁶. Институт пробации очень важен. По утверждению П. Дибмана, любые альтернативные меры наказания

¹ См.: Кузанкина И. А. Указ. соч. С. 168; Милуков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 183; Андриухин Н. Г. Дифференциация уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: состояние и перспективы развития. М., 2004. С. 62; Боровиков В. О. Совершенствование института уголовной ответственности несовершеннолетних // Уголов. право. 2003. № 4. С. 11; Кобзарь И. А. Противодействие преступности несовершеннолетних в переходный период (криминологический, уголовно-правовой и организационный аспекты). М., 2001. С. 115.

² См.: Лаптев С. Изменить статус колоний-поселений // Преступление и наказание. 2006. № 8. С. 15–16; Балтабаев К. Ж. Проблемы применения альтернатив лишению свободы в Республике Казахстан // Конституционные основы уголовного права. С. 42.

³ См.: Филимонов О. Актуальные вопросы совершенствования законодательства об исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы // Ведомости УИС. 2006. № 6. С. 9.

⁴ См.: Кузанкина И. А. Указ. соч. С. 14; Ашин А. А. Указ. соч. С. 47; Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 163.

⁵ См.: Петрова О. Н. Указ. соч. С. 89–111.

⁶ См.: Гребнев В. Взаимодействие УИИ с зарубежными службами пробации и общественными организациями в работе с несовершеннолетними осужденными // Ведомости УИС. 2007. № 2. С. 16.

должны сопровождаться различными программами, в первую очередь психологической поддержкой, чтобы человек смог осознать свое поведение и выбрать себе соответствующий путь. Служба пробации – это как раз один из путей. В Архангельской области проводится внедрение шведской программы «Предупреждение повторной преступности несовершеннолетних»¹.

Итак, прогрессивная международная криминология выступает за предпочтительное использование мер, не предусматривающих содержания в исправительных учреждениях. Внедрение альтернативных мер наказания, как отмечает П. Дибман, – это не слабость государства. Наоборот, их применение подчеркивает его силу. Ведь государство позволяет себе отнестись к какой-то части преступников снисходительно и дает им шанс исправиться без лишения свободы².

Таким образом, реформирования требует вся система предупреждения преступности несовершеннолетних в целом. Следует создать такую действующую систему уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних, в которой уголовное наказание будет не главной превентивной мерой, а лишь самой крайней, в то время как весь арсенал мер будет направлен именно на предупреждение еще не совершенного преступления. Опираясь на идеи снижения детской преступности в нашей стране, многие ученые говорят о необходимости введения ювенальной юстиции.

Ювенальная юстиция придерживается общей установки на защиту детства. Вместе с тем организация приютов и помощь в воспитании детей еще не порождают ювенальной юстиции. Современная ювенальная юстиция – это сложный комплекс теорий и схем влияния на подростков, масса конкретных практических методов воздействия на человека, его семью, непосредственное окружение. Она возникает тогда, когда схемы обращения с несовершенно-

летними систематизированы и распространены на подростковую преступность в целом.

Деятельность специалистов ювенальной юстиции имеет предметом своей профессиональной деятельности не только работу с несовершеннолетними преступниками на основе восстановительного правосудия, но и работу с детьми, подверженными криминальному влиянию (группы риска), находящимися в опасной ситуации, которая может привести к совершению преступления. Однако такая работа входит в сферу ювенальной юстиции только при условии, что она осуществляется способами, уменьшающими криминализацию общества.

Уголовный процесс в отношении несовершеннолетних рассматривается как процедура воспитательная и правоохранительная. Положительная роль ювенального суда связана с тем, что он подчинен не столько задачам уголовного преследования, сколько общим задачам обеспечения благополучия детей и подростков³.

Нет никакого сомнения, что специальная система уголовных наказаний несовершеннолетних и ювенальная юстиция станут эффективными инструментами снижения преступности данной возрастной категории в нашей стране.

Библиографический список

1. Ювенальное право : учеб. для вузов / под ред. А. В. Заряева, В. Д. Малкова. – М., 2005.
2. Кузанкина, И. А. Наказания несовершеннолетних (уголовно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006.
3. Степанова, И. Б. Уголовно-правовые гарантии реализации конституционного принципа приоритетной защиты детства / И. Б. Степанова // Конституционные основы уголовного права : материалы I всерос. конгресса по уголов. праву, посвящ. 10-летию Уголов. кодекса РФ. – М., 2006.
4. Беляева, Л. И. Несовершеннолетний в ВТК: международные стандарты / Л. И. Беляева. – М., 1998.

¹ См.: Знатных Л. В центре внимания – вопросы социальной реабилитации осужденных // Преступление и наказание. 2006. № 2. С. 20–21.

² См.: Дибман П. Альтернативные меры наказания выгодны обществу // Там же. № 8. С. 11–13.

³ См.: Васильева А. Указ. соч. С. 24–26.

С. А. Соколов,
*старший преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

Пути достижения целей уголовно-исполнительного законодательства РФ в отношении осужденных, отбывающих уголовные наказания в тюрьмах

Целями уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации являются исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

Исправление осужденных – сложная психолого-педагогическая и социально-правовая категория. Ее суть заключается в их ресоциализации, то есть процессе, который стимулирует формирование у осужденных жизненной позиции, отвечающей конституционным нормам, определяющим права, свободы и обязанности граждан.

Согласно ч. 1 ст. 9 УИК РФ исправление осужденных предполагает формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

Специальное (частное) предупреждение направлено на предотвращение совершения новых преступлений осужденными как в процессе отбывания наказания, так и после его отбытия. Данная цель достигается путем организации специально-предупредительной деятельности органов и учреждений, исполняющих наказания, включающей: изоляцию осужденных, охрану, надзор, воспитательную работу, меры поощрения и взыскания, обеспечение личной безопасности осужденных, раздельное содержание различных категорий осужденных, осуществление технических средств надзора и контроля, подготовку осужденных к освобождению, контроль за лицами, освобожденными от отбывания наказания.

Общее предупреждение совершения преступлений осужденными достигается путем угрозы применения к ним наказания за противоправные деяния, подлежащие уголовной ответственности по Особенной части УК РФ, а также реального исполнения наказания в соответствующих органах и учреждениях

уголовно-исполнительной системы. Таким образом, общее предупреждение воздействует на неустойчивых граждан опосредованно – через наказание лиц, совершивших преступления. Общепредупредительное действие наказания может проявляться в трех видах: а) эффекте устрашения; б) моральных и нравственных запретах; в) стимулировании законопослушного поведения.

Следовательно, общее предупреждение, сочетающее элементы кары, страха и морального убеждения и не выходящее за пределы, диктуемые соображениями справедливости, имеет важное значение в борьбе с преступностью. Заметим, что положения закона не направлены на причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Для достижения целей уголовно-исполнительного законодательства в нем определена система следующих задач:

- 1) регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний;
- 2) определение средств исправления осужденных;
- 3) обеспечение охраны прав, свобод и законных интересов осужденных;
- 4) оказание осужденным помощи в социальной адаптации.

Определяя задачу – регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, законодатель тем самым устанавливает, что такое правовое регулирование должно осуществляться только на уровне федерального закона, что соответствует ст. 71 Конституции РФ. В данном случае под исполнением наказаний следует понимать деятельность учреждений и органов, исполняющих наказания, на основании приговора либо определения или постановления суда, вступивших в законную силу.

Под отбыванием наказаний понимаются порядок содержания и поведение осужденного, регламентируемые уголовно-исполнительным законодательством, определяющим лишение осужденного определенных прав и свобод или их ограничение.

Следует отметить, что цели и задачи российского уголовно-исполнительного законодательства основываются на международных актах о правах человека и об обращении с осужденными. В частности, в ст. 10 Международного пакта о гражданских и политических правах закреплено: «Все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное об-

ращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности<...>. Пенитенциарной системой предусматривается режим для заключенных, существенной целью которого является их исправление...»¹.

В ст. 9 УИК РФ определены основные средства исправления: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим); общественно полезный труд; получение общего образования; профессиональная подготовка и общественное воздействие. Все они в совокупности будут способствовать социальной адаптации осужденных.

Суть социальной адаптации состоит в приспособлении человека к новым правилам и нормам человеческого общежития, к тем или иным условиям жизни в обществе.

Так, осужденному к лишению свободы, по крайней мере, трижды приходится переживать весьма сложные адаптивные ситуации, каждый раз заново приспособляясь:

а) к требованиям режима в исправительных учреждениях, среде осужденных, материальным и бытовым ограничениям;

б) при изменении вида исправительного учреждения (например, перевод осужденного из колонии строгого режима в тюрьму);

в) в связи с освобождением осужденного из исправительного учреждения.

Уголовно-исполнительное законодательство предусматривает помощь осужденным, освобождаемым от отбывания наказания, и контроль за их поведением после освобождения (ст. 180–183 УИК РФ).

Уголовно-исполнительное законодательство не только провозглашает задачу по охране прав, свобод и законных интересов осужденных, но и гарантирует обеспечение их правового статуса, определяя в УИК РФ их права и обязанности, контроль органов государственной власти, органов местного самоуправления, суда, прокуратуры за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания (см. ст. 11–22 УИК РФ). При этом в законе зафиксировано, что при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством России (ч. 2 ст. 10 УИК РФ).

Рассмотрим подробнее, как реализуются задачи исправления осужденных в одном из видов исправительных учреждений – тюрьмах. Данные учреждения предназначены для отбывания наказаний в виде лишения свободы наиболее опасными преступниками.

Согласно ст. 58 УК РФ и ст. 74, 130 УИК РФ отбывание части срока наказания в тюрьме может быть назначено осужденным к лишению свободы на срок свыше пяти лет за совершение особо тяжких преступлений либо при особо опасном рецидиве. Кроме того, в тюрьмах содержатся осужденные, переведенные в тюрьму на срок до трех лет за злостные нарушения установленного порядка отбывания наказаний в исправительных колониях общего, строгого и особого режимов.

Вместе с тем по различным основаниям, предусмотренным ст. 77 УИК РФ, в тюрьмы могут помещаться и иные категории осужденных.

В соответствии со ст. 130 УИК РФ в тюрьмах устанавливаются два вида режима: общий и строгий. Все поступающие в тюрьму осужденные содержатся первоначально на строгом режиме. На этот же вид режима поступают и осужденные, переведенные с общего режима.

Срок, назначенный по приговору суда для отбывания в тюрьме, исчисляется со дня прибытия осужденного в данное учреждение. Если в период пребывания в следственном изоляторе к осужденному не применялась мера взыскания в виде водворения в карцер, срок его нахождения на строгом режиме исчисляется со дня заключения под стражу. Из гуманных соображений запрещено содержание на строгом режиме осужденных, признанных инвалидами I или II группы.

На строгом режиме в тюрьме осужденные отбывают наказания не менее одного года. По отбытии этого срока их могут перевести на общий режим.

Согласно ст. 131 УИК РФ осужденные содержатся в тюрьмах в запираемых общих камерах, однако в необходимых случаях их помещают в одиночные камеры. Это производится с согласия прокурора по мотивированному постановлению начальника тюрьмы.

Размещение по камерам осуществляется с учетом требований, изложенных в ст. 80 УИК РФ. Предусматривается также раздельное содержание осужденных на общем и строгом режимах.

¹ О гражданских и политических правах: междунар. пакт от 16 дек. 1966 г. // Бюл. Верхов. Суда РФ. 1994. № 12.

В соответствии с действующим уголовно-исполнительным законодательством основные средства исправления применяются к осужденным, отбывающим наказания в тюрьмах, с определенными ограничениями. В частности, они не имеют возможности выездов (ст. 97 УИК РФ) за пределы тюрьмы (за исключением осужденных, оставленных для ведения работ по хозяйственному обслуживанию). Это весьма существенное ограничение, поскольку оно не позволяет содержащемуся в тюрьме осужденному выехать за ее пределы даже в случае смерти или тяжелой болезни близкого родственника, угрожающей жизни больного, или при стихийном бедствии, причинившем значительный материальный ущерб осужденному или его семье.

Труд осужденных, отбывающих наказания в тюрьме по основаниям, предусмотренным ч. 7 ст. 74 УИК РФ, организуется согласно ст. 103 УИК РФ только на территории тюрьмы. Данное правило исключает применение к рассматриваемой категории осужденных необходимого по характеру выполняемой работы передвижения без конвоя или сопровождения. Если на территории тюрьмы имеется возможность разместить цехи и другие объекты трудоустройства осужденных, то они располагаются в изолированных и специально оборудованных с учетом режимных требований помещениях. При отсутствии таких возможностей труд осужденных организуется по камерам. Очевидно, что в этом случае выбор видов труда весьма ограничен.

Профессиональное обучение осужденных, отбывающих наказания в виде лишения свободы в тюрьмах, происходит на общих основаниях. Вместе с тем с учетом специфики содержания ведущим является не обучение в профессионально-технических училищах, как это имеет место в исправительных колониях, а обучение непосредственно на производстве бригадным или индивидуальным методами.

Довольно ограничены в тюрьмах возможности общеобразовательного обучения осужденных, поскольку для этого, как правило, нет специальных помещений и минимальны возможности сбора осужденных в учебные группы ввиду необходимости соблюдения режимных требований о раздельном содержании различных категорий осужденных, отбывающих наказания в тюрьме.

Кроме того, большие проблемы возникают в процессе осуществления воспитательной работы с осужденными, содержащимися в тюрьмах. Как правило, она проводится по камерам, что существенно осложняет выбор ее методов и организацию. Одним из эффективных способов в таких условиях является использование радиофикации камер. По радио передаются доклады, лекции и другая информация. Широкое распространение имеет снабжение осужденных свежими газетами и иной периодикой. Тем не менее ориентированная на воспроизводство традиций преступного мира, упорное нежелание встать на путь исправления психологическая обстановка в тюремных камерах мало способствует восприятию и эффективности воспитательных мероприятий.

Согласно ст. 110 УИК РФ в тюрьмах не создаются самостоятельные организации осужденных. Данный подход осложняет управление массой содержащихся в тюрьме осужденных, снижает возможности администрации по предупреждению и пресечению распространения в тюрьмах специфической субкультуры.

В результате все это приводит к тому, что осужденные стремятся к переводу для дальнейшего отбывания наказания в другие исправительные учреждения. Возможность такого перевода в исправительную колонию в порядке меры поощрения предоставляется положительно характеризующимся осужденным по отбытии в тюрьме не менее половины срока, назначенного по приговору суда (ст. 78 УИК РФ).

Таким образом, анализ особенностей применения основных средств исправления к осужденным, содержащимся в тюрьмах, свидетельствует о том, что в отношении данной категории лиц на первом месте стоит не цель исправления, а цель предупреждения совершения ими новых преступлений в период нахождения в местах лишения свободы за счет усиленной изоляции и соответствующих условий содержания.

Библиографический список

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [федер. закон : принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г.]. – М., 2006.
2. О гражданских и политических правах : междунар. пакт от 16 дек. 1996 г. // Бюл. Верхов. Суда РФ. – 1994. – № 12.

ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. В. Агарков,
*старший преподаватель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война оказала огромное влияние на жизнь Советского государства в целом, в том числе и на деятельность уголовно-исполнительной системы (далее: УИС). С первых дней войны промышленные возможности пенитенциарной системы, как и других предприятий страны, были подчинены интересам обороны, а задача бесперебойного функционирования предприятий пенитенциарной системы СССР и обеспечения их рабочей силой была возложена наряду с другими отделами и службами и на оперативные подразделения УИС. Оперативные работники предотвращали и пресекали факты отказов от работы, умышленного повреждения оборудования и т. д., ими проводился отбор заключенных, выводимых на предприятия оборонной промышленности, с целью недопущения преступлений со стороны спецконтингента.

Непосредственно в начальный период Великой Отечественной войны оперативным работникам УИС была поставлена задача выяснить, с какими настроениями встретили ее заключенные. Сохранившиеся в архивах документы, в которых проанализированы письма спецконтингента, позволяют выделить следующие основные настроения:

1. Выражение патриотизма, обращение к своим родственникам или знакомым с призывом бить фашистов, посягнувших на нашу Родину, делать все возможное для обеспечения фронта всем необходимым.

2. Выражение удовлетворения положением в лагере, высказывания по поводу увеличения производительности труда на производстве.

3. Жалобы на бесполезность содержания заключенных в лагере, в то время как имеется стремление бороться против фашизма в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии (далее: РККА).

4. Жалобы на ухудшение питания и голодное существование, усиление режима, перевод в другие подразделения и т. д., просьбы о высылке посылок и денег.

Начало войны во многом способствовало активизации разнообразной противоправной деятельности спецконтингента, вследствие чего оперативная работа в исправительно-трудовых лагерях (далее: ИТЛ) была усилена. Появилась необходимость более тщательного наблюдения за заключенными, так как распространение пораженческих настроений, попытки идеализировать фашистскую Германию могли повлечь за собой весьма серьезные последствия. Однако необходимо учитывать, что в декабре 1941 г. Советский Союз был в критическом положении, немецкие войска стояли под Москвой, а советский народ с трудом переходил от мифа о непобедимости РККА к реалиям военного времени, полного лишений и утрат. В такой обстановке разговоры заключенных об ожидаемом поражении Советского Союза были закономерными, тем более что оно могло бы повлечь их освобождение.

Основное внимание оперативно-чекистские аппараты уделяли борьбе с организованной преступной деятельностью, повстанческими формированиями, вредительством и диверсионными актами в ИТЛ и колониях, а также выявлению вражеской агентуры. И это были не декларативные задачи. С самого начала войны в местах лишения свободы стали распространяться паразитические настроения, активизировалась антисоветская агитация, участились акты саботажа, оживилась деятельность отдельных групп осужденных, направленная на подготовку вооруженного восстания в лагерях. Например, в 1941 г. были выявлены подпольные организации в Ныроб-

ском, Нижне-Амурском, Красноярском, Мурманском и других лагерях.

Так, в сентябре 1941 г. в Ныробском отделении Усольского ИТЛ была выявлена и ликвидирована разветвленная преступная организация, возглавляемая подданным Германии заключенным Зигертом фон Коолем. Участники организации создавали во всех лагерных пунктах преступные группы, разрабатывали план разоружения охраны и совершения группового вооруженного побега. Их действия были пресечены в момент разоружения участниками организации одного из стрелков военизированной охраны (далее: ВОХР). В этот же период подобные преступные организации были выявлены в Нижне-Амурском, Сибирском, Унженском, Мурманском, Усть-Вымском, Онежском, Норильском, Красноярском и ряде других ИТЛ. Попытки создания повстанческих организаций не прекращались в течение 1941–43 гг. Например, приказом начальника УНКВД по Курской области от 4 августа 1943 г. трое оперативных работников были поощрены за своевременное предупреждение данного вида преступления. Преступники замыслили нападение на сотрудников надзора Курской тюрьмы с целью совершения группового побега. 36 заключенных намеревались после побега организовать вооруженную банду, для которой некоторые из них, еще находясь на свободе, организовали в лесу тайник, в котором хранилось оружие: 3 ручных пулемета и 7 винтовок¹.

То, что угроза организованной враждебной деятельности и создания повстанческих формирований была реальной, доказали также события января 1942 г. на Усть-Усинском лесорейде Воркутлага НКВД СССР².

24 января 1942 г. заключенные отдельного лагпункта Воркутинского ИТЛ НКВД во главе с вольнонаемным начальником Ретюниным (ранее осужденным за бандитизм к 10 годам лишения свободы) подняли вооруженное восстание против советской власти. Хитростью разоружив стрелков ВОХР,

Ретюнин с группой преданных ему заключенных открыл зону лагерного пункта и предложил всем заключенным, желающим принять участие в вооруженном восстании, примкнуть к ним. Повстанцы направились к райцентру Усть-Уса и напали на него по заранее разработанному плану. Райцентр был захвачен и удерживался около суток. Затем, после боя с отрядом ВОХР, восставшие оставили город и, захватив обоз с оружием, заняли оборону на обоих берегах реки Лыжа. Утром между ними и отрядом ВОХР вновь завязался бой. Понесся большие потери, отряд ВОХР отступил, а повстанцы разбились на мелкие группы и разошлись в разных направлениях. Эти группы были уничтожены отрядами ВОХР в течение нескольких дней. В результате описанных событий погибло 32 человека, 80 было ранено, 58 получили обморожения, причем среди потерь были не только сотрудники НКВД, но и мирное население, в том числе пятимесячный ребенок. Следствием было установлено, что восставшие планировали свергнуть советскую власть и, используя поддержку местного населения, создать свое государство, которое затем присоединить или к фашистской Германии, или к Финляндии.

В свою очередь, немецкое Главное управление имперской безопасности (РСХА – Reichsicherheitshauptamt) в своих разведывательно-диверсионных планах рассчитывало на спецконтингент, содержащийся в местах лишения свободы СССР. Второго июня 1943 г. на территории Коми АССР возле пос. Кедровый Шор был высажен немецкий десант, переодетый в форму войск НКВД. В составе десанта были бывшие советские военнопленные, давшие согласие воевать против СССР. В их задачу входило поднять восстание в северных лагерях, освободить и вооружить заключенных и поселенцев, сформировать из них боевые подразделения и двигаться в южном направлении. Командовал десантом Николаев – русский, колчаковский офицер, имевший немалый авторитет у немцев. Однако члены группы еще во время подготовки к десанту в разведшколе под Ригой договорились явиться в органы НКВД, поэтому сразу после приземления командир был застрелен, а де-

¹ Материал предоставлен ОУ УИН Минюста России по Курской области.

² См.: Архив ИЦ МВД Республики Коми, ф. 47, оп. 1-П, д. 2, л. 1–9.

сантники сдались. Между тем, как следует из архивных документов, руководству доложили, что немецкий десант был ликвидирован усилиями сотрудников НКВД. Поэтому, воссоздавая подлинную картину событий июня 1943 г. в пос. Кедровый Шор, необходимо восстановить доброе имя людей, которые, хотя и согласились на сотрудничество с немцами в условиях плена, но сумели остаться преданными своей стране и не встать на путь предательства¹.

Однако кроме осуществления функций, характерных только для военного времени (борьба с повстанцами, диверсантами, выявление вражеской агентуры, предателей и т. д.), в 1943–1945 гг. на первый план вышла борьба с побегами заключенных, хищениями и лагерным бандитизмом. Осложнение оперативной обстановки было вызвано резким изменением условий функционирования оперативных аппаратов пенитенциарной системы. Главными из них стали:

- эвакуация большого количества спецконтингента с оккупированных и прифронтовых территорий, сложности с его размещением;
- мобилизация большинства сотрудников исправительно-трудовых учреждений (в том числе и оперативных работников) в Красную армию;
- изменение состава заключенных;
- условно-досрочное освобождение с направлением в действующую армию значительного количества негласных сотрудников;
- активизация враждебной деятельности и «побеговых» намерений заключенных и др.

В некоторых ИТЛ, в том числе и больницах, осужденные обменивали хлеб и другие продукты на табак, который использовали для вызова искусственного заболевания. Фиксировались случаи членовредительства, когда заключенные, чтобы получить инвалидность, отрубали себе пальцы рук или ног. Каждого выявленного нарушителя после излечения водворяли в штрафной изолятор, а в некоторых случаях осужденные-членовредители привлекались к уголовной ответственности по ст. 58 УК и

попадали в разряд судимых по составу контрреволюционных преступлений – контрреволюционный саботаж.

Наряду с усилением борьбы с антисоветскими проявлениями среди заключенных, побегами и иными уголовными преступлениями на оперативные аппараты пенитенциарной системы возлагалось осуществление тщательной оперативной проверки всех заключенных, подлежащих досрочному освобождению из ИТЛ с направлением в действующую армию, а также подбор из числа заключенных лиц для заброски в тыл врага в целях осуществления диверсий и сбора информации о противнике. За первые три года войны на укомплектование РККА были переданы 975 тыс. заключенных, осужденных за прогулы, должностные и бытовые преступления. Эта работа продолжалась до самого конца войны.

В октябре 1942 г. у оперативных подразделений УИС появился еще один объект обслуживания – трудмобилизованные. В соответствии с решением Особого совещания при НКВД СССР в июне 1942 г. граждане СССР, имеющие национальность народов, воюющих против Советского Союза, подлежали направлению в рабочие батальоны до окончания войны. В течение 1942–1944 гг. НКВД СССР провел несколько мобилизаций немцев, финнов, румын с направлением их на важнейшие стройки ГУЛАГа и другие предприятия. Оперативное прикрытие данной категории лиц являлось весьма важным делом, так как именно среди них разведка противника часто пыталась приобрести «помощников». Однако в августе 1944 г. обслуживание трудмобилизованных было частично передано отделу спецпоселений НКВД СССР и его аппаратам на местах: за оперативно-чекистскими аппаратами ИТЛ и колоний оставалось оперативное обслуживание, учет и контроль за трудмобилизованными, использовавшимися на работах в ИТЛ и стройках НКВД СССР, а отдел спецпоселений работал с лицами, задействованными на объектах иных наркоматов и ведомств.

Оперативное обслуживание ИТЛ и колоний и конвойной охраны в годы войны в основном сводилось к борьбе с вредительством, диверсией и иными антисоветскими

¹ См.: Архив ИЦ МВД Республики Коми, ф. 47, оп. 2, А – 29, л. 16, 20–22, 25–26.

проявлениями, а также к борьбе с хищениями и другими хозяйственными преступлениями. Необходимо отметить, что в годы войны появились новые составы преступлений, не имевшие места в мирное время: нарушение правил противовоздушной обороны (санкции – вплоть до расстрела), несдача жителями освобожденных населенных пунктов трофейного имущества и др. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «Об уголовной ответственности немецко-фашистских захватчиков и их пособников» были введены новые виды наказаний: смертная казнь через повешение и каторжные работы сроком от 15 до 20 лет. Для осуждаемых на каторжные работы создавались специальные отделения в ряде лагерей с особыми условиями содержания.

Оперативные сотрудники УИС СССР не только активно работали в тылу, но и мужественно сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Уже в 1941 г. было мобилизовано и направлено в войска около 80 % начальствующего и оперативного состава ИТЛ и колоний. Всего в 1941–1944 гг. в ряды Красной армии были мобилизованы 117 000 сотрудников пенитенциарной системы. На рабочих местах их заменили главным образом инвалиды Великой Оте-

чественной войны и женщины, а некомплект кадров в системе ГУЛАГа в 1944 г. составлял 15 %, или около 13 000 человек; 78 % личного состава имели стаж работы в органах НКВД до 3 лет, 14 % – от 3 до 5 лет и только немногим более 6,5 % – свыше 5 лет.

В заключение необходимо отметить, что во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. оперативно-чекистские отделы не только выполняли свои обычные обязанности, но и успешно справлялись с новыми задачами: выявление на территории ИТЛ и колоний агентуры противника и лиц, совершивших военные преступления; противодействие дестабилизации деятельности в исправительно-трудовых учреждениях; обеспечение оперативным путем выполнения производственных показателей.

Библиографический список

1. *Агарков, А. В.* История возникновения и развития оперативных подразделений в местах лишения свободы / А. В. Агарков // Вестн. оператив. работника УИС. – 2005. – Празднич. вып.
2. *Агарков, А. В.* Оперативно-розыскная деятельность в местах лишения свободы (правовые и исторические проблемы) : дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2006.

Ю. С. Блинов,
старший научный сотрудник
научно-исследовательского отделения
факультета внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук, профессор
А. Н. Книжникова,
старший преподаватель кафедры
оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета МВД России

ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ КРИМИНАЛЬНОЙ МИЛИЦИИ

В настоящее время актуальна и активно исследуется проблема о прокурорском надзоре за оперативно-розыскной деятельностью подразделений криминальной мили-

ции¹. Суть ее заключается в установлении соответствия пределов, определяемых предметом прокурорского надзора и оперативно-розыскной деятельностью, содержащей сведения, составляющие государственную тайну, осуществляемой негласно в отношении лиц, подготавливающих, совершающих и совершивших преступление.

¹ См., напр.: *Басков В. И.* Курс прокурорского надзора: Учеб. для студентов юрид. вузов и фак. М., 1998. С. 10; *Вагин О. А.* Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью: Теория оперативно-розыскной деятельности / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М., 2006. С. 307–317; *Гуценко К. Ф., Ковалев М. А.* Правоохранительные органы: Учеб. для юрид. вузов и фак. / Под ред. К. Ф. Гуценко. М., 2005. С. 326–334; *Чувилев А. А.* Прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности // Законность. 1995. № 6. С. 22–24; *Ястребов В. Б.* Прокурорский надзор: Учеб. М., 2001. С. 229–249 и др.

В процессе этой деятельности у оперативных работников возникает объективная необходимость собирать сведения и в отношении законопослушных граждан, в том числе относящиеся к их частной жизни. По нашему мнению, сбор таких сведений допускается, однако при этом устанавливается запрет на их использование и разглашение во вред лица, о котором они собраны.

Следует отметить о том, что прокурорский надзор осуществляется за всеми органами, которым в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ¹ допускается осуществлять ее, но для некоторых из них устанавливаются ограничения такого надзора.

В определении предмета прокурорского надзора следует, с одной стороны, избегать мелочной опеки прокурорами за проведением оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками криминальной милиции, неоправданного вмешательства в их проведение, с другой – исключить возможность нарушения прав и свобод лиц, попавших в сферу осуществления оперативно-розыскной деятельности, когда законность подменяется целесообразностью.

Определение предмета надзора не должно противоречить п. 2 ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1². При осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы. Проверки исполнения законов проводятся на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором.

Следовательно, основанием проверки, надзора служат обращения о фактах нарушения законов, а целью – установление соответствия результатов осуществления оперативно-розыскной деятельности по конкретному случаю, указанному в обращении, нормам, регламентирующим поряд-

док проведения оперативно-розыскных мероприятий и иных действий.

Действительно, такое уточнение вполне оправданно, поскольку в течение 2006 г. органами внутренних дел было зарегистрировано заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях – 19 305 176, рассматривается с возбуждением уголовного дела – 32 62 617.

В указанных статистических данных отражена также роль прокуратуры. Из числа материалов, направленных прокурору для получения согласия на возбуждение уголовного дела, возвращено для дополнительной проверки – 194 695; отказано в даче согласия на возбуждение уголовного дела – 17 736; отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела с одновременным его возбуждением – 100 246³.

Согласно статистическим данным⁴ из всех зарегистрированных преступлений остаются нераскрытыми более 50 %, а преступлений, предварительное следствие по которым обязательно, – 46 %. Таким образом, можно констатировать большой объем выполняемой работы оперативными подразделениями криминальной милиции.

Не менее характерна деятельность подразделений органов внутренних дел по борьбе с экономическими и налоговыми преступлениями, поскольку, как правило, возбуждению уголовного дела предшествует оперативно-розыскное производство по делам учета, а таких преступлений, по которым предварительное следствие обязательно, регистрируется свыше 23 тыс.

Для оперативно-розыскной деятельности характерна такая направленность, как розыскная работа, иными словами, розыск лиц, скрывшихся от суда и следствия, их около 600 тыс., а поиск ведется в основном с использованием всего арсенала оперативных возможностей.

Приведенные показатели свидетельствуют о том, что основная направленность прокурорского надзора, безусловно, ориен-

¹ См.: Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

² См.: О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

³ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2006 г. по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России.

⁴ Состояние преступности в России за 2005–2006 гг. по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России.

тирована на оперативно-разыскную деятельность, осуществляемую подразделениями криминальной милиции.

Анализ деятельности оперативных аппаратов по нераскрытым преступлениям, в связи с которыми осуществлялось оперативно-разыскное производство, показал, что оно велось в двух разделах – секретном и несекретном. Несекретный предназначался для предъявления его прокурору, осуществляющему надзор. Секретная часть оставалась за его пределами. Данная практика была изменена только в 1989 г¹.

Таким образом, прокурорский надзор практически носил усеченный характер и ограничивался только сведениями, содержащимися в несекретной части дела оперативного учета.

Изменение данной практики повлекло обострение поиска соотношения между тем, что подпадает под предмет прокурорского надзора, и тем, что остается для надзирающего прокурора недоступным. В настоящее время эта проблема приобрела особую актуальность.

Изучение практики надзора позволило сделать вывод о том, что у многих прокуроров априори формируется мнение о постоянном нарушении законности в деятельности оперативных работников. К сожалению, оно не безосновательно, нарушения действительно имеют место, но и утверждать о том, что прокурорский надзор может их искоренить, сомнительно. Оперативно-разыскная деятельность – особый вид деятельности, в ее осуществлении многое остается негласным и нигде не отражается, даже на уровне рядового исполнителя – оперативного работника.

Следует отметить, что именно Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» установил надзор за оперативно-разыскной деятельностью как самостоятельное направление, отрасль.

Согласно ст. 21 данного Закона при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют

иные государственные органы, а проверки исполнения законов проводятся на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения закона, требующих принятия мер прокурором.

В приказе Генерального прокурора РФ «Об организации надзора за исполнением Федерального закона “Об оперативно-разыскной деятельности”» от 9 августа 1996 г. № 48 предмет надзора раскрывается следующим образом: проверки проведения оперативно-разыскных мероприятий и законности, принимаемых при этом решений, осуществлять:

- по мере необходимости, по материалам в связи с отсутствием положительных результатов при розыске: обвиняемых или подозреваемых по уголовным делам, лиц, совершивших преступления; без вести пропавших;

- по информации о ненадлежащем реагировании: на поручения следователя, органа дознания и суда по уголовным делам, находящимся в их производстве; указания прокурора.

В данной норме предмет надзора ограничен практически только оперативно-разыскными мероприятиями, осуществляемыми по факту нераскрытого преступления и розыску лиц, скрывшихся от суда и следствия.

Далее следует Указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД РФ «О порядке предоставления органами внутренних дел материалов для осуществления прокурорского надзора за исполнением Федерального закона “Об оперативно-разыскной деятельности”» от 29 июля 1996 г. № 44/15, 25 июля 1996 г. № 1/12812.

В нем предлагалось руководителям органов, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, предоставлять уполномоченным прокурорам, имеющим для работы с документами допуск (с секретными документами), по их требованию подлинные оперативно-служебные документы, послужившие основанием для заведения дел оперативного учета, а также проведения оперативно-разыскных мероприятий и их учета.

При этом надзирающим прокурорам необходимо учитывать то, что сведения об организации, тактике, методах и средствах осуществления оперативно-разыскной деятельности в предмет прокурорского надзо-

¹ См.: Блинов Ю. С. К вопросу о прокурорском надзоре за оперативно-разыскной деятельностью подразделений криминальной милиции: Проблемы теории и практики оперативно-разыскной деятельности: Материалы науч.-практ. конф. / Под ред. К. К. Горяинова, И. А. Климова. М., 2002. С. 70–75.

ра не входят. Исключались также данные о внедренных в организованные преступные группы лицах, штатных негласных сотрудниках, а также тех, кто оказывает или оказывал содействие на конфиденциальной основе. Такие данные могли предоставляться только с их письменного согласия, за исключением случаев привлечения этих лиц к уголовной ответственности.

В связи с этим возникает ряд вопросов.

Во-первых, что предусматривает понятие «предоставлять по их требованию подлинники оперативно-служебные документы»: пересылку данных документов в адрес прокуратуры или ознакомление надзирающего прокурора с ними по месту их нахождения? Если они доставляются в прокуратуру, а это имеет место на практике, возникает вопрос о количестве времени, отводимом для работы с ними. Данный вопрос на практике вызывает много сложностей, поскольку доставкой такого рода документов занимается специальная служба и для этого требуется время.

Во-вторых, как можно ознакомиться с подлинными оперативно-служебными документами, послужившими основанием для заведения дел оперативного учета, но при этом исключить ознакомление с организационным и тактическим обеспечением решения задач (например, разработкой различных вариантов тактических приемов внедрения в преступную среду штатных негласных сотрудников, а также о тех, кто оказывает или оказывал содействие на конфиденциальной основе)? Все эти документы оформлены в строгом соответствии с ведением секретного делопроизводства.

По нашему мнению, заслуживает внимания приказ Генеральной прокуратуры РФ «Об организации надзора за исполнением Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”» от 25 апреля 2000 г. № 56, в котором указывается следующее.

При организации и осуществлении надзора следует исходить из того, что его предметом является обеспечение:

- гарантий соблюдения прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции; установленного порядка раз-

решения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях;

- законности выполнения оперативно-розыскных мероприятий;

- соответствия закону решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

При рассмотрении только первого положения возникает ряд вопросов о таких понятиях, как, например, частная жизнь, семейная тайна и т. п. Сведения об этом могут содержаться в делах оперативного учета и в некоторых случаях даже способствуют достижению поставленной цели, но при одном условии – они не подлежат гласному использованию.

Вместе с тем основой предмета надзора является обеспечение гарантий соблюдения прав человека и гражданина.

Необходимо также отметить, что при проведении проверок уполномоченным прокурорам следует обращать внимание на законность постановки и снятия с оперативного учета лиц, в отношении которых проводятся оперативно-розыскные мероприятия по делам оперативного учета.

При проведении оперативно-розыскных мероприятий в отношении большинства лиц, попавших в поле зрения оперативного работника в процессе оперативного производства по делу учета (например при отработке типовых версий), никакого учета не предусмотрено. Однако возникает вопрос о том, подпадает ли такой учет под предмет надзора, если это касается основных фигурантов дела.

Определить обоснованность постановки таких лиц на учет без глубокого изучения всего дела очень трудно (а в деле находятся документы, содержащие, как уже указывалось ранее, планы, предусматривающие тактические решения вопросов, выпадающих из области прокурорского надзора. Это творчество оперативного работника, основанное на его профессиональных знаниях и опыте).

Определяют и осуществляют контроль за оперативно-розыскным производством по таким делам руководители оперативных подразделений. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» предусматривает, что при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государст-

венные органы, в данном случае уполномоченных на то руководителей органов внутренних дел.

На наш взгляд, интересен также вопрос о законности привлечения граждан к сотрудничеству на конфиденциальной основе и соблюдении принципа добровольного согласия с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность.

В данном случае возникает вопрос о том, может ли распространяться прокурорский надзор за этой частью оперативно-разыскной деятельности.

По нашему мнению, во-первых, произойдет необоснованное расширение круга лиц, осведомленных о давшем согласие на сотрудничество, без его согласия, что тоже является нарушением его прав; во вторых, выяснить добровольность согласия можно только в беседе с негласным сотрудником, но возникают сомнения в том, оправданно и допустимо ли это¹.

Необходимо отметить, что оперативно-служебные документы об осуществлении контрразведывательной деятельности органами ФСБ России и СВР России (а она мало чем отличается от оперативно-разыск-

ного производства по делам учета криминальной милиции) истребовать только в случаях проведения проверок в порядке надзора по поступившим в прокуратуру материалам, информации и обращениям граждан, свидетельствующим о нарушениях этими органами законодательства Российской Федерации.

На наш взгляд, это положение необходимо распространить и на иные органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность.

Библиографический список

1. Блинов, Ю. С. К вопросу о прокурорском надзоре за оперативно-розыскной деятельностью подразделений криминальной милиции : Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : материалы науч.-практ. конф. / Ю. С. Блинов ; под ред. К. К. Горяинова, И. А. Климова. – М., 2002.

2. Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью : Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. – М., 2006.

А. В. Веденин,
*адъюнкт кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России*

ПОНЯТИЕ НАБЛЮДЕНИЯ КАК ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКОГО МЕРОПРИЯТИЯ

Прежде чем приступить к анализу понятия «наблюдение» как оперативно-разыскного мероприятия (далее: ОРМ), предусмотренного п. 6 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее: ФЗ «Об ОРД»)², необходимо, по нашему мнению, охарактеризовать его как некий инструмент, без которого было бы невозможно

полноценное познание человеком окружающего мира и который играет наиважнейшую роль в его совершенствовании и развитии. Именно путем наблюдения происходит уникальный процесс, называемый эволюцией общества и всей цивилизации в целом. Человек посредством наблюдения познает и изучает окружающий его мир, накапливая необходимую информацию, помогающую ему выжить, а также совершенствоваться, обеспечивая тем самым прогрессивное движение, направленное на преобразование всех аспектов человеческой деятельности, включая оперативно-разыскную.

Согласно Словарю русского языка С. И. Ожегова под наблюдением понимается: 1) внимательное слежение глазами за кем-чем-нибудь; 2) изучение, исследование; 3) осуществление надзора за кем-чем-нибудь³. В криминалистике наблюдением считается один из общенаучных методов

¹ См.: Блинов Ю. С. Виды содействия оперативно-розыскным органам: Теория оперативно-розыскной деятельности: Учеб. / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. М., 2006. С. 214–222.

² См.: СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

³ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 13-е изд. М., 1981. С. 326.

исследования¹. При этом в ФЗ «Об ОРД» вообще отсутствуют определения существующих четырнадцати ОРМ и наблюдения, в частности. Следовательно, законодатель предоставляет широкие возможности ученым и специалистам в области ОРД по толкованию содержания данных мероприятий исходя из собственного опыта и различных, постоянно меняющихся, объективных и субъективных факторов современной жизни.

Существует значительное количество определений наблюдения как ОРМ, причем отдельные из них заслуживают определенной доработки ввиду их обобщенности или неконкретности.

Так, в комментарии к ФЗ «Об ОРД» под редакцией В. В. Николюка, наблюдение сформулировано как «ОРМ, заключающееся в негласном слежении за лицами, подозреваемыми в преступной деятельности, используемыми ими транспортными средствами, местами их нахождения с целью получения информации о признаках преступной деятельности, возможных соучастниках, местах хранения орудий совершения преступлений и похищенного имущества»².

При детальном рассмотрении данного определения можно выявить ряд серьезных недочетов в характеристике наблюдения как ОРМ, поскольку его роль и значение значительно сужены.

Во-первых, автор указывает на негласность данного ОРМ. Бесспорно, эта форма получения информации при проведении наблюдения является наиболее предпочтительной и эффективной, однако если быть объективным и последовательным, существует и гласная форма при реализации указанного мероприятия (например, в ходе осуществления п. 5 ч. 2 ст. 7 ФЗ «Об ОРД» по оказанию защиты лицу, которому угрожает опасность).

Во-вторых, значительно сужен объект наблюдения и на первый план выдвинуты лица, подозреваемые в преступной деятельности, а также все, что так или иначе с ними связано (транспортные средства, мес-

та проживания и т. д.). На самом деле объектами наблюдения могут выступать и лица, не связанные с преступной деятельностью, по основаниям, указанным в ч. 2 ст. 7 ФЗ «Об ОРД», а именно:

- ввиду допуска к сведениям, составляющим государственную тайну;
- допуска к работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей, а также для окружающей среды;
- допуска к участию в ОРД или доступа к материалам, полученным в результате ее осуществления;
- установления и поддержания с лицом отношений сотрудничества при подготовке и проведении ОРМ;
- обеспечения безопасности органов, осуществляющих ОРД;
- выдачи разрешений на частную детективную или охранную деятельность.

Кроме того, объектами наблюдения могут быть лица, имеющие отношение или осведомленные о местонахождении лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания (ст. 2 ФЗ «Об ОРД»), и не обязательно связанные с преступной деятельностью.

В-третьих, из определения, предложенного В. В. Николюком, не совсем понятна конечная цель всех действий, осуществляемых в результате проведения наблюдения. Автор свел ее лишь к получению информации, а ведь цели данного ОРМ очевидны и заключаются главным образом именно в фиксации полученной информации на аудио-, видеоносители для обретения ею доказательственного значения.

И наконец, в определении не указан способ слежения, который выражается как в непосредственном наблюдении, так и в опосредованном (с помощью технических средств) визуальном и (или) слуховом контроле объекта.

В учебном пособии «Доказательства, доказывание и использование результатов ОРД» дано следующее определение наблюдения: «ОРМ, состоящее в целенаправленном, систематическом непосредственном (визуальном) или опосредованном (с использованием оперативно-технических

¹ См.: Белкин Р. С. Криминалистика: Учеб. слов.-справ. М., 1999. С. 107.

² Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Науч.-практ. коммент. / Под ред. В. В. Николюка. М., 2003. С. 59.

средств) восприятию и фиксации значимой оперативно-розыскной информации для решения задач борьбы с преступностью»¹.

В данной трактовке авторы при конкретизации способов получения информации наряду с визуальным наблюдением не называли слуховое, которое может выступать как отдельно, так и в совокупности с визуальным.

Кроме того, следует отметить, что авторы в качестве цели наблюдения выделяют только восприятие и фиксацию оперативно-розыскной информации, однако, как было отмечено выше, при решении задач, указанных в ч. 2 ст. 7 ФЗ «Об ОРД», наблюдение может носить и административно-превентивный характер. В этом случае полученная информация будет скорее юридически значимой, чем оперативно-розыскной.

Выделение в рассматриваемой формулировке в качестве задачи, поставленной перед наблюдением, только борьбы с преступностью является своего рода сужением общего смысла наблюдения, так как борьба с преступностью – это лишь одна из общего числа задач, предусмотренных ФЗ «Об ОРД», несомненно, одна из важнейших, но наряду с другими, например, решением кадровых вопросов (при устройстве на работу сотрудника в специальное оперативно-техническое подразделение могут выписать задание на установление за ним наружного наблюдения для получения наиболее полной информации о данном лице, которая может повлиять на решение руководителя вышеуказанного подразделения о приеме на работу либо в отказе в этом).

Следует также обратить внимание на определение наблюдения, сформулированное О. А. Вагиным, А. П. Исиченко и Г. Х. Шабановым: «Наблюдение – это ОРМ, направленное на получение оперативно-розыскной или иной юридически значимой информации путем непосредственного или опосредованного, с помощью технических средств, визуального и (или) слухового контроля физических лиц либо других объектов независимо от места его проведения при условии законного нахождения наблю-

дающих в указанном месте»² (абсолютно идентичная формулировка дана К. К. Горяиновым, В. С. Овчинским и Г. К. Синиловым³).

В данном определении, на наш взгляд, следует расширить объект наблюдения: помимо указанных «физических лиц либо других объектов» добавить явления, события, факты и процессы. Кроме того, в качестве цели данного ОРМ наряду с контролем перечисленных объектов необходимо назвать фиксацию полученной оперативно-розыскной и иной юридически значимой информации, поскольку именно фиксация, как мы отметили выше, позволяет приобщить полученную информацию в качестве доказательств по уголовному делу.

В рассматриваемом определении авторы также не указали такую важную составляющую, как конечную цель, ради которой проводится данное ОРМ, а именно решение задач, поставленных перед ОРД, что определено является неправильным.

Кроме того, уточнение «независимо от места его проведения при условии законного нахождения наблюдающих в указанном месте», полагаем, выступает очевидным условием проведения данного ОРМ и не требует конкретизации, поскольку в случае незаконного нахождения наблюдающих в определенном месте (например, наблюдение в жилище, требующее санкции судьи) теряется смысл данного мероприятия, так как полученная в ходе его проведения информация не сможет быть приобщена к уголовному делу в качестве доказательств ввиду ее незаконного получения.

Таким образом, на основе анализа представленных выше определений наблюдения как ОРМ с учетом их недочетов предлагаем собственный вариант определения, которое, на наш взгляд, наиболее полно и объективно отражает сущность данного мероприятия: наблюдение – это ОРМ, осуществляемое гласно и негласно, проводимое как самим оперативным работником, лицом,

¹ Громов Н. А., Гузгин А. Н., Луговой Н. В., Лямин М. В. Доказательства, доказывание и использование результатов ОРД: Учеб. пособие. М., 2006. С. 25.

² Вагин О. А., Исиченко А. П., Шабанов Г. Х. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов: Учеб.-практ. пособие. М., 2006. С. 22.

³ См.: Теория оперативно-розыскной деятельности: Учеб. / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М., 2006. С. 336.

оказывающим ему конфиденциальное содействие и действующим по его поручению, так и специальными оперативно-поисковыми или оперативно-техническими подразделениями, заключающееся в визуальном, электронном или комплексном контроле и фиксации деяний лица (явления, события, факта, процесса) с целью получения оперативно-разыскной либо иной юридически значимой информации, необходимой для решения задач, поставленных перед ОРД.

В заключение следует отметить, что наличие в настоящее время многообразия субъективных мнений различных ученых о том или ином ОРМ создает определенные трудности для лиц, изучающих ОРД, а также практических работников, осуществляющих ОРД. В связи с этим мы поддерживаем законодательную инициативу С. В. Карпухина¹, предложившего включить в ФЗ

«Об ОРД» статью «Основные применяемые в законе понятия», в которой были бы четко сформулированы все основные понятия, используемые в ОРД, тем самым урегулировав все возникающие по данным вопросам разногласия среди ученых.

Библиографический список

1. Белкин, Р. С. Криминалистика : учеб. слов.-справ. / Р. С. Белкин. – М., 1999.
2. Вагин, О. А. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов : учеб.-практ. пособие / О. А. Вагин, А. П. Исиченко, Г. Х. Шабанов. – М., 2006.
3. Доказательства, доказывание и использование результатов ОРД : учеб. пособие / Н. А. Громов [и др.]. – М., 2006.
4. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» : науч.-практ. коммент. / под ред. В. В. Николюка. – М., 2003.

Ю. В. Евдокимов,

*адъюнкт кафедры оперативной работы ОВД
Нижегородской академии МВД России*

КОМПЛЕКСНЫЕ ОПЕРАТИВНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ В СФЕРЕ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ: СУЩНОСТЬ И ЗАДАЧИ

Современный этап экономического, политического и социального развития российского общества сопровождается рядом негативных факторов, в том числе ростом преступности. Интересы криминальной среды все больше устремляются в сферу экономики, где появились особо благоприятные условия для быстрого обогащения, незаконного присвоения и приобретения материальных ценностей и денежных средств².

Высокая окупаемость капиталовложений в предприятия топливно-энергетического комплекса (далее: ТЭК), рентабельность деятельности в целом и наличие стабильного спроса на продукцию сделали предпринимательство в этой сфере чрезвычайно при-

влекательным не только для легальной деятельности, но и для преступных посягательств. Большой неудовлетворенный спрос на продукцию ТЭК, а также высокие цены на нефть обусловили доходность вложения средств в эту отрасль, в том числе в добычу и переработку нефти и торгово-закупочные операции с нефтью и нефтепродуктами, включая горючие и смазочные материалы.

В ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности по выявлению и пресечению противоправной деятельности в сфере добычи, переработки, транспортировки, хранения и реализации углеводородного сырья следует учесть, что преступность в данной сфере в совокупности с предикатными преступлениями характеризуется исключительно высокой латентностью. Среди ее основных детерминантов необходимо прежде всего отметить: несовершенство законодательной базы; несоответствие правоприменительной практики остроте сложившейся ситуации; отсутствие потерпевших и иных лиц (кроме налоговых органов), заинтересованных в выявлении и раскрытии экономических преступлений, так как в результате их совершения затрагиваются лишь интересы государства. На практике вышеизложенное приводит к тому, что население страны в основном относится к нарушителям налогового законода-

¹ См.: Карпухин С. В. Правовое регулирование опроса в оперативно-розыскной деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 29.

² См.: Устинов В. С., Арефьев А. Ю. Криминологические аспекты экономической преступности: Учеб. пособие. Н. Новгород, 2000. С. 5.

тельства терпимо, порой даже сочувственно и не только не оказывает содействия государственному контролирующим и правоохранительным органам в выявлении налоговых преступлений, но и способствует их совершению.

Одним из элементов современной оперативной обстановки в ТЭК является активизация деятельности организованных преступных группировок, направленной на хищения нефти и нефтепродуктов из трубопроводов с целью их последующей реализации. В соответствии с указанием руководства МВД России в рамках совместного плана комплексных мероприятий по защите магистральных нефтепроводов и нефтепродуктопроводов от преступных посягательств (от 9 августа 2005 г. М 1/5360) осуществляются контроль за проведением соответствующих оперативно-профилактических мероприятий оперативными подразделениями территориальных ОВД и организация взаимодействия с заинтересованными подразделениями.

Случаи хищения нефти относятся к проявлениям организованной преступности, поскольку:

- они в течение длительного времени подготавливаются и совершаются устойчивыми группами лиц, заранее объединившихся для совершения серии преступлений;

- данные лица располагают группами охранения и контрнаблюдения, квалифицированными специалистами, обладающими необходимыми специальными знаниями для изготовления врезок;

- оснащены специальными техническими приспособлениями для приготовления и совершения хищений;

- обладают автотранспортом, специально подготовленным для перевозки похищенной нефти;

- имеют устойчивые каналы гарантированной транспортировки, хранения, переработки и реализации похищенной нефти, легализации вырученных при этом денежных средств;

- поддерживают широкие коррумпированные связи¹.

¹ Подробнее см.: Курбанов А. Г. Организация и тактика борьбы с организованной преступностью в сфере движения продуктов переработки нефти: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2002. С. 108–110.

Преступные группировки, действующие в данной отрасли экономики, легализовав значительную часть теневых капиталов, освоив новые схемы противоправной деятельности, вовлекают в свой преступный бизнес все большее количество граждан. Полученные от реализации похищенной нефти и нефтепродуктов денежные средства могут быть использованы для финансирования организованных преступных сообществ, незаконных вооруженных формирований, экстремистских организаций.

В задействованных в хищениях нефти организованных преступных группировках существует четкое распределение ролей. Как правило, преступникам известен график прохождения мобильных групп ОВД. Это объясняется тем, что среди членов групп имеются бывшие и действующие сотрудники охраны, хорошо знающие расположение нефтепродуктопровода, места его выхода на поверхность, технологические колодцы, технические возможности экипажей патрульной охраны. Сформированы и систематически функционируют стабильные каналы сбыта и переработки похищенных нефтепродуктов, легализация последних осуществляется на этапах хранения на незаконно действующих базах.

Практика работы показывает, что деньги, полученные криминальным путем и инвестированные организованными, в том числе этническими, преступными группировками в развитие теневого нефтебизнеса, возвращаются в течение 1–2 месяцев и позволяют в дальнейшем оснащать преступников различными достижениями научно-технического прогресса (приборы ночного видения, спутниковая, сотовая, транкинговая связь, портативные газосварочные аппараты и нефтеналивные агрегаты, устройства дистанционного горизонтального бурения, дельтапланы и т. д.). Кроме того, сложившееся положение дел не исключает реальной угрозы проведения террористических актов на рассматриваемых объектах².

² См.: Бочаров А. И., Арефьев С. А. Анализ оперативно-профилактических мероприятий в сфере подрыва экономических основ незаконного оборота нефти и нефтепродуктов // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2006. № 6. С. 233.

Одними из главных причин низкой результативности работы являются: недостаточный профессионализм сотрудников органов предварительного следствия и оперативных служб; отсутствие современной методики раскрытия и расследования данной категории преступлений; слабое взаимодействие подразделений ОВД с линейными производственно-диспетчерскими службами трубопроводного транспорта; недостаточное понимание территориальными органами прокуратуры общественной опасности противоправных посягательств на объекты магистральных трубопроводов и важности их своевременного и эффективного пресечения.

Например, при осмотре места происшествия нередко не фиксируются, не изымаются и в результате утрачиваются необходимые вещественные доказательства (приспособления для врезки и хищения топлива, следы транспортных средств и т. д.), не проводится фото- и видеосъемка, не устанавливаются и не привлекаются к уголовной ответственности организаторы преступлений, обеспечивающие производство врезок, транспортировку похищенного топлива и его реализацию, а также возможные пособники из числа работников трубопроводного транспорта. Не изымаются из оборота средства транспортировки похищенных объемов углеводородного сырья и обнаруженные на территории нефтебаз (складов горючесмазочных материалов, хранилищ нефти и нефтепродуктов) объемы углеводородного сырья неустановленного происхождения либо имеющие явные признаки принадлежности к похищенным объемам на основании экспертных заключений и исследований¹.

Основными задачами предлагаемого комплекса специальных оперативно-профилактических мероприятий являются:

– выявление, предупреждение и пресечение преступлений в сфере экономики на предприятиях и в организациях всех форм собственности, осуществляющих финансово-хозяйственную деятельность по добыче, транспортировке, хранению, переработке и

реализации углеводородного сырья с использованием нефти неустановленного происхождения, связанных с этим преступлений коррупционной направленности в региональных органах государственной власти и органах местного самоуправления;

– проведение оперативных разработок и их реализация в отношении организованных преступных групп и сообществ, действующих в сфере незаконного оборота нефти и продуктов ее переработки, подрыв экономических основ данного вида преступности;

– выявление и нейтрализация каналов незаконного оборота нефти и продуктов ее переработки, а также легализации денежных средств, приобретенных преступным путем;

– активизация работы следственных подразделений при расследовании и направлении в суд уголовных дел по экономическим и коррупционным преступлениям;

– устранение обстоятельств, способствующих совершению преступных посягательств на объекты магистрального трубопроводного транспорта, обратив особое внимание на следующее:

а) выявление лиц, являющихся активными членами и лидерами организованных преступных группировок, сообществ, совершающих хищения с последующей легализацией объемов нефти, продуктов ее переработки и содействующих представителям указанных формирований;

б) осуществление проверок финансовой, хозяйственной, предпринимательской и торговой деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, оказывающих услуги по хранению, переработке либо потреблению нефти и продуктов ее переработки сомнительного (неподтвержденного) происхождения;

в) проведение аналогичных проверок деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих транспортировку с территории субъектов РФ грузов нефти в качестве стабилизированного газового конденсата либо иных его производных;

г) комплексное обследование трасс залегания магистральных трубопроводов на участках, наиболее подверженных хищению

¹ См.: Бертковский Л. В., Образцов В. А. Выявление и раскрытие экономических преступлений: Учеб.-практ. пособие. М., 2003. С. 43.

ям нефти, с привлечением военнослужащих внутренних войск, иных сил и средств;

д) решение на уровне МВД, ГУВД, УВД субъектов либо органов прокуратуры вопросов по созданию межведомственных комиссий с целью проверки деятельности нефтебаз, нарушающих условия лицензирования либо работающих без необходимых лицензий, урегулирования вопроса об их соответствии действующему законодательству, устранения выявленных нарушений либо ликвидации соответствующих предприятий;

е) выявление среди работников соответствующих дочерних обществ ОАО «Транснефть» лиц, сотрудничающих с представителями преступных групп, которые совершают хищения с дальнейшей легализацией объемов нефти (продуктов ее переработки), и полученных при этом денежных средств.

Д. В. Зиборов,

доцент кафедры

организации оперативной работы

ВЮИ ФСИН России

кандидат юридических наук

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПРОФИЛАКТИКА – ЗАЛОГ ЭФФЕКТИВНОЙ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОБЕГОВ ОСУЖДЕННЫХ ИЗ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ

Анализ статистических данных деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы России (УИС) за последние пять лет свидетельствует о сокращении общего количества преступлений, совершенных осужденными, содержащимися в исправительных колониях (ИК). Однако, несмотря на положительные тенденции оздоровления оперативной обстановки в ИК в целом, доля побегов в общей структуре преступности в указанных учреждениях по-прежнему остается на высоком уровне и составляет на протяжении последних лет в среднем около 20 %.

Общественная опасность данной категории преступлений заключается не только в нарушении принципа неотвратимости наказания, но и в отрицательном влиянии на нормальное функционирование исправительных учреждений. Дестабилизируя их деятельность, побеги осужденных представляют собой опасное посягательство на

Изложенное свидетельствует о запаздывании реагирования правоохранительных органов на динамично развивающийся процесс консолидации и совершенствования деятельности преступников в сфере оборота нефти в России. Этому способствуют и определенно утрачиваемые возможности государственного контроля теневой деятельности в сфере ТЭК.

Библиографический список

1. *Бертовский, Л. В.* Выявление и раскрытие экономических преступлений : учеб.-практ. пособие / Л. В. Бертовский, В. А. Образцов. – М., 2003.

2. *Устинов, В. С.* Криминологические аспекты экономической преступности : учеб. пособие / В. С. Устинов, А. Ю. Арёфьев. – Н. Новгород, 2000.

интересы правосудия и осложняют криминальную ситуацию в обществе, так как лица, бежавшие из мест лишения свободы, в условиях своего нелегального существования нередко вновь совершают преступления, вовлекая при этом в противоправную деятельность других граждан.

Организация оперативно-разыскной деятельности в ИК в целом и по предупреждению побегов, в частности, осложняется еще и тем, что состав осужденных в местах лишения свободы отличается повышенной криминогенностью. В среде осужденных доминируют неоднократно судимые лица, хорошо информированные о методах оперативно-разыскной деятельности в пенитенциарных учреждениях и имеющие достаточно устойчивые связи с криминальными структурами за пределами колонии.

Складывающаяся ситуация усугубляется также имеющимися проблемами нормативно-правового характера, недостаточным образовательным уровнем и профессиональной подготовкой оперативного состава УИС, трудностями материально-технического обеспечения, которые испытывают сотрудники исправительных учреждений в организации борьбы с побегами осужденных.

Указанные выше обстоятельства свидетельствуют об особой актуальности задач, связанных с предупреждением побегов из мест лишения свободы, и обуславливают

необходимость поиска новых подходов к организации оперативно-разыскной деятельности оперативных подразделений ИК по предупреждению данного противоправного деяния.

Следует отметить, что предупреждение преступности в юридической литературе рассматривается, как правило, в двух значениях: как общее и специальное предупреждение преступлений¹. Оно включает в себя ряд взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, рассмотрение и правильный подход к которым имеет важное значение в первую очередь для практики работы правоохранительных органов. При этом четкое определение этапов предупредительной работы, основных субъектов осуществления тех или иных видов деятельности, разграничение функций различных служб по ее осуществлению во многом будет способствовать целенаправленному предупредительному процессу.

Деятельность оперативных подразделений ИК по предупреждению побегов заключается в осуществлении ими комплекса мер гласного и негласного характера, осуществляемых с использованием оперативно-разыскных сил, средств и методов по следующим направлениям:

- выявление причин побегов и условий, способствующих их совершению, принятие мер по их устранению (общая профилактика);
- выявление лиц, склонных к совершению побегов, и воздействие на них в целях недопущения реализации их преступных замыслов (индивидуальная профилактика);
- предотвращение замышляемых и пресечение подготавливаемых побегов осужденных из ИК, а также покушений на них.

Общая профилактика предусматривает систему оперативно-разыскных и профилактических мероприятий, направленных на выявление причин и условий, способствующих совершению конкретных преступлений, и принятие мер к их устранению. Однако указанные меры не рассчитаны на индивидуальные особенности личности осужденного, являющейся носителем конкретных взглядов, навыков и привычек.

¹ См., напр.: Криминология: Учеб. для юрид. высш. учеб. заведений / Под общ. ред. А. И. Долговой. М., 1997.

Следовательно, для достижения максимально эффективных результатов в борьбе с побегами необходимо тесно сочетать общепрофилактические мероприятия с индивидуальными предупредительными мерами, направленными на своевременное выявление и изучение лиц, от которых можно ожидать совершение побега. Иными словами, процесс индивидуальной профилактики обязывает оперативные подразделения ИК не ограничиваться режимными мерами, а осуществлять активные действия по изучению склонных к совершению побегов лиц и источников отрицательного влияния на них.

Негативным примером может служить побег, совершенный в 2005 г. из ИК-41 ГУФСИН России по Приморскому краю тремя осужденными, отбывающими наказание за совершение особо тяжких преступлений, который в итоге привел к серьезным последствиям и вызвал большой общественный резонанс. Указанное чрезвычайное происшествие стало возможным вследствие недостатков в индивидуально-профилактической работе с осужденными, отсутствия постоянного надзора за спецконтингентом в ночное время, слабой обученности личного состава караула и, как показало следствие, предательства сотрудника охраны.

Все трое осужденных состояли на профилактическом учете как склонные к побегу. За отрядом был закреплен оперуполномоченный оперативного отдела, который практически не имел опыта оперативно-разыскной деятельности, тем более работы с отрядом, где сосредоточены осужденные с длительными сроками лишения свободы и осужденные отрицательной направленности. Начальник отряда также работал в системе менее года, т. е. за одним из сложнейших объектов учреждения были закреплены сотрудники, не имеющие необходимого опыта работы с данной категорией осужденных.

В ходе проведенной проверки были выявлены низкая эффективность управленческого воздействия аппарата ГУФСИН России по Приморскому краю на положение дел в учреждениях региона; крайне слабый контроль за реализацией собственных решений и указаний вышестоящих управленческих структур; просчеты в организации работы с осужденными, состоящими на профилактических

учетах; отсутствие осведомленности о процессах, происходящих в их среде.

Исследование практики работы оперативных аппаратов ИК в рамках поиска решения проблем повышения эффективности деятельности указанных подразделений по предупреждению побегов и розыску бежавших из мест лишения свободы позволяет выявить используемый в ряде территориальных органов, исполняющих наказания, передовой опыт воздействия на рассматриваемую категорию осужденных. Суть его заключается в осуществлении оперативными отделами ИК видеосъемки лиц, состоящих на профилактическом и оперативном учетах как склонных к совершению побегов, а также лиц, пользующихся правом передвижения без конвоя.

С помощью имеющихся в подразделениях видеокамер записываются два видеоролика. Первый предназначен для показа по местным каналам телевидения (в настоящее время они имеются в каждом регионе) в случае совершения побега осужденным, второй необходим для проведения розыскных мероприятий сотрудниками УИС и ОВД. В первом ролике осужденный в форменной одежде рассказывает кто он, где родился и т. п., при этом крупным планом показывается его лицо. На втором ролике, более подробном, осужденный снят на фоне мерной шкалы, позволяющей визуально оценивать его рост. При этом он рассказывает, каким судом и за что осужден, раздевается до пояса, показывая имеющиеся на теле шрамы, увечья, татуировки, поясняя значение татуировок и происхождения шрамов. Рассказ осужденного дает возможность при просмотре записи узнать

его не только по внешности, но и по голосу, манере поведения, жестам и мимике.

Кроме того, проведенные исследования показали, что осуществление видеосъемок и создание видеотеки является для осужденных сдерживающим фактором при возникновении умысла на побег. Для достижения максимального профилактического эффекта при осуществлении видеосъемки осужденных последним необходимо более доступно и тщательно разъяснять ее цели, задачи и пути реализации полученных видеоматериалов.

Таким образом, работа по созданию видеоориентировок позволяет поднять на качественно новый уровень деятельность оперативных подразделений УИС в ликвидации побегов, расширить информационную базу данных на потенциально разыскиваемых, дополнив ее голосом, манерой поведения, наглядностью татуировок, шрамов и особых примет осужденных, осуществлять профилактику побегов, используя психологический фактор видеосъемки.

Библиографический список

1. Предупреждение и раскрытие преступлений оперативными аппаратами органов, исполняющих наказания : учебник / под ред. Н. С. Артемьева. – Рязань, 1993.
2. Организационно-тактические и правовые аспекты борьбы с побегами из мест лишения свободы : учеб. пособие / В. И. Алексеев [и др.] ; под общ. ред. А. И. Зубкова. – М., 1994.
3. Дедюхин, В. В. Предотвращение побегов осужденных из исправительно-трудовых учреждений : учеб. пособие / В. В. Дедюхин, Ф. Г. Канцарин ; под ред. Ф. Т. Кузнецова. – М., 1997.

С. Д. Ковалев,
*старший преподаватель кафедры
специальной техники
и информационных технологий
ВЮИ ФСИН России*

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ТАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ»

Впервые термин «тактика» появился в военной науке (греч. *taktika* – искусство построения войск) и означал теорию и

практику подготовки и ведения боя¹. Позднее стало очевидным, что тактика как совокупность средств и приемов для достижения намеченной цели может применяться и в других сферах деятельности, особенно там, где присутствуют элементы борьбы, противоборства, противодействия, поиска истины в условиях естественных и искусственных помех. В связи с этим еще

¹ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2001. С. 788.

на начальном этапе научного обобщения приемов следственной и оперативно-разыскной работы криминалисты заимствовали термин «тактика» из военной науки, поскольку он соответствует содержанию практической деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Еще в работах криминалистов начала XX в. отмечалось, что тактика является такой же необходимой принадлежностью раскрытия преступлений, как военная тактика в военном искусстве¹.

Анализ специальной литературы показал, что раздел теории оперативно-разыскной деятельности (ОРД), посвященный тактике применения технических средств оперативными подразделениями учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС), является не достаточно проработанным в теоретическом плане. Последние работы, в которых были проанализированы особенности тактики применения технических средств при проведении оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ), изданы в основном до начала широкомасштабного реформирования УИС.

Прежде всего, мы считаем необходимым уточнить формулировку понятия «тактика применения технических средств», поскольку оно требует рассмотрения в контексте решения специфических служебных задач оперативными аппаратами учреждений УИС.

Следует отметить, что основные теоретические положения криминалистической тактики как раздела криминалистической науки были сформулированы гораздо раньше, чем оперативно-разыскной тактики. Взгляды на сущность и содержание криминалистической тактики не раз менялись. Так, А. Н. Васильев считал, что тактика — это «метод действия в расследовании для достижения цели, рассчитанный на оптимальный эффект при относительно минимальной затрате времени и сил»². Как совокупность приемов проведения следственных действий представляют себе криминалистическую тактику В. Е. Коновалов,

А. П. Сыров, Е. У. Зицер и некоторые другие авторы. В настоящее время большинство криминалистов склонно считать ее сложной системой положений, приемов и рекомендаций, относящихся не только к производству отдельных процессуальных действий, но и к организации и планированию предварительного и судебного следствия в целом, принятию мер по превенции преступлений, осуществлению различных мероприятий организационного и технического характера. Таким образом, в настоящее время среди большинства ученых общепризнанным является следующее определение.

Криминалистическая тактика — это система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и планированию предварительного и судебного следствия и приемов конкретных следственных и судебных действий, направленных на собирание и исследование доказательств, на установление причин и условий, способствующих совершению и сокрытию преступлений³.

Без внимания ученых не остались и проблемы, связанные с оперативно-разыскной тактикой. Последняя является категорией сложной и многогранной, поэтому на всем протяжении становления теории ОРД наблюдаются различные подходы к выявлению сущности тактики и определению ее понятия. Чаще всего тактику определяют как совокупность (комплекс, систему) приемов и методов, с помощью которых осуществляются мероприятия, направленные на эффективное достижение целей ОРД (А. И. Алексеев, Г. К. Синилов). В ряде работ (А. Г. Лукьяненко, Т. Т. Тагиров) тактика определяется как образ действия, линия поведения субъектов, осуществляющих ОРМ в той или иной ситуации с использованием необходимых средств и методов. В. Г. Самойлов рассматривает тактику ОРД в двух аспектах: как систему научных положений и разработанных на их основе практических рекомендаций по организации и осуществлению ОРМ и как линию поведения лиц, участвующих в их

¹ См.: Лебедев В. И. Искусство раскрытия преступлений. СПб., 1912. С. 161.

² Васильев А. Н. Криминалистика. М., 1971. С. 250.

³ См.: Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика: Учеб. для вузов. М., 2001. С. 451.

проведении. При таком содержании оперативно-разыскной тактики определение ее понятия требует включения всех указанных элементов и может быть сформулировано следующим образом.

Оперативно-разыскная тактика – это категория ОРД, отражающая мышление оперативника, включающее оценку ситуации (криминального события или угрозы его наступления), сил, качеств и поведения противоборствующей стороны, своих возможностей и предопределяющее образ действия, линию поведения, избираемых для достижения целей предупреждения, раскрытия преступлений и розыска преступников¹.

Развивая утверждение В. И. Елинского о том, что понятие «оперативно-разыскная тактика» должно находиться в отношении подчинения к объему понятия «оперативно-разыскная деятельность»², мы считаем, что и тактика применения специальных технических средств при проведении ОРМ является подсистемой тактики ОРД.

Принимая во внимание все вышеизложенное, можно определить тактику применения технических средств следующим образом: это система научных положений и

разработанных на их основе практических рекомендаций по использованию участниками ОРД специальной техники для достижения целей ОРМ в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности».

Таким образом, введенное нами понятие и связанный с ним термин «тактика применения технических средств» должен найти отражение в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности». Это имеет как теоретическое, так и практическое значение, в том числе для исследования проблем использования технических средств оперативными аппаратами исправительных учреждений, использования результатов ОРД в уголовном процессе, а также для выработки научных и практических рекомендаций оперативным работникам.

Библиографический список

1. Криминалистика : учеб. для вузов / А. В. Аверьянова [и др.]. – М., 2001.
2. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. – М., 2001.

Ю. В. Маркова,

*адъюнкт кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии
Нижегородской академии МВД России*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АППАРАТОВ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА И МИЛИЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ В СРЕДЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В процессе оперативно-разыскной профилактики подразделения уголовного ро-

зыска (далее: УР) взаимодействуют с различными неоперативными структурами ОВД. Наиболее значимыми из них являются служба участковых уполномоченных милиции и подразделения по делам несовершеннолетних. Такое взаимодействие осуществляется в форме обмена информацией в отношении лиц, находящихся на профилактическом учете в этих подразделениях, участия в осуществлении совместных мер по предупреждению преступлений указанной категории лиц.

В теории оперативно-разыскной деятельности под взаимодействием чаще всего понимается комплекс совместных или согласованных по времени, месту и целям действия двух и более аппаратов (органов, служб, подразделений) по решению определенных задач борьбы с преступностью³.

¹ См.: Оперативно-розыскная деятельность: Учеб. / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. М., 2001. С. 669.

² См.: Елинский В. И. Тенденции развития языка теории ОРД органов внутренних дел // Состояние, проблемы применения и совершенствования законодательства о борьбе с организованной преступностью и коррупцией: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 7–8 июня 2000 г. М., 2001. Вып. 2. С. 124.

³ См.: Основы оперативно-розыскной деятельности: Учеб. / Под ред. В. Б. Рушайло. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2000. С. 199.

Организационно-тактические формы взаимодействия между службами и подразделениями направлены на решение конкретных задач в борьбе с преступностью. А. Г. Маркушин полагает, что основными из них выступают: создание совместных оперативно-поисковых групп по выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений, розыску преступников; взаимный обмен информацией об изменении частной оперативной обстановки; оказание взаимной помощи наличными силами и средствами; создание оперативно-следственных групп по раскрытию и расследованию преступлений; разработка совместно с запланированными службами согласованных мероприятий; проведение целевых комплексных операций на обслуживаемой территории и т. д.

Однако в настоящее время ОВД пока не имеют удовлетворительных профилактических позиций в силу отсутствия комплексного подхода к выполнению задач по предупреждению правонарушений, недостаточно уделяют внимания оперативной направленности профилактики преступлений, которая предполагает активное использование и дальнейшее совершенствование организационных и тактических основ и форм оперативно-розыскной профилактики. Это приводит к слабой осведомленности о лицах и фактах, в отношении которых необходимо целенаправленное осуществление профилактических мер, в том числе с использованием оперативно-розыскных возможностей².

Анализ состояния преступности среди несовершеннолетних в Российской Федерации выявил ряд серьезных недостатков в деятельности ОВД по профилактике правонарушений несовершеннолетних³. В ча-

стности, понижена роль подразделений по делам несовершеннолетних милиции общественной безопасности, которые до настоящего времени не стали координаторами этой работы. Остается небольшим вклад подразделений службы криминальной милиции в организацию и проведение мероприятий превентивного характера. Не выявляются и в полном объеме не исследуются причины и условия противоправного поведения несовершеннолетних, не принимаются соответствующие меры к должностным лицам, родителям (лицам, их заменяющим) несовершеннолетних, допустившим нарушения их прав и законных интересов. Ослаблен контроль за поведением несовершеннолетних, осужденных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы.

Автор полагает, что одна из причин недостатков в сборе и оценке сведений, способных представлять оперативный интерес, обусловлена собственными представлениями сотрудников о значимости выявляемых фактов, а также укоренившейся привычкой делать выводы на интуитивных оценках, а не на объективных показателях, необходимых в прогнозировании преступного поведения.

При этом оперативная осведомленность о правонарушениях в подростковой среде, лидерах и участниках экстремистских молодежных группировок,готавливаемых преступлениях не повышается, целенаправленность в этой работе отсутствует, дополнительные резервы не привлекаются.

Эффективного решения оперативно-тактических задач по профилактике экстремистской преступной деятельности несовершеннолетних можно достичь только на основе систематизированной, комплексной информации, сочетающей в себе различные сведения, полученные из различных источников и логически связанные.

По мнению автора, оперативным сотрудникам УР следует отказаться от некоторого пренебрежительного отношения к сведениям, характеризующим проверяемых лиц. Для предотвращения и пресечения преступлений, познания механизма преступной деятельности подобная ин-

¹ См.: Маркушин А. Г. Основы управления в органах внутренних дел: Курс лекций. 2-е изд., доп. и перераб. Н. Новгород, 2000. С. 104.

² См.: Бордиловский Э. И., Галахов С. С., Смирнов С. А. Выявление лиц и фактов, представляющих оперативный интерес и их оперативно-розыскная профилактика: Учеб. пособие. М., 1992. С. 28.

³ См.: О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Приказ МВД России от 12 января 2002 г. № 23. Документ опубликован не был.

формация имеет существенное значение. Первоначальная информация, свидетельствующая о криминальной активности несовершеннолетних может быть получена из документов, находящихся в подразделениях по делам несовершеннолетних, таких как учетно-профилактические карточки, учетно-профилактические дела, наблюдательные дела на группы несовершеннолетних с антиобщественной направленностью и др.

Например, при выявлении несовершеннолетних лиц, склонных к совершению преступлений экстремистской направленности необходимо использовать возможности территориальных подразделений по делам несовершеннолетних ОВД, которые располагают сведениями о противоправном поведении подростков и их социальном окружении.

Наряду с этим использование оперативно-разыскных методов позволяет постоянно и квалифицированно осуществлять не только наблюдение за лицами, представляющими оперативный интерес, но и оказывать на них профилактическое воздействие.

Необходимо отметить, что подростки часто попадают в группы экстремистской направленности, развитие которых происходит по схеме асоциальная – криминальная – преступная. Такие группы являются яркими представителями криминальной субкультуры и привлекательны для несовершеннолетних по причине: широкого поля деятельности и возможностей для самоутверждения и компенсации неудач, постигших их в обществе; процесса криминальной деятельности, включающей риск и экстремальные ситуации; снятия моральных ограничений; отсутствия запретов на любую информацию, прежде всего интимную; учета состояния возрастного одиночества, переживаемого подростком, и обеспечения ему в своей группе моральной, физической, материальной и психологической защиты от агрессии извне.

Однако, как отмечает В. А. Мишота, несбалансированность профилактической и оперативно-разыскной работы снизила эффективность предупреждения рецидив-

ных и групповых преступлений несовершеннолетних, выявления и разоблачения лиц, вовлекающих детей и подростков в преступную и антиобщественную деятельность¹. Преодоление такой несбалансированности, а также отраслевой разобщенности подразделений и служб ОВД следует считать одним из главных направлений оперативно-служебной деятельности. В этой связи А. С. Коваленко подчеркивает, что интеграции в форме совместного планирования и проведения различных мероприятий уже недостаточно, поскольку высокий уровень организованности современной преступности требует построения эффективной единой модели оперативного пространства (с глубоким просматриванием всех его составляющих) и происходящих в нем процессов².

Так, изучение лиц, склонных к совершению преступлений, сопровождается оперативно-разыскным контролем за их поведением. Основными задачами при его осуществлении следует считать: выявление признаков криминальной активности профилактируемых и установления их причастности к нераскрытым преступлениям; оперативное вмешательство в действия профилактируемых с целью недопущения их преступной деятельности; определение эффективности оперативно-профилактических мероприятий.

Контрольные функции отражены в различных источниках, в том числе и нормативного характера. Так, например, с позиции информационного поиска, осуществляемого сотрудниками УР, представляет интерес часть документации, находящейся в участковом пункте милиции.

Во-первых, это контрольные карточки на лиц, с которыми проводится профилактическая работа, где содержится перечень оснований для осуществления контроля:

¹ См.: Мишота В. А. Некоторые вопросы предупреждения преступлений, предусмотренных статьями 150, 151 и 156 УК РФ // Вестн. МВД России. 2002. № 3. С. 43.

² См.: Коваленко А. С. Научное обеспечение деятельности ОВД по раскрытию преступлений // Оперативно-разыскная работа. 2000. № 3. С. 69.

– освобожден из мест лишения свободы и в отношении его установлены ограничения в соответствии с законом;

– осужден к мерам наказания, не связанным с лишением свободы;

– освобожден от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям;

– допускает правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений;

– болен хроническим алкоголизмом, наркоманией, допускает потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача, из числа состоящих на учете в учреждениях здравоохранения;

– болен психическим заболеванием, представляет непосредственную опасность для себя и окружающих и состоит на учете в учреждениях здравоохранения;

– иные основания.

Во-вторых, раздел VI паспорта на административный участок. Так, соответствующие пункты раздела VI дополнительно к сведениям, содержащимся в контрольных карточках, отражают информацию на лиц, предоставляющих помещения для занятия проституцией, наркоманией, токсикоманией, ранее судимых, несовершеннолетних правонарушителей, состоящих на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних, находящихся в розыске, из числа проживающих на административном участке, *входящих в неформальные молодежные объединения экстремистского толка, задерживавшихся за нарушения общественного порядка при проведении массовых мероприятий* (курсив наш. – Ю. М.), постоянно проживающих иностранных граждан и лиц без гражданства.

Таким образом, в процессе взаимодействия аппаратов уголовного розыска со службами участковых уполномоченных милиции и подразделениями по делам несовершеннолетних в плане предупреждения преступлений, сопряженных с экстремизмом, должны решаться такие задачи, как: анализ профилактической деятельности подразделений; обобщение и распространение положительного опыта работы;

методическое обеспечение профилактической деятельности.

Первоначальная информация, свидетельствующая об экстремистской активности несовершеннолетних, может быть получена из документов, находящихся в подразделениях по делам несовершеннолетних, таких как: учетно-профилактические карточки, учетно-профилактические дела, наблюдательные дела на группы несовершеннолетних с антиобщественной направленностью и др.

Если ранняя профилактическая работа возложена на подразделения по делам несовершеннолетних и участковых уполномоченных милиции, то непосредственная профилактика является полем деятельности оперуполномоченных УР по линии несовершеннолетних и в целом аппаратов УР. Несовершеннолетние, повторно совершающие преступления, являются объектом профилактического воздействия вышеназванных подразделений.

О негативных тенденциях преступности несовершеннолетних свидетельствует увеличение в ее структуре доли преступлений, в том числе и экстремистской направленности, определяющих современную криминальную ситуацию. Кроме того, совершаемые подростками общественно опасные деяния все чаще принимают агрессивные и жестокие формы. Однако в уголовном законе наблюдается последовательная переориентация уголовной политики в отношении несовершеннолетних, ослабление ее карательной составляющей. Логическим восполнением такого ослабления должно стать усиление превентивного компонента.

Библиографический список

1. О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : приказ М-ва внутр. дел Рос. Федерации от 12 янв. 2002 г. № 23. – Документ опубликован не был.

2. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. В. Б. Рушайло. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 2000.

В. В. Меркурьев,
заместитель начальника
ВЮИ ФСИН России
по заочной форме обучения
доктор юридических наук, доцент
И. А. Тараканов,
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

**ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО,
ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ**

Оперативно-разыскная деятельность (ОРД) как средство борьбы с преступностью является важной составляющей деятельности правоохранительных органов. С такими опасными преступлениями, как шпионаж, терроризм, сбыт наркотических средств и их прекурсоров, а также с организованной преступностью нельзя эффективно бороться без помощи секретных работников. Это обычная практика в деятельности любого государства¹.

Уголовно-процессуальное законодательство закрепляет государственную необходимость и целесообразность проведения оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ) в целях обнаружения признаков преступлений и лиц, их совершивших, а также принятия всех требуемых мер по предупреждению и пресечению преступлений.

Специфика ОРД обуславливает обязательность ее четкого нормативного регулирования. В настоящее время основным нормативно-правовым документом, действующим в сфере профессиональной сыскной деятельности (контрразведывательной, частной сыскной, ОРД и др.), является Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее: ФЗ «Об ОРД») (в ред. Федерального закона от 2 декабря 2005 г. № 150-ФЗ²). В нем раскрывается понятие ОРД, определяются ее задачи и принципы, перечисляются

ОРМ и органы, осуществляющие ОРД, закрепляются их права и обязанности, а также содержится ряд других важных положений.

Вместе с тем в ФЗ «Об ОРД», на наш взгляд, не решены некоторые вопросы социальной и правовой защиты сотрудников оперативных подразделений правоохранительных органов и лиц, оказывающих им содействие, при осуществлении ОРМ.

Статья 18 указанного Закона гласит: «Лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступлений, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Однако в этой статье ничего не сказано о сотрудниках оперативных подразделений, внедренных в преступные группы и соответственно вынужденных участвовать в преступных деяниях, совершаемых участниками данных групп. В случае отказа от совместной преступной деятельности таким сотрудникам грозит разоблачение, тогда как совместное совершение преступлений чревато возможностью привлечения их к уголовной ответственности.

Существующий в Российской Федерации институт обстоятельств, исключающих преступность деяния (гл. 8 УК РФ), не предусматривает такого обстоятельства, как причинение вреда при осуществлении ОРМ. Поэтому при квалификации деяний, совершенных лицами, внедренными в преступную группировку, возникают определенные трудности.

Для справки: в России действуют 450 крупных организованных преступных формирований. Общая их численность достигает 12 тыс. чел. В 2006 г. возбуждено свыше 1,5 тыс. уголовных дел в отношении 2 тыс. участников высокоорганизованных преступных формирований, в том числе против 780 лидеров, так называемых авторитетов и активных бандитов³.

¹ См.: Турецкий Н. Н. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, по уголовному законодательству Казахстана: Моногр. 2-е изд., доп. и перераб. Алматы, 2005. С. 230.

² См.: Рос. газ. 2005. 6 дек.

³ См.: Фалалеев М. Порядок на улице разбитых фонарей (интервью Р. Нургалиева) // Рос. газ. 2007. 9 февр.

Оперативное внедрение как разновидность ОРМ предусмотрено п. 12 ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об ОРД» и определено как поведенческий акт субъекта, непосредственно осуществляющего ОРД (оперативник, агент и др.), сутью которого является получение необходимой для достижения целей и решения задач ОРД информации.

Как известно, оперативное внедрение имеет сложный субъект. Им выступают оперативные подразделения соответствующего государственного органа. Непосредственным исполнителем является оперативник (штатный негласный или гласный сотрудник) или лицо, оказывающее конфиденциальное содействие; санкционирующее лицо – руководитель оперативно-разыскного органа. Условия проведения оперативного внедрения можно разделить на две группы: предусмотренные федеральным законодательством (общеобязательные) и выработанные оперативно-разыскной практикой (факультативные).

К общеобязательным условиям относятся следующие: а) оперативное внедрение допустимо только на основании постановления, утвержденного руководителем оперативно-разыскного органа, согласно ст. 8 ФЗ «Об ОРД»; б) для успешного внедрения допустимо использовать документы оперативного прикрытия (ст. 15 ФЗ «Об ОРД»); в) внедренное лицо не должно превышать пределы правомерности действий в случае вынужденного причинения вреда правоохраняемым интересам (документом, определяющим указанные пределы, служит постановление об оперативном внедрении). При соблюдении данного условия такое лицо может быть освобождено от уголовной ответственности или наказания (ст. 16 ФЗ «Об ОРД», ст. 37–42, 75, примеч. к ст. 204, 205, 208, 222, 223, 228, 228.1, и 291 УК РФ, ст. 24, 26 и 28 УПК РФ. В ином случае оперативно-разыскной орган вправе ходатайствовать о помиловании внедренного лица, превысившего пределы правомерности действий (ст. 85 УК РФ).

Следует также выделить запреты: на использование технических и иных средств, угрожающих жизни и здоровью людей и причиняющих вред окружающей среде (ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об ОРД»); искусственное создание доказательства совершения пре-

ступления, подстрекательство (провокацию) лица к совершению преступления.

В качестве факультативного условия выступает следующее: оперативное внедрение проводится в случае, когда применение других ОРМ не может обеспечить эффективного выполнения задач ОРД.

Вместе с тем необходимо отметить, что российское уголовное законодательство не восприняло идей многих авторитетных ученых о расширении круга обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Исходя из этого уместно обратиться к анализу уголовно-правового законодательства других государств. Так, ч. 1 ст. 34.1 УК «Осуществление оперативно-розыскных мероприятий» Республики Казахстан указывает на то, что «не является преступлением причинившее вред охраняемым настоящим Кодексом интересам деяние, совершенное при выполнении в соответствии с законом оперативно-розыскных мероприятий сотрудником уполномоченного государственного органа либо по поручению такого органа иным лицом, сотрудничающим с этим органом, если это деяние совершено с целью предотвращения, выявления, раскрытия или расследования преступлений, совершенных группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), а также если причиненный вред правоохраняемым интересам менее значителен, чем вред, причиняемый указанными преступлениями, и если их предотвращение, раскрытие или расследование, а равно изобличение виновных в совершении преступлений лиц не могло быть осуществлено иным способом»¹.

Исключение существует лишь для лиц, совершивших деяния, сопряженные с угрозой жизни или здоровью человека, экологической катастрофы, общественного бедствия или иных тяжких последствий (ч. 2 рассматриваемой статьи).

Очевидно, что ч. 1 ст. 34.1 УК Республики Казахстан расширила перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния. Необходимость в таком дополнении продиктована повышенной степенью

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан. СПб., 2001. С. 56.

профессионального риска при осуществлении ОРМ в условиях качественного и количественного изменения состояния преступности в стране и потребностями оперативно-разыскной практики¹.

Согласно ч. 1 ст. 43 «Выполнение специального задания по предупреждению либо раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации» УК Украины не является преступлением вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам лицом, которое в соответствии с законом выполняло специальное задание, участвуя в организованной группе либо преступной организации с целью предотвращения или раскрытия их преступной деятельности. Такое лицо подлежит уголовной ответственности лишь за совершение в составе организованной группы либо преступной организации особо тяжкого преступления, совершенного умышленно и связанного с насилием над потерпевшим, или тяжкого преступления, совершенного умышленно и связанного с причинением тяжкого телесного повреждения потерпевшему или наступлением иных тяжких или особо тяжких последствий (ч. 2). Кроме того, оно не может быть осуждено к пожизненному лишению свободы, а наказание в виде лишения свободы не может быть назначено ему на срок, который больше половины максимального срока лишения свободы, предусмотренного законом за данное преступление (ч. 3)².

Немного отличается по изложению ч. 1 ст. 38 «Пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию» УК Республики Беларусь. Однако смысл ее практически аналогичен приведенным выше статьям: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое, выполняя в соответствии с действующим законодательством специальное задание по предупреждению или раскрытию преступления и действуя с другими его участниками, вынужденно совершит преступление»³. Часть 2 данной статьи также указывает, что это правило не применяется к лицу, совершившему особо тяжкое

или тяжкое преступление, связанное с посягательством на жизнь или здоровье человека.

Наконец, упоминание о рассматриваемом обстоятельстве, исключающем преступность деяния, содержится в ст. 13¹ «Имитация преступлений» УК Эстонской Республики: не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но направленное на выявление преступления или личности преступника и совершенное лицом, уполномоченным компетентным государственным органом имитировать преступление⁴.

Таким образом, анализ указанных выше уголовно-правовых норм позволяет выделить следующие условия правомерности причинения вреда при осуществлении ОРМ:

- 1) вынужденность причинения вреда;
- 2) выполнение лицом, внедренным в организованную группу или преступную организацию, специального задания в соответствии с законом;
- 3) цель данного задания заключается в предотвращении, выявлении, раскрытии или расследовании преступлений;
- 4) предотвращение, раскрытие или расследование преступлений, а равно изобличение виновных в их совершении лиц не могло быть осуществлено иным способом.

Кроме того, на наш взгляд, следует обозначить пределы причинения данного вреда. Представляется, что достижение оперативно-разыскных интересов не должно быть связано с чрезмерным нарушением прав и свобод граждан. В то же время лицу, внедренному в преступную группу и выполняющему специальное задание в целях пресечения ее деятельности, необходимо иметь достаточную свободу действий, позволяющую ему принимать участие в общей преступной деятельности.

В связи с этим рекомендуется ограничить поведение указанного лица запретом на совершение тяжких или особо тяжких преступлений против личности. В частности, представляется недопустимым причинение смерти человеку в целях достижения оперативно-разыскных интересов, поскольку вряд ли их можно признать более ценными, чем человеческая жизнь.

¹ См.: Турецкий Н. Н. Указ соч. С. 231.

² См.: Уголовный кодекс Украины (с изм. и доп. по состоянию на 10 окт. 2003 г.). Харьков, 2003. С. 23.

³ Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб., 2001. С. 111.

⁴ См.: Уголовный кодекс Эстонской Республики. СПб., 2001. С. 47.

С учетом вышеизложенного предлагаем дополнить УК РФ статьей 39¹ следующего содержания:

«Статья 39¹. Причинение вреда при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий

1. Не является преступлением вынужденное причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, внедренным в организованную группу или преступную организацию и выполняющим в соответствии с законом специальное задание в целях предотвращения, выявления, раскрытия или расследования преступлений, если их предотвращение, раскрытие или расследование, а равно изобличение виновных в совершении преступлений лиц не могло быть осуществлено иным способом.

2. Положения части первой настоящей статьи не распространяются на лиц, совершивших особо тяжкое или тяжкое преступление, связанное с посягательством на жизнь или здоровье человека.

3. Лицу, совершившему преступление, предусмотренное частью второй настоящей статьи, наказание должно назначаться с учетом положений статьи 64 настоящего Кодекса».

С. В. Назаров,

начальник кафедры

организации оперативной работы

ВЮИ ФСИН России

кандидат юридических наук, доцент

**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НАУЧНОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОПЕРАТИВНЫХ АППАРАТОВ УИС
(из опыта работы Владимирского
юридического института)**

Эффективность применения любого закона во многом зависит от его качества, проработанности содержащихся в нем норм, полноты отражения всех аспектов их регулирования. Развитие оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) во многом предопределяется достижениями научных исследований, выполняемых в указанной отрасли права. Однако, несмотря на значительное количество научных трудов, посвященных разработкам вопросов теории и практики ОРД, многие проблемы остаются либо вовсе не исследованными, либо нуж-

Полагаем, что внесение данной статьи в УК РФ позволит обеспечить определенную свободу действий лица, внедренного в преступную группировку, и повысить эффективность проведения ОРМ, направленных на выявление, предотвращение и пресечение преступной деятельности группировки, а также изобличение ее участников, что в целом будет способствовать успешной борьбе с преступностью и гарантировать безопасность лиц, выполняющих специальные задания, связанные с нахождением внутри преступных группировок.

Библиографический список

1. *Опалев, А. В.* Оперативно-розыскная деятельность : учебник / А. В. Опалев ; под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. – М., 2002.

2. *Турецкий, Н. Н.* Обстоятельства, исключющие преступность деяния, по уголовному законодательству Казахстана : монография / Н. Н. Турецкий. – 2-е изд., доп. и перераб. – Алматы, 2005.

3. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ: в ред. федер. закона от 2 дек. 2005 г. № 150-ФЗ // Рос. газ. 6 дек. 2005.

даются в дальнейшей проработке. Необходимость их изучения определяется изменениями, произошедшими не только в последние годы, но и месяцы в социально-экономической жизни общества, оперативной обстановке, российском законодательстве и подзаконных нормативных правовых актах, регламентирующих ОРД, современным состоянием теории этой деятельности, а также многими другими факторами.

Значительная роль в повышении ее эффективности на всех уровнях системы ФСИН России принадлежит отраслевой науке. Она является составной частью науки общероссийской, участвующей в формировании правового государства, консолидации усилий государственных и общественных структур в борьбе с преступностью, укреплении правопорядка в стране.

Основными задачами научного обеспечения деятельности системы ФСИН России являются:

– создание и обновление нормативно-правовой базы функционирования органов УИС;

– совершенствование организационно-тактических основ оперативно-служебной деятельности и организационно-структурного построения системы УИС;

– обеспечение оперативных подразделений методиками, повышающими эффективность их действий, уровень безопасности сотрудников в штатных и экстремальных ситуациях;

– повышение качества подбора, подготовки кадров, развитие у личного состава навыков выполнения поставленных перед ними задач.

Сегодня система научных учреждений ФСИН России представлена двумя основными блоками:

– специализированные научно-исследовательские институты (в г. Москве и Твере), непосредственно обеспечивающие потребности УИС в практических научных разработках;

– высшие учебные заведения (вузы), основной задачей научно-исследовательской деятельности которых являются разработки по совершенствованию подготовки, переподготовки и повышению квалификации кадров для УИС.

В первую очередь научно-исследовательская деятельность должна быть подчинена интересам практики, усилия научных сотрудников и профессорско-преподавательского состава вузов должны быть сосредоточены на решающих направлениях работы. Исходя из этого план научно-исследовательской работы Владимирского юридического института и кафедры ОРД формируется с учетом заявок и поручений руководства ФСИН России.

Сотрудники института принимают активное участие в разработке и авторском сопровождении проектов и ряда важнейших законов, проводится работа, направленная на обновление и совершенствование методов предупреждения, раскрытия и расследования преступлений в пенитенциарных учреждениях.

Основной объем научных исследований направлен на совершенствование и разработку правовых, организационных и тактических основ деятельности оперативных подразделений УИС.

Так, в русле научного обеспечения деятельности оперативных сотрудников УИС

главное внимание обращено на решение проблем:

– комплексного использования сил и средств в пресечении и раскрытии преступлений;

– составления методик раскрытия преступлений, представляющих особую сложность или получивших повышенный общественный резонанс;

– организации противодействия незаконному обороту наркотиков в УИС;

– организации взаимодействия оперативных аппаратов УИС с органами внутренних дел, Федеральной службой безопасности, Федеральной службой по контролю за оборотом наркотиков;

– совершенствования оперативно-служебной деятельности подразделений по борьбе с организованной преступностью, предупреждению и пресечению захвата заложников, террористических актов, криминальных взрывов;

– выявления преступных группировок.

Однако необходимо отметить, что научные разработки далеко не всегда отвечают быстро изменяющимся потребностям системы ФСИН России по противодействию преступности и укреплению правопорядка в учреждениях и органах УИС. В ряде случаев, наоборот, практические работники не используют эффективные разработки, направленные на предупреждение негативного развития обстановки. Это происходит в силу того, что научные разработки нередко не доходят до конкретного потребителя, оседая у руководителей различного ранга.

Одной из важнейших составляющих научного обеспечения является проблема формирования плана научных исследований. Отбор наиболее актуальных тем, требующих научной проработки, выбор учреждения-исполнителя, четкое определение задач исследования, перечня выходных документов – это задача, решение которой требует совместных усилий заказчика и научного учреждения.

Быстро меняющиеся оперативная обстановка, характер преступности способствуют росту заинтересованности практических органов и подразделений в научных исследованиях.

Вместе с тем обостряется противоречие между возрастающим количеством, слож-

ностью поручений и снижающейся численностью и квалификацией научных сотрудников. За последние годы активизация законотворческой деятельности, разработка и реализация федеральных и региональных программ укрепления правопорядка пропорционально увеличили количество внеплановых поручений и привели к существенному возрастанию нагрузки на сотрудников кафедр ОРД.

В настоящее время стала особенно актуальной проблема сочетания стратегических и тактических исследований. Объем потребностей в решении текущих вопросов организации деятельности оперативных подразделений, обеспечиваемых путем проведения экспресс-исследований по поручениям руководства оперативного управления ФСИН России, резко возрос. В этой связи возникает необходимость перераспределения научных сил и средств, сокращение количества стратегических исследований с тем, чтобы сохранить достаточно высокое качество выходных материалов.

Актуальной остается проблема внедрения результатов научно-исследовательской работы в практику. Согласно статистике процент внедрения составляет в среднем 95 %. Однако применительно к научным разработкам, имеющим целью улучшение деятельности низовых звеньев, процесс внедрения ограничивается, по существу, приемкой законченных разработок и их рассылкой на места. В управлениях ФСИН, как правило, не планируются мероприятия по внедрению результатов научно-исследовательской работы в практику, взаимодействию с научными учреждениями – авторами разработок, в результате чего значительная часть научных разработок оказалась недоступной практическим работникам низовых звеньев. Такое положение вызвано, с одной стороны, недостаточной научной проработкой проблем, излишним теоретизированием, слабым знанием научными сотрудниками новых разработок, имеющихся в практических органах, с другой стороны, заказчики научной продукции не уделяют достаточного внимания внедрению заявочных научных разработок в практику, в том числе в систему профессиональной подготовки и переподготовки оперативных сотрудников.

Овладение новейшими достижениями науки и техники должно стать для сотрудников одной из предпосылок продвижения по службе, а умение применять их на практике – критерием профессиональной пригодности и перспективности.

Кроме того, в качестве первоочередных мер повышения практической отдачи научных исследований было бы целесообразно:

- улучшить взаимодействие институтов и практических органов-заказчиков научно-исследовательской продукции путем введения практических работников в состав авторских коллективов, установить кураторство руководства ФСИН России за разработкой наиболее актуальных тем;

- повысить заинтересованность научных сотрудников и практических работников в результатах проводимых исследований и внедрении их в деятельность учреждений и органов УИС. Для этого необходимо предусмотреть конкурсную основу получения заказов.

Библиографический список

1. *Ковалев, О. Г.* О Задачах ведомственной науки по реформированию уголовно-исполнительной системы / О. Г. Ковалев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – М., 2004. – № 1.
2. *Магомедов, М. Н.* Организационные проблемы функционирования образовательного учреждения повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел / М. Н. Магомедов // Законность, оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс : материалы междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 9–10 апр. 1998 г. В 2 ч. Ч. 2 / под ред. О. М. Латышева, В. П. Сальникова. – СПб., 1998.
3. *Мешалкин, С. Н.* Актуальные проблемы повышения квалификации сотрудников оперативных подразделений / С. Н. Мешалкин // Тр. ВИПК МВД России / под общ. ред. В. Н. Гуляева. – Домодедово, 2004. Вып. 4: Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел на современном этапе.
4. *Федоров, А. В.* К вопросу о разработке научных основ национальной оперативно-розыскной политики / А. В. Федоров // Оперативник (сыщик) : науч.-практ. журн. – 2005. – № 4 (5).

Н. К. Потоцкий,
декан юридического факультета
Института международного права
и экономики им. А. С. Грибоедова (г. Москва)
кандидат юридических наук, профессор

**ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
СОТРУДНИКОВ ОПЕРАТИВНЫХ СЛУЖБ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

Одной из актуальнейших проблем в области организации противодействия преступности является деятельность исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) Минюста России, их различных структурных подразделений, среди которых особое место занимают оперативные аппараты.

Важное значение в процессе работы по совершенствованию организации деятельности исправительных учреждений, их оперативных аппаратов имеет устранение еще не разрешенных проблем, в первую очередь в управленческой теории и практике УИС, в том числе оставшихся от предыдущих этапов развития, но не потерявших своей актуальности. Подтверждением этого выступает то обстоятельство, что сама потребность в реформировании российского общества и государства обуславливается в первую очередь необходимостью устранения существовавших на предыдущих этапах издержек, в том числе в сфере исполнения уголовных наказаний¹.

Проблема организации функционирования оперативных аппаратов исправительных учреждений УИС, формирования их целей, задач и функций имеет весьма динамичное, чрезвычайно сложное и противоречивое содержание, что существенно затрудняет его адекватное познание и как следствие эффективную в соответствии с современными и перспективными интересами и потребностями российского общества и государства реализацию. Эта противоречивость проявляется по разным направлениям. Так, в деятельности исправительных учреждений в наиболее отчетливом виде отражается весь спектр общественных противо-

речий, характерных для общества и государства – социальных, политических, экономических, правовых, морально-нравственных и т. д. Более того, эти противоречия здесь нередко приобретают искаженный, гипертрофированный характер².

Кроме того, следует сказать о противоречии между, с одной стороны, объективно усиливающейся в международной и отечественной уголовно-исполнительной теории и практике открытости, гласности, а с другой – с учетом известной и также объективно необходимой специфики деятельности оперативных аппаратов определенной закрытости многих аспектов их функционирования. Изучение и разрешение каждого из таких фактически дополнительных, не характерных для многих других социальных организаций противоречий, требует соответственно значительных дополнительных усилий.

Положение существенно осложняется серьезным, во многом радикальным изменением внешней среды функционирования оперативных аппаратов исправительных учреждений, что непосредственно отражается на их деятельности. При этом современные изменения в деятельности оперативных аппаратов исправительных учреждений УИС, как и в российском обществе и государстве, произошли в результате радикальных реформ достаточно быстро, нередко без их тщательного научного обоснования. Эти и другие причины обусловили возникновение значительных трудностей и противоречий в проведении различного рода, порой чрезмерно многочисленных, реорганизаций, появление непредвиденных, порой противоположных желаемым результатов. Во многом обоснованный отказ от чрезмерно централизованной административно-командной системы государственного управления, в том числе в исправительных учреждениях, привел, особенно на первых этапах, к провозглашению идеи саморегулирования сложнейших социально-государственных проблем в рос-

¹ См.: Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний: Сб. М., 2001. С. 66.

² См.: Волошин А. В. Обеспечение соответствия подготовки специалистов для работы в меняющейся обстановке в уголовно-исполнительной системе России // Сб. материалов регионал. науч.-практ. конф. Новокузнецк, 2004. С. 32.

сийском обществе и государстве¹. При этом, с одной стороны, недостаточно учитывалась специфика российской действительности, преувеличивались возможности зарубежных концепций организационной теории и практики. Такой подход, как показывает развитие осуществляемых радикальных реформ, не в состоянии создать новые эффективно действующие организационные механизмы.

С другой стороны, существенное влияние оказывает и внешний фактор. Расширение международных связей, признание многих международных правовых документов, например, в области соблюдения прав человека, в том числе и Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, углубление международного сотрудничества объективно требуют внимательного изучения и согласования зарубежного и отечественного опыта, особенно в такой сложной и противоречивой области социальной, государственной практики, как оперативно-разыскная деятельность (далее: ОРД) исправительных учреждений УИС.

Таким образом, внимательный анализ современного состояния и степени разработанности рассматриваемой проблемы позволяет подтвердить вывод о том, что до настоящего времени, несмотря на активно предпринимаемые в науке и на практике меры, вопросы организационно-правового обеспечения деятельности оперативных аппаратов исправительных учреждений применительно к современным условиям разработаны еще не в достаточной степени². Так, до настоящего времени в общей и специальной литературе и на практике достаточно отчетливо просматриваются разные (порой существенно различающийся, а

нередко и противоречивый) подход к решению данной проблемы, отсутствие точного представления о сущности, содержании, объеме и пределах решаемых оперативными аппаратами задач и функций, их четкого распределения между различными структурными подразделениями и функциональных обязанностей между их сотрудниками.

Сложившееся положение свидетельствует об отсутствии комплексного подхода, преобладании взглядов представителей отраслевых наук на исследуемую проблему, недостаточном внимании к ее организационному, управленческому аспекту, способному обеспечить системное видение организации оперативных аппаратов в УИС, показать их роль и значение. Это имеет серьезные отрицательные последствия, так как не позволяет всесторонне и в полном объеме раскрыть анализируемую проблему, а значит, организовать ее эффективное обеспечение на практике.

Среди широкого круга профессий, представленных в УИС Минюста России, есть такие, овладение которыми требует не только природных задатков, призвания и образования, но и определенного жизненного опыта, обязательного наличия ряда профессиональных качеств и умений. К ним относится, прежде всего, профессия оперативного работника УИС.

Деятельность сотрудника оперативного аппарата УИС заключается в осуществлении мер по профилактике и раскрытию преступлений в местах лишения свободы. Служба в оперативном отделе учреждения, исполняющего наказания в виде лишения свободы, сопряжена с повышенным риском, характеризуется высокой эмоциональной напряженностью, динамикой событий, что требует от сотрудника большой находчивости, смелости, инициативы, хорошей образной памяти, умения владеть собой, быстро и хладнокровно принимать решения.

Такие проблемы, как: демографическая (превышение смертности над рождаемостью), снижение престижа службы в силовых структурах (низкая оплата труда, экстремальные условия несения службы) – самым негативным образом влияют на формирование качественного состава сотруд-

¹ См.: Морозов В. М. Управление качеством подготовки специалистов в вузах Минюста России (Из опыта работы Владимирского юридического института) // Актуальные проблемы организации подготовки высококвалифицированных кадров для органов и учреждений УИС Министерства юстиции РФ. Владимир, 2001. С. 36.

² См.: Данилчева Т. П. Формирование профессионализма сотрудников уголовно-исполнительной системы и развитие необходимых индивидуально-личностных качеств // Актуальные проблемы совершенствования гуманитарной и профессиональной подготовки в вузах Министерства юстиции РФ: Межвуз. сб. науч.-практ. тр. Иваново, 2004. С. 31.

ников УИС и создание профессионального ядра. Из-за острой нехватки кадров во многих учреждениях УИС нарушаются принципы подбора кандидатов на службу, подготовки резерва на выдвижение. Естественно, что данные проблемы не обошли стороной и оперативные аппараты УИС. Так, если пятьдесят лет назад подбор кандидатов в оперативную службу УИС осуществлялся самым тщательным образом (в основном за счет опытных сотрудников различных служб учреждения, имеющих стаж работы в УИС и проявивших склонность к оперативной работе, либо за счет сотрудников ОВД, уже имеющих опыт оперативной работы), то в настоящее время на службу в оперотделы нередко попадают люди неподготовленные (либо случайные, либо из числа сотрудников силовых структур с непродолжительным стажем работы в ОВД), не имеющие четкого представления о всей сложности предстоящей деятельности, требованиях, которые будут к ним предъявляться¹. В результате возникает ряд объективных негативных явлений, препятствующих эффективной деятельности операппаратов УИС:

- отсутствие преемственности в работе оперативных сотрудников в связи с уходом из оперативных структур по различным причинам наиболее опытных работников;
- неумение, а нередко и нежелание оперсотрудников работать со спецаппаратом в силу отсутствия профессиональных навыков и знаний;
- сокращение количества специализированных учебных заведений по подготовке и переподготовке оперативных сотрудников;
- подбор агентурного аппарата и доверенных лиц среди осужденных из категории «отверженных», что приводит в большинстве случаев к низкому качеству и искажению получаемой информации;
- активное рассекречивание сил, средств и методов ОРД в средствах массовой информации, художественной литературе, кинофильмах бывшими оперативными сотрудниками;
- нецелевое использование сотрудников оперативных служб из-за дефицита кадров в учреждениях УИС.

По роду своей деятельности оперативному сотруднику УИС приходится сталкиваться с самыми разнообразными задачами, правильное решение которых требует от них проявления различных качеств, навыков и знаний. В соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее: ФЗ об ОРД) от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ на оперсотрудников УИС возлагается работа по предупреждению, предотвращению и раскрытию преступлений, розыску преступников, скрывшихся от следствия и суда.

Помимо взаимодействия с оперативными подразделениями, имеющими право на проведение ОРД на территории Российской Федерации (ст. 13 ФЗ об ОРД), сотрудники операппаратов УИС осуществляют борьбу со всеми видами преступлений, совершенными осужденными, ими принимаются меры по предупреждению и раскрытию преступлений по линии уголовного розыска, отдела борьбы с экономическими преступлениями, а также преступлений, характерных для мест лишения свободы (дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, массовые беспорядки, захват заложников и т. д.).

Важность задач, стоящих перед оперативными сотрудниками УИС, предъявляет повышенные требования к их личностным качествам. Для успешного решения этих задач оперработник УИС должен отвечать ряду профессиональных требований, таких как: добросовестность, знание дела, наличие административных способностей. Общепсихологические качества оперсотрудников УИС должны помогать успешному разрешению возложенных на них служебных функций. Основной среди них является ОРД, включающая в себя использование всех негласных сил, средств и методов в целях предотвращения и раскрытия преступлений, а также проведение дознания по некоторым преступлениям, выполнение отдельных следственных действий совместно со следователем или по его поручению, а в ряде случаев осуществление первоначальных следственных действий по указанию начальника учреждения.

При формировании профессиональных навыков у сотрудников оперативных служб УИС необходимо учитывать ряд черт, ха-

¹ См.: Морозов В. М. Указ. соч. С. 21.

рактрных именно для этой профессии. Основными из них являются:

- ограниченный оперативный простор для действий, когда каждый шаг контролируется заключенными;

- повышенные требования к соблюдению принципа конспирации при осуществлении встреч со спецаппаратом, поскольку оперативный сотрудник постоянно действует в ситуации «чужой среди своих»;

- обилие искаженной информации и как следствие – необходимость тщательного отсева и перепроверки полученных сведений;

- преодоление активного сопротивления со стороны незаинтересованных в успешном расследовании дела лиц;

- воздействие групп заключенных отрицательной направленности на осужденных, которые могли бы дать показания для раскрытия совершенных или предотвращения и пресечения замышляемых преступлений;

- осложнение проведения оперативной работы в исправительном учреждении из-за устойчивости свойственных осужденным антиобщественных убеждений и стереотипов преступного поведения, мешающих установлению контакта для решения оперативных задач;

- использование силы закона не только для предотвращения и раскрытия преступления, но и для воспитания и исправления осужденных исходя из принципа «каждый сотрудник – воспитатель»;

- необходимость знания оперсотрудником УИС не только психологии преступника, но и прежде всего социально-статусных признаков осужденных, которые зависят от иерархической ступени, занимаемой осужденным в тюремном сообществе.

Для повышения профессионального мастерства и развития необходимых профессиональных навыков у сотрудников оперативных аппаратов УИС необходимо включить в программы первоначальной подготовки, переподготовки и повышения квалификации расширенное обучение основам пенитенциарной психологии и педагогики, что поможет им в преодолении барьеров общения, в разрешении конфликтных ситуаций, развитии личностных положительных качеств, навыков саморегуляции и выхода из стрессовых состояний, потребностей в самообразовании и самовоспитании.

Результаты работы оперсотрудника во многом зависят от знания спецконтингента, умения быстро ориентироваться в сложной оперативной обстановке и общаться со всеми категориями осужденных. Для этого ему необходимо изучать личность осужденного с точки зрения его личностных качеств, мотивов девиантного поведения; акцентуации характера. Данные сведения позволяют, используя психолого-педагогические методы, найти наиболее приемлемые подходы к личности осужденного для решения задач оперативного характера.

Большую роль в качественной оперативной работе с осужденными играет и знание возрастных психологических особенностей осужденных, а также особенностей поведения, появляющихся при длительном отбывании наказания в исправительных учреждениях. Дело в том, что длительное пребывание осужденного в условиях постоянного надзора и регламентации поведения подавляет в нем механизмы психической саморегуляции. В этих условиях возникает почти необратимый процесс регресса личности: из сознания осужденного окончательно исчезают понятия стыда, совести, укрепляется социальная отчужденность, поведение переходит на эмоционально-импульсивный уровень регуляции. Личностные деформации во многих случаях становятся необратимыми и могут существенным образом искажать получаемую оперсотрудником информацию.

Для получения качественной оперативно значимой информации оперсотруднику УИС необходимо развивать в себе навыки психологического общения: уметь распознавать осужденных с девиантным поведением, устанавливать с собеседником психологический контакт и в процессе общения воздействовать на его сознательные и бессознательные сферы психики, – для получения тех сведений, которыми осужденный не хотел бы ни с кем делиться.

При осуществлении профессиональной подготовки оперативных сотрудников особое внимание следует обращать на достижение основной цели уголовно-исполнительного законодательства по исправлению осужденных, которое может реализовываться только при тесном взаимодействии операппаратов с другими службами. На практике же во взаимоотношениях опер-

сотрудников и сотрудников других служб преобладают такие типы взаимоотношений, как открыто отрицательные, скрыто отрицательные, нейтральные. Подобные типы отношений являются непродуктивными по своей природе, что становится одной из весомых причин, порождающих неэффективность проводимой в учреждениях оперативной работы. Только взаимодействуя с сотрудниками других служб, опираясь на помощь спецаппарата, можно достичь хороших результатов в перекрытии оперативных позиций в учреждении УИС.

Представляется, что акцент, сделанный на психолого-педагогическую подготовку сотрудников оперативных служб УИС, позволит им более продуктивно и профессионально решать служебные задачи.

О. В. Рыбаков,
*заместитель начальника УВД
по Владимирской области
по экономической безопасности*

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ
АНТИКОРРУПЦИОННЫХ МЕР
ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОВД
(НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В Послании Федеральному Собранию в 2006 г. Президент Российской Федерации одним из ключевых факторов в обеспечении экономического развития и доверия граждан к государственной власти обозначил противодействие коррупции.

На протяжении последнего десятилетия при характеристике складывающейся политической, экономической и социальной ситуации как в целом по России, так и применительно к Владимирскому региону, отмечаются значительное увеличение распространения коррупции и усиление ее влияния на основные сферы государства и общества. Не получая достойного противодействия, она стремится превратиться в самостоятельный и весьма влиятельный социальный фактор, разрушительно воздействующий на весь спектр политических, экономических, социальных и культурных традиций.

Кроме того, коррупция негативно влияет на международный авторитет России, ко-

Библиографический список

1. Даниличева, Т. П. Формирование профессионализма сотрудников уголовно-исполнительной системы и развитие необходимых индивидуально-личностных качеств / Т. П. Даниличева // Актуальные проблемы совершенствования гуманитарной и профессиональной подготовки в вузах Министерства юстиции РФ: межвуз. сб. науч.-практ. тр. – Иваново, 2004.

2. Морозов, В. М. Управление качеством подготовки специалистов в вузах Минюста России (Из опыта работы Владимирского юридического института) / В. М. Морозов // Актуальные проблемы организации подготовки высококвалифицированных кадров для органов и учреждений УИС Министерства юстиции РФ. – Владимир, 2001.

торая сегодня считается глубоко коррумпированным государством.

В общей структуре экономической преступности, зафиксированной во Владимирской области, должностные преступления в органах власти и управления занимают значительную часть. По данным 2006 г., преступления, предусмотренные диспозициями ст. 285–293 УК РФ, составляют каждое шестое от общего количества экономических составов компетенции криминальной милиции (620 из 3435), в текущем году – пока каждое седьмое (177 из 1339).

Рассматривая коррупцию, уместно привести следующую квалификацию данного вида криминальных проявлений.

Различается так называемая крупная (элитарная) и мелкая (низовая) коррупции. Несмотря на значительную разницу в уровнях, между ними существует тесная взаимосвязь и взаимозависимость, обусловленность и общность централизованного, патерналистского, организационного или социально-психологического характера.

Более изощренной является элитарная коррупция. Она характеризуется высоким социальным положением субъектов ее совершения, интеллектуальной изощренностью способов их действий, огромным материальным и нравственным ущербом, латентностью посягательств, снисходительным, если не покровительственным, отно-

шением официальной власти к этому уровню должностных лиц.

Низовая коррупция, существуя на уровне повседневных потребностей граждан и предпринимателей, фактически стала нормой жизни. Она пронизывает самые различные слои общества, однако это же делает ее более уязвимой с точки зрения разоблачения конкретных правонарушений. Не случайно основная масса официально регистрируемых криминальных коррупционных проявлений разоблачается и пресекается именно на этом уровне.

Так, в 2006 г. в Меленковском районе задокументированы многочисленные факты незаконных начислений премиальных выплат руководителями ряда муниципальных предприятий региона (19 преступлений по ч. 3 ст. 160 УК РФ).

По-прежнему распространены преступления, связанные с оформлением за взятки в медучреждениях листков временной нетрудоспособности. Так, было задокументировано в областном центре, округе Муром, Петушинском районе 45 преступлений по ч. 2 ст. 290, ст. 292 УК РФ).

Задокументирован ряд фактов выдачи фиктивных ветеринарных заключений ветврачами в Вязниковском районе (19 преступлений по ст. 292 УК РФ).

В сфере образования выявлены факты взяточничества преподавателей вузов (24 преступления в округе Муром), служебные подлоги учителей школ и заведующих (16 преступлений по ст. 292 УК РФ в Гусевском и Ковровском районах).

В текущем году уже реализованы материалы в отношении должностных лиц ряда контролирующих и медицинских учреждений, без прохождения какого-либо медицинского освидетельствования выдававших официальные документы, предоставляющих возможность получать водительские права, работать в сфере торговли, других общественных сферах. Есть примеры отработки руководителей учебных заведений, которые оформляли документы о прохождении курсов без фактического обучения, собирали денежные средства с учащихся.

Наибольший общественный резонанс вызывает такая разновидность коррупционных проявлений, как взяточничество (ст. 290 и 291 УК РФ).

Оценивая работу правоохранительных органов Владимирского региона с точки зрения противодействия коррупции, можно сказать, что на 80 % результат обеспечен подразделениями по борьбе с экономическими преступлениями ОВД (в 2006 г. из 620 должностных составов 510 были выявлены ОБЭП, за 4 месяца 2007 г. – 150 из 177). При этом перечень реализуемых организационных мер, позволяющих «выйти» на указанный результат, выглядит следующим образом:

- созданы специализированные рабочие группы, где акцент сделан на выявление значимых резонансных преступлений в органах власти и управления;

- областным аппаратом своевременно обобщаются и направляются в территориальные подразделения результаты работы как в целом по России, так и с учетом специфики региона. Кроме того, целесообразны разработка и внедрение в практику методик документирования преступлений в органах власти и управления;

- в постоянном режиме управлением БЭП горрайорганам оказывается практическая и методическая помощь по рассматриваемому направлению работы;

- укрепляются агентурно-оперативные позиции оперативных аппаратов ОВД во властных структурах различного уровня.

Следует отметить, что в результате реализованных мер подразделения БЭП УВД области, уходя от малозначительных преступлений, не требующих серьезных оперативных разработок, постепенно переходят к документированию действительно резонансных, значимых преступлений с высокой субъектностью.

В качестве примера можно рассмотреть реализацию оперативной разработки в 2006 г. с возбуждением уголовного дела в отношении главного архитектора Владимирской области по факту получения взятки в размере 9 тысяч долларов США, с последующей легализацией полученных преступным путем средств. Уголовное дело находится на рассмотрении в областном суде.

Продолжительность вышеперечисленных организационных мер – от шести до десяти месяцев. Большие объемы и сложность проведенных оперативно-разыскных мероприятий обусловили использование

значительных ресурсов оперативного состава, а также специальных подразделений УВД. Кроме того, эта необходимость вызвана еще и тем, что фигуранты имели высокое социальное положение и их преступные действия носили исключительно латентный характер. Кроме того, отдельные должностные лица имели представление о методах и тактике органов внутренних дел при фиксации признаков преступлений, что крайне затрудняло документирование их преступных действий.

Значительная сложность в документировании и сопровождении именно таких уголовных дел сопряжена с оказанием давления на сотрудников, осуществляющих оперативно-следственные мероприятия. Кроме того, встает вопрос о правовой незащищенности лиц, оказавших содействие при изобличении коррупционеров.

Несмотря на реализуемые меры, ситуация в сфере противодействия коррупции пока не обнаруживает существенных сдвигов в позитивную сторону. Увеличение количества выявленных преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления во Владимирской области за последнее время свидетельствует не столько об усилившейся активности правоохранительных органов в борьбе с этими правонарушениями, сколько о последовательно возрастающем их распространении, в силу чего невозможно уже не реагировать на их многочисленные и нередко очевидные проявления. Безусловно, значительный пласт коррупционных проявлений остается вне поля зрения оперативных аппаратов как ОВД, так и в целом правоохранительных органов региона.

Вместе с тем ряд проблемных вопросов выявления и пресечения должностных преступлений лежит вне компетенции органов внутренних дел.

Остановимся на некоторых из них более подробно.

Одной из наиболее негативных особенностей современного развития коррупции является то, что она стала менее осуждаемой обществом. Острота восприятия материалов о коррупции населением со временем все больше утрачивается, а воздействую-

щая сила в плане создания обстановки нетерпимости к ней как социальному и криминальному явлению день ото дня ослабевает. Возник своего рода синдром привыкания, который уже развился настолько, что основную часть общества уже, по существу, не беспокоит и не раздражает продажность многих государственных чиновников, в том числе высокопоставленных, и тот ущерб, который коррупция в целом наносит стране. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что обращений в органы внутренних дел по фактам взяточничества должностных лиц органов власти и управления поступают лишь единицы.

Суть другой проблемы заключается в следующем: одним из факторов, благоприятствующих коррупции, является законодательная и нормативная база, сформулированная неоднозначно и тем самым предоставляющая должностным лицам возможность многозначно толковать одни и те же вопросы и принимать решения по собственному усмотрению.

Так, например, в рамках Федерального закона «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ правоохранительным органам не удалось привлечь к уголовной ответственности бывшего мэра одного из городов Владимирской области, заключавшего в одностороннем порядке без проведения тендеров договоры на размещение муниципальных заказов в интересах коммерческой организации, которая произвела ремонт его квартиры и трудоустроила дочь.

Немалую выгоду отдельным чиновникам позволило извлечь несовершенство законодательства о приватизации. В качестве примера рассмотрим случай, когда руководитель одного из крупных леспромпхозов области приватизировал на имя своего сына жилой дом, построенный за счет средств федерального бюджета. Размер ущерба составил свыше трех миллионов рублей. В возбуждении уголовного дела отказано по причине отсутствия корыстной или личной заинтересованности.

Обозначая ряд других проблемных вопросов, которые требуют отдельного рас-

смотрения, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в целях усиления общественного контроля за законностью функционирования органов власти и местного самоуправления необходимо разработать механизм социального контроля за деятельностью должностных лиц указанной сферы, предусмотрев создание соответствующих народных (общественных) комитетов, обладающих широкими полномочиями по осуществлению контроля за деятельностью должностных лиц всех уровней власти. Не секрет, что большинство согласовательных процедур, например оформление земельных участков, проектно-сметных документов, являются весьма сложными. При этом нередко возникают путаница и подчас не всегда оправданная дороговизна, что представляет собой уже серьезную преграду на пути развития предпринимательства и индивидуальных интересов граждан и создает «питательную среду» для коррупционных проявлений.

Для решения указанной проблемы необходимо более широкое информирование общественности как о путях выхода из законодательных и искусственно создаваемых тупиков, так и принимаемых в конечном итоге по ним решениях. В средствах массовой информации мы должны наладить постоянный диспут по острым темам, затрагивающим взаимоотношения граждан, юридических лиц с корпусом чиновников.

Во-вторых, на наш взгляд, уже давно назрела необходимость создания законодательства, в том числе регионального, в свете развития национальных проектов, препятствующего совершению государственными служащими коррупционных сделок. Имеются в виду не только нормы-запреты государственным служащим заниматься предпринимательской деятельностью или получать за свои действия вознаграждения. Речь идет о таких формулировках полномочий государственных служащих, которые не оставляют так называемых лазеек для их произвольных действий и лоббирования чьих-либо интересов. Соответствующие обязанности в четком и максимально полном виде, исключаяшем два и более толкования, должны быть внесены в

должностные инструкции чиновников всех уровней. Необходимо найти должную меру административного усмотрения, без которого, безусловно, процесс государственного управления невозможен. Одновременно надо исключить возможность появления в законе норм, усложняющих (прямо или косвенно) управленческий процесс и формирующих тем самым питательную среду для возведения административных барьеров, вымогательства, взяточничества, других форм проявления коррупции.

В целях исключения фактов назначения на должности в органы государственной власти и управления, государственные и муниципальные учреждения лиц, имеющих непогашенную судимость, судимых за тяжкие преступления, имеющих преступные связи в криминальной среде, необходимо осуществлять предварительные проверки по информационным и оперативным учетам УВД, УФСИН, УФСБ. Для этого руководителям органов государственной власти и управления, государственных и муниципальных учреждений направлять в правоохранительные органы установочные данные лица, назначаемого на руководящую должность с указанием фамилии, имени, отчества, года рождения, места рождения и проживания, паспортные данные, место работы и должность.

Актуальность проблем противодействия преступности коррупционной окраски, а также ее сложность и высокая латентность обуславливают активизацию работы по использованию возможностей Федеральной службы по финансовому мониторингу в обязательном порядке направлять в межрегиональные управления Росфинмониторинга по федеральным округам запросы на предоставление информации о сомнительных финансовых операциях по всем уголовным делам и делам оперативного учета в сфере экономики с причинением ущерба должностными лицами органов власти и управления в крупном и особо крупном размерах с целью получения дополнительной оперативной информации о сомнительных сделках юридических и физических лиц, совершаемых коррупционерами.

Кроме того, необходима разработка межведомственной инструкции по контролю за

расходами (с органами прокуратуры, УВД, ФНС, Регистрационной службой др.) должностных лиц органов власти и местного самоуправления, а также членов их семей.

Уже давно стоят на повестке дня вопросы, связанные с уравниванием условий прохождения службы сотрудников правоохранительных структур, призванные обеспечивать антикоррупционную безопасность как в целом России, так и региона. Достаточно сказать, что в настоящее время уровень заработной платы судебного корпуса составляет около 100 тысяч рублей в месяц, Центробанка – 50–60 тысяч рублей, прокурора районного звена – 45 тысяч рублей, ФСБ – 35 тысяч рублей, а начальника органа внутренних дел – 13–14 тысяч рублей. Такой разброс в заработной плате говорит сам за себя. При том, что основной результат по отработке должностных лиц органов власти и управления формируется аппаратами БЭП органов внутренних дел (а это всего лишь 160 сотрудников на всю область).

Одной из эффективных мер по борьбе с коррупцией являлось бы введение сотрудников территориальных отделений БЭП в штат областного управления, с созданием вертикальной структуры при подчинении их напрямую руководству УБЭП УВД, поскольку изучение результатов антикоррупционной отработки субъектов в территориях пока дает основание полагать об определенном влиянии руководства органов местного самоуправления на оперативно-слу-

жебную деятельность органов внутренних дел. Пока же реализация данной организационной инициативы не возможна в связи с действующими ведомственными приказами, регламентирующими организационную структуру ОВД.

Таким образом, скорейшее принятие Федерального закона «О коррупции», который сейчас находится на рассмотрении в Государственной Думе РФ, будет серьезным шагом на пути противодействия рассматриваемому криминальному явлению.

Полностью искоренить коррупцию не удавалось ни одному государству, однако снизить порог коррупционности общества до уровня, когда она утрачивает характер всепроникающего явления и перестает определять облик власти и сущность государственного управления, можно и нужно.

Библиографический список

1. О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд : указ Президента Рос. Федер. от 8 апр. 1997 г. № 305 // Рос. газ. – 1997. – 15 апр.
2. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции : федер. закон от 8 марта 2003 г. № 40-ФЗ // Рос. газ. – 2006. – 21 марта.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. – М., 2006.

А. В. Сенатов,
*преподаватель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России*

РОЛЬ ОПЕРАТИВНЫХ АППАРАТОВ ТЮРЕМ В ПРОВЕДЕНИИ МЕРОПРИЯТИЙ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ С ЛИДЕРАМИ ПРЕСТУПНОЙ СРЕДЫ

В настоящее время криминогенная обстановка в тюрьмах Российской Федерации остается достаточно сложной, что подтверждается данными статистики. Так, в 2006 г. было: зарегистрировано 9 преступлений; поставлено на оперативно-профилактический учет более 250 осужденных,

склонных к побегу; изъято более 200 г наркотических средств и психотропных веществ, 100 л спиртных напитков и изделий на спиртовой основе; обнаружено и изъято холодного оружия, колюще-режущих предметов, конструктивно схожих с холодным оружием более 100 единиц¹. Совершаемые в тюрьмах преступления отличаются повышенной общественной опасностью, так как именно там содержится наиболее опасный контингент осужденных, как правило, за тяжкие и особо тяжкие преступления. В связи с этим в целях обеспечения нормальной жизнедеятельности тюрем необходимо разработать и проводить

¹ См.: Данные ФСИН России. Форма 17-ИУ 2006 г.

комплекс мер по эффективному предупреждению и пресечению преступлений.

Важное место в данном комплексе мероприятий занимает индивидуальная профилактика, которая согласно Инструкции¹ включает в себя проведение целенаправленной, планомерной и дифференцированной работы с подучетными лицами. При этом обращается особое внимание на психологические особенности личности правонарушителей, характер и степень общественной опасности совершенных ими преступлений и другие особенности, имеющие значение для правильного выбора методов и средств воспитательного воздействия.

Сущность индивидуальной профилактики заключается в систематическом выявлении администрацией осужденных, допускающих правонарушения либо намеревающихся их совершить, постановке данных лиц на учет и проведении с ними воспитательной работы с целью их склонения к отказу от противоправных действий. Характерной особенностью индивидуальной профилактической работы является оказание предупредительного воздействия на конкретных лиц, причем дифференцированно.

По мнению Г. С. Саркисова, индивидуальная профилактика преступлений, как и все другие виды социальной профилактики, представляет собой деятельность особого рода, направленную на предупреждение преступлений. При индивидуальной профилактике меры воздействия персонифицированы². Нарушение принципа дифференцированного подхода ведет к игнорированию главного критерия этого принципа: учета особенностей личности осужденного.

Процесс индивидуальной профилактики условно подразделяют на несколько этапов:

1) выявление лиц, склонных к совершению правонарушений и преступлений;

2) изучение этих лиц и источников отрицательного влияния на них;

3) осуществление в отношении их мер воспитательного воздействия, обеспечивающих исправление осужденного, а также устранение источников отрицательного влияния на него.

Первый этап индивидуальной профилактики заключается в выявлении осужденных, склонных к противоправному поведению, т. е. лиц, обладающих психологическими качествами лидеров и организующих в тюрьмах группировки отрицательной направленности, деятельность которых направлена на противодействие законным требованиям администрации. В тюрьмах такими лицами являются лидеры преступной среды: «воры в законе», «положенцы», «смотрящие». Они выступают организаторами преступлений, различного рода неповиновений, массовых беспорядков, обладают повышенной общественной опасностью. Опасность данной категории осужденных в том, что они подчиняют своему влиянию иных лиц, отбывающих наказания, организуют или провоцируют различного рода групповые эксцессы. В группировках отрицательной направленности процветают азартные игры, употребление спиртосодержащих напитков и наркотических средств, к мерам воспитательного характера члены таких группировок относятся пассивно.

Лидеры криминальной среды обладают сильной волей, отличаются высоким уровнем инициативы, они определяют правила поведения членов группы и стремятся вовлечь в группу вновь прибывших осужденных, а также лиц, отличающихся слабыми морально-волевыми качествами. Именно данная категория осужденных должна постоянно находиться под пристальным вниманием представителей администрации, а для этого необходимо выявлять таких лиц с целью постановки на оперативно-профилактические учеты и сбора информации для их компрометации.

Инициаторами постановки данных лиц на оперативно-профилактический учет должны выступать оперативные аппараты тюрем, так как именно они владеют оперативной информацией и способны добыть ее при помощи гласных и негласных методов.

Вторым этапом индивидуально-профилактической работы является изучение ли-

¹ См.: Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы: Приказ Минюста России от 20 нояб. 2006 г. № 333 // Бюл. Минюста РФ. 2007. № 1.

² См.: Саркисов Г. С. Индивидуальная профилактика преступлений. Ереван, 1986.

деров преступной среды в целях планомерной и дифференцированной организации процесса предупредительного воздействия. Индивидуальная работа с этими лицами проводится с учетом особенностей их личности, степени социальной запущенности, опасности совершенного преступления и других данных, имеющих значение для правильного выбора воспитательных средств и методов.

Важным элементом в организации деятельности по предупреждению преступлений являются сведения уголовно-правового характера о личности осужденного: какую по счету имеет судимость; сколько лет отбывал наказание в местах лишения свободы; в каких исправительных учреждениях отбывал наказание; за какие преступления и на какой срок привлекался к уголовной ответственности; за что осужден по последнему приговору суда; как совершил преступление в одиночку или в составе преступной группы; совершал ли преступления во время отбывания наказания; применялось ли к нему условное осуждение, условно-досрочное освобождение; изменялись ли условия отбывания наказания.

Мы солидарны с мнением Э. Ф. Побегайло о том, что личность преступника нельзя изучать в отрыве от совершенного им преступления, поскольку антиобщественная направленность личности находит свое внешнее выражение в объективной стороне преступного посягательства, конкретном характере и обстановке тех или иных действий преступника¹.

Оперативные аппараты тюрем изучают лидеров преступной среды с учетом особенностей личности как самостоятельно, так и совместно с другими службами. При изучении данных лиц оперуполномоченные должны сотрудничать с работниками отдела воспитательной работы с осужденными, психологами. От психологических служб оперативные аппараты получают информацию об особенностях характера и поведения осужденного (скромен, груб, спокоен, раздражителен, вспыльчив, озлоблен, агрессивен, способен сдерживать психиче-

ские проявления, отсутствует самообладание, слабоволен, эгоистичен, признает морально-этические нормы, склонен к паразитическому существованию, какова степень риска криминального поведения и т. д.).

Начальники отрядов предоставляют информацию о характеристике интересов данных лиц, которую они получают при проведении индивидуально-воспитательных бесед (стремление к интеллектуальному развитию; интерес к художественной и другой литературе; желание повысить общеобразовательный уровень; владение культурой разговорной речи (в общении преобладает жаргон, нецензурные слова, словарный запас беден); наличие положительных интересов (отсутствуют или имеются, их круг – широкий, узкий).

Полученная первичная информация о лидерах в обязательном порядке проверяется сотрудниками оперативных служб. При ее подтверждении применяются все необходимые методы, направленные на установление за ними повседневного наблюдения, и вырабатываются конкретные способы воздействия на лидеров преступной среды.

Третий этап индивидуально-профилактической работы связан с осуществлением мер воспитательного и иного воздействия, обеспечивающих исправление осужденного, а также склонение его к отказу от противоправной деятельности. Он осуществляется в основном оперативными и воспитательными отделами. Для проведения отдельных мер на этом этапе привлекаются также службы режима, производства, психологи. Сотрудники отдела воспитательной работы с осужденными в процессе индивидуальных бесед разъясняют лидерам преступной среды пагубность допускаемых ими правонарушений, ответственность за совершенные деяния, используют в воспитательном процессе возможности родственных и иных положительных связей, применяют меры поощрения и взыскания.

Однако большими возможностями на этом этапе индивидуальной профилактики обладают оперативные отделы. С помощью подсобного аппарата, изучения личных дел, разведывательных опросов, цензуры корреспонденции и других средств работники оперативной части планируют конкретные

¹ См.: Побегайло Э. Ф. Криминологическая характеристика лиц, совершивших тяжкие насильственные преступления. М., 1976. Вып. 4. С. 34.

меры, направленные на предупреждение преступлений.

По нашему мнению, в отношении лидеров преступной среды сотрудники оперативных аппаратов тюрем должны проводить следующие мероприятия:

- воздействовать на них через подсобный аппарат с целью побудить его отказаться от осуществления преступных намерений и встать на путь исправления;
- устанавливать наблюдение с целью предупреждения и пресечения любых правонарушений и преступлений;
- компрометировать лидеров преступной среды среди их ближайшего окружения;
- изолировать лидеров преступной среды от основной массы осужденных, принимать меры к их разобщению;
- применять меры поощрения и взыскания;
- проводить индивидуальные профилактические беседы.

Постоянно получая данные об изменении оперативной обстановки, сотрудники оперативных служб обязаны своевременно обнаруживать возникающие осложнения и вносить на рассмотрение руководства предложения по нормализации оперативной обстановки и укреплению порядка в учреждении. По роду своей работы они

Л. Е. Щетнев,

*преподаватель кафедры уголовно-правовых и специальных дисциплин
Ивановского филиала ВЮИ ФСИН России*

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Использование результатов оперативно-разыскной деятельности (ОРД) в доказывании по уголовному делу имеет большое значение в борьбе с преступностью, защите от преступных посягательств прав и законных интересов граждан, интересов общества и государства. Вместе с тем нельзя не учитывать реально существующий риск отрицательных побочных последствий этой деятельности. По своему характеру и особенностям (негласность ряда проводимых оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ), ограничение прав лиц, в отношении которых проводятся данные мероприятия,

имеют возможность глубоко вникать во все стороны деятельности тюрем, вскрывать недостатки, способствующие совершению преступлений осужденными и принимать меры к их устранению.

Таким образом, оперативные аппараты тюрем, осуществляя профилактические мероприятия в отношении лидеров криминальной среды должны не только самостоятельно проводить индивидуально-профилактическую работу, но и выступать координатором в работе других служб исправительного учреждения по недопущению совершения преступлений и правонарушений.

Библиографический список

1. Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы : [приказ М-ва Рос. Федер. от 20 нояб. 2006 г. № 333] // Бюл. Минюста РФ. – 2007. – № 1.
2. *Побегайло, Э. Ф.* Криминологическая характеристика лиц, совершивших тяжкие насильственные преступления / Э. Ф. Побегайло. М., 1976. – Вып. 4.
3. *Саркисов, Г. С.* Индивидуальная профилактика преступлений / Г. С. Саркисов. – Ереван, 1986.

отсутствие ряда гарантий, имеющихся в уголовно-процессуальной сфере и т. д.) ОРД грозит опасными нарушениями прав и свобод человека. Именно поэтому использование оперативно-разыскных средств требует осторожности и должно быть строго регламентировано законом¹.

В ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ отсутствует понятие результатов ОРД. Однако Инструкция о порядке представления результатов ОРД органу дознания, следователю, прокурору или в суд предусматривает, что под результатами ОРД понимаются фактические данные, полученные оперативными подразделениями в порядке, установлен-

¹ См.: Корневский Ю. В., Токарева М. Е. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. М., 2000. С. 5.

ном Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших правонарушение, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, а также о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности России. Результаты ОРД могут служить основой для формирования всех видов доказательств, создавать условия и предпосылки для их установления. Результаты ОРД отражаются в оперативно-служебных документах (рапортах, справках, справках-меморандумах, сводках, актах, отчетах и т. п.). К оперативно-служебным документам могут прилагаться предметы и документы, полученные при проведении ОРМ.

Согласно ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты ОРД могут быть использованы в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями УПК РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

В законодательстве предусмотрены и на практике применяются две *формы использования результатов ОРД в доказывании по уголовному делу*: 1) использование результатов данной деятельности для подготовки и осуществления следственных и судебных действий (ч. 1 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»); 2) представление соответствующими органами данных, полученных в ходе ОРД, об обстоятельствах, подлежащих установлению по делу и используемых в соответствии с УПК РФ для формирования доказательств.

Они связаны с вопросом о формах и пределах ознакомления следователя с оперативными материалами. Располагая полученными оперативным путем материалами, в которых содержится самая различная информация, следователь может ею воспользоваться при подготовке и осуществлении следственных действий либо в качестве доказательств по уголовным делам. Использование следователем результатов ОРД

для подготовки и осуществления действий, как правило, не вызывает затруднений, так как оперативные материалы не имеют самостоятельного значения и являются только ориентирами в расследовании. Проблема состоит в том, чтобы использовать эти данные, не расшифровывая негласного способа их получения. Следователю могут сообщаться данные о еще не доказанных процессуальным путем обстоятельствах преступления, сообщниках подозреваемого (обвиняемого), месте нахождения похищенного или орудий преступления и т. д. Получив такие данные, следователь может соответствующим образом построить допрос подозреваемого (обвиняемого), правильно провести обыск, получив в результате этого необходимые доказательства.

На практике по тем преступлениям, по которым лица, их совершившие, не установлены, следователи поручают органам дознания, в частности, оперативному аппарату, провести некоторые следственные действия, например допросить подозреваемого в совершении преступления. Оперативные сотрудники, как правило, лучше знакомы с оперативными данными и владеют навыками использования таких материалов, могут более эффективно их применять и получать в процессе допроса истинные показания¹.

Как правило, первоначальные данные о лицах, совершивших преступление, оперативные сотрудники получают в ходе проведения комплекса ОРМ, которые исполняют роль ориентира в расследовании, помогают выбрать правильную тактику следственных действий, необходимых для получения доказательств. Это могут быть практически любые ОРМ, проведение которых предусмотрено Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности».

Наибольшие проблемы вызывает использование результатов ОРД в качестве доказательств по уголовным делам, так как в этом случае необходимо, сохраняя конфиденциальный характер ОРМ, найти способы интерпретации их результатов и преобразования оперативной информации в доказательства.

¹ См.: Вопросы использования материалов оперативно-розыскной деятельности на предварительном следствии // Следователь. 1997. № 4. С. 41–43.

Таким образом, в настоящее время особенно актуальна проблема использования материалов ОРД в уголовном судопроизводстве, в частности, на предварительном следствии. Это связано прежде всего с усилением организованности преступности, ее профессионализацией, ростом активности противодействия правоохранительным органам, участвовавшими случаями угрозы, шантажа, направленных против свидетелей, потерпевших и других лиц.

Оперативные данные имеют тот же первоисточник, что и доказательства (результаты следственных действий), отраженные во вне следы события с признаками криминала, однако их форма существенно отличается от доказательств. Различия проводятся по степени достоверности содержащейся в них информации. Вместе с тем это суждение нуждается в уточнении. Различие состоит в том, что полученные в результате этой деятельности оперативные данные не могут использоваться в уголовно-процессуальном доказывании непосредственно, а должны преобразовываться в доказательства в соответствии с процессуальным законом.

Наличие общего источника свидетельствует об объективной возможности использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам. Результаты ОРД, имеющие предметно-документальную форму, могут «превратиться» в доказательства при соблюдении ряда уголовно-процессуальных требований. Целесообразно выделить группы материалов, которые могут быть получены в результате ОРД, направления их использования, а также рассмотреть возможность реализации каждой группы материалов по каждому направлению.

Основной способ реализации оперативной информации в ходе доказывания по уголовному делу – инициативное представление ее следователю органами дознания либо истребование таких материалов самим следователем. Полученным сведениям может быть придана соответствующая процессуальная форма (вещественное доказательство или документы) в результате их осмотра, проведения различных экспертиз, допросов непосредственных исполнителей ОРМ.

В качестве примера такого результата ОРД, как видеозапись, следует рассмотреть

процесс ее трансформации в доказательство. Видеозапись может стать основой для формирования вещественного доказательства при соблюдении следующих требований: должна быть официально представлена органом, уполномоченным на ведение ОРД, с соответствующим сопроводительным документом, в котором должны содержаться сведения о происхождении видеозаписи (время, место, условия и обстоятельства ее получения, технические характеристики примененной аппаратуры, лицо, осуществившее видеозапись)¹.

Отличительные характеристики видеозаписи, ее свойства и состояние, относимые к уголовному делу, должны быть восприняты и правильно осмыслены следователем и поняты в ходе просмотра с применением соответствующих технических средств, привлечением специалистов при производстве такого следственного действия, как осмотр, и надлежащим образом зафиксированы в протоколе.

Для признания конкретной видеозаписи вещественным доказательством и приобщения ее к уголовному делу необходимо вынести постановление. В соответствии с ним устанавливается надлежащий правовой режим обращения с данными доказательствами. Содержание вещественного доказательства в приведенном примере образуют свойства и состояние видеозаписи, относящиеся к уголовному делу, выделенные при осмотре и отраженные в протоколе (данные об обстоятельствах и фактах, имеющих значение для дела и отраженные на видеопленке). Поскольку эти свойства и состояние неотделимы от видеозаписи (видеопленки) – предмета, то он признается вещественным доказательством как таковой. При этом вещественным доказательством будет не результат ОРД (видеопленка, полученная в ходе ОРМ), а результат уголовно-процессуальной деятельности, сформулированный при осмотре и вынесении постановления.

¹ На такие носители информации, как доказательства обвинения ссылается в своей практике высший орган правосудия Российского государства. См.: Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 дек. 1993 г.; 17 нояб. 1994 г. // Бюл. Верховного Суда РФ. 1994. № 11; 1995. № 5.

Основное назначение уголовно-процессуального доказывания состоит не в проверке результатов ОРД, а в том, что в ходе ее формируется доказательство, которое может быть использовано в доказывании по уголовным делам. Оценка вещественного доказательства возможна только после вынесения постановления о признании его в качестве такового в совокупности с другими доказательствами по делу, а не в стадии его уголовно-процессуального оформления, вопреки мнению некоторых авторов, так как на этой стадии (оформление) оно еще не является доказательством.

Актуален также вопрос об обязательности и пределах сообщения следователю сведений о технических средствах, используемых при проведении ОРД. Согласно Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» они составляют государственную тайну и подлежат рассекречиванию на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД. Без этих сведений обойтись нельзя, хотя в данном Законе не говорится об обязательности отражения в оперативных документах данных о технических характеристиках применяемой аппаратуры (например, если имеются сведения о технических характеристиках фотоаппарата, то по фотоснимку, сделанному на нем, можно установить действительные размеры предмета). Тем более это важно, если сам предмет уничтожен (например, тайник, обнаруженный в ходе такого оперативно-розыскного действия, как осмотр). Применение при осмотре в рамках уголовного дела технических средств с иными характеристиками, чем те, которые применялись при проведении ОРМ, может привести к тому, что при воспроизведении исказятся факты и обстоятельства (сведения о них), запечатленные на соответствующих носителях, и, как следствие, возникнут затруднения в определении их значимости для уголовных дел. Информация, содержащаяся на представ-

ленных носителях, вообще не будет использована в доказывании по уголовным делам, если ее нельзя воспроизвести из-за неизвестных характеристик необходимого для этого технического средства.

Надежность знаний о каком-либо факте повышается пропорционально количеству использованных источников, от результатов оценки которых в немалой степени зависит определение достоверности информации. Так, непроцессуальная информация может быть получена одновременно из нескольких источников, что повышает ее достоверность. Однако это еще не делает возможным использование ее в качестве доказательства. Вместе с тем такая информация может иметь большое значение для раскрытия преступления и расследования уголовного дела.

Хотя в литературе высказывается мнение, что использование подобной информации допустимо при выдвижении версий, определении тактики проведения следственных действий, путей и средств обнаружения доказательств, но недопустимо для обоснования процессуальных решений, следует заметить, что при соответствующих условиях интерпретация результатов ОРД может использоваться в доказывании после их легитимного ввода в уголовный процесс. Фактические данные, полученные в иной, не предусмотренной законом процессуальной форме, не являются доказательствами, они находятся за пределами данного понятия.

Библиографический список

1. Вопросы использования материалов оперативно-розыскной деятельности на предварительном следствии // Следователь. – 1997. – № 4.
2. Корневский, Ю. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам / Ю. В. Корневский, М. Е. Токарева. – М., 2000.

О. С. Амосова,
преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

ПРАВОВОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОРОДСКОГО СОСЛОВИЯ В РОССИИ XVIII в.

Российские города XVIII в. отличались малочисленностью населения. В середине столетия городское население составляло 212 284 души. Городов с населением более 1 000 душ насчитывалось 72, из них в Москве жило 13 458 душ, а в Ярославле – 7 255 душ. Население Петербурга составляло только 3 471 душу. Городов с населением менее 1 000 душ было всего 130. Самым населенным из них был Путивль – 986 душ, а наименее населенным Березов – 9 душ. По переписи населения в 1760-х гг. городского населения числилось 228 365 душ. Таким образом, абсолютная численность населения возросла на 16 081 душу, однако процентное отношение к численности населения всей страны стало меньше. Вместо 3,2 % оно равнялось только 3,1 %.

Наиболее населенные города преобладали на севере и северо-западе и располагались на побережье Балтийского и Белого морей, в верхнем Поволжье, Озерном крае. Для центра, среднего и южного Поволжья были характерны мелкие города. И только на юге страны отмечалась равномерность в количестве посадок с разным уровнем населенности. Однако в дальнейшем это различие между северной и северо-западной окраинами, с одной стороны, и всей остальной посадской Россией, с другой, несколько сгладилось. Но все-таки наиболее населенные города преобладали на севере.

Город XVIII в. оставался такой же тяглой общиной, как и в XVII в. Городское население преимущественно несло службу по всякого рода финансовым операциям. Кроме того, оно было обложено разнообразными платежами. На городское население неоднократно налагались также всякого рода экстренные сборы, особенно во вре-

мена правления Петра I, в первой четверти века тягловая служба была более тяжелой, чем раньше. Как в XVII, так и в XVIII в. городское население несло службы и вне своего города. Несмотря на то, что правительство в 1730-е гг. стремилось ограничивать так называемые отъездные службы, однако фискальные интересы возобладали. По сравнению с XVII в. платежи населения в XVIII в. увеличились. Подушная подать, введенная в городах, повысила податное бремя и в то же время содействовала развитию «недоимочности». Таможенные, кабацкие и канцелярские сборы существовали в форме окладов, причем эти оклады были фиксированы. Городское население вынуждено было неоднократно обращаться к займам и субсидиям для платежа недостающего оклада. Правда, правительство по разным соображениям иногда прощало недоимки, однако тяжесть платежей от этого не становилась меньше. Городское население также платило различные мирские платежи, которые раскладывались среди населения «по животам и промыслам», но на деле богатые представители горожан сумели податное бремя переложить на плечи малоимущего населения.

Городское население в XVII в. делилось на регулярных и нерегулярных граждан. В состав собственно городского общества входили только регулярные граждане, которые несли тягло. Нерегулярные граждане только жили в городе, но не были к нему приписаны. В целях организации сословного управления в 1699 г. в городах были учреждены бурмистерские палаты, а указом от 16 января 1721 г. их заменили магистраты, которые заведовали торгово-промышленным сословием и ремесленными людьми. Учреждая магистраты, Петр I исходил из фискальных соображений – нужен был контроль за правильным отбыванием государственных повинностей. С этой целью население городов окончательно закрепощалось: посадское состояние стало наследственным.

Сначала регулярные граждане делились на две гильдии и цехи. Затем было введено

деление на три гильдии, подобно делению городского населения в XVII в.: на лучших, средних, «молодых» людей. В 1724 г. население делилось на купцов трех гильдий, ремесленников и чернорабочих. Гильдейский капитал при Петре I в разных городах был разным. В каждом городе устанавливалось собственное деление на гильдии в зависимости от местных хозяйственных условий, как это было и в XVIII в. Ремесленники формировались в цеховые союзы. Закон от 27 апреля 1722 г. всецело был посвящен организации цехов, которые состояли из мастеров, подмастерьев с учениками. Возглавляли цехи старшины, выбираемые из мастеров, в чьи обязанности входило управление делами цеха и заведывание фискальными повинностями. Никто не мог стать мастером и продавать свои изделия, не записавшись в цех. Лица, не вступившие в цех, могли заниматься ремеслом, но только не для продажи. Организовав ремесленников по цехам, правительство точно знало численность всякого рода ремесленников и постоянно привлекало их к исполнению различных казенных работ. В дальнейшем эти работы стали едва ли не главной обязанностью цехов.

По мере развития экономической жизни положение городского сословия в XVIII в. должно было несколько измениться. Городское сословие, сознавая свое значение для государства, начало выказывать недовольство своим положением и требовать укрепления за ним «прав и вольностей». Это нашло отражение в специальных наказах депутатам Уложенной комиссии 1767 г. Однако еще до этого правительство отчасти пошло навстречу городскому сословию. В целях расширения торговых операций и получения дешевого кредита в 1754 г. был учрежден банк для купечества, издан Вексельный устав, затем отменены внутренние таможенные пошлины. Все это в значительной мере облегчало ведение торговли, но практически не улучшало юридического и экономического положения купечества. Конкуренция дворянства, государственное тягло являлись тормозом, задерживающим развитие хозяйственной деятельности купечества. Поэтому оно, как и дворянство, стремилось раскрепоститься и стать свобод-

ным от служб государству. Екатерина II, опубликовав 21 апреля 1785 г. Жалованную грамоту городам («Грамота на права и выгоды городам Российской империи»), попыталась этому способствовать. Жалованная Грамота городам гарантировала жителям городов право ремесленной и торговой деятельности, обеспечивала неприкосновенность их движимой и недвижимой собственности. Городское общество разделялось на шесть сословных категорий: 1) «настоящие городские обыватели» (в основном дворяне, владевшие в городе недвижимым имуществом); 2) купцы трех гильдий, причем имущественный ценз был точно определен¹; 3) цеховые ремесленники; 4) иногородние и иностранные «гости» (т. е. купцы); 5) именитые граждане 6) «посадские люди» (за ними закрепилось название «мещане», ставшее официальным названием сословия). Все шесть разрядов составляли отдельное городское общество с особыми правами и преимуществами и правом представительства в общегородских учреждениях.

Основным и постоянно действующим органом самоуправления городского населения стала шестигласная городская дума, в которую входило по одному члену («гласному») от каждого из городских сословий. Эта дума избиралась на Общей городской Думе, собрании представителей всех сословий. Во главе шестигласной думы стоял городской голова. Эти органы самоуправления фактически впервые объединили все основные категории жителей города. Однако их полномочия ограничивались в основном вопросами благоустройства, социального обеспечения, сбором средств на общегородские нужды. Они работали под жестким контролем городничего и губернской администрации.

Права и обязанности сословных групп городского населения не были одинаковыми. Некоторые из них пользовались значительными привилегиями.

В первую очередь это касается гильдейского купечества. Еще в 1766 г. гильдейское купечество было освобождено от рек-

¹ В зависимости от объявленной суммы капитала к первой гильдии относились купцы, владеющие капиталом от 10 тыс. до 50 тыс. рублей, ко 2-й – от 5 тыс. до 10 тыс., к 3-й – от 1 тыс. до 5 тыс.

рутской повинности с обязательством за каждого человека вносить денежный взнос в размере 360 рублей (с 1783 г. – 500 рублей). По манифесту от 17 марта 1775 г. купцы всех трех гильдий были освобождены от платежа подушной подати, вместо нее они платили в казну 1 % с объявленного капитала. Купцы 1-й и 2-й гильдий, как и «именитые граждане», освобождались от телесного наказания.

Низшие разряды городского общества оставались по-прежнему плательщиками подушной подати, поставщиками рекрутов и исполнителями разных повинностей.

Таким образом, среди городского сословия не было требуемого единства: купцы образовали городскую аристократию, «посадские люди» и ремесленники являлись демократическим элементом населения города. Даже в среде аристократии города не было равноправия. Так, например, купцы 1-й гильдии имели право ездить в карете, запряженной парой лошадей, купцы 3-й гильдии могли ездить только на одной лошади. Также обстояли дела и в сфере тор-

говли: только купцы 1-й гильдии могли торговать за границей, купцы 2-й гильдии – по всей стране, купцы 3-й гильдии – только в городе и уезде. Все это вносило разногласие в городское общество, и без того слабое по своей организации. Итак, реформаторская попытка Екатерины II создать всеобщее городское общество и преобразовать городское самоуправление окончилась неудачей. Подобная же судьба ожидала и другой проект Екатерины II – Городовое положение 1785 г., которое также было не лишено противоречия между замыслом и реальным воплощением.

Библиографический список

1. *Богословский, М. М.* Учреждение об управлении губерний и жалованные грамоты Екатерины II / М. М. Богословский // Три века. В 6 т. Т. 4. М., 1909.
2. *Вебер, М.* Город / М. Вебер. – Пг., 1923.
3. *Дитятин, И. И.* Устройство и управление городов России : в 3 т. – Спб., 1875–1892. – 3 т.

А. А. Ашин,
*заведующий кафедрой
уголовного права и процесса
факультета права и психологии
Владимирского государственного
университета
кандидат юридических наук*

ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Приход к власти большевиков в 1917 г. стал переломным событием в истории России, надолго определившим судьбу населяющих ее народов. Он ознаменовался полной, невиданной до этого времени, сменой государственного устройства и уклада общественной жизни, правящей идеологии и политики. Теоретической основой этих изменений стала концепция классовой борьбы, требующая от советской власти ориентации всех средств и ресурсов на во-

площение в жизнь новой политики, а на первоначальном этапе также на закрепление и обеспечение безопасности самой этой власти¹.

Новые политические условия сформировали новую идеологию в стране, которая базировалась исключительно на новых отношениях в условиях построения нового, Советского, государства.

В большинстве случаев изменение государственного строя приводит к необходимости реформирования различных институтов общества. Правовые институты, обеспечивающие защиту законных интересов различных слоев и групп, также не являются исключением.

Необходимо отметить, что система учреждений и органов, исполняющих наказания в виде лишения свободы, реализовывала свои цели и задачи в первые годы становления советской власти практически без

¹ См.: Сулейманов А. А. Первый Уголовный кодекс РСФСР: концептуальные основы и общая характеристика: Моногр. / Отв. ред. А. И. Чучаев. Владимир, 2006. С. 32.

изменения ее содержания и структуры управления центрального органа, но поскольку пенитенциарная система является неотъемлемым элементом любой власти, то изменения коснулись данного правового института.

Советское государство не собиралось отказываться от исправительных учреждений в целом, а лишь посчитало необходимым ликвидировать полностью старую царскую систему пенитенциарных учреждений.

Реформирование планировалось проводить в несколько этапов. На первом этапе предполагалось незначительное изменение старых форм процесса исполнения уголовных наказаний с постепенным их наполнением новым, советским, содержанием. При изменении тюремной системы считалось возможным использовать положительный опыт старого персонала исправительных учреждений с целью в дальнейшем занять все ключевые позиции в аппарате управления пенитенциарными учреждениями. На втором этапе планировалось полностью реорганизовать старый аппарат управления пенитенциарными учреждениями и сформировать новый аппарат с полным устранением кадров царской России.

При этом следует заметить, что на практике реформирование тюремной системы затянулось на долгие годы, так как уровень развития государства и общества не позволил в одночасье совершить ее перестройку в соответствии с требованиями, которые предъявляли новые общественно-политические реалии¹.

К числу причин, препятствующих оперативному реформированию тюремной системы, можно отнести: нестабильное экономическое положение государства; недостаточную оснащенность материально-технической базы; очень низкий интеллектуальный уровень практически всех слоев общества; дефицит научного обеспечения учреждений, исполняющих уголовные наказания; кадровый голод учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы.

В годы Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций, Граж-

данской войны и последовавшей затем разрухи всех сфер производственно-хозяйственной жизни в стране появились сотни тысяч беспризорных и безнадзорных детей и подростков, для многих из которых преступная деятельность стала основным средством существования. Тюремные учреждения того времени не только не способствовали социальной реабилитации подростков, а, наоборот, выступали основным рассадником преступных нравов и традиций в их среде².

В данный период в стране уголовные наказания находили свое закрепление в нормативных актах различного уровня, издававшихся в форме постановлений, инструкций, приказов, декретов и т. п. При этом необходимо подчеркнуть, что большинство нормативных актов издавались в кратчайшие сроки спонтанно и бессистемно.

Первым нормативным актом Советского государства, касающимся несовершеннолетних, был декрет СНК РСФСР «О комиссиях для несовершеннолетних» от 14 января 1918 г. Согласно данному декрету полностью ликвидировались суды и тюремное заключение для несовершеннолетних, а осужденных несовершеннолетних, которые содержались в тюрьмах, освободили. Кроме того, этот нормативный акт освобождал от уголовной ответственности лиц, не достигших семнадцатилетнего возраста.

Принимая данный документ, Советское государство пыталось полностью отказаться от уголовного преследования несовершеннолетних. Однако последовало много возражений со стороны противников декрета, которые полагали, что это будет содействовать распространению преступности. Только защита В. И. Ленина помогла провести закон, «благодаря которому десятки тысяч малолетних, свихнувшихся с прямого пути, были поддержаны и сделались честными гражданами...»³.

Издание данного нормативного акта свидетельствовало о том, что государство, избирая политику в отношении несовер-

² См.: Детков М., Кудимов А., Хмель А. Воспитательные колонии: 135 лет развития // Преступление и наказание. 2001. № 12. С. 27.

³ Семашко Н. А. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1933. С. 33.

¹ См.: Детков М. Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М., 1999. С. 114–115.

шеннолетних, первостепенное место уделяло не карательным методам, а воспитательным формам, так как видело в несовершеннолетних прежде всего детей, а не преступников. Об этом свидетельствует и замена понятия «несовершеннолетний преступник» понятием «несовершеннолетний правонарушитель»¹.

Созданные на основании декрета от 14 января 1918 г. комиссии для несовершеннолетних в зависимости от тяжести совершенного деяния могли принимать два вида решения: либо освободить несовершеннолетнего; либо направить его в одно из убежищ комиссариата общественного призрения. Декрет также обязывал комиссии пересматривать все дела несовершеннолетних, закончившиеся осуждением.

Продолжая реформирование системы исполнения наказаний, 23 июля 1918 г. было принято постановление НКЮ РСФСР «О лишении свободы как о мере наказания и о порядке отбывания такового (временная Инструкция)».

Данной инструкцией предусматривалось два вида мест лишения свободы для молодых преступников:

1) реформатории;

2) земледельческие колонии как учреждения воспитательно-карательные.

В декабре 1918 г. в Москве был открыт первый реформаторий. В нем содержались главным образом лица в возрасте 18 лет и как исключение до 21 года. Срок пребывания в реформатории не был установлен. Суды выносили неопределенные приговоры, и в дальнейшем судьбу воспитанника коллегially решало правление учреждения².

Основная задача, которую решали организаторы реформаториев, заключалась в следующем: «Изъять из тюрьмы молодых людей в возрасте от 17 до 21 года и поместить последних в учебно-воспитательное заведение в целях обучения, воспитания и подготовки их к трудовой жизни путем

преподавания практических знаний и путем расширения общего их интеллектуального развития»³.

Однако реформатории просуществовали недолго и в 1919 г. из-за отсутствия должного финансирования прекратили свое существование.

Помимо реформаториев временная Инструкция предусматривала земледельческие колонии как воспитательно-карательные учреждения для молодых преступников. Первые трудовые земледельческие колонии были открыты в 1918 г. под Москвой и Петроградом, а в 1919 г. в РСФСР их насчитывалось уже десять, в 1920 г. – пятнадцать. Отметим, что колонии создавались не только в РСФСР, но и в других республиках. Так, в 1918 г. съездом комиссаров юстиции Сибири, Урала и Туркестана было принято региональное Положение о колониях для несовершеннолетних, содейвших преступное деяние⁴.

Первостепенное значение в деятельности колоний отводилось учебному процессу. Первые колонии для несовершеннолетних должны были заботиться о своих воспитанниках, давать им общее образование и практические навыки, которые бы позволили им законным образом получать средства к существованию после освобождения из колонии: «из тюрем люди должны выходить в жизнь вооруженными знаниями; иначе их опять утянет на дно неприспособленность к нормальным способам существования»⁵.

Труд в колониях несовершеннолетних заключенных регулировался соответствующими нормативными актами. Например, можно сослаться на «Устав трудовых земледельческих колоний для лишенных свободы», выработанный НКЮ РСФСР в

³ Материалы НКЮ. 1920. Вып. 8. С. 71.

⁴ См.: *Полозюк В.* Службы УИС: прошлое и настоящее // Преступление и наказание. 2000. № 6. С. 16.

⁵ Циркуляр Карательного отдела Наркомюста губернским комиссарам юстиции, комиссару юстиции Петроградской трудовой коммуны и Московской временной коллегии по управлению местами заключения о реорганизации карательного дела на местах от 7 авг. 1918 г. // Из истории исправительно-трудовых учреждений РСФСР (октябрь 1917–1920 гг.): Сб. док. / Под ред. А. К. Стальгевича. М., 1960. С. 41.

¹ См.: *Самощенко И. С.* Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963.

² См.: *Кудимов А. Ф.* Историческая справка о создании и организации пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей // Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних. М., 2000. С. 19.

1919 г.¹, согласно которому все колонисты делились по четырем разрядам: 1-й – испытуемые, 2-й – исправляющиеся, 3-й – образцовый и 4-й – штрафной. В колониях был установлен 8-часовой рабочий день, однако в сельскохозяйственных колониях он мог быть увеличен в такие наиболее напряженные периоды, как посевная, уборка. Оплата труда колонистов имела свою специфику и зависела от получаемых колонией доходов².

Двенадцатого декабря 1919 г. были утверждены Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. В отношении несовершеннолетних они закрепляли уголовную ответственность с 14-летнего возраста. До достижения данного возраста к ним могли применяться лишь воспитательные меры. Кроме того, подобные меры могли применяться к несовершеннолетним, достигшим 14 лет, которые при совершении преступления действовали неосознанно.

Декрет «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях», принятый СНК РСФСР 4 марта 1920 г., упразднил тюремное заключение в отношении несовершеннолетних³. Декрет отнес дела, связанные с совершением преступлений лицами, не достигшими 18-летнего возраста, к ведению комиссий по делам несовершеннолетних.

Народный комиссариат просвещения и Народный комиссариат здравоохранения должны были создать на территории государства специальные лечебно-воспитательные учреждения. В связи с этим первоначально комиссия по делам несовершеннолетних должна была установить, возможно или нет применение к несовершеннолетним правонарушителям мер медико-педагогического воздействия. И лишь в том случае, если комиссией устанавливались обстоятельства, свидетельствующие о том, что невозможно в отношении конкретного несовершеннолетнего применение мер медико-педагогического воздействия, комиссия передавала дело в суд. Суд, учитывая свою

компетенцию, мог назначить несовершеннолетнему наказание в виде лишения свободы.

В связи с этим НКЮ РСФСР постановлением от 19 марта 1920 г. внес изменения в Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., в соответствии с которыми «несовершеннолетние до 14 лет не подлежали суду и наказанию. К ним применяются лишь воспитательные меры (приспособления). Такие же меры применяются к лицам переходного возраста – 14–18 лет, если в отношении последних возможно медико-педагогическое воздействие»⁴.

На первом Всероссийском съезде заведующих карательными отделами в сентябре 1920 г. были приняты специальные тезисы «О трудовых домах и колониях для несовершеннолетних, лишенных свободы», которые послужили основой для принятия Положения о трудовых домах для несовершеннолетних. В нем были закреплены основные принципы их деятельности: трудовой дом – это воспитательно-исправительное и медико-педагогическое заведение с установленным режимом, поддерживаемым педагогически целесообразной системой наказаний и поощрений, в котором воспитанники распределены по разрядам с постепенным восхождением их от низшего разряда к высшему; в нем осуществляется школьное обучение, а также обучение квалифицированным видам труда, физическое воспитание, развитие различных форм самодеятельности, попечение о вышедших из этих заведений воспитанников и др.⁵

Несовершеннолетние в трудовых домах были разделены на различные категории по 15–25 человек в зависимости от возраста и нравственно-педагогической запущенности. За данными группами осуществлялся надзор со стороны специальных должностных лиц (воспитателей). Несовершеннолетние содержались в трудовых домах до истечения срока, назначенного судом, либо до достижения ими 20-летнего возраста.

Двадцать седьмого февраля 1922 г. был принят циркуляр ЦИТО НКЮ РСФСР «О сроках приговора к лишению свободы в

¹ См.: ГАКО, ф. 81, ед. хр. 19, л. 76.

² См.: Дементьев С. И. Четверть века в лагерях и колониях Советского Союза: правда и вымысел. Краснодар, 2002. С. 44–45.

³ См.: СУ РСФСР. 1920. № 13. Ст. 83.

⁴ СУ РСФСР. 1920. № 16. Ст. 95.

⁵ См.: Перцова Л. Перевоспитание несовершеннолетних // Преступление и наказание. 2000. № 6. С. 10–11.

отношении несовершеннолетних» № 12¹, который указывал на необходимость раздельного содержания несовершеннолетних и взрослых осужденных.

Основное содержание циркуляра состояло в обосновании неприемлемости краткосрочного лишения свободы в отношении несовершеннолетних. Нецелесообразность краткосрочного лишения свободы обосновывалась следующими доводами: практика показала, что осуждение несовершеннолетних к лишению свободы на краткие сроки не достигает цели исправления, «уничтожая в несовершеннолетних стремление к исправлению и заменяя его ожиданием истечения назначенного судом срока вне зависимости от поведения и успехов в учении и работах. Не имея моральных побуждений к исправлению, такие несовершеннолетние, большей частью воры-рецидивисты и во всяком случае элемент достаточно испорченный, от которых отказались Комиссии (имеются в виду комиссии для несовершеннолетних – А. А.), находясь в течение почти всего срока, назначенного им судом, в штрафном разряде, оказывают деморализующее влияние на своих товарищей... Ввиду изложенного и принимая во внимание, что моральное оздоровление и освоение трудовых навыков требует продолжительного времени, НКЮ предлагает на будущее время при постановлении приговоров в отношении передаваемых Комиссиями несовершеннолетних назначать их в учреждения для несовершеннолетних на продолжительные сроки, достаточные не только для изучения их личности и психофизической организации, но и для получения реальных результатов от применяемых для их исправления методов воспитания и образования в связи с сообщением им трудовых навыков при работах в мастерских»².

Вместе с тем циркуляр обращал особое внимание на категорию несовершеннолетних,

«обнаруживших значительную испорченность и трудно поддающихся воздействию». В отношении их распределительным комиссиям предлагалось входить в народные суды по месту содержания осужденных несовершеннолетних с представлением о продлении срока пребывания в воспитательно-исправительных учреждениях впредь до исправления, но не более чем на одну треть назначенного приговором суда срока наказания³.

К 1921 г. в системе общих мест заключения РСФСР функционировали: дома заключения, предназначенные для содержания следственных заключенных; исправительно-трудовые дома для содержания заключенных, в отношении которых приговоры суда вступили в законную силу; трудовые дома для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет, которые трудно поддаются мерам медико-педагогического воздействия; сельскохозяйственные и ремесленные колонии, куда направлялись по постановлению распределительных комиссий заключенные, которые своим поведением и отношением к работе во время пребывания в исправительных домах показали признаки исправления; переходные исправительно-трудовые дома для заключенных, которых приговорили на срок свыше трех лет и которые пробывали в разряде исправляющихся не менее четверти общего срока и отличались безукоризненным поведением, трудолюбием и успехами в школьных занятиях, или были переведены в разряд образцовых; изоляционные тюрьмы двух видов (одни – для содержания лиц, осужденных со строгой изоляцией, которые по характеру совершенного преступления нуждаются в особом режиме; другие – для содержания заключенных, которые, отбывая наказания в общих местах заключения, упорно не подчиняются требованиям режима)⁴.

Отметим, что в 1922 г. в ведении ГУМЗ НКВД РСФСР⁵ находилось четыре трудовых дома для несовершеннолетних (Моск-

¹ См.: Сборник основных приказов, циркуляров и инструкций Народного комиссариата юстиции и Народного комиссариата внутренних дел РСФСР за 1918–1928 гг. о деятельности мест лишения свободы. М., 1959. С. 173–174.

² Становление советского исправительно-трудового права (октябрь 1917 г. – 1925 г.): Учеб. пособие / Н. А. Стручков, М. П. Мелентьев и др. Рязань, 1984. Вып. I. Ч. II. С. 8.

³ См.: там же. С. 8–9.

⁴ См.: Зубков А. И., Калинин Ю. И., Сысоев В. Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России. М., 1998. С. 35.

⁵ На основании постановления НКЮ и НКВД от 12 окт. 1922 г. все места лишения свободы из НКЮ перешли в ведение НКВД (См.: Еженедельник сов. юстиции. 1922. С. 37–38.)

ва, Петроград, Саратов и Иркутск), рассчитанные на 531 человека.

Решение вопроса о создании специальных учреждений для осужденных несовершеннолетних было осуществлено путем принятия ГУМЗ НКВД РСФСР циркуляра «О применении лишения свободы со строгой изоляцией к несовершеннолетним» от 4 апреля 1923 г. № 108. Строгая изоляция осужденных несовершеннолетних рассматривалась не как обязательная форма отбывания наказания, а как вынужденная мера специального воздействия, вызванная крайней необходимостью¹. Циркуляром вводилось Положение о трудовых домах для несовершеннолетних, лишенных свободы². Такие дома рассматривались как воспитательные учреждения для трудноисправимых подростков в возрасте от 14 до 18 лет, приговоренных народными судами за общественно опасные деяния к лишению свободы. Распределительным комиссиям предоставлялось право в исключительных случаях направлять в трудовые дома и лиц, уже достигших 18-летнего возраста, но в силу своего физического и умственного развития нуждающихся в режиме трудового дома³.

Таким образом, исполнение наказаний в виде лишения свободы в отношении несо-

вершеннолетних в период становления советского исправительно-трудового законодательства находило свое закрепление в нормативных актах различного уровня, издававшихся в форме законов, постановлений, инструкций, приказов, декретов и т. п. Государство, избирая политику в отношении несовершеннолетних, на первых порах первостепенное место уделяло не карательным методам, а воспитательным формам. В отношении несовершеннолетних предусматривались следующие виды мест лишения свободы: реформатории, земледельческие колонии как учреждения воспитательно-карательные, трудовые дома как специальные учреждения.

Библиографический список

1. *Детков, М.* Воспитательные колонии: 135 лет развития / М. Детков, А. Кудимов, А. Хмель // Преступление и наказание. – 2001. – № 12.

2. *Кудимов, А. Ф.* Историческая справка о создании и организации пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей / А. Ф. Кудимов // Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних. – М., 2000.

Д. А. Ерин,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

РАЙОННЫЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ ВЛАДИМИРСКОГО ОКРУГА В 1929–1930 ГГ.: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Постановление Президиума ВЦИК РСФСР от 14 января 1929 г. «Об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений краевого

и областного значения» положило начало новому территориальному устройству Советского государства, которое должно было соответствовать проводимой в стране политике индустриализации и коллективизации. В государстве ликвидировались губернии, уезды и волости, вместо которых образовывались края, области, округа, районы и сельсоветы. Согласно этому постановлению с 1 октября 1929 г. на территории РСФСР должна быть образована Ивановская промышленная область с включением в ее состав Иваново-Вознесенской, Владимирской, Ярославской и Костромской губерний, которые получили названия округов⁴.

Мероприятия по реорганизации Владимирской губернии предполагали в первую очередь перестройку аппарата управления, которая заключалась в ликвидации губерн-

¹ См.: Сборник основных приказов, циркуляров и инструкций Народного комиссариата юстиции и Народного комиссариата внутренних дел РСФСР за 1918–1928 гг. о деятельности мест лишения свободы. С. 175.

² См.: там же. С. 182.

³ См.: Становление советского исправительно-трудового права (октябрь 1917 г. – 1925 г.). Вып. I. Ч. II. С. 9.

⁴ См.: Государственный архив Владимирской области (далее: ГАВО), ф. 312, оп. 1, д. 3, л. 1.

ского и уездных исполкомов и создании окружного и районных исполкомов. В связи с этим подлежала ликвидации губернская милиция в лице губернского административного отдела губисполкома, уездные милиции – уездного административного отдела и сельская милиция – волостных милицейских управлений.

Вся организационная работа по переустройству губернской милиции была закончена к 1 июня 1929 г., после чего владимирская губернская милиция прекратила свое существование. Руководство всей работой в сфере правоохранительной деятельности стал осуществлять административный отдел Владимирского окружного исполнительного комитета.

В составе Владимирского округа Ивановской промышленной области входило 11 районов (Ставровский, Собинский, Владимирский, Судогодский, Ковровский, Вязниковский, Гороховецкий, Селивановский, Меленковский, Суздальский и Гусевский). Соответственно для осуществления деятельности районного исполнительного комитета в части административной работы при них были образованы районные административные отделения, на которые возлагалась обязанность осуществлять охрану общественного порядка и бороться с преступностью в городе и на селе. Кроме того, в их функции согласно Положению об административных отделениях районных исполнительных комитетов, кроме собственно правоохранительной деятельности, входили осуществление советского строительства на местах, что проявлялось в проведении постановлений и распоряжений центральных и местных органов власти в жизнь, а также контроль за работой сельских советов¹.

Для решения поставленных задач структура районных административных отделений Владимирского округа была организована следующим образом: подотделы милиции, уголовного розыска и принудительных работ. Помимо этого, в зависимости от территорий, которые обслуживали участковые надзиратели, районы делились на городские и сельские участки.

Реорганизация Владимирского губернского и уездных административных отделов в окружной административный отдел и районные административные отделения происходила в условиях весьма сложной оперативной обстановки и при недостаточном финансировании со стороны местных исполнительных комитетов, что впоследствии негативно сказалось на организации охраны общественного порядка и борьбы с преступностью в районах Владимирского округа.

Как отмечало большинство начальников районных административных отделений, «...в районировании плановости было мало, а также было мало и живого руководства. Ликвидация волостных милиций прошла не совсем гладко»². Это проявилось в том, что при упразднении многих волостных управлений милиции и передачи дел и имущества во вновь организованные районные отделения не проводилось никакой инвентаризации и какой-либо проверки. Это привело к тому, что еще длительное время руководство районных отделений было вынуждено приводить в порядок служебную, финансовую и иную документацию.

Наибольшие сложности при организации районных административных отделений возникли при определении штатной численности работников милиции и уголовного розыска. Так, только в течение июня–августа 1929 г. штаты районных административных отделений изменялись несколько раз, причем, как правило, в сторону увеличения. Например, если до реорганизации уездная милиция и уголовный розыск Владимирской губернии (кроме города Владимира) насчитывали 292 человека, то согласно планируемому штатному расписанию от 2 июля 1929 г. в районной милиции и уголовном розыске Владимирского округа должны были работать 367 человек³. Однако в таком виде штатное расписание не было утверждено и на 7 августа 1929 г. состав городских и сельских участков районных административных отделений Владимирского округа насчитывал 304 человека⁴.

Однако, несмотря на общее большое число работников, руководство Владимир-

¹ См.: ГАВО, ф. 312, оп. 1, д. 3, лл. 70, 71.

² См.: там же, д. 5, л. 44.

³ См.: там же, д. 3, л. 492.

⁴ См.: там же, лл. 495, 560, 564.

ского окружного административного отдела столкнулось с проблемой сокращения числа сотрудников уголовного розыска, поскольку согласно штату, утвержденному Ивановской областной комиссией, на все 11 районных административных отделений округа предполагалось всего 3 помощника начальника районных адмотделений и 19 агентов уголовного розыска (до реорганизации в уездных административных отделах насчитывалось 30 агентов)¹. В соответствии с установленными разрядами для районных административных отделений сотрудники уголовного розыска распределялись следующим образом: Владимирское отделение – два агента 1-го разряда, Ковровское – помощник начальника по уголовному розыску, инспектор и три агента 1-го разряда, Вязниковское – помощник начальника по уголовному розыску, инспектор и два агента 1-го разряда, Гусевское – помощник начальника по уголовному розыску, инспектор и два агента 1-го разряда, Меленковское – инспектор и три агента 1-го разряда, Собинское – инспектор и два агента 1-го разряда, Селивановское – один агент 1-го разряда, Ставровское и Гороховецкое – по одному агенту 1-го разряда, Суздальское и Судогодское – по одному инспектору и по два агента 1-го разряда².

Естественно, что такое количество агентов уголовного розыска не могло обеспечить эффективной работы по борьбе с преступностью как в городской, так и сельской местности, так как размеры обслуживаемой территории и количество населения, проживающего на ней (в Собинском районе – 28 200 человек, в Вязниковском – 87 700 человек)³, требовали существенного увеличения аппаратов уголовного розыска.

Нехватка сотрудников вынудила руководство окружного административного отдела пойти на сокращение заработной платы агентам уголовного розыска, чтобы в рамках утвержденного бюджета увеличить численность районных аппаратов уголовного розыска. Так, предполагаемая зарплата агента в 90 рублей ежемесячно была понижена до 60 рублей⁴.

Особенно тяжело проходило образование в районах городских и сельских участков. Так, если в районном центре, как правило, образовывался один милицейский участок, то при организации участков в сельской местности необходимо было учитывать следующие факторы: количество жителей в районе и плотность населения (установленная норма: один участковый надзиратель – на 5000 человек), площадь территории, наличие путей сообщения, средств транспорта и связи, общая численность участковых надзирателей, установленная для каждого районного административного отделения.

Как показала практика, данные требования почти нигде не соблюдались, поскольку, учитывая объективные причины, было весьма сложно добиться равномерного распределения участков и соответственно участковых надзирателей. Так, в Ковровском районном административном отделении было образовано 15 участков, однако количество населения в каждом из них не соответствовало нормам обслуживания. Например, Санниковский участок насчитывал 1270 жителей, а самый большой Сергеехинский – 4866 человек. В Селивановском районном административном отделении насчитывалось 9 участков, причем в самом большом Селивановском проживало 8608 жителей, а в самом малом Н.-Федоровском – 4636 человек. В Вязниковском районном административном отделении насчитывалось 14 участков с количеством жителей от 8862 (Никологорский) до 13115 (С.-Горский)⁵.

Одним из наиболее острых вопросов в деятельности районных административных отделений, как и раньше, была большая текучесть кадров, вызванная в первую очередь низкой оплатой труда милиционеров. В связи с этим основная часть участковых надзирателей Владимирского округа имела стаж работы не более одного года. Так, начальник Ковровского районного административного отделения Крагин отмечал, что текучесть кадров в течение июня–июля 1929 г. в отделении достигает 80 %⁶.

На текучесть кадров влияло и то обстоятельство, что большинство участковых надзирателей не имели собственного жилья

¹ См.: ГАВО, ф. 312, оп. 1, д. 3, л. 492.

² См.: там же, л. 495.

³ См.: там же, л. 561.

⁴ См.: там же, л. 514.

⁵ См.: там же, лл. 528, 534, 542, 544.

⁶ См.: там же, д. 5, л. 45.

и были вынуждены его снимать, что при месячной зарплате 65 рублей было весьма невыгодно.

Серьезной проблемой для новых правоохранительных структур стало отсутствие материально-технического обеспечения. В первую очередь это касалось транспорта. Так, начальник Ставропского районного административного отделения отмечал, что при обслуживании участков с населением в 6–7 тысяч человек и радиусом действия до 25 км большинство участковых надзирателей несет службу пешим порядком, так как лошадьми Ставропское районное административное отделение было обеспечено всего на 30 %¹. В целом по ок-

ругу милиция была снабжена лошадьми только на 50 %.

В таких условиях проходил процесс становления районных административных отделений Владимирского округа в течение 2-й пол. 1929 – 1-й пол. 1930 г. Затем по всей стране было ликвидировано окружное административно-территориальное деление, в результате чего районные административные отделения Владимирского округа подверглись очередной реорганизации.

Библиографический список

1. ГАВО, ф. 312, оп. 1, д. 3, 5.
2. Органы и войска МВД России : крат.-ист. очерк. – М., 1996.

Н. А. Ешкилева,
*преподаватель кафедры экономических
и финансово-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В ТРУДАХ А. С. ХОМЯКОВА

Наиболее значимыми направлениями русской общественной мысли 1840–1850-х гг. являются славянофильство и западничество. В идейных воззрениях представителей данных направлений получили отражение объективные процессы, представляющие неотъемлемую часть истории российской государственности и становления ее общественных структур.

Славянофильство оформилось в напряженной полемике с западничеством о месте России в мировой истории. Именно славянофилам удалось углубить содержание политических аспектов «Русской идеи», которая оказала заметное влияние на развитие отечественной политико-правовой мысли. Духом этой идеи пропитан весь процесс становления российской государственности.

Главный вопрос дискуссий славянофилов и западников – исторический путь России: является ли он таким же, как и путь Западной Европы, и в чем заключается особенность России: только в ее отсталости или

же у России «особый» путь? В поисках ответа на данный вопрос сложились альтернативные концепции русской истории, две культурологические программы.

Философ, богослов, историк русской общественной мысли В. В. Зеньковский, оценивая творчество славянофилов, приходит к очень точному выводу: «Для славянофильства центр тяжести лежал в уяснении своеобразия путей России, – и отсюда уже, из потребности понять Россию, вытекала потребность критически оценить Запад. Проблемы Запада, его судьбы не являются для них чужими, неинтересными, – не с враждою и не со злорадством говорят они о кризисе Запада, но пытаются вскрыть его причины, чтобы избежать ошибок Запада»².

Название «славянофилы» подсказывает определенную внутреннюю перспективу их учения: славянские симпатии, культ самобытности, тяга к старине. Славянофилы считали, что русская история, русский быт, национальное самосознание, культура в целом обладают самобытными жизненными ценностями и перспективами.

Видным теоретиком и деятелем славянофильства являлся А. С. Хомяков. В своем творчестве он обозначил отличия существовавших в России порядков с общественным устройством и правами Западной Европы.

Противопоставление России и Запада, с точки зрения А. С. Хомякова, основывается

¹ См.: ГАВО, ф. 312, оп. 1, д. 5, л. 44.

² Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М., 2005. С. 43.

«на глубоком сознании различия во всех началах духовного и общественного развития России и Западной Европы»¹.

Будущее России философ видел в реализации принципов древнерусской жизни, эволюция которых была приостановлена под влиянием необходимой централизующей деятельности государства. По его мнению, возвращение к этим принципам возможно потому, что время не смогло уничтожить истинные основы русской жизни. А. С. Хомяков был противником бездумного заимствования западных образцов в теории и практике государственного и общественного строительства.

В своей статье «О старом и новом», подготовленной зимой 1839 г. для выступления на одном из еженедельных вечеров в кружке И. В. Киреевского, А. С. Хомяков демонстрирует различные стороны развития русского общества и государства. Он отмечает те самобытные черты, которые, на его взгляд, были свойственны российскому обществу и государству. А. С. Хомяков пишет: «Нам стыдно бы было не перегнать Запада. Англичане, французы, немцы не имеют ничего хорошего за собою. Чем дальше они оглядываются, тем хуже и безнравственнее представляется им общество. Наша древность представляет нам пример всего доброго в жизни частной, в судопроизводстве, в отношении людей между собою; но все это было подавлено, уничтожено отсутствием государственного начала, раздорами внутренними, игом внешних врагов»².

Таким образом, А. С. Хомяков делает вывод о необходимости государства, которое способно подавить внутренние раздоры и дать отпор внешним врагам. Но само становление русской государственности, по мнению философа, отличается от западного пути: «На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоевания, — замечает он. — Кровь и вражда не служили основанием государству русскому, и деды не завещали внукам преданий ненависти и мщенья»³.

Данную мысль А. С. Хомяков развивает в статье «Письмо в Петербург по поводу железной дороги», впервые напечатанной в журнале «Москвитянин» в 1845 г.: «Иные начала Западной Европы, иные наши. Там все возникло на римской почве, — затопленной нашествием германских дружин; там все возникло из завоевания и из вековой борьбы, незаметной, но беспрестанной между победителем и побежденным. Беспрестанная война беспрестанно усыплялась временными договорами, и из этого вечного колебания возникла жизнь вполне условная, жизнь контакта или договора, подчиненная законам логического и, так сказать, вещественного расчета. Правильная алгебраическая формула была действительно тем идеалом, к которому бессознательно стремилась вся жизнь европейских народов. Иное дело Россия: в ней не было ни борьбы, ни завоевания, ни вечной войны, ни вечных договоров; она не есть создание условий, но произведение органического живого развития; она не построена, а выросла»⁴.

А. С. Хомяков отрицательно относился к свойственному западным государственно-правовым концепциям индивидуализму, для него идеалом была народно-патриархальная монархия с сельской общиной и земской думой. Ученый верил в патриархальную семью, сельскую общину. Он был сторонником общественного коллективизма.

Исходя из данного обстоятельства можно понять глубинный смысл замечания, сделанного Н. А. Бердяевым в книге «Алексей Степанович Хомяков»: «По учению Хомякова, общество, в отличие от государства, есть прежде всего земщина. Голос земщины есть голос земли, голос народа. Только в России есть земщина. На Западе — господство классов и сословий. Русская земщина органична, она не разбита на борющиеся классы, на враждующие воли. У земли — земщины есть органическая воля. Земщина — представительница думы, свободы мысли, к голосу ее власть должна прислушиваться, с ней советоваться. От-

¹ Хомяков А. С. Мнение иностранцев о России // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М., 1997. С. 85.

² Хомяков А. С. О старом и новом // Там же. С. 80.

³ Там же.

⁴ Хомяков А. С. Письмо в Петербург по поводу железной дороги // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. С. 81.

сюда идея земской думы, земского собора как органа совещательного»¹.

Мы не разделяем мнения исследователя Р. О. Полухина о том, что А. С. Хомякову была свойственна трезвая оценка настоящего и прошлого России, что он не рассматривал русскую историю как идеальную и бескризисную, а, наоборот, подчеркивал ее сложность и драматичность². С нашей точки зрения, прошлое А. С. Хомяковым скорее идеализировалось, а отдельные тенденции государственно-правового развития XIX в. остались без внимания. Сошлемся на мнение Н. А. Бердяева: «Коренной недостаток русской философии истории Хомякова и всего славянофильства – невозможность с этой точки зрения объяснить русский империализм, агрессивный, наступательно-насильственный характер русской исторической власти. Славянофильская психология русского народа не в силах объяснить факт образования огромного русского государства, превзошедшего все империи мира. Не может эта психология объяснить и тот факт, что русская историческая власть становилась все более и более ненародной, все более отдавалась идола государственности, языческому империализму»³.

Голос русской земли в понимании А. С. Хомякова – это голос соборный, который не может быть услышан по арифметическому подсчету голосов. Царь должен прислушиваться к этому голосу и править в согласии с ним, как со своим советчиком. Именно через земщину до царя доходит голос народа.

Типичен для славянофильства взгляд А. С. Хомякова на соотношение общества и государства. Как все славянофилы, он не только не государственный, но даже антигосударственный. В своей общественной философии А. С. Хомяков исходил из исключительной семейственности и патриархальности славян, считал, что призвание у русского народа не государственно-правовое, а патриархально-семейственное. Русский на-

род, по его мнению, дорожит не политической свободой, а свободой семейного быта.

Сопоставляя общество и государство, А. С. Хомяков утверждал, что высшее духовное призвание русского народа требует освобождения его от бремени государственования. Даже идея царя у философа не государственная. Он видел в самодержавии лучшую и единственную форму государственности для России только потому, что рассматривал ее как проявление воли народа. По мнению А. С. Хомякова, власть изначально принадлежала народу, который не любил власть и не хотел властвовать. Для русского народа власть – обязанность, долг, а не право или привилегия, и именно поэтому он поручает своему избраннику, царю, нести за него бремя власти.

А. С. Хомяков исходил из того, что власть в России должна быть христианской. И само русское государство для него является священным, христианским, и в своих действиях оно должно быть связано не правом, а нравственно-религиозными нормами, так как юридическая наука носит формальный, отвлеченный характер и не имеет под собой нравственных основ. Именно поэтому государство, общество и личность должны существовать только в нравственно-религиозном единении. Русский народ, по учению А. С. Хомякова, не признает юридических гарантий, которые нужны лишь в отношениях завоевателей и завоеванных и не нужны России, где государственная власть – народная по своему происхождению.

Мыслитель обращает внимание на отрицание русским народом того, что общественная правда может рождаться из арифметического подсчета, то есть механически. А. С. Хомяков проницательно замечает: «Наша такая земля, которая никогда не пристрастится к так называемой практике гражданских учреждений. Она верит высшим началам, она верит человеку и его совести; она не верит и никогда не поверит мудрости человеческих расчетов и человеческих постановлений... Для России возможна одна только задача: быть обществом, основанным на самых высших нравственных началах»⁴.

¹ Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. М., 2007. С. 403.

² См.: Полухин Р. О. Проблемы соотношения общества, права и государства в правовой мысли России (конец XIX – начало XX вв.): Дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2004.

³ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 391.

⁴ Хомяков А. С. О юридических вопросах. Письмо к издателю «Русской беседы» // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. С. 93.

Анализ политико-правовых воззрений А. С. Хомякова дает основание утверждать, что он выработал своеобразную концепцию взаимоотношений общества, государства и права, стремился к сознанию национальной модели общества и государства, отличной от западноевропейских.

Суть государственно-правовых взглядов А. С. Хомякова заключается в следующих словах: «Теперь, когда эпоха создания государственного кончилась, когда связались колоссальные массы в одно целое, несокрушимое для внешней вражды, настало для нас время понимать, что человек достигает своей нравственной цели только в обществе, где силы каждого принадлежат всем и силы всех каждому. Таким образом, мы будем подвигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными, спрашивая у истории церкви и законов ее – светил путеводительных для будущего нашего развития – и воскрешая древние формы жизни русской, потому что они были основаны на святости уз семейных и на неиспорченности индивидуальности нашего племени. Тогда в просвещенных и стройных размерах, в оригинальной красоте общества, соединяющего патриархальность быта областного с глубоким смыслом государства, представляющего

нравственное и христианское лицо, воскреснет древняя Русь, но уже сознающая себя, а не случайная, полная сил живых и органических, а не колеблющаяся вечно между бытием и смертью»¹.

Положения, сформулированные А. С. Хомяковым, имеют плодотворное значение и для настоящего времени, так как путь чужих заимствований, на наш взгляд, не всегда правильный, поскольку необходимо учитывать особенности развития и современное состояние российского общества, государства и его правовой системы.

Великая заслуга А. С. Хомякова состоит в том, что он верил в великую миссию России и русского народа, в скрытую в нем правду и пытался охарактеризовать отдельные черты этого призвания.

Библиографический список

1. *Благова, Т. И.* Родоначальники славянофильства: А. С. Хомяков и И. В. Киреевский : учеб. пособие / Т. И. Благова. – М., 1995.
2. В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией : хрестоматия по истории обществ. мысли XIX и XX веков / сост. Н. Г. Федоровский. – М., 1997.
3. *Зеньковский, В. В.* Русские мыслители и Европа / В. В. Зеньковский ; сост. П. В. Алексеева ; подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой ; вступ. ст. В. Н. Жукова и М. А. Маслина. – М., 2005.

Э. С. Карпов,

*преподаватель кафедры экономических и финансово-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ СТАЛИНСКОГО ГУЛАГА

Исследуя исторические аспекты осуществления финансового контроля в системе исполнения наказаний, следует сначала остановиться на определении данного явления. При этом необходимо сказать, что среди ученых нет единства взглядов по этому поводу. Анализируя предложенные подходы к определению исследуемого понятия, можно сформулировать понятие финансового контроля в широком и узком

смыслах. В широком смысле государственный финансовый контроль – это совокупность мер государственного регулирования, обеспечивающих контроль за соблюдением интересов государства в финансовой сфере. В узком смысле государственный финансовый контроль представляет собой разновидность финансовой деятельности государства, осуществляемой всей системой органов государственной власти и управления, а также специально созданными контролирующими органами (как государственными, так и негосударственными), наделенными соответствующими полномочиями, состоящая в проверке законности и целесообразности действий в области

¹ Хомяков А. С. О старом и новом. С. 80–81.

образования, распределения и использования денежных фондов государства, государственных органов, предприятий и учреждений, муниципальных образований, иных организаций, физических лиц, предпринимателей в целях осуществления эффективной финансовой политики в обществе для обеспечения прав и свобод граждан¹.

Первоначально после Октябрьской революции штат и структура Главного управления местами заключения были утверждены практически без изменения. Контроль правильности и целесообразности расходования денежных средств входил в задачи финансового отдела. Непосредственное руководство деятельностью мест заключения в низовом звене, распоряжение всеми кредитами по смете ведомства мест заключения и функции по осуществлению финансового контроля в местах лишения свободы возлагались на советы². Определенные функции в области финансового контроля выполняло общее собрание служащих Главного управления – Союз служащих и его орган – комитет. Данное объединение рассматривало вопросы, касающиеся практически всех сторон деятельности Главка, в том числе и финансового контроля. Характеризуя состояние финансового контроля в этот период, необходимо отметить, что тюремная система ожидала своего реформирования, поэтому никаких специальных мероприятий в области финансового контроля не осуществлялось.

Указанный период длился недолго, вскоре начались изменения. Тюремная система в XX в. неоднократно подвергалась реформированию. Но при этом осуществлению финансового контроля, как это было и в дореволюционной России, не придавалось первостепенного значения. Политика советской власти в основном была направлена на обеспечение самофинансирования системы исправительно-трудовых лагерей, соответственно финансовый контроль но-

сил преимущественно ведомственный характер, его основной задачей была борьба с расхитителями государственной собственности, создаваемой трудом осужденных.

В 1919 г. были сформированы две независимые друг от друга системы исполнения наказаний в виде лишения свободы: система общих мест заключения, находящихся в ведении Наркомата юстиции, и система лагерей принудительных работ, входящих в структуру Наркомата внутренних дел³ (далее: НКВД).

В структуре Наркомата юстиции первые практические шаги советской власти по организации финансового контроля в местах лишения свободы были определены в циркулярном письме Наркомюста, направленном в адрес местных комиссаров юстиции: «Кредиты Главного управления местами заключения будут отпускаться на имя губернских комиссаров... только на те места заключения и прочие местные учреждения, о которых будут регулярно представляться в центр точные и верные сведения, и лишь до тех пор, пока на местах будут в точности исполняться директивы Центрального управления. При нарушении этих требований кредиты в любой момент могут быть прекращены»⁴.

Существование лагерей принудительных работ, находящихся в ведение НКВД, было оформлено постановлением ВЦИК РСФСР «О лагерях принудительных работ» от 17 мая 1919 г.⁵, в соответствии с которым общее управление лагерями принудительных работ принадлежало Отделу принудительных работ НКВД. В постановлении довольно четко были определены контрольные функции Отдела принудительных работ, среди которых есть и полномочия по осуществлению финансового контроля: а) представление периодических отчетов о деятельности лагерей; б) выработка и предоставление смет по содержанию лагерей, определение штатов администрации лагерей и прочее; в) общий контроль за лагерь-

¹ Подробнее см.: *Карпов Э. С.* Финансовый контроль: к проблеме определения понятия // *Вестн. Владим. юрид. ин-та.* 2007. № 1(2). С. 211–212.

² См.: *Детков М. Г.* Научное и организационно-правовое обеспечение исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в Российском государстве: исторический аспект и современность: Моногр. М., 1998. С. 84.

³ См.: *Детков М. Г.* Тюремь, лагеря и колонии России. М., 1999. С. 117.

⁴ *Детков М. Г., Шамсунов С. Х., Алексушин Г. В., Яценко П. В.* Уголовно-исполнительная система, 125 лет / Под общ. ред. Ю. Я. Чайки. М., 2004. С. 65.

⁵ См.: ГАРФ, ф. Р-393, оп. 89, д. 6, л. 18–20.

ми в хозяйственном, финансовом и административном отношениях; г) ревизия лагерей¹. На местах лагеря возглавлялись комендантами, в обязанности которых входило каждые две недели представлять отчет о деятельности лагеря, включающий в себя и финансовые вопросы². В каждом лагере имела канцелярия, в которой был бухгалтер, «ведущий полную отчетность лагеря и ответственный за нее»³.

В 1920 г. в губерниях были образованы губернские подотделы принудительных работ, которые также контролировали расходование денежных средств в лагерях. В соответствии с Положением о подотделах принудительных работ (1920 г.) губотдел принудительных работ был обязан предоставлять ежемесячный отчет о деятельности подотдела и подведомственных ему лагерей не позднее 15 числа следующего за отчетным месяца, с приложением баланса, кассового отчета и товарной ведомости⁴.

Третьего ноября 1922 г. было принято Временное положение о Главном управлении местами заключения РСФСР и его местных органах⁵, в соответствии с которым все места заключения были сосредоточены в одном ведомстве – НКВД. При этом полномочия по финансовому контролю были закреплены за губернскими управлениями местами заключения. Так, на начальника губернского управления местами заключения возлагались заведование и надзор за всеми местами лишения свободы губернии, распоряжение отпускаемыми Главным управлением и губисполкомами кредитами и предоставление отчетов Главному управлению. Четвертого сентября 1923 г. губернские управления реорганизуются в губернские (областные) инспекции мест заключения, однако указанные функции по осуществлению финансового контроля за данными органами сохранились в прежнем виде⁶.

¹ См.: ГАРФ, ф. Р-393, оп. 89, д. 6, л. 18–20.

² См.: там же.

³ Там же, л. 28.

⁴ См.: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. док. в 7 т. / Отв. ред. и сост. Н. В. Петров; Отв. сост. Н. И. Владимирцев. М., 2004. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. С. 544–545.

⁵ См.: ГАРФ, ф. Р-393, оп. 89, д. 335, л. 1.

⁶ См.: там же, ф. Р-4042, оп. 1, д. 14, л. 164–164 об.

Непосредственно в лагерях управление осуществляла администрация лагеря, в структуру которой входило пять частей, среди которых была финансовая часть. Начальник финансовой части отвечал за своевременное составление финансовых смет и отчетов с представлением их в надлежащие органы, а также за постановку правильной денежной отчетности как в Управлении, так и в подведомственных ему органах⁷.

Нормальное функционирование лагерей и осуществление финансового контроля в них затруднялось вследствие недостатка квалифицированных кадров. Как видно из докладной записки начальника 3-го отделения специального отдела Объединенного государственного политического управления (далее: ОГПУ) Ф. И. Эйхманса члену Коллегии ОГПУ Г. И. Бокию о состоянии лагерей особого назначения ОГПУ от 7 октября 1929 г., осуществление полноценной контрольной деятельности в лагерях было невозможно вследствие острого недостатка в отношении высшего руководящего аппарата экономического отдела⁸.

Таким образом, в данный исторический период происходило становление мест лишения свободы, власть не представляла, по какому пути пойдет развитие уголовно-исполнительной системы в дальнейшем. В подобных условиях организации финансового контроля внимания не уделялось, он осуществлялся руководителями различного уровня наряду с другими функциями.

В 1930 г. были созданы исправительно-трудовые лагеря, находящиеся в ведении ОГПУ⁹. Высшим организационно-управленческим звеном системы управления местами лишения свободы являлось Главное управление исправительно-трудовых лагерей (далее: ГУЛАГ) НКВД СССР.

В этот период происходит определенная централизация финансового контроля: основные функции по осуществлению финансового контроля возлагались на финансовый отдел ОГПУ, немного позднее фи-

⁷ См.: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. С. 583–606.

⁸ Подробнее см.: там же. С. 60.

⁹ См.: Положение об исправительно-трудовых лагерях // СЗ СССР. 1930. № 22. С. 248.

нансовые отделы перешли в ГУЛАГ, а еще позднее – и во все другие главные управления МВД СССР¹.

Определенными полномочиями по осуществлению финансового контроля обладала Плановая группа, находящаяся в структуре ГУЛАГа. В соответствии с Приказом ГУЛАГа от 1 декабря 1931 г. № 62 о согласовании работы плановой группы и других подразделений аппарата ГУЛАГа «плановая группа дает по финпланам лагерей экономические заключения, сводящиеся к следующему: выполнены ли лагерем намеченные плановые показатели квартала, предшествующего планируемому; рассчитаны ли потребности лагеря в рабочей силе в соответствии с намеченными на квартал производственными потребностями; положены ли в основу расчетов финплана лимиты и измерители, согласованные ГУЛАГом; имеются ли отклонения в квартальных планах лагерей от программ, намеченных годовыми планами, являются ли эти отклонения естественными в силу сезонных условий или изменившейся хозяйственной обстановки»².

Интересно проследить выявленные нарушения в сфере расходования денежных средств. Так, например, из рапорта особого уполномоченного при Коллегии ОГПУ В. Д. Фельдмана заместителю председателя ОГПУ Г. Г. Ягоде о результатах проверки анонимного заявления о нарушениях законности в Архангельском отделении Управления Северных лагерей особого назначения (1929 г.) следует, что пищи заключенным выдается достаточно, но проблема в том, что пока еда «дойдет до заключенного через каптеров, поваров, кухонную прислугу, дневальных и т. д., получается превращение в сторону и количественного и качественного ее уменьшения»³. Что касается одежды, обуви, «никакого, опять-таки точно, регламента нет. Кому выдавать, кому не выдавать, хороша одежда эта или нехороша. Определяется на глазок и определением низшего начальства за-

ключенного. Сейчас, например, период летних работ закончился, а зимние еще не начались – поэтому зимняя одежда еще не выдана, а заключенные до сих пор работали и работают в летней одежде, т. к. здесь, где не надо, по приказу еще лето не кончилось и, конечно, многие, не имея никакой теплой одежды, да из легкой-то тоже плохую, испытывают и испытывали острую нужду в ней, а даже в одежде вообще. Я видел и босых и людей в одном нательном белье. Введение твердых правил, введение регламентирующего порядка могло бы устранить многие недоразумения. Очень характерно, вообще, что значит обмундирование для заключенного. Ботинки, например, почти все малы – все равно разрезай, но надевай, то же и с пиджаками и со штанами и т. д.»⁴.

В отчете Прокуратуры Верховного Суда СССР по надзору за органами ОГПУ за 1931 г. говорится, что одним из распространенных видов должностных преступлений в 1931 г. являлись растраты казенных сумм: «Основной контингент по этого рода делам составляют фельдъегеря, на которых возложены инкассаторские обязанности. В этого рода делах обращает на себя внимание значительное число растрат, отягченных подлогами или всякого рода мошенничеством. Суммы растрат и присвоений достигали иногда таких цифр, как, например, 5965 руб. (дело Щербакова) или 1300 американских долларов, 1000 шведских крон и плюс золотые вещи, присвоенные при обыске (дело пом. уполномоченного Ионова)»⁵.

В приказе НКВД СССР «Об отдаче под суд начальника Ушосстройлага Тарасова Ивана Григорьевича и главного инженера Кануга Михаила Ивановича» от 5 июня 1938 г. излагаются следующие сведения: «За 1937 год Ушосстройлаг допустил 25 млн руб. перерасходов, на 11 млн руб. внеплановых работ и 9 млн руб. убытков. Перерасходы продолжают и в 1938 г., за 4 месяца заготовлено материалов на 13 млн рублей, а получено из банка денег 31,5 млн руб. В результате очковтирательской отчетности в 1937 г. объектов работ, переходящих на 1938 г., по некоторым маршрутам увеличивается в 5–8 раз против первоначальных предположе-

¹ См., напр.: ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 1, д. 1206, л. 1–10.

² Там же, ф. Р-9414, оп. 1, д. 2, л. 53–54 об.

³ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. С. 71–76.

⁴ Там же.

⁵ ГАРФ, ф. Р-3316, оп. 64, д. 1074, л. 44 об. – 47.

ний. План работ Ушосстройлага в 1937 году не был выполнен. Ни одного километра дорог не сдано в эксплуатацию. В 1938 г. работы идут отвратительно. На 21 мая вывезено на трассу гравия 19 % и камня 6,5 % годовой потребности»¹.

В соответствии с приказом НКВД СССР «О порядке подчинения лагерей, мест заключения и трудовых поселений» от 8 мая 1935 г. руководство исправительно-трудовыми лагерями, местами заключения и трудпоселениями, расположенными на территории республик, краев, областей, а также функции по финансовому контролю в указанных местах заключения возлагались на начальников управлений НКВД соответствующих республик, краев, областей. Контроль за правильным расходованием всех видов снабжения, выполнением лагерями и местами заключения утвержденных планов как в части использования людей и выполнения производственных программ, так и в вопросах себестоимости, проведение хозрасчета и т. д., возлагался на ГУЛАГ НКВД.

Кроме того, в этом приказе вменялось в обязанность начальникам УНКВД республик, краев и областей лично следить за своевременным переводом в центр полагающихся средств, а начальнику ГУЛАГа НКВД и начальнику Финотдела НКВД следить за своевременным поступлением предусмотренных промфинпланом средств².

В приказе НКВД СССР «Об изменении организационной структуры Наркомвнудела СССР» от 29 сентября 1938 г. объявлялась новая структура НКВД СССР, в состав которого входили следующие управления, обладающие функциями по осуществлению финансового контроля: Главное экономическое управление, Административно-хозяйственное управление и самостоятельный, не входящий в состав управлений Центральный финансово-плановый отдел³. В различных управлениях, курировавших определенные лагеря, как правило, была должность ревизора, отвечавшего за осуществление финансового контроля. Например, в штате Управления лагерей топливной промышленности НКВД СССР долж-

ность ревизора была закреплена за бухгалтерией⁴. В Управлении лагерей по строительству предприятий черной металлургии НКВД СССР должность ревизора была предусмотрена штатным расписанием в структуре финансового отдела⁵.

В 1943 г. в структуре ГУЛАГа был образован Контрольно-инспекторский отдел ГУЛАГа НКВД СССР, а в местах заключения образовались контрольно-инспекторские группы. В соответствии с положением о Контрольно-инспекторском отделе ГУЛАГа НКВД СССР от 12 мая 1943 г. указанный отдел практически не занимался финансовым контролем, хотя среди его прочих функций закреплялись и такие как: контроль за жилищно-хозяйственным благоустройством и санитарным состоянием лагерей, разработка совместно с управлениями (отделами) единых форм учета и отчетности, проверка правильности выполнения установленных норм вещдоговоров и прочих видов хозяйственно-бытового и медико-санитарного обслуживания заключенных и др.⁶

В 1947 г. при заместителе министра внутренних дел СССР была создана инспекторская группа по обследованию тюрем и исправительно-трудовых колоний МВД⁷, на которую возлагалось проведение периодических инспекторских обследований тюрем и трудовых колоний МВД. Группа состояла из пяти человек, за каждым инспектором закреплялось несколько областей. Инспектор был обязан не менее 20 дней в месяц находиться на обследовании прикрепленных к нему тюрем и колоний МВД, производя инспекторский смотр этих тюрем и колоний в независимости от аналогичных смотров, производимых распоряжениями министров внутренних дел и начальников УМВД. Инспектирующий должен был проверять различные стороны деятельности тюрем и колоний⁸, однако функции по финансовому контролю у инспекторской группы по-прежнему практически отсутствовали.

⁴ См.: там же, д. 597, л. 205–210.

⁵ См.: там же, л. 200–201.

⁶ См.: там же, д. 684, л. 398–399.

⁷ См.: там же, д. 811, л. 23–25.

⁸ Там же.

¹ ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 1, д. 502, л. 256–258.

² См.: там же, оп. 1а, д. 6, л. 30–31.

³ Там же, оп. 1, д. 500, л. 286–289.

В 1949 г. в расходы государственного бюджета впервые были включены средства на содержание лагерей. С этого момента основной задачей ведомственного финансового контроля стал контроль за целевым расходованием выделяемых из бюджета государственных средств.

Многочисленные нарушения законности в финансовой сфере были вскрыты после смерти И. В. Сталина. В докладной записке министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова, председателя КГБ при СМ СССР И. А. Серова, заведующего Административным отделом ЦК КПСС А. Л. Дедова в ЦК КПСС о лишении генеральских званий бывших работников МГБ и МВД, допустивших нарушения социалистической законности и злоупотребления по службе, и привлечении некоторых из них к судебной ответственности от 31 декабря 1954 г. № 3963/к приведены факты о незаконном расходовании денежных средств генерал-лейтенантом П. А. Гладковым в 1943–1945 гг., генерал-лейтенантом И. И. Вradiем в 1945–1950 гг., генерал-майором Г. С. Болотинным в 1945 г., генерал-майором П. П. Смирновым в 1934–1950 гг. и др. В результате незаконных действий указанных лиц стране был причинен ущерб на сумму, исчисляемую миллионами рублей. Причем, многие из совершенных правонарушений были вскрыты ранее, но виновные лишь понижались в должности либо не несли никакой ответственности¹.

Таким образом, рассмотрев историю развития финансового контроля в местах лишения свободы системы сталинского ГУЛАГа, можно сделать следующие выводы.

Финансовому контролю в местах лишения свободы в период сталинского ГУЛАГа, как и в истории дореволюционной России, не придавалось особой важности. Он носил второстепенный характер и не выделялся в качестве самостоятельного направления деятельности.

Политика советской власти в основном была направлена на обеспечение самофинансирования системы исправительно-трудовых лагерей, соответственно финансовый контроль носил преимущественно ве-

домственный характер, его основной задачей была борьба с расхитителями государственной собственности, создаваемой трудом осужденных. Когда расходы на содержание мест лишения свободы были включены в государственный бюджет, основным направлением финансового контроля стал контроль за целевым расходованием выделяемых из бюджета средств.

Основные полномочия по финансовому контролю в системе мест лишения свободы находились у ведомства, курировавшего в данное время места заключения (Наркомат юстиции, НКВД, МВД), и у органа, в задачу которого входило управление местами лишения свободы (Главное управление принудительных работ, Главное управление местами заключения, ОГПУ, ГУЛАГ и т. д.), а также у территориальных органов управления. Общегосударственный, вневедомственный и независимый финансовый контроль в местах заключения в исследуемый период отсутствовал.

Вследствие отсутствия финансового контроля состояние обеспечения различными видами довольствия осужденных и сотрудников лагерей было неудовлетворительным.

Отсутствие должного финансового контроля порождало соответствующие финансовые нарушения. Периодически выявлялись случаи хищения государственных средств. Однако значительное количество подобных преступлений совершалось сотрудниками, близкими к первым лицам государства, поэтому они не расследовались и виновные ответственности не несли.

Библиографический список

1. *Детков, М. Г.* Научное и организационно-правовое обеспечение исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в Российском государстве: исторический аспект и современность : монография / М. Г. Детков. – М., 1998.
2. *Детков, М. Г.* Тюрьмы, лагеря и колонии России / М. Г. Детков. – М., 1999.
3. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. док. в 7 т. Т. 2. Карательная система: структура и кадры / отв. ред. и сост. Н. В. Петров ; отв. сост. Н. И. Владимирцев. – М., 2004.

¹ Подробнее см.: ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 451, л. 387–403.

Н. Б. Колесов,
*старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат исторических наук*

**КНЯЖЕСКИЕ УСТАВЫ X–XII вв.
КАК ПРАВОВАЯ ОСНОВА МАТЕРИАЛЬНОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

Первыми русскими законодательными актами, осуществляющими правовое обеспечение процесса формирования церковной собственности, являются княжеские церковные уставы и уставные грамоты. Из всех документов данной группы особого внимания заслуживают Устав князя Владимира Святославовича о десятинах, церковных судах и церковных людях (далее: Устав князя Владимира), а также уставные грамоты смоленских и новгородских князей.

Устав князя Владимира получил распространение на всей территории Древнерусского государства и оказал существенное влияние на более поздние уставы и грамоты.

Смоленская и Новгородская уставные грамоты сохранились практически в неизменном виде и имеют достаточно точные даты своего появления. Кроме того, они являются документами регионального значения и позволяют выявить местную специфику в правовом регулировании церковной собственности.

Ведущее место среди нормативных правовых актов данной группы занимает Устав князя Владимира, имеющий важное историческое значение. Его создание связано с принятием Русью христианства, созданием Десятинной церкви и обеспечением ее десятиной, а также наделением митрополита и епископов судебными функциями.

Данный княжеский Устав был широко распространен в XII–XIV вв., отдельные списки датируются даже XVI в. В течение этого времени он подвергался многочисленным обработкам и переделкам. Исследователи выделяют 97 списков и 6 редакций данного Устава¹. При этом в своей основе он восходит к XI в.

Серьезную аналитическую работу, посвященную указанному правовому документу, проделал Я. Н. Щапов, выделив в нем древнейшую его часть, первооснову: сообщения о построении церкви Богородицы, обеспечении ее десятиной с перечнем видов². В своих рассуждениях исследователь ссылался на Повесть временных лет, в которой применительно к 996 г. приводятся сведения о факте передачи Владимиром Святославовичем построенной им церкви десятой части «богатств своих и своих городов».

Десятина включала доходы, получаемые как от частного землевладения князя, так и государственные доходы (дани, судебные пошлины и т. д.). По всей видимости, им же была установлена аналогичная десятина и для епископий.

По мере распространения православия на территории Древней Руси в отдельных ее областях начали появляться собственные нормативные правовые акты, направленные на регулирование вопросов материального обеспечения церкви и ее региональных подразделений. Таковыми стали Смоленская и Новгородская уставные грамоты.

Датировка уставной грамоты смоленского князя Ростислава осуществлена на базе летописного указания относительно постановления епископа для Смоленска в 1136 г. В основу Смоленской уставной грамоты были заложены те же принципы и идеи, что и в Устав князя Владимира. Вместе с тем следует отметить наличие определенных отличий в содержании этих документов, часть из которых была связана с временным фактором. Это появление в Смоленской уставной грамоте земельных владений как нового источника материального обеспечения церкви, так и изменение состава десятины.

Кроме того, необходимо отметить более высокую степень детализации принципов взаимодействия государственной власти и церкви, представленной в указанной грамоте. Если Устав князя Владимира только обозначает эти принципы, то Смоленская уставная грамота предусматривает механизмы их реализации. Подтверждением данного тезиса является ст. 4 указанной

¹ См.: Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси 11–14 вв. М., 1972. С. 12.

² См.: там же. С. 121.

грамоты, в которой не только оговаривается право местной епископии на получение десятой части даней, поступающих князю со Смоленских земель, но и содержится подробный перечень административно-территориальных единиц с точным указанием денежных сумм, передаваемых в фонд церкви: «И се даю святей Богородици и епископу: десятину от всех даней смоленских... А во Врочницех 200 гривен, то ти ис того взятии епископу 20 гривен. А в Торопчи дани чотыреста гривен, а епископу с того взятии 40 гривен...»¹. Всего данный документ включал более 30 географических названий, в нем достаточно подробно перечислены земельные угодья, предоставленные князем Смоленской епископии.

Тщательная роспись статей церковных доходов свидетельствует не только о желании, но и о насущной необходимости в появлении собственной епископии на территории Смоленского княжества. К XII в. православная церковь имела большое значение в идеологической и политической сферах. Поэтому в условиях раскола единого Киевского государства и становления полицентрической структуры Руси княжества, претендовавшие на статус самостоятельных политических центров, нуждались в своей кафедре. Именно в этом контексте следует рассматривать Смоленскую уставную грамоту, посвященную выделению территории Смоленского княжества из состава Переяславской епархии и созданию собственной епископии. Это стало важной составляющей политической акции удельного князя, направленной на фиксацию самостоятельности своего княжества.

В отличие от Смоленской уставной грамоты, оговаривающей все источники обеспечения учрежденной епископии, грамота Новгородского князя Святослава касалась лишь некоторых сторон финансового положения церкви. В данном случае речь шла о тех аспектах экономического взаимодействия государства и епископии, которые нуждались в изменениях и дополнениях.

Новгородская уставная грамота сохранилась в нескольких списках. Древнейший

список датируется XIV в. и является приложением к Синодальной кормчей 1280-х гг.² Дата составления самой грамоты обозначена в ее тексте – «в лето 6645, индикта 15»³, т. е. 1137 г.

В Новгородской уставной грамоте содержится ссылка на древний документ, который можно с большой долей уверенности идентифицировать как Устав князя Владимира: «Устав, бывший прежде нас в Руси от прадед и от дед наших...»⁴. Это свидетельствует о высокой степени преемственности в законотворческой деятельности русских князей.

Нижегородская уставная грамота касалась очень ограниченного круга источников обеспечения Новгородской епископии. В их число входили только судебная десятина и десятина от даней. В данном документе отсутствуют упоминания о земельных владениях епископии, поступлениях от церковных судов и судов над церковными людьми. При этом следует отметить наличие данных источников обеспечения церкви применительно к Новгородской земле.

Изменения, внесенные Нижегородской уставной грамотой в систему материального обеспечения церкви, в первую очередь касались судебной десятины. Если ранее ее объем зависел от поступлений в княжескую казну, то отныне вместо судебной десятины Новгородская епископия получала твердую сумму (100 гривен «новых кун»). Данная сумма взималась с одной из волостей Новгородской земли – Онежской⁵. При этом князь принимал на себя страхование этой суммы. В случаях, когда волость выдавала меньше 100 гривен, недостающая сумма восполнялась из его казны.

На наш взгляд, переход к фиксированной сумме выплаты судебной десятины свидетельствовал о желании государства стабилизировать собственные траты на содержание церкви. При этом власть предоставляла духовенству новые возможности для собственного обеспечения. Вместо княжеской судебной десятины церковь са-

² См.: *Щапов Я. Н.* Указ. соч. С. 150.

³ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 225.

⁴ Там же. С. 224.

⁵ См.: *Древнерусское государство и его международное значение.* М., 1965. С. 287.

ма наделялась судебными полномочиями и правом взимать пошлины при рассмотрении гражданских и уголовных дел.

Таким образом, на протяжении обозначенного времени была выстроена система материального обеспечения церкви, в основе которой лежал принцип передачи церкви части княжеских доходов. В данный период церковная организация оказалась в полной экономической зависимости от государственной власти, что, в свою очередь, предопределило превращение православной церкви в специфичную, но все же часть государственного аппарата. Все княжеские уставы, закладывающие правовую основу

материального обеспечения церкви, базировались на общих основаниях, различия в содержании которых, с одной стороны, были связаны с расхождениями во времени их появления, а с другой – разными поставленными перед ними задачами.

Библиографический список

1. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М., 1984.

2. Щапов, Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси 11–14 вв. / Я. Н. Щапов. – М., 1972.

И. А. Кузнецова,
*преподаватель кафедры экономических
и финансово-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ РОЛЬ НАЧАЛЬНИКА ОТРЯДА ИСПРАВИТЕЛЬНО- ТРУДОВОЙ КОЛОНИИ В ПРОЦЕССЕ ИСПРАВЛЕНИЯ И ПЕРЕВОСПИТАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ (1957–1969 гг.)

Введение в 1957 г. отрядной системы в исправительно-трудовых колониях (ИТК) должно было способствовать реализации дифференцированного подхода в осуществлении воспитательного воздействия на осужденных. С целью закрепления правовых основ деятельности данной системы МВД РСФСР приняло Положение об отрядах в ИТК МВД РСФСР¹ и Положение о начальнике отряда заключенных в ИТК МВД РСФСР² (далее: Положение о начальнике отряда). Однако это не решило всех проблем, связанных с организацией работы указанного структурного подразделения в местах лишения свободы по исправлению и перевоспитанию осужденных.

В названных выше нормативно-правовых актах отмечается, что процесс исправления и перевоспитания заключенных осуществляется сотрудниками всех подразделений

и служб исправительно-трудового учреждения (ИТУ). Начальнику отряда в нем отводится центральное место, определяемое стоящей перед ним задачей по исправлению и перевоспитанию каждого осужденного отряда. Так, в ст. 8 Положения о начальнике отряда закреплялось: «Начальник отряда является воспитателем заключенных, их непосредственным начальником и несет ответственность за их исправление, используя в этих целях все различные формы и методы воспитательного воздействия на заключенных с учетом индивидуальных особенностей каждого из них». Вместе с тем следует отметить, что в данной норме была обозначена только общая задача, а конкретные задачи, стоящие перед начальником отряда заключенных, выражены недостаточно четко.

На основе сравнительного анализа норм Положения о начальнике отряда заключенных и аналогичных Положений других союзных республик, исследований ряда авторов, в которых обобщен опыт работы более 300 начальников отрядов³, можно сделать вывод, что, несмотря на неудачную редакцию отдельных нормативных актов, регулирующих деятельность начальников отрядов, основным ее содержанием являются создание и воспитание здорового коллектива в интересах исправления каждого заключенного отряда, а также осуществление индивидуальной воспитательной работы с

¹ См.: Приказ МВД РСФСР от 16 авг. 1960 г. № 481.

² См.: Приложение к приказу МВД РСФСР от 19 марта 1962 г. № 130.

³ См., напр.: Рябинин А. А. Отрядная система в ИТК (организационные и правовые вопросы): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966.

ними. Согласно ст. 10 Положения о начальнике отряда основные обязанности начальника отряда заключаются в организации и проведении всех политико-воспитательных мероприятий с заключенными отряда. При этом он должен так спланировать воспитательную работу, чтобы все свободное время заключенных было занято с пользой для дела перевоспитания.

Других конкретных мероприятий, непосредственно относящихся к самостоятельной организаторской деятельности начальника отряда, указанное Положение не называет. Кроме того, в содержание его работы не входили вопросы организации изучения личности осужденного, хотя в указанном Положении отмечается, что начальник отряда обязан изучать заключенных отряда по характеру, поведению, настроениям, положительным и отрицательным поступкам и т. д. Иными словами, в Положении о начальнике отряда отсутствовало прямое указание на организацию им процесса изучения личности осужденного. Вместе с тем фактически начальник отряда не только организовывал изучение личности осужденного, но и концентрировал и обобщал все сведения о ней посредством ведения Карточки учета взысканий и поощрений¹ и индивидуальной работы с заключенным¹, составления характеристик, в которых он мог выражать свое мнение о степени исправления того или иного заключенного. Отсюда следует, что организация руководства процессом изучения начальником отряда личности заключенного должна была быть более четко оговорена в Положении РСФСР.

Все остальные мероприятия, направленные согласно ст. 9, 10 указанного Положения на исправление и перевоспитание осужденных, организовывались подразделениями и службами колонии, а начальник отряда или принимал непосредственное участие в их организации, или только обеспечивал их проведение. Кроме того, на научно-практических конференциях, посвященных организации воспитательной работы с заключенными,

начальниками ИТК было высказано предложение о создании единого документа для начальника отряда в виде «Тетради индивидуальной работы с заключенным».

Из анализа нормативных актов, регулирующих деятельность подразделений и служб, а также правовое положение должностных лиц ИТК², следует, что начальник отряда не являлся организатором трудового воспитания, производства и не руководил ими, как и профессионально-техническим обучением и рационализаторской работой. Все эти и многие другие вопросы, связанные с организацией трудового воспитания (обучение специальностям, создание школ передового опыта, переводы заключенных из отряда в отряд по производственной необходимости, расстановка рабочей силы на производстве), были возложены на планово-производственную часть ИТК. Таким образом, начальник отряда только принимал участие в трудовом воспитании в соответствии с планами, предусмотренными планово-производственной частью. Так, в ст. 20 Наставления о работе частей и служб ИТК и обязанностях должностных лиц указывалось, что плановая и производственная части осуществляют организацию трудового воспитания заключенных совместно с заместителем начальника колонии по политико-воспитательной работе и начальниками отрядов³.

Участие начальника отряда в организации, а не сама организация трудового воспитания заключенных нашло отражение в ст. 9 Положения о начальнике отряда в ИТК МВД РСФСР 1962 г. В ней, в частности, отмечалось, что говорилось: совместно с работниками других служб колонии начальник отряда «привлекает всех заключенных к общественно полезному труду, мобилизует их на выполнение производственных заданий, норм выработки, повышение производительности труда, принимает меры к правильной ее организации, организует трудовое соревнование заключенных, изучает и популяризирует опыт передовиков производства, всемерно развивает и

¹ Введена как форма документа в 1962 г. Ее содержание поверхностно отражало вопросы практики изучения личности, в ней отсутствовал раздел психологического анализа личности осужденного. Многие начальники отряда вели ее формально.

² См.: Наставление о работе частей и служб ИТК и обязанности должностных лиц: Приказ ГУМЗ СССР от 25 нояб. 1959 г. № 82.

³ См.: Приложение к указанию ГУМЗ МООП РСФСР от 16–17 авг. 1962 г. № 6/5-618.

поощряет инициативу заключенных в области изобретательства и рационализации».

Исходя из содержания нормативных актов, определяющих организацию режима в ИТК¹, на начальника отряда возлагалась обязанность обеспечения соблюдения режима, поскольку он организуется в масштабе всего учреждения, а не отдельно в каждом отряде. Об этом прямо говорится в ст. 9 Положения об ИТК и тюрьмах МВД СССР²: начальник отряда совместно с работниками других служб обеспечивает строгое соблюдение заключенными порядка и правил поведения, установленных для них Положением и Инструкцией по режиму содержания заключенных. Однако содержание работы начальника отряда по поддержанию режима, по сути дела, сводилось к дисциплинарному или иному воздействию на нарушителей.

Кроме того, к обязанностям начальника отряда относилась деятельность по выявлению лиц, готовящихся к совершению преступления (п. 4 ст. 26 и п. 2 ст. 27 Инструкции по организации и осуществлению надзора за заключенными в ИТК МООП РСФСР и ст. 19 Наставления о работе частей и служб ИТК и обязанностях должностных лиц).

Также, несмотря на то, что в Положениях о начальнике отряда всех союзных республик подчеркивалось, что он является в первую очередь воспитателем, в число его обязанностей было включено, тем не менее, участие в проведении обысков жилых и коммунально-бытовых помещений, закрепленных за отрядом. Со всей очевидностью можно утверждать, что подобного рода функция ничего общего с задачами воспитания не имела и резко подрывала доверие заключенных к начальнику отряда как к воспитателю³.

¹ См.: Инструкция по организации и осуществлению надзора за заключенными в ИТК Министерства охраны общественного порядка (МООП) РСФСР: Прил. к указанию МООП РСФСР от 20 мая 1964 г. № 140.

² См.: Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах МВД СССР: Приказ МВД СССР от 15 дек. 1958 г. № 990; Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах МВД РСФСР: Приказ МВД РСФСР от 11 сент. 1961 г. № 440.

³ См.: Сафонов Д. И. Каждый работник колонии должен быть педагогом // О творческом применении педагогического наследия А. С. Макаренко в работе с заключенными: Материалы метод. конф. (май 1960 г.). М., 1960. С. 25.

Проведение обысков являлось прямой обязанностью надзирательной службы колонии, а никак не начальника отряда. Практика показала, что успехи в укреплении дисциплины и режима среди заключенных достигаются там, где высокая требовательность умело сочетается с вдумчивой, повседневной воспитательной работой⁴. Об этом свидетельствовал положительный опыт работы секций внутреннего порядка по предупреждению нарушений режима и дисциплины со стороны заключенных в ИТК № 5, 6, 15 и других колоний Куйбышевской области⁵.

Таким образом, нормы Положений о начальнике отряда заключенных требовали пересмотра, уточнения и конкретизации.

Поставленная перед ИТК задача исправления и перевоспитания осужденных наиболее успешно могла быть решена только при правильно организованной воспитательной работе с каждым из них. Это положение было закреплено в ст. 1 Положения о начальнике отряда заключенных в ИТК МВД РСФСР 1962 г.: «Поставленная перед исправительно-трудовыми учреждениями... государственной важности задача по перевоспитанию осужденных, возвращению их после отбытия срока наказания к честной трудовой жизни наиболее успешно может быть выполнена при правильно поставленной индивидуальной воспитательной работе с каждым осужденным». В этой связи следует отметить, что наряду с уже имеющимися в арсенале воспитателей формами индивидуальной работы в начале 1960-х гг. стали широко практиковаться беседы и переписка с родственниками осужденного, а также представителями коллектива, в котором он до осуждения работал. Эта помощь порой бывает настолько ценной,

⁴ См.: Щадиев И. Г. Повседневно укреплять дисциплину и режим // Сб. материалов совещания начальников отрядов (19–21 февр. 1963 г.). М., 1963. С. 27; К новой жизни. 1965. № 8. С. 37–38; 1965. № 9. С. 27–28.

⁵ См.: К новой жизни. 1961. № 3. С. 45–46; 1962. № 3. С. 39; 1964. № 1. С. 26–27; 1964. № 4. С. 3; 1965. № 9. С. 27; Сборник материалов совещания начальников отрядов (19–21 февраля 1963 г.). С. 13; Марцев А. И. Строгое соблюдение дисциплины и порядка – обязанность заключенных. М., 1964. С. 9.

что ее не может заменить применение других методов¹.

Библиографический список

1. Положение об отрядах в исправительно-трудовых колониях МВД РСФСР : [утв. приказом МВД РСФСР от 16 авг. 1960 г.].

А. С. Тимошук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России
доктор философских наук

И. А. Ильин и право в традиционном обществе

Одной из самых плодотворных правовых идей известного религиозного философа правоведа И. А. Ильина является его экстенсивное толкование термина «правосознание»: созная свои права, человек должен созная и свои обязанности. В развитие этой мысли мы предложим модель права в традиционном обществе в сравнении с правом в западных демократиях².

На первый взгляд в традиционном обществе не существует билля о правах, скорее там можно найти «билль об обязанностях». Так, в санскрите, древнем языке традиционной ведической культуры, сложно найти адекватный термин для понятия «право», зато там есть понятие предписанной обязанности – «дхарма». Дхарма означает статут, закон; добродетель, нравственность; религию; обязанность, занятие³.

Право в традиционном обществе не сводится, однако, только к нормативному акту. Более внимательное изучение понятия дхармы позволяет понять, что оно также включает в себя и идею права. Человек не только несет ответственность за исполнение своего долга перед обществом (дхарма), но также

2. Положение о начальнике отряда заключенных в исправительно-трудовых колониях МВД РСФСР : прил. к приказу МВД РСФСР от 19 марта 1962 г. № 130.

3. *Рябинин, А. А.* Отрядная система в ИТК (организационные и правовые вопросы) : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1966.

общество не может ему запретить действовать по своей дхарме, в своем качестве.

Дхарма может пониматься как социальная роль. Поэтому у человека существует разнообразие ролей – в статусе курсанта, гражданина, родителя и т. п. Многообразие социальных ролей базируется на четвертичном единстве и различии биологических, социальных, интеллектуальных и духовных потребностей человека.

Во всей иерархии дхармы наивысшее место в ведической культуре занимает дхарма духовной индивидуальности, дхарма любви. Эта высшая дхарма есть то, что в конечном итоге поддерживает все остальные дхармы, она выступает фундаментом, на котором зиждется мир и человеческое общество, что хранит их от хаоса и самоуничтожения. Все остальные (социальные, интеллектуальные, биологические) дхармы возникают как следствие неисполнения человеком высшей своей дхармы – дхармы любви. Высшая индивидуальная дхарма есть не только должное, но и желательное. Это и долг человека, и его право, в этом ее целостность, в отличие от других видов дхармы.

Отказываясь от высшей дхармы, человек обрекает себя многочисленными имманентными обязанностями так же, как свободный гражданин, отказываясь от дхармы уважения прав других граждан, связывает себя административной или уголовной ответственностью.

Осознанное исполнение своей биологической, интеллектуальной и социальной дхармы для приближения к высшему метафизическому долгу возвращает каждого человека к его индивидуальной духовной дхарме. В этом заключается способ существования общества в согласии.

Уклонение человека от исполнения своего долга приводит к утрате настоящих ценностных ориентиров, и как следствие возникает иллюзия возможности обрести

¹ См.: К новой жизни. 1963. № 4. С. 2–5; Сборник материалов совещания начальников отрядов (19–21 фев. 1963 г.).

² Традиционное общество построено на идее раскрытия свободы индивидуальности через призму наследуемых смыслов, ценностей. Западная демократия подходит к раскрытию свободы индивидуальности через обновление смыслов, ситуативную аксиологию.

³ См.: *Monier-Williams P. A.* Sanskrit-English Dictionary. Oxford, 1960.

счастье в преходящем – удовлетворении материальной корысти, власти над себе подобными, сиюминутных чувственных удовольствиях, что отнюдь не является человеческой дхармой и потому неизменно приводит человека к тотальной разочарованности, трагическому саморазладу и в результате – к бессмысленной ожесточенной борьбе с себе подобными, поиску противоестественных средств забвения реальности, жизнеотрицанию и самоуничтожению.

Право и закон симметрично сосуществуют в дхарме. Это позволяет скрепить правоотношения в традиционном обществе. Если в гражданском обществе правоотношение иногда подвергается сомнению¹, так как право лишь регулирует иные связи – экономические, семейные, духовные, то в традиционном обществе любой человек относится в другому через призму своей дхармы, т. е. своего внутреннего права и общественного закона.

Другая важная идея И. А. Ильина относится к его критике западного принципа «формальной демократии». Естественные права, утвержденные в конституциях мировых демократий, нередко носят виртуальный характер (РС *democracy*) – права есть, а возможности ими воспользоваться нет. Права на труд, участие в политической жизни, перемещение подобны таким же виртуальным возможностям, как быть гением или гулять по Луне.

В потребительском обществе не может быть безусловной ценности права. Ценности – это материальная вещь или идеальный объект личной капитализации, накопления, приобретения и обмена. Можно выделить первичные и вторичные ценности. Первичные ценности связаны с самим существованием человека в физическом, интеллектуальном, социальном или духовном плане. Ценности физического плана бытия – это, прежде всего, жилище, пища, одежда. К ценностям интеллектуального плана бытия человека относятся знание и различные способности человека в области приобретения, сохранения и передачи знания. Социальные ценности включают в себя семью, дружбу, общение, любовь. В качестве

примера духовных ценностей можно назвать спасение души, любовь к Богу.

То, что помогает нам в достижении, поддержании и обмене первичными ценностями также невольно вовлекается в аксиосферу: труд и его организация, орудия труда, транспорт и связь, управление, государство, мораль, экономика, образование, медицина. Право также можно отнести к системе вторичных ценностей, так как оно выступает гарантом безопасности экономических, производственных, семейных и прочих отношений.

Вторичные ценности технологичны, они суть средство в достижении первичных ценностей. В отсутствие первичных ценностей вторичные перестают нести аксиологическую нагрузку. Их ценность сродни ценности упаковки товара – без товара красивая упаковка теряет свою ценность.

Иная ситуация в традиционном обществе, где субъективное право и объективный закон существуют неразрывно в понятии дхармы. Дхарма начинает четвертичную ось ценностей, вокруг которого вращается ведическое общество: дхарма, артха, кама и мокша. Дхарма – это ценность исполнения своих обязанностей в обществе, артха – это материальные ценности, кама – социальные, а мокша – духовные.

Гражданское общество порождает асимметрию правовых отношений: личность утверждает приоритет индивидуального естественного права, а государство – необходимость закона. В традиционном обществе дхарма является как индивидуальным, так и государственным понятием. Иначе говоря, дхарма может быть как индивидуальной, так и общественной.

Значение философии права И. А. Ильина заключается в том, что он подошел к раскрытию специфики правосознания, терминируя его как «живое», т. е. диалектичное, пластичное, нелинейное.

Библиографический список

1. Ильин, И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/il/02/01.html>.
2. Ильин, И. А. О грядущей России / И. А. Ильин. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/ilin_gosforma.html.
3. Тимошук, А. С. Традиционная культура: сущность и существование : дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2007.

¹ См.: Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980. С. 30, 44, 93, 101–102.

Д. В. Фетищев,
*заместитель проректора
Дипломатической академии МИД РФ*

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА ПЕТРА I И ЕЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В XVII столетии в России начинается процесс централизации государственной власти, в результате чего усиливается значение центральных органов, прежде всего приказов, в организации судопроизводства. По своему составу приказы представляли собой коллегиальные учреждения. В их аппарат входили: возглавлявший приказ боярин, окольничий или думный дворянин «со товарищи», а также дьяки, подьячие и «пристава» – недельщики, заводчики и т. д. Особую роль играл Разбойный приказ (1539–1701 гг.). Его функции заключались в том, чтобы отдавать распоряжения губным старостам, утверждать их в должности, получать от них отчеты и решать те дела, которые не могли быть решены на местном уровне. Кроме того, в ведении Разбойного приказа находились важнейшие уголовные дела (воровство, разбой с личным и т. д.), требующие допроса через пытку. Они направлялись в приказ или по докладу местных властей, или непосредственно, как в суд первой инстанции.

Высшим судебным органом в XVII в. была Боярская дума, рассматривавшая в числе других подведомственных ей дел и судебные, которые поступали к ней или по распоряжению царя, или в общем порядке, причем окончательное решение наиболее важных дел зависело от верховной власти. Во второй половине XVII в. при Боярской думе в качестве самостоятельного судебного установления была учреждена Расправная палата, куда поступали дела, не подлежавшие окончательному рассмотрению приказов. Однако наиболее важные из их числа должны были по-прежнему докладываться царю, продолжавшему сохранять за собой власть высшей ревизионной инстанции. Расправная палата являлась одним из наиболее жизнеспособных образований Московской Руси. Она просуществовала вплоть до 1718 г., когда в ходе петровских реформ начали действовать новые принципы организации судебной власти.

Период конца XVII – первой четверти XVIII в. ознаменовался серией реформ Петра Великого, направленных на модернизацию экономической и социально-культурной жизни в стране и ставших продолжением преобразований, начатых его предшественниками на престоле – Алексеем Михайловичем и Федором Алексеевичем. Однако в военной, финансовой, церковной сферах и сфере государственного управления Петр I провел их более решительно, продуманно, последовательно. Подлинным новатором он выступил в реформе суда, здесь он действовал достаточно смело, предприняв первую попытку его отделения от администрации.

Проведенные в первой четверти XVIII в. реформы аппарата управления и суда, сопровождавшиеся созданием новых органов для отправления правосудия, можно подразделить, по нашему мнению, на два этапа.

Первый этап начинается на рубеже XVII–XVIII вв. и продолжается до конца второго десятилетия XVIII в. – вплоть до утверждения коллегий.

Во главе судебной системы стоял царь. Его роль в отпращивании правосудия по сравнению с прошлым столетием значительно усилилась. Если раньше царь решал наиболее важные дела совместно с Боярской думой, то с укреплением абсолютизма все сложные дела поступали из Сената на его утверждение. В качестве верховного судьи царь единолично разбирал многие дела по своему усмотрению.

Исключительной прерогативой царской власти было право помилования. При этом Петр I лишил духовенство права пожалования (т. е. заступничества, подачи жалоб или прошений царю о помиловании кого-либо).

Высшим судебным органом, следующим после царя, являлся Сенат, созданный в 1711 г. и ставший с 1718 г. высшей апелляционной инстанцией¹. С учреждением Сената была окончательно ликвидирована Боярская дума. По мнению большинства до революционных русских исследователей, между двумя этими органами существовала преемственная связь. Сенат в значительной

¹ См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.: В 16 т. СПб., 1830 (далее: ПСЗ). Т. 4, № 2321, 2330.

мере воспринял компетенцию Боярской думы. Однако если деятельность последней основывалась преимущественно на обычном праве, то деятельность Сената была строго регламентирована законом.

Первоначально Сенат состоял из девяти сенаторов, назначаемых царем, и представлял собой одно общее присутствие. В состав Сената перешла Расправная палата, ставшая, по сути, его судебным департаментом. Основная задача Расправной палаты заключалась в рассмотрении доношений фискалов и челобитных на незаконные действия и решения местных органов управления и суда.

На первом этапе реформ Петра I роль центральных судебных органов продолжала осуществлять приказы, в организацию и деятельность которых были внесены бюрократические элементы. Однако даже в обновленном виде они не могли соответствовать усложнившимся задачам управления и возросшей роли суда, а потому были ликвидированы в ходе второго этапа административных реформ.

Кроме того, Петр I изменил систему местных судебных органов. Их реорганизация началась в 1702 г. с упразднения губных учреждений и передачи их функций воеводам. При воеводах были созданы выборные дворянские советы, с которыми им предстояло совместно решать все порученные дела, в частности, судебные. Однако воеводы не оправдали ожиданий правительства, что привело к новой попытке организации местного судебного аппарата.

Областная реформа была начата указом Петра I от 18 декабря 1708 г., в соответствии с которым страну разделили на восемь губерний: Московскую, Ингерманландскую, переименованную в 1710 г. в Санкт-Петербургскую, Киевскую, Смоленскую, Архангельскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую¹.

В связи с сохранявшейся нераздельностью органов управления и суда административно-территориальное деление отождествлялось с распределением по судебным округам. Глава губернии – губернатор осуществлял и судебные функции. В 1713 г. при нем учреждались ландраты²,

вместе с которыми он коллегиально решал все дела, в том числе и судебные³. По указу от 20 января 1714 г. ландратов должны были выбирать провинциальные дворяне⁴, а с 1716 г. их стал назначать Сенат. Учреждение ландратов являлось попыткой Петра I привлечь российских дворян к выборной службе, однако эти органы просуществовали всего два года.

Кроме того, согласно штатам 1715 г. при губернаторе для выполнения судебных функций вводилась должность ландрихтера, хотя его полномочия не были четко определены в законе. По-видимому, предполагалось, что он станет низшей судебной инстанцией в губерниях преимущественно по спорным земельным искам.

Таким образом, на первом этапе судебно-административных реформ правительству Петра I не удалось создать «регулярно» организованной общей судебной системы, вместе с тем были проведены первые попытки отделения суда от управления путем формирования специальных судебных органов – ландрихтеров и установления судебно-административных инстанций. Если для предшествующих этапов развития феодального суда было характерно деление органов управления и суда на высшие, центральные и местные, то указом от 17 марта 1714 г. создаются судебные инстанции. В частности, данным указом повелевалось подавать челобитные в городах комендантам, жаловаться на комендантов – губернаторам, а на губернаторов – Сенату.

Второй этап реформ Петра I в области судостроительства связан с реорганизацией центрального правительственного аппарата, а потому началом его можно считать 1717–1718 гг., когда взамен приказов было решено учредить коллегии⁵. Они строились по единому принципу разделения отраслей управления, усиливая тем самым централизацию государственного аппарата. Коллегии обладали единообразными штатами, четким разграничением обязанностей, выполняли предписанные им функции на всей территории страны.

¹ См.: ПСЗ. Т. 4, № 2218.

² Ландрат – нем. Landrat, от Land – страна и Rat – совет, советник.

³ См.: Кавелин К. Д. Собрание сочинений: В 4 т. Спб., 1898. Т. 3. С. 359.

⁴ См.: ПСЗ. Т. 5, № 2673.

⁵ См.: там же, № 3129, 3197, 3255.

В отличие от приказов, деятельность которых основывалась преимущественно на принципе единоначалия, дела в коллегиях должны были решаться коллегиально. В указе от 22 декабря 1710 г. подчеркивалось преимущество коллегиального управления и суда по сравнению с приказным: «Президенты и председатели не такую мочь имеют, как старые судьи: делали, что хотели. В коллегиях президент не может без соизволения товарищей ничего учинить»¹. Кроме того, в регламенте, или уставе, Духовной коллегии отмечалось, что в коллегиях «не обретается место пристрастию, коварству, лихоимному суду», что истина лучше отыскивается «соборным сословием, нежели единым лицом», что скорее «по уверению и повиновению преклоняет приговор соборный, нежели единоличный указ» и что коллегия «свободнейших дух в себе имеет к правосудию: не тако бо, яко же единоличный правитель гнева сильных боится»². Разумеется, в условиях абсолютной монархии, характеризующейся тенденцией бюрократизации аппарата, живучестью обычаев местничества (хотя и отмененного юридически в 1682 г.³, но на практике существующего), принцип коллегиальности соблюдался далеко не всегда и члены коллегии нередко поддерживали мнение президента. Петр I пытался ввести демократические начала в процедуру решения дел, предлагая обсуждать последние и высказывать суждения по званию, однако на практике этот принцип встречал сильное сопротивление родовитых сановников и знатных чинов. В результате в течение XVIII в. принцип коллегиальности в управлении и решении дел постепенно утрачивал свою значимость, к концу века он практически изжил себя и в начале XIX в. с учреждением министерств был заменен принципом единоначалия.

Система коллегий создавалась постепенно. Первоначально в соответствии с указом

от 14 декабря 1717 г. было создано 9 коллегий: Иностранных дел, Камер-коллегия, Юстиц-коллегия, Ревизион-коллегия, Военная коллегия, Адмиралтейская коллегия, Берг-коллегия, Мануфактур-коллегия, Штатс-контор-коллегия. Последующие изменения выразились как в частичной реорганизации учрежденных, так и в создании новых (Малороссийской, Коммерц-коллегии и на правах коллегий – Главного Магистрата и Синода). Всего к концу царствования Петра I было создано 13 коллегий⁴.

Деятельность коллегий как части бюрократического государственного аппарата была детально регламентирована. Часть из них имела собственные инструкции и регламенты, или уставы, а другие (Военная, Вотчинная, Малороссийская и Юстиц-коллегия) действовали на основе Генерального регламента⁵.

Все коллегии наряду с административными выполняли и судебные функции в отношении собственных служащих в случае совершения ими преступлений небольшой тяжести. Некоторые коллегии обладали специальной судебной компетенцией.

Данные учреждения являлись средней судебной инстанцией, подчиненной Сенату, который осуществлял контроль за их деятельностью. С 1718 г. Сенат стал высшей апелляционной инстанцией, рассматривающей жалобы на решения Юстиц-коллегии, Поместного приказа и других судебных мест. В качестве суда первой инстанции он рассматривал дела о политических преступлениях высших должностных лиц. Решения Сената не подлежали обжалованию и могли быть отменены только царем – высшим судьей государства. Следует отметить, что в этот период изменились структура и состав Сената. В продолжение первых двух десятилетий XVII в. Сенат составлял одно присутствие, а позднее был разделен на департаменты. Значение Сената в рассматриваемый период петровских реформ было весьма велико. Некото-

¹ ПСЗ. Т. 5, № 3261.

² Там же. Т. 6, № 3718.

³ См.: Соборное деяние об уничтожении местничества. 12 января 1682 г. // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М., 1984–1994. Т. 4. С. 35–45. Одним из элементов местничества было правило: «Чин чина почитай, а меньшей садись на край» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1965. Т. 4. С. 355).

⁴ Подробнее о коллегиях см.: Сыромятников Б. И. Регулярное государство Петра I и его идеология. М.; Л., 1943; Стешенко Л. А., Софроненко К. А. Государственный строй России в первой четверти XVIII века. М., 1973.

⁵ См.: ПСЗ. Т. 6, № 3534.

рые исследователи даже приписывают ему законодательные функции¹.

Началом реформы суда можно считать 1718 г., когда правительством Петра I была проведена следующая попытка создания особых судебных органов, отдельных от административных, путем учреждения должности обер-ландрихтера губернии, который должен был возглавлять систему нижестоящих ландрихтеров. Однако компетенция обер-ландрихтеров и ландрихтеров законом четко не определялась. Им предлагалось при решении наиболее серьезных и спорных дел обращаться за инструкциями в Юстиц-коллегию (вышестоящую над ними судебную инстанцию). По-видимому, учреждением должности обер-ландрихтера правительство рассчитывало усилить независимость судебной власти от административной. Если первоначально ландрихтеры создавались при ландратских коллегиях, непосредственно подчиненных губернатору, то теперь система специальных местных судебных органов должна была состоять из двух инстанций. В частности, предусматривалась следующая структура местного суда: 1) обер-ландрихтер – главный судья губернии, имеющий ланд-секретаря; 2) ландрихтер – уездный судья, а при нем – ланд-шрейбер. Подобную организацию планировалась ввести с 1719 г.² Однако в этом году вместо ландрихтеров в ряде губернских городов (Санкт-Петербурге, Москве, Казани, Курске, Ярославле, Воронеже, Нижнем Новгороде, Смоленске и Тобольске) были созданы надворные суды, или гофгерихты, также заимствованные из шведской судебной системы и первоначально подчинявшиеся обер-ландрихтерам. Причины отказа правительства от устройства ландрихтерских судов и время, когда они были ликвидированы, неизвестны. Последний раз законодательство упоминает о них в 1719 г.³ По-видимому, необходимость в них отпала в связи с созданием в

1718–1720 гг. нижних и городских судов, которым было поручено решение спорных исковых и поземельных дел, так как последние составляли раньше компетенцию ландрихтеров.

Таким образом, в 1718 г. образовывалась новая судебная система, состоявшая из двух единообразных судебных инстанций, а именно: надворного суда и городского, или нижнего, суда, непосредственно подчиненных Юстиц-коллегии. Последний по-разному назывался в законодательстве: уездный, земский, нижний или нижний городской, провинциальный суд⁴. Там, где новые суды не были созданы, их функцию выполняли соответственно воеводы, губернаторы, вице-губернаторы, обер-ландрихтеры, ландрихтеры и городские судьи⁵.

Надворный суд составлял вторую высшую областную судебную инстанцию, причем ему были подсудны дела нескольких губерний, по примеру гофгерихтов в Швеции. Тем самым как бы создавались особые судебные округа, не совпадающие с административно-территориальным делением страны. Вместе с тем надворный суд являлся судом первой инстанции для города или уезда, в котором он был расположен. Там, где не были учреждены надворные суды, их функции выполняли губернаторы⁶.

Такова была система общих областных местных судов, созданная Петром I. Сделать суды полностью независимыми от администрации не удалось. Вместо этого были сформированы специальные органы, ведавшие отправлением правосудия. Отношения между судебной и административной властью определялись тем, что воеводы и губернаторы не обладали правом решать спорные гражданские дела⁷. Они только контролировали деятельность судей, пресекая задержки дел и нарушения правил делопроизводства, а также принимали жалобы на действия судей, направляя их в надлежащие инстанции для рассмотрения⁸. Воеводы и губернаторы обладали правом самостоятельного обжалования су-

¹ Эту мысль выдвинул С. Петровский в своей работе «О Сенате в царствование Петра Великого» (СПб., 1875. С. 237). Аналогичную точку зрения высказал М. Ф. Владимирский-Буданов в работе «Обзор истории русского права» (Киев, 1905).

² См.: ПСЗ. Т. 5, № 3244.

³ См.: там же, № 3253.

⁴ См.: там же. Т. 6, № 3577, 3979.

⁵ См.: там же. Т. 5, № 3453; Т. 6, № 35, 37.

⁶ См.: там же.

⁷ См.: там же. Т. 6, № 3917.

⁸ См.: Кавелин К. Д. Указ. соч. Т. 3. С. 364.

дебных решений и являлись органами, исполняющими данные решения¹.

Таким образом, в ходе реформ Петром I были созданы две системы отдельных инстанций: сначала судебно-административная (коменданты, городовые и провинциальные воеводы-губернаторы), а в 1717 г. – судебная (судьи и городовые провинциальные суды – надворные суды). В 1722 г. был ликвидирован институт городских судей, а их компетенция передана воеводам, т. е. вновь произошло слияние судебной и административной властей (притом, что в других городах, где действовали городовые и провинциальные суды, сохранялось разделение властей). Это привело к «нерегулярности» в областной системе рассматриваемого периода, нарушило ее организацию и иерархию присутственных мест, запутало порядок принесения апелляционных жалоб. Следствием чего стали замедление делопроизводства в судах, скапливание дел, неудовлетворительное их решение, а впоследствии – отказ от созданной Петром I системы общих местных судебных органов.

Кроме того, помимо указанной системы Петр I в первой половине XVIII в. образовал «особенные» суды: городские, военные и церковные². Однако он не предусмотрел новых специальных крестьянских судов, поскольку гражданские дела крестьян стали подсудны комендантам и ландратам, поначалу заменившим воевод, т. е. различные категории крестьянства подлежали суду тех

органов управления, в ведомство которых входили. Так, помещичьи и вотчинные крестьяне (эти категории при Петре I были соединены в одну) подлежали суду помещика или вотчинника, за исключением случаев особо тяжких преступлений. Причем феодалы могли устраивать в своих владениях локальные органы управления и суда, аналогичные органам мирского самоуправления, а также поручать выполнение судебных функций приказчикам. Крепостники действовали в этой области произвольно, поскольку она не регламентировалась законодательством, предоставляя в этом отношении собственнику дискреционную власть.

Итак, в эпоху правления Петра I начинается новый период в развитии судебных законов. Не преследуя задачи отделения суда от администрации, Петр I создает органы, круг ведомства которых ограничивается судебными делами. Данные органы имеют относительно определенную взаимную инстанционную связь.

Библиографический список

1. *Ефремова, Н. Н.* Судостроительство в России в XVIII – первой половине XIX в. (историко-правовое исследование) / Н. Н. Ефремова. – М., 1993.
2. *Кавелин, К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3 / К. Д. Кавелин. – СПб., 1898.
3. *Сыромятников, Б. И.* Регулярное государство Петра I и его идеология / Б. И. Сыромятников. – М.; Л., 1943.

В. А. Шагаев,

*доцент кафедры теории и истории
государства и права*

*Военно-технического университета
при Федеральном агентстве Специального
строительства Российской Федерации*

ИЗМЕНЕНИЕ ВОЕННО-СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В ХОДЕ РЕФОРМЫ 1867 ГОДА

Начало второй половины XIX в. занимает особое место в истории России. Проведенные в этот период преобразования по

масштабу сравнимы с реформами Петра I. Они, как известно, оказали огромное влияние на развитие государственных и общественных отношений. Все они были вызваны изменившимися условиями общественного развития России и в первую очередь потребностями экономического развития.

Последней предпосылкой для реформ явилось поражение России в Крымской войне 1853–1856 гг. Война показала не только политическую, экономическую и военную слабость России, но и невозможность сохранения старой феодально-крепостнической системы. Обострение после войны классовых противоречий внутри страны и сложная международная обстановка заставили правительство отменить крепостное право и провести другие ре-

¹ См.: ПСЗ. Т. 6, № 2135; Т. 5, № 3294.

² См.: *Ефремова Н. Н.* Судостроительство в России в XVIII – первой половине XIX в. (историко-правовое исследование). М., 1993.

формы: финансовую, земскую, городскую, полицейскую, военную, судебную, образовательную и др. Среди них важное место занимает военно-судебная реформа.

Ее проведение было обусловлено рядом причин. Во-первых, она явилась логичным развитием реформы общего судопроизводства 1864 г., частичной реализацией заложенных в нее принципов в военном судопроизводстве: переход от инквизиционного процесса к состязательному, реализация права подсудимого на защиту, повышение профессионализма судей, отделение суда от администрации, свободная оценка доказательств. Во-вторых, новая система военных судов должна была соответствовать изменениям, происходившим в российской армии в рамках военной реформы, обеспечить поддержание требуемого уровня воинской дисциплины при переходе от рекрутской системы комплектования к всеобщей воинской повинности. В-третьих, нарастала революционная ситуация, среди средств борьбы с которой важное место занимали военные суды.

Военно-судебная система сложилась еще при создании регулярной армии Петром I. Ее правовыми основами было «Краткое изображение процессов и судебных тяжб» (часть III Воинского устава)¹. Этот нормативный акт применялся без каких-либо изъятий и ограничений во всей российской армии и в отношении всех военнослужащих, находящихся на территории всего централизованного государства.

«Краткое изображение процессов и судебных тяжб» было первым русским законодательным актом, заключающим в себе подробное изложение цивилизованных правил судопроизводства. Указанный нормативный акт, как и Воинский артикул, действовал в военном ведомстве до издания Военного уголовного устава 1839 г. Многие ценные положения анализируемого акта вошли позднее в состав как Свода законов 1832 г., так и Военного уголовного устава 1839 г. Таким образом, они сохраняли свою действенность как в военных, так и в гражданских судах вплоть до судебной реформы 1864 г.

¹ См.: Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М., 1986. Т. 4.

Указанный нормативный акт фактически установил основу всего отечественного судопроизводства. Им закреплялась система судебных органов, состоящих из военных и невоенных (гражданских) судов.

Военные суды (кригсрехты²), в свою очередь, подразделялись на генеральные и полковые (верхний и нижний). В соответствии с гл. 50 Воинского устава они являлись судами верхней (т. е. окончательной) инстанции, но отличались полномочиями в зависимости от характера дела и служебного положения сторон.

Генеральному суду по первой инстанции были подсудны дела о государственных преступлениях и деяниях, совершенных целыми частями и подразделениями, а также гражданские и уголовные дела, касающиеся высокого офицерства (генералов и штаб-офицеров³). Полковому суду – все остальные гражданские дела и дела об уголовных преступлениях, совершаемых нижними чинами и обер-офицерами⁴. Военному суду – дела не только военнослужащих, но и всех других лиц, состоящих при войске, по уголовным и гражданским делам.

В состав суда входили президент (председатель) и ассесоры (заседатели). При каждом суде был технический персонал: секретарь (или протоколист), адъютант (исполнявший обязанности судебного пристава).

Таким образом, военный суд уже тогда являлся коллегиальным органом. Он состоял из «честных особ», т. е. лиц, не опорооченных в глазах общества и государства. Свои полномочия по каждому конкретному делу суд получал от военно-административного органа: «Суд всегда из некоторого числа честных особ сочинен бывает, которым от высокого начальства власть и мощь во управлении правосудия дана»⁵.

Коллегиальные суды действовали в количестве 13 человек. В силу объективной затруднительности созыва полного состава суда допускались заседания и в сокращен-

² Кригсрехт (Kriegsrecht) в переводе с немецкого языка – военное право.

³ Штаб-офицерами по Табели о рангах считались капитаны, майоры, подполковники и полковники.

⁴ Обер-офицеры – офицеры в званиях от подпоручика до штабс-капитана.

⁵ Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. С. 408.

ном виде (в количестве семи человек). Однако в любом случае состав суда назначался персонально для каждого случая.

Председательствующие в военных судах назывались президентами, или презусами. Последнее название применялось на практике. В генеральном суде председательствовал фельдмаршал или генерал. Презус (президент) полкового суда назначался из числа полковников или даже подполковников и майоров (гл. 50 Воинского устава).

В состав шести ассессоров генерального суда назначались два генерал-поручика, два генерал-майора, два бригадира или полковника. Вместо генералов могли быть назначены штаб-офицеры. В состав шести ассессоров полкового суда – два капитана, два поручика и два прапорщика. Если суд заседал в составе 12 ассессоров, то в их состав дополнительно назначались два сержанта, два капрала и двое рядовых.

Члены суда назначались вышестоящим начальником или президентом суда, если ему это специально поручалось начальником.

Ввиду того что судьями в военных судах являлись не юристы, а строевые командиры, к суду назначался аудитор (специалист-юрист), призванный оказывать им помощь в правосудии. Аудитор и секретари судебных заседаний (писари) в Уставе названы «юридическим элементом в военном суде». Аудитор не являлся членом суда. Он должен был наблюдать за правильным ведением судопроизводства и следить за беспристрастностью суда. В отличие от судей функции аудитора исполняли штатские должностные лица.

Кроме военных судов, собираемых для рассмотрения каждого дела в полках, согласно постановлению гл. 50 первой части Воинского устава, в Москве по Указу от 15 февраля 1723 г. был учрежден постоянный нижний суд¹, который занимался преимущественно рассмотрением дел об уклонениях от военной службы военнослужащих, задержанных в Москве и вблизи ее. Положение этого суда было особое. Презус суда назначался из числа членов Военной коллегии, состоявший в чине бригадира.

¹ Об учреждении в Москве постоянного нижнего Военного суда: Указ от 15 февраля 1723 г. // ПСЗ. Т. VII. № 4166.

Также назначались два ассессора из числа полковников и обер-аудитор. По своему составу суд был близок к генеральному военному суду, отличался только числом ассессоров (их было меньше). Подобный суд в последующем несколько раз создавался и ликвидировался и в Санкт-Петербурге².

Кроме генерального и полкового судов, существовал еще суд скорорешительный (Воинский устав, гл. 50, арт. 4). Учреждался он только в походах и при осаде крепости неприятелем, т. е. в боевой обстановке. Положения Воинского устава о процедуре скорорешительного суда, как и Краткого артикула, отличаются крайней неясностью: в Уставе не были определены ни состав суда, ни подсудность дел, ни порядок судопроизводства.

Одно из главных изменений в судоустройстве, установленное Воинским уставом, состояло в том, что Военная коллегия, преобразованная из Военной канцелярии в 1717 г., получила значение высшего военно-судебного органа. По Указу от 5 марта 1719 г.³ в Военную коллегию направлялись все приговоры военных судов о наказаниях в виде смертной казни. Приговоры в отношении нижних судов коллегия утверждала сама, а относительно офицеров – представляла царю.

Данная система военных судов, несмотря на периодические попытки приемников Петра I внести некоторые новшества, практически осталась неизменной до военно-судебной реформы 1867 г. Только в период войны 1812 г. военное судоустройство и судопроизводство определялись специальными нормативами: Полевым военным уложением и Уставом полевого судопроизводства⁴.

Значительные изменения произошли в середине XIX в. Военным судам стали подсудны дела не только всех военнослужащих и гражданских чинов, занимающих должности в войсках, но и значительной части других категорий граждан.

² См.: Петухов Н. А. Социально-правовые проблемы становления и развития системы военных судов в России. М., 2003. С. 189.

³ См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. V. № 3316.

⁴ См.: там же. Т. 31 (1810–1811). № 24975; Устав полевого судопроизводства. СПб., 1812.

Суды были непостоянными, не профессиональными и полностью зависели от военной администрации. Командир-единоначальник назначал состав суда и утверждал приговор, он вправе был изменить или отменить решение суда, в связи с чем судебные постановления часто не действовали.

К началу эпохи Великих реформ недостатки законодательства о военных судах (непостоянный состав, отсутствие профессионализма и полная зависимость от военной администрации) стали очевидны.

Формально работа над проектом военно-судебной реформы началась 29 октября 1859 г., когда военный министр велел приступить к составлению нового Военно-судебного устава, фактически же – с ноября 1862 г. В основу были положены следующие требования, сформулированные в январе 1862 г. новым военным министром Милютиным.

1. Установить в центральных местах расположения войск постоянные военно-судные комиссии (суды), в случае утверждения территориальной системы управления войсками (т. е. создания военных округов), эти комиссии (суды) учредить при военно-окружных управлениях.

2. Для надзора за предварительным расследованием дел и подготовкой их к слушанию при судах учредить должность прокурора.

3. Предоставить судам полную самостоятельность, а их приговоры изъять из-под контроля военного начальства и подвергать ревизии генерал-аудиториата только по протесту прокурора или жалобе подсудимого на несоблюдение формы судопроизводства или на неправильное применение закона при производстве дела.

4. Апелляционный порядок пересмотра дела заменить на кассационный (генерал-аудиториат должен быть лишен права выносить окончательное решение по делу, а в случае отмены приговора дело передается на новое рассмотрение в другой суд).

5. Реализовать право подсудимого на защиту путем личной дачи пояснений или через защитника. При отсутствии у подсудимого защитника он может назначаться судом.

6. Письменное производство судебного разбирательства заменить на устное и личное.

7. Изыскать способы и средства для подготовки в частях из строевых офицеров следователей, дав им необходимые теоретические знания и практические навыки, и предоставить право занимать должности членов военных судов¹.

Проект был готов уже в апреле 1863 г., однако остался на бумаге до начала реформы общих судов. В соответствии с Основными положениями преобразования военно-судебной части, утвержденными Александром II 25 октября 1865 г.², в проект были внесены изменения и дополнения. Специальное постановление о военных судах в виде нового Военно-судебного устава (далее: устав)³ было утверждено царем 15 мая 1867 г.

Данный нормативный акт состоял из пяти разделов.

В первом разделе (ст. 1–212 устава), включавшем 13 глав, были изложены общие принципы военного судостроительства, принципы и порядок организации полковых и военно-окружных судов, Главного военного суда и военной прокуратуры; порядок назначения, увольнения и перемещения должностных лиц военно-судебного ведомства и их права; порядок надзора за военно-судебными учреждениями и условия ответственности должностных лиц военно-судебного ведомства, правила устройства военно-судебных мест и порядок их взаимоотношений с другими ведомствами, положение о лицах, состоящих при военно-судебных местах (защитниках и кандидатах на должности по военно-судебному ведомству).

Второй раздел (ст. 213–263) состоял из 4 глав и содержал общие принципы и вопросы, связанные с подсудностью дел военным судам.

Третий раздел включал 6 глав (ст. 264–1073 устава) и содержал нормы о порядке производства дел в различных военных судах, включая предварительное следствие и порядок проведения процессуальных действий, кассационного производства и исполнения приговоров.

¹ См.: ЦГВИА, ф. 1(л), оп. 2, д. 1, л. 42–43.

² См.: Сборник законодательных работ по составлению Военно-судебного устава. СПб., 1867. С. 218–271.

³ См.: Свод Военных постановлений 1869 г. Кн. 24.

Четвертый раздел включал 6 глав (ст. 1074–1077 устава) и содержал изъятия из общих правил военно-уголовного судопроизводства: о судопроизводстве по уголовным делам с участием духовного ведомства, по государственным преступлениям, должностным преступлениям лиц военно-судебного ведомства, делам смешанной подсудности (военной и гражданской), а также по нарушениям разных частей административного управления и законов о печати.

Пятый раздел «Суд в военное время» включал 3 главы (ст. 1196–1242 устава) и содержал отличия от правил судостроительства и судопроизводства в мирное время.

Военно-судебным уставом 1867 г. была установлена новая система органов правосудия в армии, состоящая из полковых судов, военно-окружных судов и Главного военного суда. Устав определял, что судебная власть в военном ведомстве принадлежит указанным судам, которые должны были учреждаться и действовать как коллегияльные¹.

Полковые и военно-окружные суды являлись судами первой инстанции. Они предназначались для рассмотрения и решения дел по существу.

Полковые суды учреждались при каждом полку и других частях войск, командиры которых пользовались правами командира полка. Суды эти носили название тех частей войск, при которых они состояли. Полковые суды назначались командиром полка в составе председателя (штаб-офицера) и двух членов (обер-офицеров). Штаб-офицерами являлись капитаны, подполковники, полковники; обер-офицерами – поручики, штабс-капитаны.

Председатель назначался сроком на один год, члены суда – на шесть месяцев. Все они должны были иметь стаж службы на строевых должностях не менее двух лет и, как правило, не освобождались от выполнения своих прямых служебных обязанностей².

Полковым судам были подсудны дела о преступлениях только нижних чинов, за которые предусматривались исправитель-

ные наказания (не свыше одного года и четырех месяцев заключения в крепости или тюрьме, без лишения прав и преимуществ и денежные взыскания не свыше 100 руб.)³.

Военно-судебным уставом предусматривалась организация военно-окружных судов также в качестве судов первой инстанции по делам, не подлежавшим ведению полковых судов. Военно-окружным судам были подсудны дела о генералах, штаб- и обер-офицерах и чиновниках военного ведомства; преступлениях нижних чинов, за совершение которых предусмотрены наказания более строгие, чем мог назначить полковой суд, либо о преступлениях, совершенных совместно с гражданскими лицами, против военной службы; преступлениях и проступках нижних чинов, если вместе с обвинением по делу заявлен гражданский иск на сумму свыше 100 руб., либо за совершенное преступление предусмотрено денежное взыскание свыше 100 руб.⁴

Военно-окружным судам были подсудны все дела о «государственных преступлениях» военнослужащих, а в местностях, где было введено военное положение, также дела и в отношении гражданских лиц⁵.

Таким образом, военно-окружные суды занимали важное положение в военно-судебной системе России. С учетом этого были установлены их структура, состав и порядок замещения в них судебных и иных должностей.

Военно-окружные суды создавались командующими в каждом военном округе и состояли из постоянных и временных членов. К числу постоянных членов принадлежали председатели, военные судьи и военные следователи. Постоянные (коронные) судьи являлись, как правило, штаб-офицерами (но могли иметь и генеральское звание), имеющими юридическое образование. Кроме того, в число постоянных судей вводился один чиновник из военного ведомства, получивший юридическое образование.

Обязанности председателей военно-окружных судов должны были исполнять только военнослужащие (генералы)⁶. Пред-

¹ См.: Военно-судебный устав 1867 г. Ст. 1–7.

² Там же. Ст. 8–26.

³ См.: там же. Ст. 264–274.

⁴ Там же. Ст. 244–252, 254–259.

⁵ Там же. Ст. 1099–1126, 1213–1217.

⁶ Там же. Ст. 31–47.

седатели военно-окружных судов, военные судьи и военные следователи подбирались военным министром и назначались приказом царя¹.

Военными следователями, делопроизводителями, секретарями и их помощниками назначались лица, окончившие курс юридических наук или доказавшие на службе свои «познания» по судебной части. Число постоянных судей в различных военных округах было неодинаковым и зависело от судебной нагрузки. Должности секретарей военно-окружных судов и их помощников комплектовались председателями этих судов и назначались военным министром².

Устав определял, что на должности председателей военно-окружных судов должны были назначаться военные судьи и военные прокуроры, а на должности военных судей – военные следователи, помощники военных прокуроров и чины Главного военно-судебного управления³.

Таким образом, все оперативные работники военно-окружных судов назначались главой государства – царем, а остальные – военным министром.

Временные члены военно-окружных судов назначались из войск на шесть месяцев в количестве шести офицеров: двух штаб-офицеров и четырех обер-офицеров.

Временными членами суда могли быть офицеры, прослужившие в армии не менее восьми лет, из которых четыре года – на строевых должностях (командиром эскадрона, роты, взвода). Они назначались приказом командующего войсками округа, о чем объявлялось войскам округа и сообщалось председателю суда. На время пребывания в суде они освобождались от своих служебных обязанностей⁴.

Главными задачами военно-окружных судов являлось рассмотрение уголовных дел по первой инстанции, осуществление судебного надзора за полковыми судами и осуществление надзора за должностными лицами, состоящими при суде: секретарями и их помощниками, военными следователями, кандидатами на судебные должности

и лицами, выполняющими технические функции⁵.

Рассмотрение дел по первой инстанции проводилось в составе постоянных судей и шести временных членов суда. В заседании обязательно участвовал военный прокурор (или его помощник) и защитник из кандидатов на судебные должности или присяжных поверенных гражданского ведомства, а также секретарь суда или его помощник.

В случае предания суду командира полка или лица, ему равного, в качестве временных членов в суде не могли принимать участие подчиненные ему офицеры. Кроме того, председатель суда был старше «чином» подсудимого или хотя бы в равном чине, но старше по должности. При предании суду генерала или лица, занимающего равную должность, председатель суда назначался царем из числа членов главного военного суда. Членами такого суда по распоряжению министра обороны являлись два генерала, по распоряжению командующего округа – два генерала или два штаб-офицера и два штаб-офицера из числа временных членов военно-окружного суда⁶.

Кроме организации постоянно действующих военно-окружных судов Военно-судебный устав допускал в пунктах, удаленных от места нахождения военно-окружного суда, открытие временных военных судов. Они открывались по усмотрению командующего войсками округа с учетом дислокации войск и наличия готовых к слушанию дел. В рассмотрении дел они имели равные права с военно-окружными судами. В некоторых местах, где было много дел, такие суды действовали постоянно. Они по существу являлись выездными сессиями военно-окружных судов. В состав временных военных судов входили один постоянный и шесть временных членов (ст. 48–53, 89 устава).

Военно-судебный устав предусматривал также возможность создания особых военных судов для рассмотрения дел о государственных преступлениях, совершенных военнослужащими.

Особый военный суд учреждался военным министром в составе: председателя,

¹ Военно-судебный устав 1867 г. Ст. 146.

² Там же. Ст. 148.

³ См.: там же. Ст. 141.

⁴ Там же. Ст. 38–41, 43–47.

⁵ Там же. Ст. 35.

⁶ Там же. Ст. 37–91.

назначавшегося из числа членов Главного военного суда, и шести членов – четырех генералов и двух штаб-офицеров, избираемых военным министром. Этот суд не являлся постоянно действующим. Место учреждения Особого военного суда определялось военным министром. Прокурорские обязанности в этих судах исполняли лица, назначенные военным министром из числа чинов военной прокуратуры¹.

Верховный уголовный суд по делам о государственных преступлениях, совершенных военными, создавался с соблюдением правил, установленных для Верховного уголовного суда при рассмотрении уголовных дел в отношении гражданских лиц. Должностные лица, входящие в состав этого суда, каждый раз при его учреждении назначались особым «повелением» царя.

Приговоры Верховного уголовного суда являлись окончательными, жалобы на них не допускались. От подсудимых принимались только просьбы о помиловании царю, которые направлялись судом со своим заключением по инстанции через военного министра².

В соответствии с Военно-судебным уставом 1867 г. высшим органом военно-судебной системы был Главный военный суд. Находился он в Санкт-Петербурге. Учреждался с двумя отделениями в Сибири и на Кавказе, которые по ряду причин так и не были созданы.

Главный военный суд состоял из председателя и членов. Председателем суда назначался только генерал, а членами суда были как генералы, так и председатели военно-окружных судов и чины прокуратуры, не ниже военного прокурора. Назначались они по указам царя³.

Военно-судебный устав допускал создание особых присутствий для рассмотрения важных дел, требующих неотложного наказания, в кассационном порядке. В состав особого присутствия входили: председатель – генерал, два члена суда – штаб-офицера, один из которых должен был назначаться из постоянных членов военно-окружного суда, и военный прокурор.

Особые присутствия пользовались правами Главного военного суда, при разрешении дел руководствовались законами мирного времени, но в решении дел применяли сроки, установленные для военного времени⁴.

Главный военный суд обладал широкими полномочиями по руководству нижестоящими военными судами. Он следил за точным и единообразным применением всеми военными судами закона, давал разъяснения по применению действующего законодательства на основе обобщения судебной практики.

Осуществляя надзор за военными судами, Главный военный суд объявлял «за недостатки и упущения в судебной работе» выговоры, делал замечания всему составу проверяемого военного суда либо конкретному судье. Такими же полномочиями он обладал и в отношении военных следователей и кандидатов на судебные должности⁵.

В соответствии со ст. 164 Военно-судебного устава при военных судах создавалась военная прокуратура для «наблюдения за охранением законов». Все чиновники военной прокуратуры назначались царем и военным министром⁶ (ст. 140, 147, 149 устава). Главная военная прокуратура была организована вместе с учреждением Главного военного суда в конце 1867 г. в составе Главного военного прокурора и двух его заместителей, которые были назначены на должности приказом царя от 1 сентября 1867 г.⁷ Военные прокуроры состояли при военно-окружных судах, а Главный военный прокурор – при Главном военном суде.

Военные прокуроры в своей деятельности не подчинялись военным судам, они осуществляли надзор за соблюдением законодательства при рассмотрении дел военными судами и не осуществляли надзор за действиями военных начальников и других военнослужащих⁸.

Общий надзор за всеми военными судами, органами военной прокуратуры и их

¹ Военно-судебный устав 1867 г. Ст. 1122.

² Там же. Ст. 1123–1126.

³ Там же. Ст. 55–56, 59, 141–143, 146.

⁴ См.: там же. Ст. 60–62.

⁵ См.: там же. Ст. 160–198, 1013–1015.

⁶ См.: там же. Ст. 140, 147, 149.

⁷ См.: ЦГВИА, ф. 1(п), оп. 2, д. 11. С. 106–107; ПСЗ. Собр. 2. Т. 2. № 44733.

⁸ См.: Военно-судебный устав 1867 г. Ст. 164.

должностными лицами совершался военным министром. Министр мог проводить ревизию военно-судебных учреждений лично или через назначенных им должностных лиц военно-судебных учреждений (Главное военно-судное управление структурно входило в состав Военного министерства)¹.

Высший надзор за органами военной юстиции России по Военно-судебному уставу 1867 г. в конечном итоге был сосредоточен полностью в руках исполнительной власти: военного министра, военного командования и императора.

Анализ содержания военно-судебной реформы показал, что новая организация военных судов предусматривала введение ряда принципов буржуазного судопроизводства (гласность, состязательность процесса, отмена принципа «совершенных» и «несовершенных» доказательств и т. д.). Однако наряду с этим военно-судебная реформа в значительной степени содержала пережитки феодального права.

Таким образом, в военных судах принцип независимости суда от администрации был реализован не полностью, особенно на уровне полковых судов. Институт временных судей военно-окружных судов не являлся адекватной заменой присяжных заседателей окружных судов, что не позволяло в полной мере реализовать принцип свободной оценки доказательств.

Провозглашая принципиальное положение о принадлежности в военном ведомстве судебной власти судом, законодатель (император), он же и глава высшей исполнительной власти, вероятно, имел в виду, то, что право рассмотрения уголовных дел в военном ведомстве принадлежит только военным судам, а не каким-либо другим учреждениям или должностным лицам². Суды в этом независимы и самостоятельны.

Однако нормы Военно-судебного устава и порядок деятельности военных судов на его основе свидетельствуют, что самостоятельностью и независимостью военные суды не обладали.

Образование военных судов происходило на основании распоряжений воинских должностных лиц, они же оказывали заметное влияние на формирование его состава. В необходимых для власти самодержавия случаях постоянные суды подменялись особыми присутствиями или комиссиями, а нередко и определенными должностными лицами (командирами, генерал-губернаторами, министром внутренних дел).

Надзор за деятельностью военных судов (вплоть до утверждения их приговоров) принадлежал органам исполнительной власти в лице командира полка, командующих округами, военного министра и самого монарха.

На практике сохранялся сословный критерий комплектования состава суда и организации судебного разбирательства, были также серьезные отступления от принципа состязательности, права на защиту и др.

Таким образом, в государстве с абсолютной монархической формой правления не могло быть независимости судебной власти от других властей, так как власть российского императора едина и неделима³.

Библиографический список

1. *Петухов, Н. А.* Социально-правовые проблемы становления и развития системы военных судов России / Н. А. Петухов. — М., 2003.

2. *Шагаев, В. А.* Военно-судебная система России во второй половине XIX века (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. — Владимир, 2007.

¹ См.: Столетие военного министерства. 1802–1902. СПб., 1902. Т. XII. Кн. 1. Ч. 2. С. 315–316.

² См.: Военно-судебный устав 1867 г. Ст. 1–3.

³ См.: *Петухов Н. А.* Указ. соч. С. 97.

ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: ОПЫТ, СОТРУДНИЧЕСТВО, ПЕРСПЕКТИВЫ

А. И. Абатуров,
*старший преподаватель кафедры
организации исполнения уголовных наказаний
Академии ФСИН России*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ЗЛОСТНЫХ НАРУШЕНИЙ В КОДИФИЦИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ДРУГИХ СТРАН СНГ: ОБЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА

Анализ законодательного опыта стран постсоветского пространства по борьбе со злостными нарушениями установленного порядка отбывания наказания в местах лишения свободы показал, что в настоящее время принцип гуманизма все чаще определяет стратегию уголовно-исполнительной политики большинства стран ближнего зарубежья. В частности, общими для них являются тенденция к минимизированию санкций в отношении несовершеннолетних и женщин, злостно нарушающих установленный порядок отбывания наказания, стремление уменьшить перечень злостных нарушений.

Анализ законодательства исполнения уголовных наказаний Российской Федерации и других стран СНГ свидетельствует о том, что в законодательном описании злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания сходство явно превалирует над различиями. В целом используются единый концептуальный подход и тождественная либо синонимичная терминология при обрисовке элементов и признаков данных нарушений. Различия наблюдаются в основном на уровне нюансов, а не принципиальных положений. Это обусловлено сохранением общих исторических традиций, влиянием дореволюционной и советской школ пенитенциарного права, формированием единого правового пространства на территории СНГ. Наибольший интерес с точки зрения предмета нашего исследования представляет пенитенциарное законодательство Украины, Беларуси, Азербайджана, Узбекистана и Казахстана.

При рассмотрении вопросов, связанных со злостными нарушениями в указанных странах, необходим анализ следующих аспектов: перечень злостных нарушений, количество субъектов, механизм признания осужденного злостным нарушителем и правовые последствия признания его таковым.

Базовым юридическим прототипом данных противоправных деяний выступает ст. 111 Модельного уголовно-исполнительного кодекса «Злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания»¹. Идентичное либо аналогичное наименование и содержание имеют также корреспондирующие статьи уголовно-исполнительных кодексов бывших республик СССР: «Злостное нарушение правил исполнения наказания» (ст. 108 Кодекса Азербайджанской Республики об исполнении наказаний 2000 г.)², «Злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы» (ст. 112 УИК Республики Казахстан 1997 г.)³, «Злостное нарушение осужденными к лишению свободы установленного порядка отбывания наказания» (ст. 117 УИК Республики Беларусь 2000 г.)⁴, «Злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания» (ст. 133 УИК Республики Украины)⁵, «Злостный нарушитель режима содержания» (ст. 112 УИК Республики Узбекистан 1997 г.).

В большинстве УИК стран СНГ признание нарушения злостным связывается с характером нарушений, их количеством и на-

¹ См.: Уголовно-исполнительный кодекс: Модель: Рек. законодат. акт для Содружества Независимых Государств // Информ. бюл. 1997. № 12. Прил.

² См.: Кодекс Азербайджанской Республики об исполнении наказаний // Азербайджан. 2000. № 162.

³ Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1997. № 24. Ст. 337.

⁴ См.: Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 2000. № 8. Ст. 52.

⁵ См.: Уголовно-исполнительный кодекс Республики Украины // Ведомости Верховной Рады. 2004. № 3–4. С. 21.

значенным взысканием. Законодатель Азербайджанской Республики к злостным нарушениям правил исполнения наказаний относит: приобретение, хранение и употребление алкоголя или других сильнодействующих веществ; потребление наркотиков или психотропных веществ; мелкое хулиганство; угрозу, оскорбление персонала учреждения отбывания наказаний или неповиновение их законным требованиям; угрозу или оскорбление других государственных представителей, выполняющих служебный долг; групповое неподчинение или активное участие в таких группах. Весьма близка позиция законодателей Республики Казахстан и Российской Федерации по перечню конкретных нарушений правил режима, которые значатся как злостные нарушения осужденных к лишению свободы установленного порядка отбывания наказания. Различия с УИК РФ весьма незначительные, однако имеют важное значение, так как УИК Республики Казахстан к злостным нарушениям относит участие в азартных играх осужденных, что является несомненным плюсом, поскольку в российском законодательстве осужденные игроки ставятся только на профилактический учет и признать их злостными нарушителями за данные действия невозможно.

Пенитенциарное законодательство Украины, так же как и УИК Республики Казахстан и УИК РФ дает конкретизированный список деяний, за которые осужденный будет признан злостным. Так, не относятся к злостным нарушениям мужеложство, лесбиянство, оскорбление представителей администрации исправительного учреждения, организация забастовок или иных групповых неповиновений, а равно активное участие в них, организация или активное участие в группировках осужденных, что, на наш взгляд, с учетом тяжести обозначенных правонарушений, пограничности их с уголовно наказуемыми деяниями является неоправданным.

Необходимо отметить, что в УИК Республики Узбекистан не определен перечень злостных нарушений, и чтобы признать осужденного злостным нарушителем, он должен совершить не менее двух грубых нарушений порядка отбывания наказания, за которые был подвергнут взысканиям в виде водворения в дисциплинарное отделение

на срок до 15 суток, если каждое из дисциплинарных взысканий не снято или не погашено в установленном порядке. Грубым нарушением порядка отбывания наказания является проступок, подпадающий под действие Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности, а также хранение, распространение, употребление и использование вещей и предметов, запрещенных правилами внутреннего распорядка.

В УИК Республики Беларусь не перечислены проступки, являющиеся дерзкими, они определяются в качестве злостных по количеству взысканий, наложенных на осужденных за определенный период. В Кодексе Азербайджанской Республики об исполнении наказаний злостным нарушителем признается осужденный, получивший взыскания более трех раз в течение года, а в УИК Республики Украины – совершивший в течение года более трех нарушений режима отбывания наказания, при условии, если за каждое из этих нарушений по постановлению начальника колонии или лица, исполняющего его обязанности, были наложены взыскания, которые досрочно не сняты или не погашены в установленном порядке.

Следует отметить, что в УИК Республики Беларусь данный механизм детализирован и представляет собой ступенчатую градацию правонарушений, которые осужденный должен совершить для признания его злостным. Так, согласно ст. 117 УИК Республики Беларусь, злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания в течение года признается осужденный, переведенный из колонии-поселения в исправительную колонию в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 69 УИК Республики Беларусь, осужденный, совершивший в период отбывания наказания в виде лишения свободы или иного умышленное преступление, за которое он осужден к лишению свободы, а также осужденный, которому наказание было заменено более мягким либо который был освобожден условно-досрочно или досрочно на основании акта амнистии или помилования и совершил в течение неотбытой части срока наказания умышленное преступление, за которое был осужден к лишению свободы. Злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания в течение срока действия взысканий признается осужденный, если он

имеет не менее четырех взысканий в виде выговора, внеочередного дежурства по уборке помещений или территории исправительного учреждения; трех взысканий в виде лишения права на получение очередной посылки или передачи, запрещения на срок до одного месяца покупать продукты питания, лишения очередного длительного или краткосрочного свидания, отмены улучшенных условий содержания; двух взысканий в виде водворения осужденных, содержащихся в исправительных колониях и тюрьмах, в штрафной изолятор с выводом или без вывода на работу либо учебу на срок до 15 суток.

В России и Казахстане относительно единообразно решается вопрос о признании осужденного злостным нарушителем. В таком качестве он признается постановлением начальника исправительного учреждения одновременно с наложением взыскания, предусмотренного ст. 115 УИК РФ и ст. 111 УИК Республики Казахстан соответственно. Согласно законодательству Азербайджанской Республики злостное нарушение режима определяется обоснованным решением администрации учреждения отбывания наказаний одновременно с наложением меры взыскания. В отличие от указанных пенитенциарных источников в УИК Республики Украины, УИК Республики Беларусь и УИК Республики Узбекистан отсутствует механизм признания осужденных злостными нарушителями.

Следует отметить, что понятие злостного нарушения имеет важное значение для исполнения наказания в виде лишения свободы, поскольку является ключевым для применения многих норм пенитенциарного законодательства стран СНГ. Оно является основанием для перевода осужденных из одного исправительного учреждения в другое с более строгими условиями отбывания наказания (ч. 4 ст. 73 УИК Республики Казахстан, ч. 4 ст. 78 УИК РФ, ч. 5 ст. 69 УИК Республики Беларусь, ст. 105 УИК Республики Узбекистан, п. 70.4 ст. 70 Кодекса Азербайджанской Республики об исполнении наказаний), а также для перевода осужденных на строгие условия отбывания наказания (ст. 82 УИК РК, ст. 87 УИК РФ) или из участка социальной реабилитации в участок усиленного контроля (п. 3 ст. 101 УИК Республики Украины). В отношении злостных нарушителей могут применяться

дисциплинарные взыскания, имеющие максимальное карательное воздействие на данных осужденных, – перевод осужденных в помещения камерного типа или одиночную камеру (ч. 1 ст. 111 УИК Республики Казахстан и ст. 112 УИК Республики Беларусь). В уголовно-исполнительном законодательстве Республики Азербайджан предусмотрен перевод злостных нарушителей, содержащихся в учреждениях отбывания наказаний общего и строгого режимов, в комнаты камерного типа. Согласно УИК Республики Украины осужденные, злостно нарушающие режим отбывания наказания, могут быть переведены из колонии среднего уровня безопасности или обычного жилого помещения колонии максимального уровня безопасности в помещение камерного типа колонии максимального уровня безопасности (п. 3 ст. 101 УИК Республики Украины).

Обобщая вышеизложенное, можно прогнозировать, что дальнейшее совершенствование уголовно-исполнительного законодательства стран СНГ об ответственности за злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания будет проходить по пути унификации их описания, формализации оценочных понятий и уточнения признаков. Улучшение редакции ст. 116 УИК РФ в данном направлении с учетом позитивного опыта других стран СНГ позволит оптимизировать правоприменительный процесс, и следовательно, повысить эффективность борьбы со злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания.

Библиографический список

1. Уголовно-исполнительный кодекс: Модель : рек. законодат. акт для Содружества Независимых Государств // Информ. бюл. – 1997. – № 12. – Прил.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 1997. – № 24. – Ст. 337.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. – 2000. – № 8. – Ст. 52.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Украины // Ведомости Верховной Рады. – 2004. – № 3–4.
5. Кодекс Азербайджанской Республики об исполнении наказаний // Азербайджан. – 2000. – № 162.

О. В. Богатова,
декан факультета права и психологии
Владимирского государственного
университета
кандидат юридических наук, доцент

ПРЕЦЕДЕНТ КАК ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК АНГЛИЙСКОГО ПРАВА

Под источником права понимают ту основу, из которой норма получает свою юридическую силу, т. е. становится правовой нормой. В английском праве к источникам права относят обычай, прецедент и законодательство.

Особый интерес в исследовании источников английского права вызывает рассмотрение вопросов, касающихся прецедента, а именно: в каком смысле судебное решение (прецедент) является источником права; в какой мере обычай подчиняется прецеденту, а прецедент законодательству; какова природа совместного действия закона и прецедента? Чтобы ответить на данные вопросы, остановимся на рассмотрении каждого из этих источников, исследуем их взаимодействие.

В широком смысле назначение всего английского законодательства – создавать, изменять или отменять право, проводя в жизнь идеи законодательного органа. Законодательная власть в настоящее время принадлежит английскому парламенту, который выполняет следующие функции.

Во-первых, он осуществляет пересмотр норм материального права. Несмотря на то, что все статуты в основном касаются пересмотра права, но только относительно малое их количество относится к изменению или пересмотру норм материального права, или права для юристов (*lawyers law*). Такие статуты чаще всего издавались, когда само решение палаты лордов вызывало необходимость издания парламентского акта, поскольку право вследствие доктрины прецедента становилось не способным к адаптации.

Во-вторых, парламент осуществляет консолидацию парламентских актов. Это делается с целью издания сборника статутов, в котором все статутное право было бы распределено по отраслям.

В-третьих, парламент занимается кодификацией. В отличие от консолидации в

Англии кодификации подлежит не только статутное, но и прецедентное право.

В-четвертых, парламент регулирует сбор государственных доходов, решает вопросы социального законодательства.

С самого начала законодательной деятельности в Англии законы издавались в нескольких формах: хартии, постановления, ордонансы и статуты. В настоящее время существуют всего лишь три формы, в которых может воплотиться законодательство Англии: парламентские акты, делегированное законодательство и автономное законодательство.

Законодательство и прецедент в Англии являются первичными источниками права. Они самостоятельны, действительность каждого из них не зависит от других источников, хотя прецедент подчинен законодательству в том плане, что закон всегда может аннулировать прецедент.

Историю развития английского права можно представить как борьбу статутного и прецедентного права. Но эта борьба привела не к конфликту, а к сотрудничеству. В настоящее время закон и прецедент как источники права тесно связаны.

Взаимодействие закона и прецедента строится на сложной основе. Новый закон может отменить положение старого статута. Однако действие прецедентов распространяется и на дополнительную сферу – толкование законов. Право интерпретировать статуты судьи присвоили себе, ссылаясь на то, что они лучше других могут пояснить их содержание. В Англии традиционно считается, что принятый закон начинает «жить», становится правовым запретом или велением только будучи примененным судьей.

Когда при рассмотрении конкретного гражданского дела применяемый статут понятен лицам, интересы которых он затрагивает, то суд им руководствуется и необходимости в его интерпретации не возникает. Однако, когда встречается неопределенность или двусмысленность в применении статута, то перед судом возникает задача интерпретировать слова данного статута. В английском праве выделяют интерпретацию и толкование статутов. «Интерпретация – это просто процесс, посредством которого определяется смысл слов в тексте закона. С другой стороны, толкова-

ние (constraction) – процесс, посредством которого разрешаются сомнения, возникающие в связи с неопределенностью или двусмысленностью текста»¹. Поэтому, когда суд рассматривает содержание закона, он занимается его интерпретацией, но когда встречаются какие-то сомнительные, неясные, двусмысленные положения закона, то суд осуществляет толкование статута. Двусмысленное возникает в результате ошибки при составлении законодательного акта, при наличии которой слова могут иметь два или более буквальных значений. Неопределенность встречается в тех случаях, когда нормы статута рассчитаны на применение к конкретным жизненным ситуациям, а суды решают, соответствуют ли фактические обстоятельства рассматриваемого дела ситуации, которую имели в виду законодатели. В данном случае трудность заключается в том, что только слова статута являются «путеводной нитью» для понимания намерения законодателя.

Основная задача, стоящая перед судьями при интерпретации статута, как уже было указано выше, заключается в выяснении воли, намерения законодателя. В английском праве существуют три подхода для решения такой задачи. Эти подходы отличаются друг от друга и известны как «буквальное» правило, «золотое» правило и правило «исправления зла» (mischief rule). Данные правила суд применяет поочередно, хотя встречаются случаи, когда при рассмотрении одного дела и интерпретации одного статута суды поочередно применяют несколько из этих правил.

Суть «буквального» правила заключается в том, что судья при интерпретации норм статута пытается понять волю и намерение законодателя в обычном и естественном, буквальном значении использованных в статуте слов. Данное правило не применяется, если слова многозначны. Если слова статута имеют только одно буквальное значение, то согласно «буквальному» правилу данное значение и должно иметься в виду. Однако данное правило может привести к абсурду, если законодательный акт был сформулирован небрежно. Поэтому, когда «буквальное»

правило ведет к ошибочному решению, применяются другие подходы.

«Золотое» правило заключается в том, что слова, содержащиеся в статуте, должны интерпретироваться по возможности согласно их естественному, обычному грамматическому значению. Но при этом такая интерпретация может привести к абсурдному выводу. Так, например, Судья Парк по делу *Becke u. Smith* (1836 г.) данное правило сформулировал следующим образом: «При толковании статута очень полезно придерживаться обычного значения употребленных слов, если это не идет вразрез с намерением законодателя, о котором говорит само содержание статута, или не ведет к какому-нибудь очевидному абсурду и непоследовательности, во избежание чего стиль языка может быть изменен или модифицирован, но не более того»².

Правило «исправления зла» гласит: когда статут издается для устранения ошибки, суд должен принять ту интерпретацию, которая отвечает указанной цели.

Данное правило применяется для устранения двусмысленности по делам, где невозможно применять «буквальное» правило, и нацелено на решение следующих вопросов:

- 1) каким было право до издания этого закона;
- 2) в чем заключались зло и недостаток, которые не были предусмотрены общим правом;
- 3) какое средство нашел и предписал парламент для исправления этого положения;
- 4) каков действительный смысл этого средства³?

Иногда английский судья при рассмотрении конкретного дела сталкивается с ситуацией, когда фактическая сторона рассматриваемого случая не урегулирована статутом. Такая ситуация в английском праве называется *casus omissus*. Судьи нашли следующий выход из данной ситуации. При толковании статута они приписывают парламенту намерение, которого он не имел при издании статута. Это очень похоже на законодательную деятельность, поэтому наиболее консервативные судьи неохотно прибегают к данному методу.

¹ Уолкер Р. Английская судебная система. М., 1980. С. 124.

² Там же. С. 130.

³ См.: там же. С. 131–132.

Как уже отмечалось выше, закон и прецедент как источники английского права находятся в тесной взаимосвязи. Прецедентное и статутное право настолько переплелись, что количественный рост законов во второй половине XX в. привел лишь к активизации прецедентного права. Как справедливо, на наш взгляд, отмечает А. А. Максимов, «судебная практика определяет их (статуты) реальное действие, а по существу и содержание посредством толкования, что позволяет вносить в право изменения, минуя широкое обсуждение, сложную законодательную процедуру»¹.

При толковании английскими судьями статутов используется «негласное» правило, согласно которому заявления судей, относящиеся к толкованию закона и уяснению намерений законодателя, не должны заменять собой толкование самого закона, т. е. суды должны опасаться допустить ошибку, трактуя закон так, как он был истолкован в прецеденте.

Судьи занимаются не только толкованием законодательства, но, как подчеркивает Р. Райдаут, они толкуют и судебные решения². Если палата лордов при вынесении решения по конкретному делу дала толкование прецеденту, то данное толкование будет обязательным для нижестоящих судов.

Слово «обычай» в английском праве употребляется в нескольких значениях. Во-первых, обычай рассматривается прежде всего как первоначальный источник права вообще, т. е. то начало, откуда возникло право. В самом начале право не возникло как совокупность норм, привнесенных в Англию вследствие нормандского завоевания. Скорее всего, оно было следствием слияния законов и обычаев в одну правовую систему. Такие обычаи, как единобрачие, родительские права и другие, стали частью общего права и вошли в законы.

Во-вторых, слово обычай употребляется и для описания традиционного торгового или делового обычая, хотя употребление данного слова именно в таком значении является не совсем точным, поскольку под

торговым обычаем понимаются общепринятые условия договора. Решение вопроса о том, какие условия прямо не отражены в соглашении, а намеревались соблюдаться сторонами, относится к вопросу факта, а не к вопросу права, поэтому в данном смысле обычай не является источником права.

В-третьих, чаще всего под «обычаем» английские юристы понимают местный обычай, т. е. нормы права, которые применяются только в определенной местности. Именно в этом смысле обычай и является особым источником права, стоящим в одном ряду с судебным прецедентом и законодательством.

Местный обычай как один из источников права характеризуется двумя особенностями, которые и отличают его от общего права: 1) он должен быть исключением из общего правила; 2) его применение должно быть ограничено определенной местностью (графством, городом, приходом и т. д.). Кроме того, применение обычая может быть ограничено определенной группой людей (например, рыбаками какой-то отдельно взятой местности).

В настоящее время в английском праве сформировалась тенденция, направленная на аннулирование местных обычаев путем издания статутов. Однако еще существуют обычаи, сохранившиеся до наших дней. В качестве примера можно назвать право на дорогу или право заниматься спортом, проводить свободное время на зеленой лужайке, принадлежащей селу, или право сушить рыболовные сети на земле прихода.

Английские судьи придают законную силу местному обычаю только при условии, если он отвечает следующим требованиям.

1. Местный обычай должен существовать с незапамятных времен, т. е. «с того времени, о котором человеческая память ничего не сохранила»³. На практике такое время было определено, как первый год царствования короля Ричарда I (1189 г.). На самом же деле очень трудно доказать, что тот или иной обычай существовал в 1189 г., поэтому суды принимают во внимание факт, что обычай существует очень давно. Для этого на процесс вызывается один из старейших жителей данной местности и подтверждает данный факт.

¹ Максимов А. А. Прецедент как один из источников английского права // Государство и право. 1995. № 2. С. 102.

² См.: Райдаут Р. Прецедентное право // Рос. юрид. журн. 1996. № 3. С. 140.

³ Уолкер Р. Указ. соч. С. 84.

2. Местный обычай должен отвечать требованиям непрерывности, т. е. он должен действовать на определенной территории беспрерывно. Если же в действии местного обычая, начиная с 1189 г., наблюдается перерыв, то это является основанием для отмены данного обычая.

3. Местный обычай должен использоваться только с общего миролюбивого согласия (*peaceable enjoyment*). Он исполняется добровольно, а не силой, публично, а не тайно.

4. Местный обычай обладает обязательной силой, когда налагает специфическую обязанность, исполнение которой должно быть безусловным.

5. Местный обычай должен быть определенным. Не рассматривается в качестве местного обычая тот обычай, который не содержит определенных правил. Например, в качестве такового не будет рассматриваться обычай, согласно которому земельные арендаторы могут уносить торфа столько, сколько им может потребоваться.

6. Местный обычай должен согласовываться с другими обычаями. Он может противоречить общему праву, но не должен противоречить другим обычаям данной местности.

7. Самое главное требование – местный обычай должен быть разумным. Так, обычай, который противоречит основным принципам общего права, не может быть разумным (например, обычай, который дает возможность совершить преступление).

Несмотря на то, что местный обычай рассматривается как самостоятельный источник английского права, тем не менее его следует считать источником, подчиненным прецеденту. Так, адвокат дает консультации своему клиенту по вопросу действительности местного обычая только исходя из условий, установленных прецедентами. Суды осуществляют контроль за нормами обычного права, следя за разумностью местных обычаев. Однако при этом необходимо добавить, что это другой вид подчинения, отличающийся от того, когда прецедент подчинен законодательству. Подчиненность прецедента законодательству основана на том факте, что закон всегда может отменить результат судебного решения, однако этого нельзя сказать в отношении прецедента.

Помимо Англии прецедент как источник права существует и в других странах. Аналогичные системы общего права действуют в Шотландии, большинстве штатов США, Австралии, Канаде (кроме Квебека), Новой Зеландии, Ямайке, Индии и в некоторых мусульманских странах.

Так, в Австралии английское право стало применяться после появления в конце XVIII в. британских колоний. На территории Канады английское право распространилось после 1763 г., когда она стала британской колонией. Аналогичная ситуация сложилась и в Новой Зеландии после ее захвата английскими колонизаторами¹.

Общее и статутное право Англии, а также та часть английского права, которая сформировалась в древнейшую эпоху, послужили базой для становления американского права. Прибывшие в Америку из Англии колонисты привезли с собой как прочный запас пуританских традиций, так и британское юридическое правосознание, основанное на действии принципов общего права.

Законодательная система США восприняла идеи англосаксонской системы обычного права и естественного права. Однако было бы ошибочным полагать, что данная рецепция произошла в чистом виде, без каких-либо нововведений. Как отмечают С. В. Боботов и И. Ю. Жигачев, несмотря на то, что обычаи, законы, прецеденты в Америке, как и в Англии, стали существовать вместе, тем не менее источники подверглись существенным изменениям, которые в определенной степени сначала затронули общее право и право справедливости, а затем в гораздо более глубокой степени коснулись статутного права, т. е. законодательства, и прецедентного права, складывавшегося на основе решений судов штатов и федерации².

В итоге американцам удалось преодолеть «застойный» характер английского права, создав собственную правовую систему, в которой каждый из источников права получил новое качество. Заметным изменениям были подвержены обычное и прецедентное право, в то время как статутное право вообще было полностью обновлено.

¹ См.: Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1976. С. 271.

² См.: Боботов С. В., Жигачев И. Ю. Введение в правовую систему США. М., 1997. С. 12–15.

Говоря о прецедентном праве США, необходимо отметить, что на всем протяжении истории его развития в этом государстве оно все более отдалялось от своего английского варианта благодаря активной деятельности американской магистратуры. В американских судах используется тот же порядок вынесения судебного решения, основанный на изучении ранних прецедентов, что и в Англии. Однако Верховный суд США и апелляционные суды штатов не считают себя связанными своими прошлыми решениями, что существенно отличает прецедентное право США от прецедентного права Англии. Во многих случаях Верховный суд США отвергал прецеденты, заимствованные из судебной практики Англии.

Как уже было отмечено ранее, американские суды в своих решениях строго не соблюдают правила прецедента, как это склонны делать их английские коллеги. По их мнению, жесткость прецедента создает известные неудобства в принятии взвешенных решений. Решения Верховного суда являются источником действующего права. В Америке, в отличие от Англии, есть Конституция, которая имеет прямое действие, и американские суды при толковании отдельных казусов обращаются непосредственно к ее тексту.

Законодательство и прецеденты являются первичными и конкурирующими источниками права. Каждый из них не вытекает из другого, хотя прецедент подчинен законодательству, поскольку закон всегда его может аннулировать.

Несмотря на различные подходы к обязательной силе прецедента в американском и английском прецедентном праве, можно отметить одну общую черту: прецедент является в этих государствах источником права, существует наравне с законодательством и рассматривается как правовая норма, созданная судом при рассмотрении конкретного дела, что и ставит его в один ряд с другими источниками права.

В заключение остановимся на преимуществах и недостатках прецедентного права. В качестве достоинств прецедентной системы права английские ученые называют гибкость, точность и определенность. Последняя заключается в том, что судья, сталкиваясь с вопросами, которые уже получили решение, должен признать это решение. Точность достигается за счет наличия

огромного количества дел в судебных отчетах, в данных делах содержатся решения для многих конкретных ситуаций. Гибкость – это возможность отклонить решение или уклониться от него, если дело отличалось по существу, а также выделить ошибочное решение и ограничить его действие.

Однако, несмотря на эти преимущества, все возрастающее количество прецедентов является неудобным. При разборе в суде какого-либо дела оказывается практически невозможным рассмотреть все относящиеся к нему прецеденты. В результате этого появляются конфликтующие, противоречащие друг другу прецеденты. Избежать этого трудно, так как время, отводимое адвокату или судье на отдельное дело, весьма ограничено. Поэтому вполне возможно, что какие-то прецеденты не попадут в поле их зрения¹.

Так, в Англии в середине 90-х гг. прошлого столетия уже насчитывалось около 800 тыс. судебных прецедентов, и каждый год прибавляется еще примерно 2 тыс. новых, что составляет 300 сборников по внутреннему и европейскому праву.

Но, несмотря на эти неудобства, судебный прецедент остается одним из важных источников права, поскольку он содержит в себе норму, не урегулированную законодательными актами, не регламентированную обычаем, вследствие чего он и применяется судами при рассмотрении каждого подобного дела. Будучи однажды сформулированным судом вышестоящей инстанции, он становится своего рода законом для всех лиц, занимающихся вопросами судебной практики.

Как справедливо отмечает С. С. Алексеев, «англосаксонское, общее право» характеризуется тем, что юридическое регулирование строится на судебных решениях, логические принципы которых имеют нормативное значение образцов при рассмотрении аналогичных жизненных проблем, повышенное значение придается процедурно-процессуальным правилам, и правовая система, не выраженная в абстрактно формулируемых нормах, в структурно-сложном, логически-замкнутом построении, носит характер открытой системы методов решения юридически значимых проблем»².

¹ См.: Максимов А. А. Указ. соч. С. 102.

² Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 114.

Судебный прецедент как источник права прошел долгую историю своего формирования. Его развитие происходило в особых условиях. В Англии не было ни законов, ни каких-то общеобязательных правил. Основанием для его развития служило обычное право. Затем, когда уже становление крепкой централизованной власти требовало от судей решения схожих дел аналогичным образом, была рождена доктрина прецедента.

Суть данной доктрины сводится к тому, что нижестоящие суды обязаны при рассмотрении дел использовать судебные решения высших судебных инстанций, вынесенные по аналогичным с рассматриваемым делам. При этом они используют не все решение, а только часть, которая именуется *ratio decidendi*. Именно эта часть решения и является правовой нормой и судебным прецедентом.

В настоящее время судебный прецедент тесно связан с другим источниками анг-

лийского права, а именно статутами и обычаями. С одной стороны, сфера действия судебного прецедента распространяется на толкование статутов. Но, с другой стороны, статут может отменить тот или иной прецедент. Обычай становится источником права только в том случае, если суд сослался на него в своем решении. Таким образом, все источники английского права, как обычай, так и законы, находятся в тесном взаимодействии с судебным прецедентом, роль которого с течением времени в развитии права в Англии не уменьшается.

Библиографический список

1. *Кросс, Р.* Прецедент в английском праве / Р. Кросс. – М., 1990.
2. *Максимов, А. А.* Прецедент как один из источников английского права / А. А. Максимов // Государство и право. – 1995. – № 2.
3. *Уолкер, Р.* Английская судебная система / Р. Уолкер. – М., 1980.

М. В. Девятьяров,
соискатель кафедры
уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СУБЪЕКТОВ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ И КОНСУЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ, С ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ И СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВ ПРЕБЫВАНИЯ

Общеизвестно, что дипломатические представительства и консульские учреждения в соответствии с международными соглашениями (например, Конвенцией ООН о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов от 14 декабря 1973 г.)¹ пользуются защитой и иммунитетом, а их территория признается территорией государства, интересы которого они представляют.

Консульство (консульское учреждение) – постоянный государственный орган внешних сношений, находящийся на тер-

ритории иностранного государства в силу соответствующего международного соглашения и выполняющий консульские функции по защите интересов своего государства, его граждан и организаций.

В настоящее время консульской практике известно два вида консульских учреждений: консульские отделы дипломатических представительств и самостоятельные (отдельные) консульские учреждения.

Российские консульские учреждения ведут свою деятельность под общим политическим руководством главы дипломатического представительства в государстве пребывания. Главы консульских учреждений делятся на четыре класса: генеральные консулы, консулы, вице-консулы и консульские агенты. Соответственно именуются и сами консульские учреждения – генеральное консульство, консульство, вице-консульство и консульское агентство.

Международное сотрудничество субъектов расследования РФ с компетентными органами иностранных государств регламентировано гл. 53 и 54 УПК РФ. Территория, на которой расположены консульства или дипломатические представительства, также является территорией РФ. Однако в данных главах не указан порядок и способ

¹ Далее: Конвенция ООН 1973 г.

взаимодействия между консульскими учреждениями (дипломатическими представительствами) с правоохранительными и судебными органами государств пребывания. Возникает вопрос о том, чем регламентированы действия субъекта расследования преступлений на территории консульских учреждений и дипломатических представительств и как происходит его взаимодействие с правоохранительными и судебными органами государств пребывания.

Преступления в расположении диппредставительств и консульств могут совершать как граждане государства пребывания либо лица без гражданства, так и граждане страны, интересы которой представляют вышеуказанные учреждения, например, дипломатические сотрудники, технический персонал и т. д.

В качестве примеров совершения преступлений на территории консульств и представительств РФ можно привести следующие.

Так, 8 июля 2003 г. 37-летний гражданин Швеции вторгся на территорию дипломатического представительства РФ в Стокгольме и угнал автомобиль. Вооруженный топором мужчина проник незамеченным на территорию Посольства РФ и разбил мебель в одном из помещений. При выходе из помещения он был замечен сотрудниками посольства, которые попытались его задержать. Незнакомый забрался в одну из машин и, пробив ворота, скрылся на ней в городе. Представители посольства обратились в полицию. Через полчаса на юге Стокгольма была найдена брошенная автомашина. Позднее был задержан и сам нападавший. Решением городского суда Стокгольма угонщик признан виновным в нарушении семи статей Уголовного кодекса Швеции, включая вторжение, угрозу людям, кражу имущества, угон автомашины, нанесение ущерба имуществу. Угонщик автомобиля Посольства РФ в Швеции приговорен к шести месяцам тюремного заключения и выплате компенсации за ущерб. В связи с этим инцидентом (по данным РИА «Новости») в российском внешнеполитическом ведомстве выразили признательность властям Швеции за расследование дела об угоне автомобиля российского посольства.

По данным ИТАР-ТАСС, вечером 20 марта 2005 г. у здания Посольства РФ в Стокгольме был взорван автомобиль. Под ма-

шину, принадлежащую сотрудникам российской дипмиссии, была заложена бомба с зажигательной смесью. В результате взрыва автомобиль полностью сгорел. Жертв и пострадавших нет. Ответственность за теракт взяла на себя экстремистская группировка «Всемирная интифада», отправившая соответствующее сообщение в шведские средства массовой информации, согласно которому взрыв был совершен «в знак протеста против войны в Чечне».

По сообщению РИА «Новости» со ссылкой на представителя дипломатической миссии, в ночь на 3 мая 2007 г. неизвестные хулиганы забросали камнями Посольство РФ в Стокгольме. Как отмечает источник, зданию нанесен небольшой ущерб. Кроме того, по данным ИТАР-ТАСС, были повреждены четыре дипломатических автомобиля, находившихся на стоянке. Среди сотрудников посольства пострадавших нет. В связи с происшедшими событиями российское дипломатическое представительство потребовало от шведских властей принять дополнительные меры по обеспечению его безопасности.

Тринадцатого мая 2007 г. в Посольстве РФ в Коста-Рике произошел крупный инцидент. Проникшие в здание двое молодых людей стали активно спорить из-за возврата долга. Ссора между ними переросла в вооруженный конфликт после того, как один из них достал пистолет и стал угрожать им. Присутствовавшим при «разборке» водителю и дежурному коменданту здания посольства молодой человек заявил, что оружие у него настоящее. Один из свидетелей немедленно вышел на улицу и рассказал о случившемся полицейскому, дежурившему у здания посольства. Водитель обратился за помощью к сотрудникам дипмиссии, находившимся на втором этаже посольства. Общими усилиями они смогли заблокировать вход к себе на этаж. Позже несколько человек решили покинуть посольство, выйдя на улицу через запасной выход. Проинформированный о конфликте полицейский, дежуривший у здания посольства, немедленно вызвал подкрепление.

Прибывшие на место сотрудники правоохранительного порядка попытались вступить в переговоры с нарушителем, однако безрезультатно. Через несколько часов коста-риканский спецназ задержал обоих нарушителей порядка. Уже утром сотрудники посольства опровергли распространяемую новостными агентствами

информацию о том, что сотрудники российского представительства стали заложниками вооруженного нападения. Официальный представитель МИД России М. Камынин сообщил, что его ведомство обратилось к правоохранительным органам Коста-Рики с просьбой оперативно предпринять все необходимые меры для того, чтобы разрядить обстановку вокруг Посольства РФ и наказать виновных». После мирного разрешения конфликта М. Камынин поблагодарил коста-риканскую полицию и отметил четкие действия данных правоохранительных органов.

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что правонарушения и преступления, совершаемые в расположении консульств и представительств РФ, на практике расследуются правоохранительными и судебными органами государств пребывания без какого-либо вмешательства со стороны субъектов расследования РФ. Причем, исходя из вышеуказанных примеров, расследуются довольно успешно.

Это объясняется следованием нормам международных соглашений (например, ст. 3 вышеуказанной Конвенцией ООН 1973 г.), а также соображениями своевременности и эффективности, так как из-за отдаленности страны пребывания от расположения правоохранительных органов РФ и ожидания прибытия их сотрудников будет упущено время, особенно на начальном этапе расследования.

Однако, так как преступления, совершающиеся на территории диппредставительств РФ, фактически совершаются на территории РФ и направлены против интересов России, виновные лица согласно

Конвенции ООН 1973 г. могут и должны нести ответственность в соответствии с российским уголовным законом. Для этого расследование и судебное разбирательство должны осуществляться согласно российскому уголовно-процессуальному закону.

В настоящее время для разрешения данных вопросов необходимо более четко определить полномочия глав дипломатических представительств и консульских учреждений в ч. 3 ст. 40 УПК РФ, чтобы избежать двойственного толкования УПК РФ. Следует внести соответствующие уточнения также в ст. 150 и 151 УПК РФ в части определения подследственности и проведения дознания по делам о преступлениях, совершенных на территории дипломатических представительств и консульских учреждений.

Указанными полномочиями могут быть наделены следователи вновь создаваемого Следственного комитета при прокуратуре РФ либо следователи органов Федеральной службы безопасности, так как именно они призваны обеспечить защиту интересов государства, политические интересы которого, представляют дипломатические представительства и консульские учреждения.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2007.
2. Международное право : учебник. – М., 2000.
3. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов от 14 декабря 1973 г.

А. Б. Елизаров,
начальник кафедры государственно-правовых дисциплин и гражданского права Ивановского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

А. В. Князев,
начальник отдела по руководству УИИ УФСИН России по Ивановской области

ИСПОЛНЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ НАКАЗАНИЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФИНЛЯНДИИ

В настоящее время с учетом современного состояния и развития альтернативных видов наказаний в России актуально рас-

смотреть зарубежный опыт исполнения именно альтернативных (не связанных с изоляцией от общества) наказаний.

В Великобритании исполнение уголовных наказаний, не связанных с тюремным заключением, за исключением штрафа, который исполняется судом и судебными приставами, возложено на службу probation.

Законодательство Великобритании предусматривает следующие виды альтернативных наказаний:

1. *Электронный мониторинг (домашний арест)* представляет собой обязанность находиться дома в определенное время, где контроль за исполнением данной обязанно-

сти осуществляется посредством электронных средств наблюдения.

Электронные средства наблюдения состоят из пластмассового браслета с передатчиком (подобие электронных часов без циферблата), стационарного приемника-передатчика с телефонной трубкой и приемной аппаратурой, находящейся в центре наблюдения. Принцип работы браслета заключается в постоянном направлении сигнала на стационарный приемник-передатчик, максимальное удаление которого от приемника-передатчика не может быть больше 50 метров. Приемник-передатчик, в свою очередь, каждые 30 секунд посылает электронные сигналы на станцию наблюдения; при необходимости проверки наличия осужденного по месту проживания оператор станции наблюдения может позвонить осужденному по телефонному аппарату, находящемуся в стационарном приемнике-передатчике.

Порядок исполнения данного вида наказания заключается в том, что после вынесения судебного решения осужденному разъясняются порядок и условия его исполнения, а также возлагаемые на осужденного права и обязанности. После доведения до осужденного данной информации ему на лодыжку ноги надевается данный браслет, который невозможно самостоятельно снять, не повредив. В случае попытки осужденного снять данный браслет либо в связи с иными факторами, в ходе которых на пульт слежения поступил сигнал тревоги, мобильная группа в течение 4 часов проверяет данного осужденного и в случае его отсутствия по месту жительства направляет информацию в полицейский участок о его розыске и задержании.

В качестве основного вида наказания электронный мониторинг может применяться в течение 6 месяцев длительностью нахождения дома от 2 до 12 часов в сутки. Данный вид наказания может исполняться также в качестве дополнительной обязанности при условно-досрочном освобождении. В общей сложности, по состоянию на конец 2006 г., электронные средства контроля применялись в отношении 8,5 тыс. осужденных.

2. *Общественно-полезные работы* являются одним из самых распространенных видов наказаний в Великобритании и за-

ключается в осуществлении осужденным бесплатных работ, направленных на общественно полезные цели. Данный вид наказания назначается на срок от 40 до 300 часов и исполняется осужденными, как правило, раз или два в неделю по 6–8 часов на предприятиях и организациях, осуществляющих свою деятельность в социальных программах, на благо общества. Например, в г. Лидс данное наказание отбывается на производственном предприятии, осуществляющем переработку пластмассовой тары; г. Бредфорд – в «ланч-клубе» (столовой для пожилых людей) осужденные помогают шеф-повару в приготовлении бесплатных ланчей (обедов) и т. д.

За невыход на работу, появление на работе в нетрезвом виде либо нарушение трудовой дисциплины осужденный официально предупреждается сотрудниками службы пробации. В случае повторного нарушения выносится второе предупреждение и по усмотрению сотрудников службы пробации материалы могут быть направлены в суд для пересмотра приговора и назначения тюремного заключения либо осужденному может быть предоставлен еще один шанс. После третьего нарушения осужденный, как правило, направляется в тюрьму. Допущенные осужденным нарушения трудовой дисциплины либо иных обязанностей, возложенных на него судом, учитываются судом на протяжении всего срока наказания.

3. *Специализированные занятия* заключаются в назначении осужденному обязанности пройти курсы профессиональной подготовки с целью получения специальности и работы. За пропуски занятий и нежелание продолжить учебу дело осужденного может быть направлено в суд для пересмотра вынесенного приговора.

4. *Аккредитация по программам* – это уголовное наказание, которое заключается в участии осужденного в специальных программах, направленных на его реабилитацию (например, программы «насилие в семье», «правовое обучение» и др.).

5. *Запрет на виды деятельности*, т. е. запрещение осужденному заниматься определенными видами деятельности (например, управлять транспортным средством, работать в финансовых органах и сфере обслуживания, с детьми и т. д.).

6. *Запрет на появление в определенных местах.* Запрет посещать определенные места, как правило, связан с совершенным преступлением и направлен для обеспечения безопасности жертвы либо иных лиц, а также с целью исключения негативных факторов, под воздействием которых осужденный может совершить повторное преступление (посещение мест, где может находиться жертва, детских учреждений в случае преступления сексуального характера, совершенного в отношении детей, увеселительных заведений и т. п.).

7. Наказание в виде *ограничения выхода из дома* по форме исполнения напоминает домашний арест, но заключается в запрете на выход из дома в определенное время. Данное наказание применяется в тех случаях, когда, как правило, нежелательна встреча жертвы с правонарушителем, например, при убийти жертвы на работу и прибытии с нее и т. п.

8. *Психиатрическая помощь* – возложенная судом на осужденного обязанность пройти курс психиатрической помощи.

9. *Наркологическая помощь* – возложенная на осужденного судом обязанность пройти курс наркологической помощи.

10. *Условное осуждение* – освобождение осужденного от отбывания наказания, но не от уголовной ответственности. В случае совершения осужденным повторного преступления условное осуждение может быть засчитано при назначении нового наказания, что приводит к более строгому наказанию.

Все вышеуказанные наказания, включая штраф, могут назначаться как в качестве основных, так и дополнительных, при этом комбинацию видов и количества наказаний избирает суд в зависимости от личности преступника, его криминального прошлого и совершенного преступления.

Перед назначением наказания сотрудники службы пробации по поручению судебных органов в течение 14 дней проводят проверку возможности отбытия подсудимым наказания, альтернативного тюремному заключению. По истечении 10–14 дней направляют в суд, рассматривающий дело подсудимого, информацию с характеризующими его данными и заключением о

целесообразности применения наказаний, альтернативных лишению свободы. Данная информация рассматривается судом в судебном заседании, но не является для суда обязательным критерием в удовлетворении заключения или в его отказе. В случае нарушения правил и условий отбывания вышеуказанных наказаний сотрудники службы пробации выносят осужденному предупреждение, а в случае повторного неисполнения обязанностей и ограничений направляют дело в суд с представлением о рассмотрении уголовного наказания и назначении более жесткой санкции.

При постановке осужденного на учет в службу пробации сотрудники проводят анкетирование данного осужденного по специализированной компьютерной программе «Оазис» с целью определения степени риска, которая заключается в анкетировании осужденного и оценивает в автоматическом режиме его степень опасности для общества. Чем выше количество баллов при оценке ответов осужденного, тем выше его криминальная активность и степень риска. В Великобритании существует три степени риска, свидетельствующие об общественной опасности и возможности совершения осужденным повторного преступления:

- 1-я степень риска свидетельствует о небольшой криминальной опасности осужденного;

- 2-я степень риска – средней криминальной активности осужденного;

- 3-я степень риска – достаточно высокой криминальной активности осужденного, возможности совершения повторного преступления.

Служба пробации Великобритании делится на внутреннюю, осуществляющую свою деятельность в тюрьмах, и внешнюю, которая контролирует правонарушителей по месту их жительства и работы.

Сотрудники внешней службы пробации непосредственно осуществляют контроль за правонарушителями или работают при магистральных и королевских судах.

Деятельность внутренней службы пробации заключается в определении степени риска осужденного при рассмотрении возможностей перевода в тюрьму с менее

строгим режимом, предоставления ему лицензии (возможности работы за пределами учреждения, краткосрочного выезда по месту проживания; права на условно-досрочное освобождение), а также оказании содействия в решении проблемных вопросов осужденного (поиске работы, места жительства и др.) при его освобождении.

Деятельность внешней службы пробации сходна с деятельностью уголовно-исполнительных инспекций, но также имеет некоторые отличия. Так, при осуществлении контроля за осужденными сотрудники службы пробации Великобритании могут посещать их дома и места работы. Однако опрашивать соседей о поведении своего подопечного им запрещено. В случае уклонения осужденного от отбывания наказания сотрудники данного ведомства первичных розыскных мероприятий не проводят, а направляют материалы в полицейский участок по месту жительства осужденного и на их основании полиция осуществляет розыск скрывшегося осужденного.

В некоторых городах Великобритании для более качественного исполнения наказаний, альтернативных тюремному заключению, и более эффективной деятельности по реабилитации правонарушителей в качестве пилотных программ были созданы мультиагентства. Так, например, Бредфордский центр работы с несовершеннолетними правонарушителями (далее: Центр) возглавляет господин Пол О'Хара. В ходе беседы он пояснил, что в его команду входят 35 работников социальной сферы, 5 сотрудников пробации, 4 сотрудника полиции, 4 сотрудника образования, 2 медицинских работника, 30 представителей благотворительных организаций и 110 волонтеров. Уголовная ответственность несовершеннолетних начинается с 10-летнего возраста, поэтому деятельность Центра основана на работе с молодыми преступниками в возрасте от 10 до 18 лет. По состоянию на июль 2006 г., в Центре на учете состояли 700 несовершеннолетних правонарушителей¹.

Анализируя пенитенциарную систему Финляндии, отметим, что она входит в Министерство юстиции, возглавляется ге-

неральным директором и делится на две службы, возглавляемые главным директором: 1) тюрем (исполнения наказаний) и 2) пробации (обеспечения наказаний). Служба пробации состоит из 20 региональных бюро, исполняющих наказания, не связанные с тюремным заключением, и осуществляющих контроль за лицами, условно-досрочно освобожденными из тюрем².

Такое разделение структурных подразделений Главного управления исполнения наказаний при наличии общих задач, заключающихся в исполнении уголовных наказаний, с практической точки зрения оправданно, так как цели, стоящие перед данными службами, все же разные. Основной целью службы исполнения наказаний (тюрем) является изоляция преступника, обеспечение общественной безопасности, недопущение со стороны последнего противоправных деяний. Главная же цель при исполнении службой обеспечения (пробации) наказаний, альтернативных тюремному заключению, заключается в исправлении правонарушителя, его реабилитации.

Основным действующим наказанием, альтернативным тюремному заключению, в Финляндии является общественная служба, которая сходна с применяемым в Российской Федерации наказанием в виде обязательных работ. Данное наказание состоит в исполнении осужденным два раза в неделю, как правило, неквалифицированных общественно полезных работ на предприятиях, осуществляющих свою деятельность в социальной сфере. Продолжительность общественной службы измеряется в часах и может быть назначена от 20 до 200 часов и, как правило, не может превышать 3–4 часов в день. Выполнение осужденным общественно полезных работ осуществляется в его свободное время. В случае уклонения осужденного от исполнения наказания общественная служба может быть заменена судом на тюремное заключение (исправи-

¹ См.: Князев А. В. Английские альтернативы // Суд и Правосудие. 2006. № 3. С. 11.

² См.: Кукконен М. Л., Лавикалла Р., Князев А. В. Особенности функционирования правоохранительной системы Финляндии при назначении и исполнении наказаний альтернативных тюремному заключению // Сб. материалов междунар. заочной науч.-практ. конф. / ИФ ВЮИ ФСИН России. Иваново, 2007. С. 237.

тельных колоний в Финляндии нет, а имеются только тюрьмы двух типов: открытого и закрытого).

Общественная служба может назначаться судом практически за любое преступление, за которое осужденному грозит наказание в виде тюремного заключения до 8 месяцев. Так, в 2004 г. общественная служба была назначена: в 60 % случаев – за вождение транспортного средства в нетрезвом состоянии (в Финляндии данное правонарушение является уголовно наказуемым и в отношении данной категории правонарушителей может быть назначено тюремное заключение до 8 месяцев); 13 % – за преступления против собственности; 12 % – за насильственные преступления; 3 % – за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических и психотропных средств; 12 % – за иные преступления¹.

Следует отметить, что если суд на предварительном рассмотрении противоправного деяния подсудимого примет решение о возможности вынесения в отношении его наказания в виде тюремного заключения до 8 месяцев, то по заданию прокуратуры служба обеспечения (пробации) проводит исследования в течение 30 дней о возможности привлечения данного подсудимого к отбыванию общественной службы.

Сотрудники службы пробации, получив поручение, проводят исследование на предмет возможности привлечения осужденного к отбыванию наказания в виде общественной службы в два этапа.

Первый этап состоит:

- из первоначальной беседы, в ходе которой в первую очередь выясняется желание данного осужденного отбывать общественную службу, при этом разъясняются порядок и условия отбывания будущего наказания. Если подсудимый не возражает против возможности применения к нему данного вида наказания, то у него берется письменное согласие о желании отбывать общественную службу;

- сбора данных о личности подсудимого, причем собирать данные, характери-

зующие подсудимого, его социальное положение, можно только в государственных учреждениях (больницах, полицейских участках и т. п.). Опрос близких «клиента» (именно так в Финляндии называют осужденных, отбывающих наказания, альтернативные тюремному заключению), его соседей строго запрещен и может допускаться только с письменного согласия последнего.

Второй этап предполагает:

- более подробную беседу с подсудимым, в ходе которой с его слов еще раз выясняется семейное положение последнего, его трудовые навыки, отношение к употреблению наркотиков и алкоголю, криминальное прошлое;

- изучение его самооценки по исполнению общественно полезных работ, подготовку отчета и направление в окружную прокуратуру, которая направляет полученные данные в окружной суд для принятия окончательного решения вопроса в отношении подсудимого.

Отметим, что в Финляндии существует наказание в виде надзора за осужденным, по своим характеристикам схожее с условным осуждением в России. Различие между ними заключается в том, что по российскому законодательству отмена условного осуждения предполагает и снятие судимости, а в Финляндии «судимость погашается не сразу с отменой надзора»².

Таким образом, видим, что в пенитенциарных системах Великобритании, Финляндии и России наблюдаются сходные черты. В настоящее время Управлением ФСИН России по Ивановской области разрабатывается и уже частично реализуется программа взаимодействия в целях обмена опытом со службами исполнения наказаний Великобритании и Финляндии.

Иллюстрируя применение положительного опыта на территории России, следует отметить принятое руководством ФСИН России решение о внедрении в практику браслетов для осуществления контроля за осужденными.

¹ См.: Князев А. В. Роль правоохранительной системы Финляндии в назначении и исполнении наказаний, альтернативных тюремному заключению // Суд и Правосудие. 2005. № 4. С. 55.

² Князев А. В. Служба пробации Финляндии ознакомилась с деятельностью уголовно-исполнительных инспекций УФСИН России по Ивановской области // Суд и Правосудие. 2007. № 1. С. 84.

Библиографический список

1. Князев, А. В. Английские альтернативы / А. В. Князев // Суд и Правосудие. – 2006. – № 3.
2. Князев, А. В. Роль правоохранительной системы Финляндии в назначении и исполнении наказаний, альтернативных тюремному заключению / А. В. Князев // Суд и Правосудие. – 2005. – № 4.
3. Князев, А. В. Служба пробации Финляндии ознакомилась с деятельностью уго-

А. С. Колосов,
*старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России*
кандидат юридических наук

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ (ОБЩЕСТВЕННЫХ) РАБОТ

При реформировании системы наказаний следует учитывать и использовать зарубежные достижения в рассматриваемой сфере. «Подлинный прогресс цивилизации несомненно связан с приобщением к общемировому опыту и общечеловеческим ценностям, к всемирной культуре»¹.

Представляется, что опыт, накопленный другими государствами в сфере применения наказания в виде обязательных работ за последние несколько десятилетий, является весьма ценным для России. Его анализ позволил выявить положительные и отрицательные стороны применения наказаний, аналогичных обязательным работам в зарубежных странах. В связи с этим станет возможным преодолеть ряд трудностей, с которыми сталкивались и сталкиваются правоприменители за рубежом, и сделать исполнение рассматриваемого наказания в России более эффективным.

Практически во всех странах название рассматриваемой меры дословно переводится как общественные (общественно полезные) работы. Общественные работы как вид наказания впервые были введены в

ловно-исполнительных инспекций УФСИН России по Ивановской области / А. В. Князев // Суд и Правосудие. – 2007. – № 1.

4. Кукконен, М. Л. Особенности функционирования правоохранительной системы Финляндии при назначении и исполнении наказаний альтернативны тюремному заключению / М. Л. Кукконен, Р. Лавикалла, А. В. Князев // Сб. материалов междунар. заочной науч.-практ. конф. / ИФ ВЮИ ФСИН России. – Иваново, 2007.

Уголовный кодекс Швейцарии в 1971 г. и применялись только в отношении несовершеннолетних правонарушителей в возрасте от 7 до 18 лет. Позднее общественные работы в Швейцарии назначались в качестве основного наказания несовершеннолетним, а дополнительного – взрослым в некоторых кантонах страны. Таким образом, уголовное законодательство Швейцарии первым на Западе признало общественные работы в качестве основного вида наказания².

В 80–90-е гг. XX в. общественные работы получили широкое распространение в системе наказаний. Их законодательному закреплению, а также практическому применению предшествовали серьезные эксперименты во многих странах (например, в Финляндии, Швеции, Бельгии, Венгрии). В настоящее время общественные работы применяются в Швейцарии, Великобритании, Дании, Франции, Германии, Израиле, Италии, Люксембурге, Нидерландах, Финляндии, Португалии, Чехии, Канаде, США и других странах³.

Для того чтобы иметь представление о подходах к организации и правовому регулированию исполнения наказаний, аналогичных российским обязательным работам в различных регионах мира, необходимо рассмотреть, как решаются эти вопросы в отдельных государствах.

Наказание в виде общественно полезных работ стало применяться в Швеции с

² См.: Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: Учеб. пособие / Под ред. и с предисл. И. Д. Козочкина. М., 2003. С. 91.

³ См.: Антонян Е. А. Наказания, не связанные с лишением свободы: правовая природа, назначение и исполнение: Учеб. пособие. Рязань, 2005. С. 77–78.

¹ Ефремова Н. Н. Судебные реформы в России: традиции, новации, проблемы // Государство и право. 1996. № 11. С. 85–91.

1991 г. в пяти районах, а с 1993 г. – по всей стране. Оно было разработано специально с целью применения к молодым правонарушителям (до 25 лет), которые в противном случае могли быть осуждены к тюремному заключению сроком до одного года. С января 1999 г. данный вид наказания стал применяться в отношении условно осужденных к лишению свободы, кроме того, практика назначения общественно полезных работ была распространена на правонарушителей, относящихся к иным возрастным категориям¹.

Наказание предполагает осуществление под надзором инспектора службы пробации неоплачиваемого общественно полезного труда на срок от 40 до 200 ч, который определяется судом с учетом серьезности и общественной опасности преступления². В решении суда о назначении общественно полезных работ помимо количества «трудовых» часов указывается срок тюремного заключения, который придется отбыть осужденному в случае, если он будет злобно нарушать условия отбывания общественно полезных работ. Суд не может определять место и характер работ, это входит в компетенцию службы пробации.

В Финляндии суд может применить общественно полезные работы вместо безусловного приговора к тюремному заключению. Общественно полезные работы в Финляндии – это обычная, но неоплачиваемая работа под надзором³. Данный вид наказания заключается в выполнении осужденным регулярных бесплатных общественно полезных работ под надзором инспектора службы пробации.

В целях строгого соблюдения требования назначения общественно полезных работ взамен условного лишения свободы установлена специальная двухэтапная процедура. В начале суд применяет стандартные

принципы оценки противоправного деяния и, не учитывая возможность назначения общественно полезных работ, принимает решение о назначении наказания. В случае, если суд приходит к выводу, что лицу может быть назначено наказание в виде условного лишения свободы, он принимает решение о назначении общественно полезных работ при соблюдении следующих требований:

- срок условного лишения свободы составляет не более 9 мес.;
- осужденный не возражает против назначения ему этого вида наказания.

После назначения наказания в виде общественно полезных работ инспектор службы пробации совместно с представителем организации, которая предоставляет место работы, составляет план исполнения наказания. Осужденный имеет право высказать свое мнение, которое должно быть заслушано при составлении плана.

Финский закон гласит, что наказание в виде общественно полезных работ может назначаться на срок от 12 до 200 ч. На практике продолжительность наказания зависит от срока лишения свободы, предусматривавшегося изначальным приговором. При этом один день лишения свободы приравнивается к одному часу общественно полезных работ. Таким образом, например, лишение свободы на срок, равный двум месяцам, составит 60 ч общественно полезных работ. Как правило, общественно полезные работы отбываются осужденным по 3–4 ч два раза в неделю.

Сравнительно короткий срок применения общественно полезных работ показал, что они составляют серьезную альтернативу лишению свободы. В среднем суд назначает наказание в виде общественно полезных работ в 3,5 тыс. случаях в год. Это составляет порядка 35–40 % приговоров, в которых формальные основания (срок до 9 мес.) позволяют заменить условное лишение свободы отбыванием общественно полезных работ. В более чем половине случаев общественно полезные работы назначаются за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. В год в среднем отбывается 250 – 300 тыс. ч общественно полезных работ. Обычный срок таких работ, назначаемый судом, составляет от 70 до 90 ч. Сравнительно невысоки по-

¹ См.: Обзор законодательства скандинавских и балтийских стран по службе пробации (уголовному надзору). Серия «Права человека». СПб., 2005. С. 203–204.

² См.: Уголовный кодекс Швеции / Науч. ред. Н. Ф. Кузнецова и С. С. Беляев; пер. С. С. Беляева. СПб., 2001. С. 6.

³ См.: Багреева Е. Пенитенциарная система Финляндии // Преступление и наказание. 1995. № 8. С. 23–25.

казатели нарушений условий отбывания наказания, приводящих к изменению решения суда (11–15 %)¹.

Общественные работы во Франции были введены в соответствии с законом, принятым в Парламенте единогласно всеми политическими партиями 10 июня 1983 г. Это произошло не случайно, а в результате воздействия нескольких факторов, к которым относились: резкое увеличение численности заключенных; проведение различных экспериментов в сфере альтернативных мер наказаний во Франции и за рубежом; изменение представлений о мерах по предупреждению преступности.

Общественно полезные работы назначаются в объеме от 40 до 240 ч бесплатных работ на благо местной общины, государственного учреждения или признанной благотворительной организации и должны выполняться в течение предусмотренного в законе срока (максимум 18 мес., хотя данный срок может быть увеличен судьей в связи с теми или иными обстоятельствами, например, по причине состояния здоровья, в связи с основной работой и т. д.).

Осужденный правонарушитель должен присутствовать на заседании суда и дать свое согласие на такую санкцию. Общественные работы не могут быть назначены в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

Существуют два основных вида приказов об общественных работах, предусмотренных в законодательстве: общественно полезные работы как основная мера наказания (например 200 ч в течение 6 мес.); общественно полезные работы в сочетании с отсрочкой исполнения приговора (например, отсрочка тюремного заключения на 3 мес. с требованием выполнить общественно полезные работы в объеме 200 ч в течение 6 мес.).

На практике общественно полезные работы применяются в отношении трех категорий правонарушителей:

- лиц, впервые совершивших непреднамеренное тяжкое преступление;
- серийных преступников, совершивших мелкие правонарушения или преступления средней степени тяжести;

– нарушителей правил дорожного движения, относящихся к первым двум категориям.

В Великобритании в соответствии с парламентским Актом 1973 г. и Правилами исполнения общественных работ 1989 г. суд может назначить рассматриваемый вид наказания как альтернативу тюремному заключению на определенное количество часов – от 40 до 240 (для лиц в возрасте 16 лет – 120 ч)².

Цель наказания состоит в том, что осужденный должен в свободное время выполнить определенную работу на благо общества, загладить ущерб, причиненный преступлением.

Основными требованиями закона являются желание осужденного, его готовность и физическая возможность выполнить работу, которые необходимы и обязательны для вынесения судебного решения.

В основном работа ведется в группах из 5–6 человек под наблюдением сотрудника. Виды работ могут быть самыми разнообразными: ремонт, покраска, уборка территории и т. д.

После отработки 21 ч под наблюдением сотрудника на так называемых «практических» работах (уборка, ремонт и т. д.) осужденный может быть направлен в дом для престарелых, молодежный клуб или больницу для оказания помощи этим категориям граждан, т. е. для выполнения социальной работы.

Каждому осужденному вручается текст договора, в котором формулируются его обязанности и права. Договор подписывается осужденным и сотрудником. Указывается имя последнего, его контактные телефоны, адрес отдела, часы работы (с 9.00 до 17.00) и номер круглосуточного телефона с автоответчиком.

По нашему мнению, интересен также опыт введения наказания в виде общественных работ в Латвии. Данный вид наказания появился в латвийской системе наказаний в апреле 1999 г. с введением в действие нового Уголовного кодекса. В зависимости от своих размеров органы местного самоуправления должны были создавать от-

¹ См.: Обзор законодательства скандинавских и балтийских стран по службе пробации (уголовному надзору). С. 145–147.

² См.: Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): Сб. законодат. материалов / Под ред. И. Д. Козочкина. М., 2001. С. 20–41.

делу общественной службы или назначать ее координатора. Работа координаторов заключается в том, чтобы в органах местного самоуправления или благотворительных организациях найти рабочее место, на котором мог бы работать осужденный¹.

В Латвийском Уголовном законе² из 518 видов преступлений общественные работы предусматриваются за 91 из них (17,6 %). При этом на практике они назначаются, как правило, за управление транспортным средством в нетрезвом виде, кражу, грабеж, мошенничество, незаконную рубку деревьев и преднамеренное нанесение телесных повреждений средней тяжести. По данным Департамента судебной статистики Министерства юстиции Латвии применение данного наказания постоянно увеличивается.

Таким образом, во многих странах, где общественные работы либо уже стали, либо становятся реальной альтернативой лишению свободы, максимальный срок данного наказания существенно превышает предусмотренный российским законодательством (240 ч) и в ряде государств достигает 500 ч. Подобный зарубежный опыт,

по нашему мнению, весьма ценен для России и должен быть заимствован. Необходимо также использовать зарубежные наработки в части применения досрочного освобождения от наказания лиц, отбывающих общественные работы, как средства стимулирования их правопослушного поведения и добросовестного исполнения ими возложенных на них обязанностей. Кроме того, зарубежный опыт указывает на возможность расширения способов назначения данной меры: в качестве обязанности при условном осуждении, как дополнительного наказания, а также в качестве одной из принудительных мер воспитательного воздействия, назначаемых несовершеннолетним осужденным.

Библиографический список

1. *Антонян, Е. А.* Наказания, не связанные с лишением свободы : правовая природа, назначение и исполнение : учеб. пособие / Е. А. Антонян. – Рязань, 2005.
2. *Уголовное право зарубежных государств. Общая часть : учеб. пособие / под ред. и с предисл. И. Д. Козочкина.* – М., 2003.

С. П. Фокина,

*преподаватель кафедры
профессиональной языковой подготовки
ВЮИ ФСИН России*

ШКОЛЫ ПРАВА В США: ИСТОКИ И РАЗВИТИЕ

Одной из важнейших современных задач государства в области высшего образования являются интеграция российской системы высшего профессионального образования и западноевропейской и сохранение положительного опыта отечественных вузов³. Проекты в области управления каче-

ством высшего образования и определения наиболее эффективных образовательных учреждений получили международный резонанс и проводятся при постоянной поддержке Национального фонда подготовки кадров, программой Темпус-Тасис Европейского союза, Бюро CROSS, Ассоциацией голландских университетов NIFFIK и др.⁴

Анализ правовых школ в контексте их исторического развития и реорганизации в Соединенных Штатах Америки позволит проследить не только процесс формирования и эволюции американского юридического образования, но и определить оптимальные пути совершенствования отечественной образовательной системы.

¹ См.: Стерн Вивьен. Разработка мер, альтернативных тюремному заключению в странах Центральной и Восточной Европы и Средней Азии: Справ. Будапешт, 2002. С. 48–49.

² См.: Уголовный закон с примечаниями А. Юдина / Пер. и примеч. А. Юдина. Рига, 2001.

³ См.: О реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации: Приказ М-ва образования и науки РФ от 15 февр. 2005 г. № 40 // <http://zakono.ru>.

⁴ См.: Решение Совета по координации управления качеством высшего профессионального образования от 21 дек. 2005 г. г. Москва // Бюл. М-ва образования и науки РФ. 2006. № 4. С. 21; Высшее образование России. Доступность. Качество. Конкурентоспособность: Постановление 8-го съезда Российского союза ректоров от 8–9 июня 2006 г. № 1 // Бюл. М-ва образования и науки РФ. 2006. № 8. С. 18–19.

В первую очередь нужно отметить, что система юридического образования в Соединенных Штатах Америки претерпела серьезные изменения в процессе развития. У истоков правового образования в США стояло так называемое формальное юридическое образование, или ученичество в адвокатской конторе.

В первые годы существования республики американцы с подозрением относились к любым профессиональным привилегиям и профессиональным образовательным организациям. Именно поэтому большинство штатов не вводило официальных требований в отношении образования или экзаменов для юристов; для осуществления юридической практики требовалось не более чем несколько лет ученичества в адвокатской конторе.

Ученичество в адвокатской конторе представляло собой в основном работу с документацией, изучение проведенных дел, переписывание юридических документов, консультации и пассивное наблюдение за практикой адвоката-наставника.

Однако формальное юридическое образование в офисе практикующего адвоката не ограничивалось только наблюдением за работой наставника, оно также заключалось в изучении необходимого минимума общих и правовых дисциплин: латыни, математики, геометрии, счета, истории, географии, логики, риторики, богословия. Особое внимание уделялось изучению общего права. В таком виде система юридического образования в США просуществовала до середины XIX в.

По замечаниям специалистов в области права, в это же время зарождались основы юридического образования в рамках института, хотя наличие формального образования по-прежнему было вполне достаточным для получения права адвокатской практики в суде.

Альтернативой ученичеству, или формальному юридическому образованию в США выступали частные юридические школы. Начиная с конца XVII в. были основаны несколько юридических школ, в том числе знаменитая Личфилдская школа права в западной части штата Коннектикут и несколько юридических факультетов в колледже Уильяма и Мэри, Гарвардском и

Колумбийском университетах. Для поступления в эти учебные заведения требовался лишь аттестат о среднем образовании, и юриспруденцию в них преподавали только год или два.

Первой частной юридической школой США принято считать Личфилдскую (Litchfield School of Tapping Reeve and James Gould). Она была основана в 1784 г. судьей Ривом и просуществовала до 1833 г. Выпускники Личфилда, как и других первых юридических школ, становились влиятельными социальными и политическими деятелями.

Школа права Личфилда в течение долгого времени служила моделью для других юридических школ США. Согласно имеющейся статистике, к 1835 г. в США функционировали 18 частных юридических школ, многие из которых просуществовали достаточно недолго, что было вызвано жесткой конкуренцией со стороны постепенно набирающих силу юридических школ при университетах.

Рост популярности университетов объяснялся социальными преобразованиями, характерными для страны 1870-х гг. Бурный прогресс естествознания, престиж первоклассных европейских университетов, острая потребность в просвещенных талантах в промышленном руководстве и органах власти – все это породило доверие к хорошо подготовленным профессионалам и усилило спрос на организованные структуры профессионального образования. Такими образовательными структурами выступали юридические колледжи и университеты¹.

С целью введения новых образовательных стандартов в США стали появляться юридические ассоциации, основанные ведущими адвокатами, например, Ассоциация юристов Нью-Йорка (1870 г.) и Ассоциация американских юристов (1878 г.). Эти реформы в области высшего профессионального образования были продиктованы желанием американского правительства закрыть такие альтернативные пути, как ученичество и окончание вечерних и заочных учебных заведений, и сохранить эту профессию для американцев, окончивших колледжи.

¹ См.: Роберт У. Гордон. Юридическое образование в США: истоки и развитие // <http://usinfo.state.gov/journals/itdhr/0802/ijdr/gordon.htm>.

Следующим этапом в развитии юридического образования в США стало становление правовых школ при университетах.

Изначально таких школ права при университетах на территории США было немного, но со временем их число значительно выросло. Благодаря статистике, приведенной руководителем Центра исследований в области права Восточной Азии специалистом-правоведом Сьюзан Кэтчер, можно проследить динамику появления школ права по годам: 1850 г. – 15; 1860 г. – 21; 1870 г. – 31; 1880 г. – 51; 1890 г. – 61; 1900 г. – 102; 1910 г. – 124; 1920 г. – 146¹.

Юридические школы открывались на базе известного в США Университета Уильяма и Мэри (1779 г., в то время еще колледжа), Университета Филадельфии (1790 г.), Колумбийского университета (1793 г.), Университета Трансильвании (1799 г.) и Университета штата Мэриленд (1816 г.).

Большинство преподавательского состава и руководства университетов были влиятельными и видными фигурами в истории права Соединенных Штатов Америки.

Анализ программ разных юридических колледжей, университетов помог выявить, что различия были как в преподаваемых аспектах права, так и в продолжительности курса обучения, который варьировался от года до 5 лет.

Можно говорить о существовании в тот период двух основных признанных моделей юридических школ: гарвардская (сокращенная программа обучения) и виржинская (расширенный курс).

В северных штатах господствовала гарвардская модель юридического образования. Она полностью исключала необходимость получения профессионального образования до поступления в институт. Продолжительность курса обучения составляла 18 месяцев (для получения степени бакалавра юридических наук) или 12 месяцев для тех, кто уже получил право адвокатской практики в суде.

В программу гарвардской школы права в 1835 г. были включены следующие разде-

лы: право собственности, право справедливости, конституционное право, уголовное право, судебные прения и т. д. В 1870 г. учебный план был дополнен разделом «Деликт, или гражданское правонарушение». В программу периодически добавлялись предметы правового цикла, такие как: международное право, гражданское право, парламентское законодательство.

Другой подход к изучению права в США существовал на юге страны. Там юридические школы адаптировали модель Университета штата Виржинии. Эта юридическая школа была основана в 1825 г. и стала воплощением образовательных идей Т. Джефферсона.

Сравнивая гарвардскую модель и программу школы права Виржинии, можно обнаружить некоторое сходство стандартов. Например, требования для поступления оказались идентичными, т. е. обучение в колледже до поступления в университет было необязательным условием. Так же, как и гарвардская модель, продолжительность полного курса обучения в южных школах права составляла изначально около года. Программа Университета штата Виржинии носила более развернутый характер за счет лекций по истории государства и права и изучения работ известных правоведов.

Следует заметить, что гарвардская модель юридического образования со временем не потеряла своей популярности в США. В конце XVIII в. в учебный план юридической школы Гарварда были внесены необходимые коррективы. От абитуриентов стали требовать определенной подготовки в колледже и в конечном счете диплома колледжа. В гарвардской юридической школе права была введена трехлетняя программа последовательных курсов с регулярными экзаменами по каждому предмету. Чтобы преподавать юриспруденцию как строгую науку, учебный план был ограничен тематикой частного права. Разработанная по нему учебная программа до сих пор применяется почти всеми юридическими факультетами: гражданские иски, имущественное право и т. д.). С целью восполнения пробелов в практической деятельности в программу Гарвардской школы права были включены учебные судебные

¹ См.: Katcher S. International Conference on Legal Education: Legal Training in the United States: a Brief History// The Regents of the University of Wisconsin: Int. Law J. 2006. Winter. Vol. 12. № 1. P. 335.

процессы, на которых студенты разбирали гипотетические дела перед настоящими судьями. В итоге гарвардская модель юридического образования была принята повсеместно в США.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующий вывод: американские школы права в своем историческом развитии претерпели значительные изменения. С течением времени менялись формы обучения, вносились коррективы в организацию учебы, программы курса и условия проведения экзаменов. После двух столетий изоляции школы права США добились мирового признания в сфере юридического образования.

Сегодня, когда Россия провозгласила себя правовым государством (ст. 1 Конституции РФ), совершенствование системы подготовки юристов должно осуществляться с учетом положительной мировой юридической и образовательной практики, а также ценного наследия отечественного опыта.

А. В. Шадловский,
преподаватель кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Ивановского филиала ВЮИ ФСИН России

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Стремление России к интеграции с европейским сообществом требует всестороннего, полного и глубокого анализа зарубежного пенитенциарного опыта на законодательном и исполнительном уровнях. Вопросы уголовной ответственности и уголовного наказания были и остаются предметом серьезного изучения отечественной и зарубежных школ права.

В настоящее время во всем мире повышенное внимание уделяется проблемам наказания лиц, не достигших совершеннолетнего возраста.

В частности, Конвенция о правах ребенка определяет необходимость применения к несовершеннолетним правонарушителям мер, заменяющих их помещение в специ-

Библиографический список

1. О реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации : [приказ М-ва образования и науки Рос. Федер. от 15 февр. 2005 г. № 40]. – Режим доступа: <http://zakono.ru>.

2. *Гордон, Роберт У.* Юридическое образование в США: истоки и развитие / Роберт У. Гордон. – Режим доступа: <http://usinfo.state.gov/journals/itdhr/0802/ijdr/gordon.htm>.

3. *Jones, Mark L.* Fundamental Dimensions of Law and Legal Education: An Historical Framework – A History of U.S. Legal Education Phase I: From the Founding of the Republic until the 1860s / Mark L. Jones // *The John Marshall Law School the John Marshall Law Review*. – 2006. – Summer. – Vol. 32. – P. 1180.

4. *Katcher, Susan.* International Conference on Legal Education: Legal Training in the United States: a Brief History / Susan Katcher // *The Regents of the University of Wisconsin: Intern. Law J.* – 2006. – Winter. – Vol. 12. – № 1. – P. 335.

альные учреждения¹. Пекинские правила предусматривают в отношении несовершеннолетних дополнительные меры, альтернативные заключению под стражу: институт опеки, probation, работа на благо общины, финансовые наказания, компенсация и реституция, принятие промежуточных и других мер, участие в групповой психотерапии, передача на воспитание в места проживания и др.²

Для реализации указанных подходов уголовное законодательство развитых демократических стран регламентирует различные возможности применения и исполнения наказаний. Так, современные уголовно-политические стратегии наказания подростков основываются на принципах

¹ См.: Конвенция о правах ребенка: Принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения резолюцией 44/25 Ген. Ассамблеи ООН от 20 нояб. 1989 г. (ратифицирована Постановлением ВС СССР от 13 июня 1990 г. № 1559-1) // Сб. междунар. договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

² См.: Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Пекинские правила) // Международные акты о правах человека: Сб. док. / Сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. 2-е изд., доп. М., 2002. С. 294–316.

использования широкого арсенала уголовно-правовых средств принуждения и исправления, желательно без применения суровых мер, связанных с принудительной изоляцией от общества. Н. А. Стручков по этому поводу отмечает: «Система наказаний, ее построение, целесообразность применения всех ее видов имеет важное практическое значение. “Действовать”, т. е. применяться более или менее равномерно, должна вся система наказаний, все их виды, за исключением смертной казни, носящей чрезвычайный характер»¹.

Термин «альтернативные наказания» впервые появился в европейской юридической литературе. Критериями отнесения наказания к числу альтернативных являются: иной, чем изоляция от общества, механизм воздействия на осужденного; статус наказания как основного, в соответствии с которым оно могло бы рассматриваться наряду с лишением свободы на равных основаниях при определении меры ответственности лицу, признанному виновным в совершении преступления, и применяться именно вместо лишения свободы, а не параллельно с ним за другие преступные деяния².

Содержание механизма воздействия на осужденного при альтернативном наказании включает материальное возмещение ущерба, труд либо исполнение определенных обязанностей.

В УК РФ предусмотрен специальный раздел (разд. 5), посвященный особенностям уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних. В ст. 88 УК РФ перечислены виды наказаний, применяемых к данной возрастной категории. Из них к числу альтернативных можно отнести следующие: штраф, запрещение заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы.

По нашему мнению, наиболее полно отражающим современную парадигму применения наказаний в отношении несовер-

шеннолетних правонарушителей в европейском сообществе является наказание в виде обязательных работ. Остальные виды из действующей системы наказаний несовершеннолетних не эффективны для российской пенитенциарной практики, поскольку имеют выраженный экономический (имущественный) карательный акцент.

Продолжением гуманизации уголовно-исполнительной политики Российского государства явилось принятие Федерального закона «О введении в действие положений Уголовного кодекса РФ и Уголовно-исполнительного кодекса РФ о наказании в виде обязательных работ»³.

Таким образом, считаем целесообразным более подробно рассмотреть особенности применения и исполнения данного вида наказания в отношении несовершеннолетних осужденных.

Поскольку в ч. 2. ст. 1 УК РФ закреплён приоритет общепризнанных принципов и норм международного права, интерес представляют основные подходы к определению содержания данного вида наказания за рубежом.

Обязательные работы как вид уголовного наказания, в том числе в отношении несовершеннолетних, предусмотрен в современном уголовном законодательстве ряда зарубежных стран (ч. 85.1.2 ст. 85 УК Азербайджана, ч. 1 ст. 109 УК Беларуси, ч. 1 ст. 82 УК Грузии, ч. 1 ст. 79 УК Казахстана, ч. 1 ст. 65 УК Латвии, ч. 1 ст. 90 УК Литвы, ч. 1 ст. 98 УК Украины).

Прежде всего, необходимо проанализировать различные подходы к наименованию уголовного наказания в виде обязательных работ, используемые в законодательстве зарубежных стран, поскольку от этого напрямую зависит механизм их правового регулирования.

Так, в уголовном законодательстве Норвегии, Дании, Голландии, Беларуси, Грузии, Украины, Казахстана, Киргизии, Литвы в названии обязательных работ указы-

¹ См.: Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. С. 5.

² См.: Дворянсков И. В., Сергеев В. В., Баталин Д. Е. Применение альтернативных видов наказаний в Западной Европе, США и России (сравнительно-правовое исследование). М., 2004. С. 50–51.

³ См.: О введении в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде обязательных работ: Федер. закон от 28 дек. 2004 г. № 177-ФЗ // Рос. газ. 2004. 30 дек.

вается, что они носят общественный или публичный характер. Правовые акты других зарубежных стран в наименовании обязательных работ отмечают, что они проводятся на пользу или в интересах общества (Франция), либо подчеркивается их принудительный характер (Латвия) или бесплатность (Молдова).

Таким образом, анализ используемых наименований уголовного наказания в виде обязательных работ в зарубежных нормативных правовых актах позволяет выделить приоритетные признаки, которые стремится указать законодатель в названии рассматриваемого уголовного наказания, в частности: их бесплатность, публичный и принудительный характер, полезность для общества.

Следует отметить, что указание того или иного признака в названии обязательных работ не исключает существование и иных признаков.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ внесено изменение в п. 4 ст. 26 уголовно-исполнительного законодательства РФ («Условия исполнения и отбывания наказания в виде обязательных работ»), определившее безвозмездную основу выполнения осужденными обязательных работ¹.

В иерархии российской системы уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних (ст. 88 УК РФ), ориентирующей суд на их преимущественное применение, обязательные работы стоят после штрафа и лишения права заниматься определенной деятельностью. В зарубежном уголовном законодательстве обязательные работы по отношению к уголовному наказанию в виде штрафа в одних странах закрепляются законодателем как наиболее тяжкий вид наказания (Латвия, Молдова, Украина, Азербайджан, Грузия, Казахстан), в других – как менее тяжкий (Беларусь, Литва, Киргизия).

Кроме того, в уголовном законодательстве большинства рассматриваемых зарубежных стран, как и в законодательстве Российской Федерации, обязательные работы предусматриваются в качестве основного вида уголовного наказания: Азербай-

джан, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдова, Украина. Однако во Франции (ст. 131-3 УК Франции) отсутствует указание на то, что обязательные работы применяются в качестве основного вида наказания². В некоторых странах обязательные работы предусматриваются как в качестве основного, так и дополнительного наказания (ч. 3 ст. 48 УК Беларуси)³, УК Испании указывает, что общественные работы могут являться дополнительными (ч. 5 ст. 33)⁴.

Следует отметить, что в ряде стран (Англия, Литва и др.) уголовные наказания не классифицируются на основные и дополнительные, а обязательные работы следует рассматривать в качестве альтернативного вида наказания.

В соответствии с зарубежным уголовным законодательством отдельных стран обязательные работы могут быть назначены одновременно с некоторыми мерами уголовно-правового характера, например с условным осуждением или пробацией.

В соответствии с Законом об уголовной юстиции 1991 г. в Англии и Уэльсе применяются комбинированные приказы о пробации и предоставлении услуг обществу в случае, когда суд признает лицо в возрасте 16 лет и старше виновным в совершении преступления, подлежащего тюремному заключению (наказание за которое точно в законе не установлено).

Обязательные работы в отношении несовершеннолетних в зарубежных странах устанавливаются на различные сроки: от 40 до 160 часов (ч. 85.3 ст. 85 УК Азербайджана); от 20 до 160 часов (ст. 85 УК Грузии, ч. 4 ст. 79 УК Казахстана); от 30 до 120 часов (ч. 1 ст. 100 УК Украины); от 30 до 180 часов (ст. 110 УК Беларуси); не более 240 часов (ч. 2 ст. 90 УК Литвы).

Российским законодательством срок обязательных работ для несовершеннолетних устанавливается от 40 до 160 часов.

При этом в уголовном законодательстве зарубежных стран в отношении различных

² См.: Уголовный кодекс Франции. СПб., 2002. С. 84.

³ См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб., 2001. С. 119.

⁴ См.: Уголовный кодекс Испании / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Ф. М. Решетникова. М., 1998. С. 22.

¹ См.: О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ: Федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 162-ФЗ // Парламент. газ. 2003. 11 дек.

возрастных категорий несовершеннолетних предусмотрена разная продолжительность обязательных работ в течение дня, недели (в Российской Федерации обязательные работы установлены: лицам в возрасте до 15 лет – не более 2 часов в день; лицам в возрасте от 15 до 16 лет – не более 3 часов в день). За рубежом подростки в возрасте до 15 лет привлекаются к отбыванию обязательных работ на срок не более 2 часов в день (ч. 85.3 ст. 85 УК Азербайджана, ст. 85 УК Грузии, ч. 4 ст. 79 УК Казахстана), в возрасте от 15 до 16 лет – 3 часов в день (ч. 85.3 ст. 85 УК Азербайджана), от 15 до 18 лет – 3 часов в день (ст. 85 УК Грузии), от 16 до 18 лет – 3 часов в день (ч. 4 ст. 79 УК Казахстана), 2 часов в день (ч. 1 ст. 100 УК Украины), 3 часов в день и 3 дней в неделю (ст. 110 УК Беларуси).

В соответствии с уголовным законодательством ряда стран (ч. 85.3 ст. 85 УК Азербайджана, ст. 110 УК Беларуси, ст. 85 УК Грузии, ч. 4 ст. 79 УК Казахстана) обязательные работы, применяемые к несовершеннолетним, должны быть посильными для них. Аналогичное положение предусматривает ч. 3 ст. 88 УК РФ: «обязательные работы... заключаются в выполнении работ, посильных для несовершеннолетнего осужденного».

При этом согласно уголовному законодательству большинства зарубежных стран (ч. 85.3 ст. 85 УК Азербайджана, ст. 110 УК Беларуси, ст. 85 УК Грузии, ч. 4 ст. 79 УК Казахстана, ч. 1 ст. 100 УК Украины) обязательные работы в отношении несовершеннолетних исполняются в свободное от уче-

бы или основной работы время (такое же положение предусматривает и уголовное законодательство Российской Федерации).

Таким образом, в целом содержание наказания в виде обязательных работ в отношении несовершеннолетних, а также порядок и условия его исполнения в России не отличаются от принятых за рубежом стандартов. Это свидетельствует о всестороннем учете зарубежного опыта применения уголовного наказания при подготовке проектов Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов РФ.

Однако работа по дальнейшему реформированию отечественного уголовного и уголовно-исполнительного законодательства не завершена. В настоящее время внесено более сотни изменений и дополнений в действующее пенитенциарное законодательство. Очевидно, что изучение зарубежного опыта в рассматриваемой сфере реально способствует повышению эффективности исполнения уголовных наказаний в России.

Библиографический список

1. *Дворянсков, И. В.* Применение альтернативных видов наказаний в Западной Европе, США и России (сравнительно-правовое исследование) / И. В. Дворянсков, В. В. Сергеев, Д. Е. Баталин. – М., 2004.
2. О введении в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде обязательных работ : федер. закон от 28 дек. 2004 г. № 177-ФЗ // Рос. газ. – 2004. – 30 дек.

Т. Н. Абозина,
*соискатель кафедры
уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России*

**ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ
ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ И СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ**

Основным содержанием уголовного процесса является специфический вид познавательной деятельности, именуемый доказыванием. Он направлен на решение главной задачи – выяснение обстоятельств свершившегося юридического факта – преступления и распространяется на все стадии, в том числе предварительное расследование и судебное следствие.

Однако главным содержанием судебного следствия в отличие от предварительного является не собирание доказательств, а их исследование и проверка. Уголовный процесс построен таким образом, что на каждом последующем этапе устанавливается правильность выполнения задач предшествующей процессуальной деятельности. Соответственно в судебном следствии проверяются законность и обоснованность обвинений, предъявленных в ходе предварительного расследования подсудимому.

Отсюда производимые в судебном следствии следственные действия отличаются от следственных действий, осуществляемых в ходе предварительного расследования. В гл. 37 УПК РФ содержится перечень судебных действий: допрос подсудимого (оглашение показаний), допрос потерпевшего (оглашение показаний), допрос свидетелей (оглашение показаний), допрос эксперта (оглашение показаний), производство судебной экспертизы, осмотр вещественных доказательств, осмотр местности и помещения, следственный эксперимент, предъявление для опознания, освидетельствование, оглашение протоколов следственных действий и иных документов.

В настоящее время в юридической науке отсутствует единая точка зрения по вопро-

су, является ли указанный перечень процессуальных действий исчерпывающим для судебного следствия. По мнению отдельных специалистов, в судебном следствии возможно производить любые следственные действия, предусмотренные УПК РФ¹. Другие указывают на возможность совершения только некоторых действий (например, обыск) кроме перечисленных в гл. 37 УПК РФ, посвященной судебному следствию². Перспективной, на наш взгляд, является первая из указанных точек зрения. Это утверждение согласуется со ст. 86 УПК РФ, в которой закреплена возможность собирания доказательств в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ.

Вместе с тем необходимо отметить, что специфические условия осуществления судебного разбирательства объективно влияют на возможность и целесообразность совершения отдельных следственных действий. В частности, производство в судебном следствии таких следственных действий, как наложение ареста на почтово-телеграфные сообщения, контроль и запись переговоров, по нашему мнению, нецелесообразно ввиду утраты ими своего предназначения (тайного получения интересующих сведений).

Проблемным является вопрос о процессуальном порядке производства следственных действий в судебном следствии. Прежде всего необходимо различать инициаторов проведения соответствующего действия: субъекта, имеющего право назначить производство следственного действия, и лицо, его производящее.

Например, на стадии предварительного расследования инициатором проведения следственных действий могут быть участ-

¹ См.: Бозров В. М. Судебное следствие и криминалистика // Сов. юстиция. 1990. № 8. С. 11–12; Чеджемов Т. Б. Судебное следствие. М., 1979. С. 10.

² См.: Бессонов Г. О тактике судебного следствия // Сов. юстиция. 1988. № 13. С. 28.

ники как стороны обвинения, так и защиты. Последняя имеет право ходатайствовать о производстве следственных действий, однако это не означает, что они обязательно будут проведены. Процессуальное решение о проведении большинства следственных действий принимает субъект, осуществляющий предварительное расследование, в производстве которого находится уголовное дело. В определенных случаях прокурор дает согласие следователю на возбуждение ходатайства перед судом на проведение процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения, а суд принимает указанное решение.

Таким образом, следователь (дознатель) планирует расследование, может выступить инициатором, назначить и самостоятельно провести большинство следственных действий. Закон также предусматривает право следователя поручить выполнение отдельных следственных действий органам дознания.

В судебном следствии лицом, в производстве которого находится уголовное дело, является суд. Однако действующий процессуальный закон определяет роль суда (председательствующего) в проведении следственных действий неоднозначно. В одних случаях УПК РФ наделяет суд правом проявлять активность и принимать решения о проведении следственных действий, например, назначить судебную экспертизу, провести осмотр местности и помещения. В других – суд не вмешивается в процессуальную познавательную деятельность сторон. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 274 УПК РФ очередность исследования доказательств определяется стороной, представляющей доказательства. В ходе проведения допросов председательствующий последним задает вопросы.

Такая нечеткость в правовом регулировании не позволяет ответить на вопрос, кто является субъектом осуществления судебного следствия. По логике, таковым должен быть суд, так как именно в его производстве находится уголовное дело и именно он будет выносить приговор, т. е. окончательное процессуальное решение по делу.

Возникает также вопрос о том, кто должен проводить следственные действия, назначенные судом. В одних случаях их бу-

дет осуществлять сам суд. Например, следственный эксперимент назначается и производится судом с участием сторон. Но иногда возникают сложности. Это, в частности, касается обыска в ходе судебного следствия. Суд (председательствующий) не может, на наш взгляд, самостоятельно провести обыск или выемку, так как эти действия сопряжены с принуждением, что несовместимо со статусом суда.

Ходатайство о производстве обыска может заявить сторона защиты, поскольку, как известно, защитник не имеет права согласно закону проводить следственные действия. Как в данном случае должен поступить председательствующий? Он не может требовать от прокурора произвести данные действия, так как это сторона с процессуальным интересом, противоположным стороне защиты. Следовательно, он должен поручить проведение обыска (выемки) иным субъектам (например, органам дознания). Однако суду недопустимо, на наш взгляд, давать поручение органам дознания, поскольку согласно закону они также представляют сторону обвинения¹. Таким образом, осуществить обыск по инициативе стороны защиты не представляется возможным. Очевидна объективная необходимость введения специальных должностей в составе суда.

В качестве варианта разрешения данной ситуации *de lege ferenda* возможно поручение рассматриваемого следственного действия судебному приставу, но в соответствии с действующим законодательством проведение следственных действий не входит в его полномочия. Для этого необходимо внести коррективы в УПК РФ (ст. 86) и Федеральный закон «О судебных приставах» от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ² либо ввести иные специальные должности в аппарате суда.

Если инициатива в проведении обыска или выемки исходит со стороны государственного обвинителя, то прокурор может самостоятельно провести данные следст-

¹ В свое время В. Д. Арсеньев отмечал, что суд вправе произвести обыск и выемку. Если необходимо обыскать жилище, то суд выносит определение о производстве обыска, а выполняют его органы милиции или судебные исполнители (см.: *Арсеньев В. Д.* Вещественные доказательства в советском уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1957. С. 97–100.

² См.: СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3591.

венные действия, однако для этого требуется постановление (определение) суда. Вместе с тем его функция – поддержание государственного обвинения, а не осуществление расследования. Другая проблема заключается в том, что суд, огласив решение о проведении обыска, фактически ставит в известность заинтересованную сторону, поэтому необходимо проявить особую оперативность, чтобы была обеспечена внезапность обыска. Суд и участники процесса вправе, как нам представляется, присутствовать при проведении обыска, но только в качестве наблюдателей. Это, на наш взгляд, будет способствовать соблюдению требования непосредственности.

Таким образом, осуществить обыск в судебном следствии может лишь сторона обвинения – государственный обвинитель,

Д. А. Баландин,
*начальник кафедры экономических
и финансово-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент*

КОНКУРСНАЯ СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКАЗА КАК ФАКТОР ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Изначально основной целью формирования механизмов размещения государственного заказа являлось сокращение расходов государственных средств и противодействие их расхищению. Действенным механизмом в решении данных проблем стало конкурсное размещение государственного заказа среди потенциальных поставщиков.

Первое летописное упоминание конкурсной закупки для государственных нужд в России датируется XVII в. Известно, что Петр I, получив сведения о том, что в сфере государственных подрядов на поставку продовольствия и обмундирования армии совершаются значительные хищения, издал ряд законов, где было указано, что все подряды следует заключать публично и гласно; при всех переговорах и обсуждении дел во всех учреждениях обяза-

а значит, у сторон процесса неравные права на сбор дополнительных доказательств в этой стадии уголовного судопроизводства. Поэтому объективно требуется введение в суде специальных должностей для производства следственных действий.

Библиографический список

1. О судебных приставах : федер. закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ // СЗ РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3591.
2. Бозров, В. М. Судебное следствие и криминалистика / В. М. Бозров // Сов. юстиция. – 1990. – № 8. – С. 11–12.
3. Чеджемов, Т. Б. Судебное следствие / Т. Б. Чеджемов. – М., 1979. – С. 10.
4. Бессонов, Г. О тактике судебного следствия / Г. Бессонов // Сов. юстиция. – 1988. – № 13. – С. 28.

тельно вести протоколы и решения принимать только большинством голосов¹.

С течением времени конкурсная система российских государственных закупок развивалась и совершенствовалась².

В настоящее время основным нормативным правовым актом, регулирующим отношения в сфере размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд, является Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»³ от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ

¹ См.: Овсянников Ю. М. Петр Великий. Первый русский император. М., 2001. С. 157.

² См.: О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд: Федер. закон РФ от 2 дек. 1994 г. № 53-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3303; О поставках продукции для федеральных государственных нужд: Федер. закон РФ от 13 дек. 1994 г. № 60-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 34. Ст. 3540; О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд: Указ Президента РФ от 8 апр. 1997 г. № 305 // СПС «Гарант»; О конкурсах на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд: Федер. закон РФ от 6 мая 1999 г. № 97-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 19. Ст. 2302 и др.

³ См.: СЗ РФ. 2005. № 30. Ст. 3105.

(далее: Закон № 94-ФЗ), вступивший в силу с 1 января 2006 г.

Данный закон регламентирует отношения, возникающие в процессе размещения заказов на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и муниципальных нужд, а также устанавливает единый порядок размещения заказов в целях эффективного использования средств бюджетов и внебюджетных источников финансирования, расширения возможностей для участия физических и юридических лиц в размещении заказов, развития добросовестной конкуренции, обеспечения гласности и прозрачности размещения заказов.

Закон № 94-ФЗ является нормативным правовым актом прямого действия.

В России актуален вопрос о экономических преступлениях и, в частности, коррупции, что подтверждается рейтингом коррумпированности различных стран, согласно которому Российское государство попадает в число самых неэффективных государств мира (по данным руководителя Центра стратегических разработок М. Дмитриева)¹.

Закупки товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд могут являться весьма коррумпированной сферой и быть для отдельных чиновников и руководителей коммерческих структур значительным и весьма прибыльным источником получения незаконного дохода. Поэтому в соответствии со ст. 1 одной из целей Закона № 94-ФЗ является предотвращение коррупции.

По нашему мнению, следует дополнить содержание указанной статьи некоторыми данными.

Исследование, проведенное Национальной ассоциацией участников электронных торгов и межрегионального общественного движения «Против коррупции», показало, что совокупные потери государственного сектора от осуществления закупок по завышенным ценам составили в 2006 г. более 300 млрд рублей².

Следует заметить, что расходы бюджета Российской Федерации на уголовно-испол-

нительную систему в 2006 г. были запланированы в размере 76 млрд рублей.

По мнению Председателя Счетной палаты РФ С. Степашина, в России отсутствуют эффективный государственный заказ, честные и прозрачные тендеры³.

В рамках данной статьи предпринята попытка дать анализ Закона № 94-ФЗ как фактора предотвращения коррупции и иных преступлений экономической направленности в рассматриваемой сфере.

Целесообразно указать, что предотвращение коррупции и иных преступлений экономической направленности в сфере размещения заказов достигается реализацией следующих отдельных положений, предусмотренных в нормах данного закона, а также принятых в соответствии с ним подзаконных нормативных правовых актах.

1. Обеспечение гласности размещения заказов, достигаемое широкой информированностью неопределенного круга лиц, путем заблаговременной подачи соответствующих сведений в определенные печатные издания, а также через сеть Интернет⁴.

2. Деятельность соответствующих комиссий при проведении того или иного способа размещения заказов (конкурсная, аукционная или котировочная в количестве не менее 5 человек).

Необходимо отметить, что в соответствии со ст. 7 «Комиссии по размещению заказов» Закона № 94-ФЗ членами комиссии не могут быть физические лица, лично заинтересованные в результатах размещения заказа (в том числе физические лица, подавшие заявки на участие в конкурсе, аукционе или запросе котировок (далее: котировочные заявки) либо состоящие в штате организаций, подавших указанные заявки), либо физические лица, на которых способны оказывать влияние участники размеще-

³ См.: *Степашин С.* Модернизация: рывок России по плану Путина // Рос. газ. 2007. № 246 (4509).

⁴ Положения о пользовании официальными сайтами в сети Интернет для размещения информации о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд и о требованиях к технологическим, программным, лингвистическим, правовым и организационным средствам обеспечения пользования указанными сайтами: Постановление Правительства РФ от 10 марта 2007 г. // Рос. газ. 2007. 16 марта.

¹ См.: *Дмитриев М.* Не перегнуть трубу // Рос. газ. 2006 г. № 42 (4002).

² См.: *Смолякова Т.* Контрольная госзакупка // Рос. газ. 2007. № 231 (4494).

ния заказа (в том числе физические лица, являющиеся участниками (акционерами) этих организаций, членами их органов управления, кредиторами участников размещения заказа).

На наш взгляд, дефиниция «физические лица, на которых способны оказывать влияние участники размещения заказа (в том числе физические лица, являющиеся участниками (акционерами) этих организаций, членами их органов управления, кредиторами участников размещения заказа» весьма размыта с точки зрения юридической техники, так как такими лицами могут быть кто угодно, поэтому данное положение нуждается в законодательной корректировке. По нашему мнению, при такой корректировке возможно использование отдельных норм, предусмотренных законодательством в сфере налогообложения, и, в частности, пп. 2, 3 ч. 1 ст. 20 «Взаимозависимые лица» ч. 1 Налогового кодекса РФ.

3. Документальная фиксация действий уполномоченных лиц при размещении заказов (составление письменных запросов, протоколов и т. д.). При этом минимальный срок хранения документов по конкурсу – три года. Одновременно согласно ст. 12 постановления Правительства РФ от 10 марта 2007 г. № 147 орган, уполномоченный на ведение официального сайта РФ, субъекта РФ и муниципальных образований в сети Интернет, должен вести электронный журнал учета операций, обеспечивать контроль за целостностью информации и ее защиту от несанкционированного изменения, копирования и уничтожения, а также хранение информации в течение 10 лет.

4. Обязанность заказчика, уполномоченного органа, специализированной организации осуществлять аудиозапись вскрытия конвертов с заявками на участие в конкурсе и открытия доступа к поданным в форме электронных документов заявкам на участие в конкурсе. При этом любой участник размещения заказа, присутствующий при вскрытии конвертов с заявками на участие в конкурсе и открытии доступа к поданным в форме электронных документов заявкам на участие в конкурсе, вправе осуществлять аудио- и видеозапись вскрытия таких конвертов и открытия доступа к таким заявкам.

5. Установление нормативов относительно размера заказа и соответствующего способа размещения заказа.

6. Ведение централизованных и децентрализованных банков данных недобросовестных поставщиков продукции (в том числе реестра недобросовестных поставщиков Федеральной антимонопольной службой России и ее территориальными органами).

7. Содержание исчерпывающего перечня требований к участникам размещения заказа и недопущение установления иных требований, чем предусмотренных законом. При этом законодатель определил ряд обязательных и дополнительных требований.

8. Четко определенные условия допуска и отказа к участию в торгах. Отказ в допуске к участию в торгах по иным основаниям, кроме указанных в ч. 1 ст. 12 Закона № 94-ФЗ случаев, не допускается. Законодатель предусматривает штраф в размере 30 тыс. рублей за нарушение членом конкурсной или аукционной комиссии порядка отбора участников конкурса или участников аукциона на право заключить государственный или муниципальный контракт, в том числе в форме отказа в допуске к участию в конкурсе или аукционе по основаниям, не предусмотренным законодательством РФ о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд¹.

Однако, на наш взгляд, такие четко определенные условия допуска и отказа к участию в торгах не всегда оправданны. Например, индивидуальный предприниматель, имеющий непогашенную судимость за мошенничество, предпринимает попытку стать партнером органа государственной власти по поставке определенного товара, или хозяйственное общество, учрежденное представителем (представителями) какого-либо организованного преступного формирования либо так называемым «вором в законе», также предпринимает попытку стать партнером по поставке какого-либо товара исправительному учреждению уголовно-исполнительной системы. При этом целью может стать последующее воздействие на

¹ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ. Ч. 2 ст. 7.30 // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

оперативную обстановку в вышеуказанном учреждении или направление полученной прибыли на обеспечение совершения новых преступлений, в том числе террористического характера.

Такого рода ситуации в современной российской действительности вполне возможны, в связи с чем, по нашему мнению, условия допуска и отказа к участию в торгах требуют дополнительного научного осмысления и соответственно последующей корректировки Закона № 94-ФЗ.

9. Возможность обжалования действий должностных лиц органов власти и местного самоуправления, уполномоченных в сфере закупок продукции, в суде либо уполномоченном органе, осуществляющим контроль за размещением рассматриваемых заказов (Федеральной антимонопольной службе России и ее территориальных органах). По данным начальника управления ФАС России М. Евраева, в 2006 г. предприниматели подали в антимонопольную службу более 2800 жалоб на заказчиков. Компании либо намеренно не допускали к

торгам, либо устанавливали произвольные критерии оценки заявки и выбора победителя. М. Евраев подчеркнул, что 80 % жалоб признаны «неголословными», т. е. по ним выданы предписания по устранению нарушений. А после рассмотрения жалоб аукционы по размещению государственного заказа проводились заново¹.

Таковы, на наш взгляд, отдельные меры предотвращения коррупции, основанные на реализации положений, предусмотренных в нормах Закона № 94-ФЗ, а также принятых в соответствии с ним подзаконных нормативных правовых актах.

Библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ. Ст. 7.29, 7.30 // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). Ст. 1.

2. О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ // СЗ РФ. – 2005. – № 30. – Ст. 3105.

Г. Н. Горшенков,
*профессор кафедры уголовного права
Нижегородского государственного
университета им. Н. И. Лобачевского
доктор юридических наук, профессор*

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ НАКАЗАНИЕ КАК ПРОБЛЕМА КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Замена лишения свободы на альтернативное наказание, безусловно, является гуманным актом, поскольку его применение исключает причинение физических страданий лицу, совершившему преступление, или унижение его человеческого достоинства, как это следует из ч. 2 ст. 7 УК РФ «Принцип гуманизма». Кроме того, научно доказано, насколько деградирует личность осужденного в условиях лишения свободы. Особенно это касается несовершеннолетних.

Однако это вовсе не означает, что подобная замена может быть осуществлена уже исходя из формальных оснований (впервые совершенное преступление небольшой тяжести, несовершеннолетний возраст и т. д.). В соответствии с ч. 3 ст. 60

УК РФ при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности, личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, влияние назначения наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи.

Но в соответствии с указанным принципом предусмотрено и обеспечение безопасности человека (ч. 1 ст. 7 УК РФ). Возникает вопрос, в каком соотношении следует рассматривать эти две стороны принципа гуманизма.

Обратимся к такому методологическому принципу научного познания, который выражен в законе единства и борьбы противоположностей. Итак, с одной стороны, принцип гуманизма как «основополагающее положение, от которого не должно быть отступления и которым необходимо руководствоваться в практической деятельности» обязывает правоприменителя проявлять максимальное снисхождение к преступнику (мягко говоря, к лицу, совершившему преступление).

¹ См.: Зыкова Т. Бизнес бьется об заказ // Рос. газ. 2007. № 60 (4323).

С другой стороны, принцип гуманизма обращен к справедливой суровости наказания преступника. Как полагает профессор А. Н. Игнатов, «установление уголовной ответственности, в отдельных случаях достаточно суровой, должно оказывать сдерживающее влияние на неустойчивых членов общества и предупреждать совершение преступления, обеспечивая тем самым защиту общества»¹.

Из этого утверждения следует, что речь идет об общем превентивном воздействии уголовного закона, т. е. обеспечении безопасности общества или неопределенного круга лиц. В этом заключается, выражаясь словами Ч. Беккариа, «политическая цель» наказания преступника.

Следует отметить, что ряд правоведов подвергают серьезной критике современную уголовную политику, в частности, за ее «гипертрофированно-либеральный подход»² к лицам, совершившим преступление. Полагаем, что с этим можно согласиться, если речь идет о несправедливости проявления гуманизма к виновному при решении вопроса о его наказании, освобождении от наказания при безучастном отношении при этом к жертве преступления, которое виновный совершил.

В соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ («Обстоятельства, смягчающие наказание») предусмотрено такое обстоятельство, как «оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему».

Однако возникает вопрос, как рассматривать данное обстоятельство, если подсудимый такой помощи не оказал, имущественный ущерб не возместил, моральный вред не компенсировал, от иных действий

по заглаживанию вреда также уклонился. Отвечаем: никак. Это считается нормальным (т. е. в соответствии с нормой уголовного права) поведением. В разряд обстоятельств, отягчающих наказание, оно перейти не может. В отличие от открытого перечня обстоятельств, смягчающих наказание, перечень обстоятельств, отягчающих его, является исчерпывающим.

Но у суда имеется более чем достаточный выбор других оснований для решения о назначении альтернативного наказания подсудимому, например, исходя из условий жизни его семьи. Что же касается жертвы преступления и ее семьи, претерпевающих вред от деяния подсудимого, они мало кого интересуют, в том числе, как нам представляется, и правозащитные организации.

Мнение жертвы при назначении наказания, замены его на альтернативное, при освобождении от наказания (в том числе при помиловании, амнистии) практически не учитывается. Хотя, как показывают наши исследования, значительное число осужденных³ признают справедливость и необходимость учитывать мнение жертвы (потерпевшей стороны) преступления:

а) при назначении наказания виновному лицу (42 % опрошенных осужденных признали такую необходимость, 32 % высказались против такого условия, остальные не определились с мнением);

б) при освобождении лица от ответственности, наказания (32 % ответили положительно, 41 % – отрицательно, остальные не определились с мнением);

в) при решении вопроса об амнистии осужденного (17 % поддержали идею, 53 % отнеслись к ней отрицательно, остальные не определились с мнением).

В ст. 42 УПК РФ императивная норма прямо предусматривает: «Потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного вреда...» (ч. 3); «размер возмещения (морального вреда – Г. Г.) определяется судом...». Однако государство данную норму не выполняет. Хотя в соответствии со ст. 52 Конституции РФ оно обязано обеспечивать потерпевшему от преступлений и

¹ Игнатов А. Н. Уголовное право: понятие, предмет и система // Уголовное право России: Учеб. для вузов: В 2 т. / Отв. ред. и рук. авт. коллектива А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков. М., 2000. Т. 1: Общая часть. С. 13.

² См.: Овчинский В. Преступление и ненаказание // Завтра. 2006. 6 дек.

³ В опросе участвовали 544 человека, отбывавших наказания в исполнительных учреждениях Владимирской и Нижегородской областей.

злоупотреблений властью компенсацию причиненного ущерба.

Сегодня общественному мнению, особенно через СМИ, внушается идея подавляющего попрания прав и законных интересов осужденных (в том числе убийц, насильников, грабителей и т. п.). Но при этом замалчивается проблема правовой защиты их жертв, причем нередко от тех же своих истязателей, ныне осужденных. Регулярно появляются публикации об успешных шагах по преобразованию современных российских исправительных учреждений в центры социальной реабилитации. СМИ сообщают, например, о создании психологической службы для заключенных, в которой, как планируется, будут использованы все современные достижения психологической науки.

Однако о том, что предпринимают государство, институты гражданского общества по социальной реабилитации жертв преступлений, защите прав потерпевших, в СМИ не сообщается. И в этом нельзя винить прессу, в которой, как в зеркале (правда, иногда – в кривом), отражается наша жизнь. Например, в соответствии с ч. 3 ст. 43 Конституции РФ каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении. Но в жизни это положение существенно ограничивается путем перевода бесплатного образования в платное. Хотя и в этом случае государство делает преступнику снисхождение в отличие от правопослушного гражданина. Например, ФСИН России заключает договоры преимущественно с гуманитарными вузами (имеющими и юридические факультеты), в которых осужденные учатся бесплатно или за пониженную плату.

Кроме того, ст. 48 Конституции РФ гарантирует право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, причем в определенных законом случаях – бесплатно. Однако в соответствии со ст. 42 УПК РФ потерпевший вправе иметь только представителя. В то время как согласно ст. 49 УПК РФ подозреваемый, обвиняемый вправе пользоваться помощью защитника, в том числе бесплатно.

Лицу, совершившему преступление, не запрещено то, что запрещено под угрозой

уголовной ответственности потерпевшему, т. е. давать ложные показания, разглашать сведения, данные предварительного расследования. В отличие от потерпевшего, который за заведомо ложные показания или отказ от дачи показаний несет ответственность в соответствии со ст. 307 и 308 УК РФ, подозреваемый освобожден от нее и, следовательно, вправе давать ложные показания или вообще отказаться от дачи показаний. Причем потерпевший может быть допрошен о любых обстоятельствах, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, в том числе о своих взаимоотношениях с подозреваемым, обвиняемым (ч. 2 ст. 78 УПК РФ).

Согласно данным, полученным В. В. Меркурьевым при опросе граждан, сотрудников правоохранительных органов и осужденных: только 22,5 % участвовавших в исследовании граждан считают, что закон в большей степени защищает законопослушного человека, а 76,3 % отметили, что приоритетной правовой защитой пользуются преступники. Среди сотрудников правоохранительных органов так полагают 34,2 и 65,3 % соответственно. Как ни удивительно, но аналогичного мнения придерживаются и сами осужденные (41,6 и 53,8 % соответственно). Не случайно поэтому, что только 5,3 % опрошенных граждан считают, что государство обеспечивает их безопасность, а среди осужденных – 32,4 %¹.

Указанные факты, в частности, свидетельствуют отнюдь не в пользу обеспечения такой цели уголовного наказания, как восстановление социальной справедливости. Нельзя направлять правозащитную активность гражданского общества во благо одной категории граждан в ущерб другой. Такая несправедливость, особенно в условиях формального отношения к вопросам наказания, оборачивается последствиями негативного характера. Во-первых, преступник понимает и принимает проявленный к нему акт гуманности как само собой разумеющийся и неминуемый, поскольку именно так велит закон, и правоприменителю никуда от этого не деться. Подобное снисхо-

¹ См.: Меркурьев В. В. Защита безопасности человека и его жизнедеятельности. М., 2006. С. 110.

ждение особенно может навредить несовершеннолетним правонарушителям.

Во-вторых, такого рода «формальный» гуманизм не может не вселять в сознание колеблющихся девиантов уверенности совершить малозначительное преступление (небольшой тяжести), которое не повлечет серьезного наказания, если оно последует вообще. Однако именно совершение такого вида общественно опасных деяний, как правило, является первым шагом к формированию криминального опыта будущих устойчивых, злостных, наконец, особо опасных преступников. Таким образом, правоприменительный формализм со стороны государства порой подталкивает граждан к совершению преступлений.

В-третьих, указанная несправедливость вызывает возмущение в общественном правосознании особенно у людей, которые сталкиваются с фактами защищенности преступника на фоне собственной незащищенности. Это усугубляет и без того высокий уровень недовольства населения действиями власти по борьбе с преступностью. Согласно данным Фонда общественного мнения, «73 % опрошенных граждан обладают протестным потенциалом, из них 15 % готовы взяться за оружие, 42 % – настроены революционно, их полностью не устраивает существующая политическая система»¹.

Между тем именно альтернатива лишению свободы позволяет обеспечивать наибольшую эффективность в достижении целей уголовного наказания, поскольку связанный с ней «вразумляющий социальный контроль – гораздо более эффективное средство обеспечения законопослушности граждан, чем контроль репрессивный, карательный»². В данном случае имеется в виду не тот контроль, который низводится до элементарного надзора, предпринимаемого к правонарушителю. Хотя эта мера играет немалую роль в качестве элемента сложной воспитательно-профилактической системы управления. Речь идет о теории воссоединяющего стыда, разработанной

профессором социологии Австралийского государственного университета Дж. Брэйтуэйтом. Ее суть заключается в исследовании и совершенствовании общественных, семейных механизмов, «в рамках которых связанные с преступлением моральное негодование и внушение чувства стыда становятся формирующей общество силой»³.

Отсюда представляется целесообразным разработать программу межвузовского комплексного криминологического исследования феномена альтернативного наказания. Причем опыт такого взаимодействия уже есть: сотрудничество соответствующих кафедр Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского и Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний.

Результатом исследования должны стать предложения в региональную программу (план мероприятий) социальной и правоохранительной деятельности по обеспечению целей уголовного (альтернативного) наказания, ресоциализации лиц, совершивших преступления, восстановлению имущественных и неимущественных прав жертв преступлений, а также стимулированию солидарных с законом и решениями государственных органов общественных правосознания и правонастроения.

Однако на практике дело обстоит иначе. Так, в одном из северных регионов России разработана программа «Порядок – 2008». Она была проанализирована нами по следующим критериям: на каких приоритетных направлениях сосредоточены основные мероприятия, какое место в их числе занимает обеспечение криминологической безопасности несовершеннолетних и правовой защищенности жертв преступлений. В результате выяснилось, что предполагаемая реализация мероприятий программы направлена:

- 1) на совершенствование исполнения наказаний (удельный вес – 32 % от объема ожиданий);
- 2) эффективность борьбы с наркотизмом (соответственно 27 %);
- 3) безопасность дорожного движения (23 %);
- 4) эффективность предупреждения правонарушений (7 %);

³ Там же.

¹ Романенко М. В. Криминализация социальных отношений в капитализирующейся России // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / Под ред. А. И. Долговой. М., 2001. С. 67.

² Брэйтуэйт Дж. Теория воссоединяющего стыда // Человек. 2002. № 3.

5) сокращение правонарушений и доли тяжких преступлений (7 %).

Очевидно, что такое соотношение, как 32 % предполагаемых результатов в предупреждении повторной преступности или преступлений с использованием возможностей «силового» субъекта и «режимных» средств и только 7 % – в предупреждении, прежде всего, первичных правонарушений с преимущественным использованием возможностей социальных институтов и воспитательно-профилактических средств, свидетельствует об отсутствии научной обоснованности, экспертной проработки программных положений в процессе комплексного планирования правоохранительной, правоприменительной, предупредительной (в том числе профилактической) деятельности.

Подобные программы и планы вызывают, мягко говоря, недоумение. Например, в одной программе определены такие «целевые показатели», как: стабилизация правонарушений, дорожно-транспортных происшествий к 2008 г., «снижение правонарушений на 30 % ежегодно с 2009 г.», «увеличение раскрытия преступлений к 2010 г. до 80 %»¹ и т. п.

А. И. Гудков,
*заведующий кафедрой
юридических дисциплин
факультета внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

Порядок и способы найма жилого помещения по новому жилищному законодательству: проблемы реализации

Конституцией Российской Федерации человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью. Реализация этих прав и свобод по замыслу ее создателей должна определять смысл, содержание и эффективность применения законов Российского государства.

¹ См.: Муниципальная многоуровневая комплексная программа «Профилактика правонарушений на территории муниципального образования ЗАТО г. Заводск Мурманской области на 2007–2010 годы» // <http://www.govzaozersk.mels.ru/Doc3-5-3-1.htm>.

Достаточно обратить внимание на оптимистическую заявку ежегодного сокращения правонарушений на 30 %, чтобы потерять всяческий интерес к данной программе как несерьезному, хотя и имеющему статус нормативного, документу.

Таким образом, решая вопрос (научный или практический) об альтернативном наказании, следует исходить из того, что несправедливо направлять правоохранительную, правоприменительную деятельность государства, правозащитную активность общества исключительно во благо одной категории граждан в ущерб другой.

Библиографический список

1. *Игнатов, А. Н.* Уголовное право: понятие, предмет и система / А. Н. Игнатов // Уголовное право России : учеб. для вузов. В 2 т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков. – М., 2000.
2. *Меркурьев, В. В.* Защита безопасности человека и его жизнедеятельности : монография / В. В. Меркурьев. – М., 2006.
3. *Овчинский, В.* Преступление и наказание / В. Овчинский // Завтра. – 2006. – 6 дек.

Неотъемлемым правом гражданина среди других прав и свобод является право на жилище. Пункт 1 ст. 40 Конституции РФ устанавливает гарантию охраны этого права: «Никто не может быть произвольно лишен жилища». В п. 2 указанной статьи определено, что «...органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище»².

С 1 марта 2005 г. в силу вступил новый Жилищный кодекс Российской Федерации, содержание которого радикально отличается от кодекса 1983 г. и иных, регулирующих жилищные отношения, нормативных актов. Данные различия в первую очередь объясняются тем, что все они содержат правовые нормы, которые отражают общую логику эволюции общественных отношений в стране и ее социально-политическое устройство. То есть они являются порождением тех ис-

² Конституция Российской Федерации с комментариями Конституционного Суда РФ. 3-е изд. М., 2002. С. 13.

торических условий, в которых эти законодательные акты принимались.

Не будет новым утверждение о том, что законодательство, регулирующее жилищные отношения в стране, выступает той лакмусовой бумажкой, которая позволяет без особых раздумий определить направленность вектора социальной политики в стране.

Ретроспективный анализ источников российского жилищного права и современной нормативной правовой базы, как бы это ни казалось парадоксальным, свидетельствует об их определенной преемственности. Указание на парадоксальность продиктовано теми тектоническими социально-политическими и экономическими подвижками, которые претерпела Россия за последние десятилетия: в стране изменились отношения собственности, являющиеся ключевыми в подходах к решению многих задач, включая способы удовлетворения потребностей людей в жилье.

Однако, несмотря на эти изменения, сегодня можно утверждать, что конституционное положение о социальном характере государства, которое представляет собой связующее звено между нашим прошлым и настоящим, предопределило содержание системы современного российского жилищного законодательства, получившего свое логическое завершение с принятием нового Жилищного кодекса РФ.

В настоящее время данная система в совокупности с гражданским законодательством адекватно отражает существующие реалии в жилищных отношениях и включает в себя несколько способов найма жилых помещений. В их числе – социальный наем жилого помещения, предоставление жилья по договору найма специализированных жилых помещений, коммерческий наем и договор аренды.

Первые два из названных способа регламентируют социальный блок в жилищной политике государства. Они ориентированы прежде всего на те слои населения, которые нуждаются в социальной защите со стороны государства. Последние два в большей мере отвечают рыночному характеру государства и выполняют двоякую роль: функцию. С одной стороны, это – реализация конституционного права на жилье, с другой – сфера бизнеса, связанная с

извлечением прибыли со стороны в первую очередь наймодателя.

Однако, несмотря на их кажущиеся внешние различия, в этих способах в существенном плане больше того, что их объединяет. Это, во-первых, общая направленность на удовлетворение потребностей людей в жилье, во-вторых, внесение в решение этой задачи совершенно нового компонента, который отсутствовал в прошлом. В основу ее положен договор, в соответствии с которым права и обязанности субъектов законодательно определены и защищены государством. Потерпевшая сторона может обжаловать незаконные действия своих оппонентов в судебном порядке, независимо от того, кто выступает в роли собственника и нанимателя жилого помещения.

Таким образом, с введением в действие нового Жилищного кодекса РФ изначально наметившаяся тенденция укрепления в России либерального концепта государственности получила свою отчетливо выраженную завершенность. В соответствии с ней государство перестает, как это было в Советском Союзе, выполнять патримониальную роль по отношению к остальным членам общества и становится равноправным и равноудаленным от всех партнером.

Данное обстоятельство позволяет судить о формировании системы жилищных отношений, основанной на принципах демократии, одним из которых является свободный, в рамках существующего законодательства, выбор человеком путей и способов реализации своего права на жилье.

Вместе с тем, как и в любой иной системе, здесь есть элементы, целесообразность внедрения которых в правоприменительную практику вызывает определенные сомнения и, следовательно, нуждается в коррекции.

Данные элементы условно можно разделить на две группы, положив в основу, с одной стороны, правовые и тесно связанные с правом этические аспекты, с другой – логическое содержание некоторых норм, присутствующих в жилищном законодательстве.

По первому основанию в корректировке нуждаются, в частности, положения, определяющие порядок отнесения граждан к категории «малоимущие». В соответствии с

ныне действующим законодательством прерогатива в данном случае принадлежит органам местного самоуправления. При этом нигде не дается ответа на вопрос, кого можно считать членами семьи малоимущего. Это существенный недостаток указанной нормы, поскольку в результате создаются неоправданные возможности для расширительного толкования самого понятия «члены семьи» на региональном уровне. Поэтому порядок признания гражданина малоимущим было бы целесообразным определять законами субъектов Российской Федерации.

Примечательно также, что согласно положениям нового жилищного законодательства основания признания граждан нуждающимися в жилых помещениях могут устанавливаться не только Жилищным кодексом РФ, но также другими федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. В этой связи нетрудно предположить, что люди, нуждающиеся в жилом помещении по объективным основаниям, могут быть оттеснены в очереди на получение жилья теми категориями граждан, жилищные интересы которых пролоббированы на федеральном и региональном уровнях. Учитывая уровень коррупционности современного государственного аппарата в целом, можно ожидать в ближайшее время массу злоупотреблений на этой почве. Поэтому было бы более целесообразным такие основания исчерпывающим образом определить именно в Жилищном кодексе РФ, ограничив возможность нормотворчества по этому вопросу.

Согласно новому жилищному законодательству федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, устанавливающими порядок предоставления жилых помещений по договорам социального найма гражданам, нуждающимся в жилых помещениях, но не признанных малоимущими в установленном порядке, могут быть установлены иные нормы предоставления жилых помещений. Термин «иные» в данном случае означает, что нормы, введенные для отдельных категорий граждан указанными законами, могут отличаться от норм предоставления жилой площади, установленных для данной местности соответствующими органами местного самоуправления. В этой связи, с

одной стороны, под сомнение ставится реализация на деле принципа равенства граждан перед законом, с другой – закладываются основы для определения несоответствия законодательства либо его невыполнения в силу объективных причин. Поэтому термин «иные» было бы целесообразным наполнить конкретным содержанием, чтобы не создавать правовых прецедентов его двоякого толкования.

Жилищным кодексом РФ установлены основания признания гражданина нуждающимся в жилом помещении, которые применяются при признании нуждающимися в жилых помещениях как малоимущих граждан, так и граждан иных категорий, указанных в федеральных законах и законах субъектов Российской Федерации. Несмотря на то, что перечень таких оснований сформулирован как исчерпывающий, в действительности он таковым не является. Согласно ст. 49 Жилищного кодекса РФ соответствующие основания могут устанавливаться также другими федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. Данное разночтение, безусловно, должно быть устранено.

Что касается таких положений найма социального жилья, где в контексте с правовыми обстоятельствами этического порядка становятся превалирующими в плане своего воздействия на ментальность людей, то к ним можно отнести факт лишения сегодня возможности получения не только внеочередного, как это было раньше, но и первоочередного жилья. В старом жилищном законодательстве такое право было предоставлено инвалидам Великой Отечественной войны, лицам, награжденным особо почетными государственными наградами, лицам, принимавшим участие в боевых операциях по защите Родины, инвалидам труда I и II групп и инвалидам I и II групп из числа военнослужащих, матерям-героиням, многодетным семьям, семьям при рождении близнецов, спасателям и некоторым другим категориям граждан. Данную норму, на наш взгляд, целесообразно восстановить.

Крайне остро и негативно воспринимается в массовом сознании, закрепленная в новом жилищном законодательстве правовая норма, регламентирующая порядок выселения из социального жилья. В соответствии с ныне действующим законодательством гражда-

не подлежат выселению с предоставлением другого (не обязательно благоустроенного) жилого помещения в случае, если наниматель и проживающие совместно с ним члены семьи более шести месяцев без уважительных причин не вносят плату за жилое помещение и (или) коммунальные услуги (ст. 90).

Формулировку данной нормы следует отнести к числу существенных недостатков Жилищного кодекса РФ, поскольку применение установленных в ней правил дает практически безграничный простор усмотрению чиновников на местах.

Во-первых, не ясно, что включается в срок, обозначенный законодателем как «более шести месяцев». Имеются в виду шесть месяцев подряд или в указанный срок могут включаться любые месяцы в период действия договора социального найма, в которые оплата не производилась?

Во-вторых, не раскрывается содержание понятия «уважительные причины» применительно к рассматриваемому случаю. Кто будет оценивать «уважительность» причин неоплаты жилья, предположить несложно – это соответствующее должностное лицо наймодателя. А можно ли, например, в местности, где отсутствует сама возможность трудоустройства или ведения предпринимательской деятельности, считать уважительной причиной невнесение платы за жилье банальную нехватку у нанимателя денежных средств?

Применение данной статьи в нынешней редакции на практике может породить случаи произвольного лишения жилища, а также серьезные дестабилизационные процессы в обществе. Названная норма, учитывая современную социально-экономическую ситуацию в стране, должна быть либо приостановлена, либо пересмотрена.

В. М. Дерипаско,
*юрист департамента
административных органов
администрации Владимирской области*

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Конфликт интересов – это ситуация, выражающаяся в противоречии между личными, частными, групповыми (ведомст-

Для второго основания обозначенной классификации норм, нуждающихся в коррекции, хотя и вышерассмотренная норма в этом отношении в определенной степени также уязвима, характерно употребление понятий расторжения и прекращения договора найма специализированного жилого помещения (ст. 101, 102 Жилищного кодекса РФ). В новом жилищном законодательстве они различаются по своему содержанию. Логически это не вполне корректно, поскольку расторжение договора влечет его прекращение. Поэтому расторжение договора найма было бы правильнее рассматривать как одно из оснований прекращения такого договора.

Перечисленными замечаниями в адрес современных способов организации найма жилых помещений не исчерпывается существо проблемы. В процессе правоприменительной практики следует ожидать обнажения новых недостатков. И все же следует признать, что с принятием нового жилищного законодательства в вопросах регулирования найма жилья был сделан значительный шаг вперед, который выразился в создании адекватной современным реалиям и достаточно логически стройной правовой системы. При этом остается лишь выразить надежду, что ее творцы будут конструктивны в дальнейшем и готовы к диалогу с общественностью по спорным вопросам.

Библиографический список

1. Жилищный кодекс Российской Федерации : [федер. закон 2004 г. № 188-ФЗ; в ред. от 31 дек. 2005 г.] // Рос. газ. – 2005. – 12 янв.
2. Конституция Российской Федерации с комментариями Конституционного Суда РФ. – 3-е изд. – М., 2002.

венными, корпоративными) интересами и интересами сообщества, всего общества, государства (организации, партии). В такую ситуацию может попасть каждый: врач, инженер, чиновник, политик. Однако мы будем рассматривать тот случай, когда противоречия между интересами касаются публичных ресурсов (средства бюджета, выборные и назначаемые должности и связанные с ними возможности). В первую очередь это касается системы государст-

венной и муниципальной службы, деятельности государственных должностных лиц.

Для государственной службы Российской Федерации термин «конфликт интересов» является достаточно новым. Ранее это понятие упоминалось в федеральных законах «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (в ред. от 26 июня 2007 г.)¹ (ст. 27) и «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (в ред. от 2 октября 2007 г.)² (ст. 3).

В старом законодательстве о государственной службе (Федеральный закон «Об основах государственной службы» от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ³) решение проблемы конфликта интересов состояло в системе запретов и ограничений для государственных служащих, которые во многом носили общий характер, выполнение их с трудом поддавалось контролю. В результате отмечалось практически массовое нарушение соответствующих норм законодательства.

Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ⁴ установил правовые, организационные и финансово-экономические основы государственной гражданской службы, четко сформулировал перечень требований к служебному поведению государственных гражданских служащих.

Большое значение имеет ст. 19 данного закона «Урегулирование конфликта интересов на государственной службе», основанная на следующих принципах:

- обязанность гражданского служащего информировать представителя нанимателя о возникшем или потенциальном конфликте интересов;
- обязанность нанимателя представителя принять меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов;
- рассмотрение проблем, связанных с соблюдением государственных гражданскими служащими требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов, специально созданными комиссиями в каждом государственном органе;
- участие в работе таких комиссий как государственных, так и независимых экс-

пертов (не менее ¼ от общего числа членов комиссий);

– единообразие правил деятельности комиссий, положение о которых утверждает Президент РФ.

Конфликт интересов, гласит ст. 19, «это ситуация, при которой личная заинтересованность гражданского служащего влияет или может повлиять на объективное исполнение им должностных обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью гражданского служащего и законными интересами граждан, организаций, общества, субъекта РФ или РФ, способное привести к причинению вреда этим законным интересам граждан, организаций, общества, субъекта РФ или РФ».

Конфликт интересов возникает тогда, когда государственный гражданский служащий, исполняя свои должностные обязанности, руководствуется личной заинтересованностью, преследует частный интерес.

Мы часто сталкиваемся с широким кругом негативных последствий конфликта интересов, среди которых:

- нарушение конституционных прав граждан;
- причинение ущерба престижу государства, государственной службы и конкретного государственного органа;
- причинение имущественного ущерба государству (в том числе в виде упущенной выгоды);
- причинение имущественного ущерба третьим лицам, в том числе в результате создания односторонних преимуществ, нарушения равных условий конкуренции или доступа к государственным услугам.

Вынужденной мерой противодействия причинению имущественного ущерба третьим лицам, в том числе в создании односторонних преимуществ, нарушению равных условий конкуренции или доступа к государственным услугам стало принятие Федерального закона «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ⁵, позволивший снизить возможность применения служебного положения для достижения частного интереса.

¹ См.: Парламент. газ. 2007. 3 июля.

² См.: Рос. газ. 2007. 6 окт.

³ См.: там же. 1995. 3 авг.

⁴ См.: там же. 2004. 31 июля.

⁵ См.: там же. 2005. 28 июля.

При этом под личной заинтересованностью гражданского служащего понимается возможность получения им при исполнении должностных обязанностей доходов в денежной или натуральной форме, доходов в виде материальной выгоды.

Служащий обязан самостоятельно оценивать условия и действия, которые потенциально могут повлиять на объективность его служебной деятельности. Важным представляется в данном контексте знание гражданским служащим не только своих прав, обязанностей, ограничений и запретов, но и требований, предъявляемых к служебному поведению.

В связи с этим стало целесообразным на уровне федерального государственного органа по управлению государственной службой и государственного органа субъекта Российской Федерации по управлению государственной службой образовать комиссию по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Российской Федерации и урегулированию конфликта интересов. Создание данной комиссии утверждено Указом Президента Российской Федерации «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Российской Федерации и урегулированию конфликта интересов» от 3 марта 2007 г. № 269¹. Согласно данному указу было утверждено соответствующее Положение о таких комиссиях. До образования федерального государственного органа по управлению государственной службой и государственного органа субъекта Российской Федерации по управлению государственной службой функции этих органов, предусмотренные Положением, выполняются федеральными государственными органами и государственными органами субъекта РФ, в котором образуются данные комиссии.

Так, например, подобного рода комиссии созданы и в администрации Владимирской области. Кроме того, такие же комиссии руководители органов администрации были обязаны образовать на местах.

В комиссию по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов в обязательном порядке входят:

- представитель нанимателя и (или) уполномоченные им гражданские служащие;
- представитель соответствующего государственного органа по управлению государственной службой;
- представители научных организаций и образовательных учреждений среднего и высшего образования, других организаций, приглашаемые соответствующим государственным органом по управлению государственной службой по запросу представителя нанимателя в качестве независимых экспертов².

Такие комиссии, однако, могут отторгаться массой гражданских служащих, если последние будут воспринимать их как «карательный орган». Поэтому работа комиссий должна быть ориентирована прежде всего на предотвращение возникновения негативных последствий конфликта интересов, на помощь гражданскому служащему в сложных ситуациях, когда он сам не четко понимает, оказывается ли он в конфликте интересов.

Еще до принятия указа от 3 марта 2007 г. № 269 Указом Президента РФ были утверждены «Общие принципы служебного поведения государственных служащих» от 12 августа 2002 г. № 885 (в ред. от 20 марта 2007 г. № 372)³. В данном документе были заложены основы поведения государственных служащих, которыми и надлежит руководствоваться при исполнении должностных (служебных) обязанностей.

Государственный гражданский служащий, сознавая свою ответственность перед государством, обществом и гражданами, призван:

- осуществлять свою деятельность в рамках установленной законами и подзаконными нормативными правовыми актами компетенции государственного органа;
- не оказывать предпочтения каким-либо профессиональным или социальным группам и организациям, быть независи-

² См.: О порядке оплаты труда независимых экспертов, включаемых в составы комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих области и урегулированию конфликта интересов, конкурсной комиссии для проведения конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы и аттестационной комиссии для проведения аттестации государственных гражданских служащих: Указ губернатора Владим. обл. от 8 авг. 2007 г. № 19 // Владим. ведомости. 2007. 15 авг.

³ См.: СЗ РФ. 2007. № 13. Ст. 1531.

¹ См.: Рос. газ. 2007. 7 марта.

мым от влияния со стороны граждан, профессиональных или социальных групп и организаций;

– исключать действия, связанные с влиянием каких-либо личных, имущественных (финансовых) и иных интересов, препятствующих добросовестному исполнению должностных (служебных) обязанностей.

В заключение необходимо отметить, что в настоящее время важно создать систему стимулов, которая поощряла бы в существенно большей мере, чем сегодня, должное исполнение государственным служащим своих обязанностей и делала бы невыгодным его недолжное поведение, тем самым решая проблему конфликта интересов.

М. С. Каковкин,
соискатель кафедры
уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАБОТЕ СО СВИДЕТЕЛЯМИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Работа со свидетелями по уголовному делу является важнейшим и в то же время сложнейшим аспектом деятельности субъекта доказывания, поскольку трудно переоценить значение идеальных следов различного характера, запечатленных в памяти лиц, тем или иным образом соприкоснувшихся с преступным деянием.

Поэтому вполне закономерно, что ученые-криминалисты при разработке методик расследования отдельных видов преступлений обоснованно пришли к выводу об обязательности включения в состав криминалистической характеристики конкретного вида преступного деяния важнейшего элемента – особенностей слеодообразования¹.

При этом направление деятельности субъекта доказывания по обнаружению, фиксации и исследованию подобных следов напрямую зависит от целеполагания и

Библиографический список

1. Общие принципы служебного поведения государственных служащих : утв. Указом Президента Рос. Федерации от 12 авг. 2002 г. № 885 // СЗ РФ. – 2007. – № 13. – Ст. 1531.

2. О государственной гражданской службе Российской Федерации : федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Рос. газ. – 2004. – 31 июля.

3. О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Российской Федерации и урегулированию конфликта интересов : указ Президента Рос. Федерации от 3 марта 2007 г. № 269 // Рос. газ. – 2007. – 7 марта.

реальных возможностей конкретного правоприменителя.

В связи с этим профессор А. Р. Белкин отмечает, что субъектов доказывания обычно подразделяют на две группы: лиц, для которых доказывание является обязанностью, и лиц, для которых доказывание является правом, а не обязанностью.

К первой группе относятся прокурор, следователь, начальник следственного отдела, дознаватель и орган дознания в целом; ко второй – подозреваемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, защитник, представители учреждений и организаций по делам несовершеннолетних². Позиция А. Р. Белкина в отношении суда сводится к правомерному, на наш взгляд, утверждению, что суд не должен собирать доказательства, т. е. формировать доказательственную базу обвинения и защиты³.

По справедливому замечанию ученого, для субъектов, отнесенных к первой группе, участие в доказывании – не только их право, но и процессуальная, а также служебная обязанность, вытекающая непосредственно из Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). Вместе с тем субъектам второй группы ст. 86 УПК РФ (ч. 2–3) не вменяет в обязанность

¹ См., напр.: Филиппов А. Г. О понятии и содержании криминалистической характеристики преступлений // Вопросы совершенствования методики расследования преступлений. Ташкент, 1984. С. 12.

² См.: Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 54.

³ См.: там же.

собирать доказательства, а лишь предоставляет такое право, при этом у них значительно сокращены возможности этого права по сравнению с субъектами первой группы¹.

На наш взгляд, вполне очевидно, что основные задачи, стоящие перед представителями второй группы субъектов, определяются главным образом процессуальным статусом последних, а частные задачи зависят от конкретных обстоятельств дела и особенностей личностных характеристик того или иного участника уголовного судопроизводства.

При решении данных задач главная роль принадлежит профессиональным юристам – членам адвокатского сообщества, чаще всего защитнику обвиняемого, а также представителю потерпевшего.

По нашему мнению, нет необходимости доказывать то положение, что деятельность названных субъектов доказывания – защитника и представителя потерпевшего – имеет важнейшее значение для установления истины по уголовному делу.

В обобщенном виде цели оказания квалифицированной юридической помощи определены в ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (далее: Закон об адвокатуре): защита прав, свобод и интересов доверителей, а также обеспечение доступа к правосудию². Для решения задач, определенных указанными целями адвокат-защитник и адвокат-представитель потерпевшего в своей деятельности прибегают к использованию средств, приемов и методов, разработанных криминалистической наукой.

Результаты проведенного нами исследования показали, что большая часть респондентов-адвокатов (78 %) отмечают огромное значение работы указанных субъектов доказывания со свидетелями (как носителями идеальных следов) в процессе деятельности по уголовным делам. Это, по их мнению, вызывается различными обстоятельствами, среди которых можно выделить:

– неполноту деятельности сотрудников органов внутренних дел по установлению

свидетелей значительной части совершаемых преступлений;

– недостаточные усилия работников дознания, следствия и суда по проверке полученных свидетельских показаний, в том числе по выявлению фактов лжесвидетельства;

– имеющие место факты недооценки давления на свидетелей со стороны лиц, заинтересованных в исходе дела.

Эти и другие обстоятельства неизбежно влекут за собой неполноту выдвижения и проверки версий (как защиты, так и обвинения), вследствие чего страдает общее качество расследования и затрудняется установление истины по уголовному делу.

Как уже отмечалось, деятельность не-обязательных субъектов доказывания при работе со следами идеального характера, составляющими часто наибольшую долю в совокупности доказательств по уголовному делу, априори затруднена. Это объясняется в первую очередь отсутствием властно-распорядительных полномочий у активных представителей данной группы.

Работа указанных субъектов доказывания со следами идеального характера фактически ограничена, что в первую очередь детерминировано отсутствием в уголовно-процессуальном законодательстве обязанности физических лиц сообщать адвокату криминалистически значимую информацию.

Поскольку решение главных задач уголовного судопроизводства возможно лишь при условии объективного исследования всей совокупности доказательств по уголовному делу (доказательств обвинения и защиты), то, по нашему мнению, возникает необходимость решения в законодательном порядке вопроса о фактическом увеличении прав этих субъектов в уголовном процессе, в том числе при работе с лицами – носителями криминалистически значимой информации.

Библиографический список

1. Белкин, А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А. Р. Белкин. – М., 2005.

2. Филиппов, А. Г. О понятии и содержании криминалистической характеристики преступлений / А. Г. Филиппов // Вопросы совершенствования методики расследования преступлений. – Ташкент, 1984.

¹ См.: Белкин А. Р. Указ. соч. С. 58.

² См.: Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

Э. С. Карпов,
преподаватель кафедры
экономических и финансово-
правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
О. Н. Халак,
курсант ВЮИ ФСИН России

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Несмотря на то, что права человека в настоящее время являются популярной и модной темой, часто основная масса населения, журналисты, государственные служащие и даже юристы не совсем понимают, что же на самом деле представляют собой права человека и какое они имеют отношение к повседневной жизни каждого из нас. Сегодня в России правами человека стали называть абсолютно все возможности действовать, поступать каким-нибудь образом, даже те, которые по определению не соотносятся с данной категорией, например, «право на курение в общественных местах». Кроме того, происходит путаница между общепризнанными нормами прав человека (Human Rights) и более широкими правами, свободами и законными интересами, закрепленными в гл. 2 Конституции РФ, а также некоторыми общественными интересами, связанными с ощущением определенной несправедливости.

Как отмечают исследователи, «проблема прав человека пока еще не воспринята большинством населения как приоритетная. Опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что подавляющее большинство наших сограждан имеет весьма нечеткое представление о своих правах и тем более о формах и методах их защиты»¹. Одна из причин подобного положения дел заключается в том, что Россия – бывшее социалистическое государство, в котором долгие годы не существовало понятия «права человека», и до настоящего времени так и не сложилось единого подхода к рассматриваемому явлению. Поэтому наша первая задача – выяснить, что представляют собой права человека (Human Rights), когда можно говорить не просто о некоем

нарушении правовых норм, а именно о нарушении прав человека, а значит, международных стандартов, на страже которых стоит вся система защиты прав человека.

Современное понимание концепции «права человека» сформировалось во второй половине XX в. одновременно со становлением ООН под влиянием последствий Второй мировой войны. Имевший место до войны принцип невмешательства во внутренние дела других стран, даже если в них существовал настоящий геноцид, а внешняя агрессия не проявлялась, исчерпал себя. Мировое сообщество стало понимать: если какой-нибудь диктатор начинает свои кровавые расправы не с соседней страны, а с собственных граждан, и его никто вовремя не остановит, то это непременно приведет к печальным последствиям для окружающих государств.

Новая система ООН предусматривает потенциальное вмешательство во внутренние дела отдельных государств со стороны мирового сообщества, если в них есть серьезные нарушения прав человека. Поэтому основополагающими документами для понимания прав человека являются именно международные стандарты, а потом уже – национальное законодательство.

В настоящее время термин «права человека» употребляется только в случае отношений между человеком и властью. Нарушителем прав человека может выступать только государство. Подобная ситуация возникает потому, что при подписании международных конвенций именно государство обязуется соблюдать права своих граждан, а последние на себя таких обязательств не берут. Если один человек убивает другого – это не является нарушением прав человека (права на жизнь). Но если убийцей стал представитель власти во время исполнения служебных обязанностей, то это уже нарушение прав человека. В процессе уголовного судопроизводства мы не можем говорить о праве потерпевших на раскрытие преступления и привлечение виновного к уголовной ответственности, так как подобного права не прописано в международных конвенциях, но в то же время государство обязуется соблюдать права обвиняемого на свободу от пыток, эффективные меры защиты и др.

¹ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2003 году. М., 2004. С. 3.

Для более полного понимания термина «права человека» необходимо рассмотреть классификацию данных прав. В зависимости от их содержания выделяют гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права.

Гражданские, или личные, права призваны обеспечивать свободу индивида как члена общества, его юридическую защищенность от незаконного внешнего вмешательства. Большинство этих прав принадлежат каждому человеку от рождения, являются неотъемлемыми и не подлежат какому-либо ограничению. К гражданским правам человека относятся: право на жизнь; право на свободу и личную неприкосновенность; право на свободное передвижение; право на справедливое и публичное судебное разбирательство, предполагающее защиту обвиняемого; право на свободу от пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства обращения и наказания.

Политические права и свободы дают человеку возможность участвовать в общественно-политической жизни и управлении государством. Отличительной чертой данной категории прав является то, что многие из них принадлежат не просто людям, а исключительно гражданам конкретного государства. К политическим правам относятся: право на свободу мысли, совести и религии; право на свободу убеждений и их свободное выражение; право на свободу мирных собраний и ассоциаций; право принимать участие в управлении государственными и общественными делами непосредственно или через свободно избранных представителей.

Социально-экономические и культурные права касаются социально-экономических условий жизни человека, определяют его положение в сфере труда, благосостояния, социальной защищенности. К социально-экономическим правам относятся: право на труд; право на социальное обеспечение; право на жилище; право на достойный уровень жизни; право на охрану здоровья и др. Культурными правами являются: право на образование; право на доступ к культурным ценностям; право свободно участвовать в культурной жизни общества и др.

Особое значение для понимания сущности концепции «права человека» имеет

классификация прав человека в зависимости от времени их осознания и формулирования. По этому основанию права человека делят на три поколения. К первому поколению относятся гражданские и политические права, которые сформировались в европейской и американской философии в XVIII в. Ко второму поколению – социально-экономические и культурные права, признание которых произошло после Второй мировой войны по инициативе Советского Союза, настаивавшего на социальных и экономических правах, руководствуясь идеологическими мотивами и приводя в пример собственные «достижения». К третьему поколению относятся коллективные права, или права солидарности (права меньшинств, право на благоприятную окружающую среду, репродуктивные права и др.). Закрепление данных прав произошло в 70–80-е гг. XX в. в некоторых документах ООН, а также в отдельных региональных международных нормах.

Ведущие организации в области защиты прав человека, такие как Европейский суд по правам человека, Комитет ООН по правам человека, работают, прежде всего, с первым поколением прав. Многие международные общепризнанные инстанции стараются не заниматься вторым и третьим поколением прав человека, поскольку социальные права находятся в прямой зависимости от благосостояния государства и соответственно у разных стран – неодинаковые возможности для их реализации. Например, определение достойной оплаты труда различается в Соединенных Штатах Америки и России, так как люди в этих странах за одну и ту же работу получают разную зарплату. В свою очередь, соблюдение прав первого поколения – гражданских и политических – не зависит от уровня экономического развития страны, а только от воли правительства.

Права первого поколения традиционно считаются фундаментальными, важнейшими правами человека. Если не будет существовать прав первого поколения, перестанут существовать и остальные права. Так, для того чтобы защитить право на получение зарплаты, должны быть независимые суды; чтобы реализовать право на высокие пенсии, необходимо иметь возможность

писать, говорить об этом, выйти на митинг; чтобы рабочий мог вести переговоры с работодателем, должна быть свобода ассоциаций. Любое последующее поколение прав не может быть реализовано без этих фундаментальных прав первого поколения. Поэтому на международной арене постоянно говорят о фундаментальных правах человека, т. е. о первом поколении прав.

Таким образом, под правами человека понимается незначительное количество общепризнанных и закрепленных в международных документах прав, нарушить которые могут только органы государства. Среди основополагающих международных документов, где зафиксированы права человека, можно назвать следующие документы ООН: Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, а также основополагающий документ Совета Европы – Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Всего исследователи выделяют около 20–30 прав и свобод, которые можно отнести к правам человека. Например, права, закрепленные в Европейской конвенции и протоколах к ней, условно подразделяют на 8 основных групп:

1) право на жизнь, запрет смертной казни, запрет пыток, запрет рабства или подневольного состояния и принудительного труда, право на свободу и личную неприкосновенность, запрет лишения свободы за долги;

2) свобода мысли, совести и религии, свобода выражения мнения, свобода собраний и объединений, право на свободные выборы;

3) право на свободное передвижение, запрет высылки собственных граждан;

4) право на уважение личной и семейной жизни, право на бракосочетание, равноправие супругов;

5) право на образование;

6) право на справедливый судебный процесс, определение наказания только по закону, гарантии правовых средств в уголовных делах, право на компенсацию при судебных ошибках; право не быть повторно судимым и наказанным в уголовном порядке;

7) запрет коллективной высылки иностранцев, правовая защита иностранцев в связи с высылкой;

8) защита собственности¹.

К сожалению, уровень правосознания россиян пока еще таков, что мы не понимаем особой значимости первого поколения прав, отдавая предпочтение социально-экономическим правам. Например, в начале 2005 г. прокатилась волна протестов против замены льгот денежными выплатами, которая вводилась Федеральным законом «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ². Протесты приняли массовый характер и продолжались до тех пор, пока правительство не пообещало увеличить денежные компенсации взамен льгот. В то же время преобразование политической системы страны, вследствие которой президент и его администрация получили возможность назначать руководителей регионов, влиять на создание и функционирование политических партий, а также на формирование представительных органов, то есть фактически были изменены основы государственного управления, якобы не идущие в разрез с Конституцией РФ, остались не замеченными широкой общественностью. Тревогу по этому поводу выразили только правозащитные организации³.

Следует констатировать, что одновременно с ростом валового внутреннего продукта, повышением благосостояния населения России в нашей стране нарастают негативные тенденции, связанные с ограничением граждан в политических и гражданских правах, то

¹ См.: Азаров А., Ройтер В., Хюфнер К. Права человека. Международные и российские механизмы защиты. М., 2003. С. 210–211.

² См.: СЗ РФ. 2004. № 35. Ст. 3607.

³ См.: Права человека в Российской Федерации: докл. о событиях 2005 г. / Отв. ред. Н. Костенко. М., 2006. С. 7–8.

есть в правах первого поколения, которые на уровне позитивных достижений в экономике, а также вследствие необразованности населения в области прав человека остаются не замеченными либо этим явлениям не придается должного значения.

В результате в 2006 г. эксперты американской неправительственной организации Freedom House в своем ежегодном докладе «Nations in transit», посвященном исследованию состояния прав человека в странах так называемого переходного периода, перевели Россию из числа «частично свободных» стран в категорию «несвободных». Причиной этого являются ограничение возможности граждан участвовать в управлении делами государства, ужесточение контроля за деятельностью неправительственных организаций, над средствами массовой информации и другие нарушения прав человека, хотя авторы доклада отмечают очевидный экономический рост в стране¹. Довольно много

С. А. Кацуба,

старший преподаватель

кафедры уголовного права

Академии права и управления ФСИН России

кандидат юридических наук

**ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ
БЕРЕМЕННЫМ ЖЕНЩИНАМ И ЖЕНЩИНАМ,
ИМЕЮЩИМ МАЛОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ,
ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РФ**

Важными направлениями развития правового государства на современном этапе являются сокращение объема использования наказания в виде лишения свободы и все более широкое применение альтернативных ему наказаний к лицам, осужденным за преступления, не представляющие большой общественной опасности, исправление которых возможно при сохранении привычных для них условий жизнедеятельности. При этом осужденные не теряют социально полезных связей, не общаются с закоренелыми преступниками, что, безус-

вопросов по соблюдению прав человека к России возникает и у Совета Европы².

Таким образом, сегодня Российской Федерации необходимо концентрировать внимание на соблюдении и защите прав человека, относящихся к первому поколению, а именно гражданских и политических прав.

Библиографический список

1. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2003 году. – М., 2004.

2. Азаров, А. Права человека. Международные и российские механизмы защиты / А. Азаров, В. Ройтер, К. Хюфнер. – М., 2003.

3. Курс «Права человека»: учеб. пособие для сотрудников аппаратов уполномоченных и комис. по правам человека в РФ / авт.-сост. Н. Таганкина и др. – М., 2005.

4. Юров, А. Введение в концепцию прав человека и универсальных механизмов защиты / А. Юров // Кон Text. – 2006. – № 9.

ловно, способствует их возвращению к законопослушной жизни.

С одной стороны, данные направления нашли отражение в УК РФ. В частности, законодатель ориентирует суды применять наказания, связанные с лишением свободы, только в тех случаях, когда исправление осужденных невозможно без назначения более мягких видов наказаний. В ст. 44 УК РФ предусмотрены виды наказаний, альтернативные лишению свободы: штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы и др. Следовательно, суды обладают достаточным арсеналом средств воздействия на лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести.

С другой стороны, относительно такой категории осужденных, как беременные женщины и женщины, имеющие малолетних детей, карательная политика государства проявляется значительно жестче по сравнению с другими категориями осужденных.

¹ Freedom House перевела Россию в разряд «несвободных» стран // http://www.russianchicago.com/common/arc/story.php?id_cr=130&id=276594.

² После месяца председательства в Совете Европы по правам человека Россия за соблюдение и защиту прав человека получила «тройку». См.: <http://www.spbgid.ru/index.php?news=85551>.

Важнейшей предпосылкой повышения эффективности борьбы с преступностью является справедливость наказания, однако в настоящее время уголовное законодательство не может в достаточной степени удовлетворить данное требование. В ст. 60 УК РФ указаны общие начала назначения наказания, в частности: 1) наказание должно назначаться в пределах санкции статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за совершенное преступление и 2) в точном соответствии с положениями Общей части УК РФ. Вместе с тем при назначении наказания осужденным беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, вышеуказанные положения будут противоречить друг другу.

Так, в Общей части УК РФ установлены виды уголовных наказаний, которые могут назначаться судом. В первой редакции уголовного закона (1996 г.) было закреплено, что при вынесении приговора рассматриваемой категории осужденных суд не мог назначить наказание в виде обязательных работ (ст. 49 УК РФ), ограничения свободы (ст. 53 УК РФ) и ареста (ст. 54 УК РФ), за исключением тех случаев, когда у женщины имелись дети старше 8 лет. Из этого следовало, что женщине можно было назначить наказание только в виде лишения свободы, если она имела детей до 8 лет, и обязательных работ, ограничения свободы, ареста, лишения свободы, если у нее были дети старше 8 лет.

В 2003 г. законодатель внес изменения в статьи о наказаниях, регламентирующие назначение и отбывание обязательных и исправительных работ, ограничения свободы и ареста. Согласно данным изменениям в настоящее время обязательные и исправительные работы не назначаются женщинам, если у них имеются дети до 3 лет, а ограничение свободы и арест не смогут применяться, если у женщины имеются дети до 14 лет. При этом наказание в виде лишения свободы может назначаться женщинам в любых случаях (в том числе при беременности или наличии детей).

В результате при осуждении и назначении наказания беременные женщины и

женщины с детьми оказались в неравном положении с мужчинами. Последним суд в зависимости от санкции статьи может определить любой вид наказания из перечисленных в ст. 44 УК РФ, а, назначая наказание женщине в аналогичной ситуации, суд будет смотреть, есть ли у нее дети и какого возраста, и исключать те виды наказаний, какие он не сможет назначить в силу прямого запрета в законе. Следовательно, если предположить, что у женщины имеется ребенок до 3 лет, то, кроме лишения свободы, суд ей ничего не может назначить. В результате в отношении рассматриваемой категории осужденных некоторые положения общих начал назначения наказания взаимоисключают друг друга.

На наш взгляд, беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, следует назначать именно обязательные и исправительные работы, а также ограничение свободы, так как, несмотря на то, что в период отбывания данных видов наказаний женщина будет привлекаться к труду, она все же сохранит привычные для себя условия жизнедеятельности (дом, семейно-родственные связи) и будет иметь возможность для ухода за своим ребенком и общения с ним. В то время как назначение наказания только в виде лишения свободы не позволяет женщине вести привычный образ жизни и общаться с ребенком на протяжении всего периода отбывания наказания, что не лучшим образом скажется на ее исправлении.

Таким образом, мы можем говорить о непоследовательности законодателя: с одной стороны, он проявляет гуманизм к женщине-матери (предоставление отсрочки отбывания наказания по ст. 82 УК РФ), с другой, устанавливает для нее более жесткие правила назначения наказания.

Библиографический список

1. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 162-ФЗ // СЗ РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4848.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации : [федер. закон : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.]. – М., 2006.

И. Н. Кудряшов,
*преподаватель кафедры административного
права и административной деятельности ОВД
ВЮИ ФСИН России*

**ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО СООТНОШЕНИЯ
КАТЕГОРИЙ «ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ»
И «НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ»**

Социальная сущность человека и его взаимодействие с обществом в правовом аспекте находят свое выражение в создании общественных объединений, выступающих, по мнению многих ученых, базовой составляющей, первоосновой гражданского общества.

Например, С. А. Авакьян относит к определяющим характеристикам гражданского общества свободу граждан создавать различные объединения¹.

Ученые пришли к выводу, что в гражданском обществе «...добровольно, спонтанно сформировавшиеся первичные самоуправляющиеся общности людей...»² выполняют роль «несущих конструкций... и ...призваны содействовать всесторонней реализации личности, ее интересов, устремлений»³.

В связи с этим «развитая система общественных объединений выступает в качестве неотъемлемого элемента гражданского общества»⁴.

Современная теория государства и права справедливо связывает роль общественных организаций с укреплением единства общества, стабильности и безопасности страны, обеспечением социальной безопасности, в частности, тех ее параметров, которые непосредственно связаны с признанием, соблюдением и защитой прав человека.

¹ См.: Авакьян С. А. Политический плюрализм и общественные объединения в Российской Федерации. Конституционно-правовые основы. М., 1996. С. 16.

² Дмитриев Ю. А. Соотношение понятий политической и государственной власти в условиях формирования гражданского общества // Государство и право. 1994. № 7. С. 30.

³ Лысенко В. В. Гражданское общество и общественные объединения в РФ // Конституционное и муниципальное право. 2001. № 1. С. 26.

⁴ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под общ. ред. В. Д. Карповича. 2-е изд. М., 2002. С. 196.

Однако особое правовое положение общественных объединений ставится некоторыми исследователями под сомнение, учитывая определенные недоработки законодательства, регламентирующего их статус.

В частности, А. В. Орлов, исследуя правовой статус общественных объединений в РФ, отмечает неодинаковое использование законодателем термина «общественное объединение». В качестве примера автор приводит положения Конституции РФ, Уголовного кодекса РФ, Водного кодекса РФ, Федерального закона «О статусе военнослужащего» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ, в которых термины «общественное объединение» и «некоммерческая организация», учитывая признаки данных правовых институтов, вступают в противоречие⁵.

А. В. Маркитантов при исследовании правового статуса негосударственных общественных объединений выявил и сформулировал противоречия в терминологии федерального законодательства, регулирующего правовое положение общественных объединений и некоммерческих организаций⁶. Автор отмечает, что согласно Федеральному закону «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ организацией является организованная общность граждан, создаваемая для достижения общественно полезных целей. Одновременно данный Закон устанавливает, что общественные объединения представляют собой одну из форм некоммерческих организаций, формируемую для достижения аналогичных целей. Статус общественных объединений регламентируется также ст. 6 Федерального закона «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ, в котором содержатся их организационно-правовые формы, одной из которых является общественная организация. Таким образом, организация выступает формой объединения, которое, в свою очередь, является формой организации.

⁵ См.: Орлов А. В. Правовое положение общественных объединений в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 26–37.

⁶ См.: Маркитантов А. В. Негосударственные общественные объединения в РФ: теория и практика конституционно-правового регулирования: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 23–26.

Исследователи единодушны в том, что такое соотношение содержания вышеназванных федеральных законов представляется неясным и не создает возможности четкого структурирования организационных форм негосударственной активности индивидов.

Авторы, подходя с разных позиций к исследованию общественных формирований в России и их правовому статусу, предлагают разные пути решения проблемы несогласованности названных норм. Так, по мнению А. В. Маркитанова, решить данную проблему возможно путем принятия нового нормативного акта – Федерального закона «О негосударственных объединениях», который урегулирует правовой статус и определит четкую систему негосударственных объединений на основе упорядочения признаков данных объединений¹.

По нашему мнению, эффективным решением проблемы, более соответствующим действительности, является предложение А. В. Орлова, которое сводится к устранению из Федерального закона «Об общественных объединениях» положений об общественных фондах и общественных организациях, отнеся их к исключительной

компетенции Федерального закона «О некоммерческих организациях», а также упорядочение признаков общественного объединения и некоммерческой организации в пользу последней, окончательно признав общественное объединение формой некоммерческой организации.

В связи с этим необходимо также внести соответствующие изменения в отдельные федеральные законы, оперирующие понятием «общественное объединение», заменив его на термин «некоммерческая организация»².

Библиографический список

1. Лысенко, В. В. Гражданское общество и общественные объединения в РФ / В. В. Лысенко // Конституционное и муниципальное право. – 2001. – № 1.

2. Маркитанов, А. В. Негосударственные общественные объединения в РФ : теория и практика конституционно-правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002.

3. Орлов, А. В. Правовое положение общественных объединений в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.

А. Ю. Кужеков,
*старший инспектор отдела
по работе с личным составом
ВЮИ ФСИН России*

СВОБОДА СОВЕСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Социально-экономическая ситуация, сложившаяся в современной России, способствует дальнейшему становлению демократии, одним из основных принципов которой является охрана права личности на свободу выражения мысли, в том числе религиозного мировоззрения. Происходящие социальные преобразования обусловили повышенное внимание юридической науки и практики к обеспечению прав человека и гражданина. Особое место в этом комплексе проблем занимают вопросы обеспечения

права личности на свободу совести в процессе осуществления юридической ответственности.

По нашему мнению, целесообразно дать характеристику самого понятия «свобода совести», являющегося сложным и многогранным явлением, изучением которого на протяжении многих веков занимались юристы, философы и религиоведы.

Свобода совести рассматривалась как философско-этическая категория³; возможность для каждого человека совершать поступки в соответствии со своими представлениями о справедливом и несправедливом, добре и зле⁴; право людей мыслить о

¹ См.: Маркитанов А. В. Указ. соч. С. 53–54.

² См.: Орлов А. В. Правовое положение общественных объединений в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 33–37.

³ См.: Новиков М. А. Свобода совести как философско-этическая категория // Вопр. науч. атеизма. М., 1981. Вып. 27. С. 76–90.

⁴ См.: Позднеев И. И. В чем сущность свободы совести. Краснодар, 1972. С. 3.

мире так, как они хотят, а также действовать в соответствии со своими представлениями о мире¹. Такое отождествление понятий «совесть» и «свобода совести» или, например, понятий «свобода» и «свобода совести» некорректно, как и попытки некоторых исследователей этимологически разделить термин «свобода совести» на отдельные составляющие «свобода» и «совесть»². По мнению Г. Г. Черемных, несмотря на то, что каждое из рассматриваемых понятий имеет самостоятельное значение, содержание данной категории не является механически объединенной их суммой³. Кроме того, юридический смысл термина «свобода совести» уже философско-мировоззренческого понимания совести.

Как субъективное право свобода совести представляет собой «право каждого человека самостоятельно решать вопрос о том, руководствоваться ли ему в оценке своих поступков и мыслей поучениями религии или отказываться от них»⁴.

При характеристике отношения человека к религии кроме понятия «свобода совести» употребляется термин «свобода вероисповедания». Свобода вероисповедания и свобода совести соотносятся как видовое и родовое понятия, как частное и общее. Свобода вероисповедания является лишь элементом свободы совести, так как к последней относится помимо свободы выбора религии и свободы отправления религиозных культов также право не исповедовать религии вообще, быть атеистом и иметь реальную возможность распространять атеистическую пропаганду.

В российском законодательстве свобода совести впервые была провозглашена Декретом СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. и вскоре закреплена конституционно. Конституция РСФСР 1918 г. и другие российские и советские конституции провозглашали в целях обеспечения

действительной свободы совести отделение церкви от государства и школы от церкви, а также признаваемую за всеми гражданами свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды. Впоследствии с внесением изменений в 1929 г. в Конституцию РСФСР 1924 г., а в дальнейшем и в Конституцию СССР 1936 г. вместо «свободы религиозной пропаганды» появилась формулировка «свобода отправления религиозных культов», что связано было скорее не с ограничением свободы вероисповеданий, а с определенными политическими соображениями – пресечь возможность использования религиозной деятельности для политических выступлений против советской власти.

В статье 52 Конституции СССР 1977 г. гражданам гарантировались свобода совести, т. е. право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Таким образом, в данной норме были заложены все основные составляющие свободы совести, включая свободу вероисповедания и свободу атеизма.

Согласно ст. 28 действующей Конституции РФ каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

В ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ аналогично вышеизложенным конституционным положениям гарантировано право на свободу совести и свободу вероисповедания.

Таким образом, право на свободу совести принадлежит в равной мере всем гражданам. Не являются исключением и правонарушители – лица, допустившие акты поведения, не соответствующие законно установленным нормам права. В отношении таких лиц осуществляется юридическая ответственность, которая неизменно связана с ограничениями различного характера, налагаемыми на правонарушителя компетентным государственным органом⁵. Часто

¹ См.: Огнева Е. В. Свобода совести советских людей. Киев, 1976. С. 5.

² См.: Савельев В. Н. Свобода совести: история и теория. М., 1991. С. 93.

³ См.: Черемных Г. Г. Свобода совести в Российской Федерации. М., 1996. С. 20.

⁴ Конституция Российской Федерации: Науч.-практ. коммент. / Под ред. Б. Н. Топорнина. М., 1997. С. 228.

⁵ См.: Сырых В. М. Теория государства и права: Учеб. для вузов. М., 2005. С. 386, 411.

при осуществлении различных видов юридической ответственности и прежде всего уголовной ограничивается право правонарушителя на свободу совести: осуществление религиозных культов, чтение религиозной литературы и т. д. Подобные ограничения в случае, если они не установлены федеральным законом, являются неконституционными. В связи с этим в целях обеспечения права на свободу совести лиц, подвергаемых принудительным мерам государственного воздействия, учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания, в настоящее время активно сотрудничают с различными религиозными объединениями.

С момента появления в России первых специализированных пенитенциарных учреждений в арсенале их средств исправительного воздействия доминирующее место занимало нравственно-религиозное воспитание, цель которого заключалась в формировании законопослушной личности. С 1917 г. приоритетным направлением уголовно-исправительной политики стал труд осужденных. Однако нравственно-религиозной составляющей процесса исправления осужденных внимания не уделялось. В связи с этим в советский период осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы, а также подозреваемые и обвиняемые, находящиеся в местах предварительного содержания под стражей, практически были лишены права на отправление религиозных обрядов. Действовавшее в этой сфере законодательство запрещало во всех государственных, общественных, кооперативных учреждениях совершение каких бы то ни было религиозных обрядов и церемоний культа, а также хранение предметов культа. Данные запреты распространялись также на места лишения свободы, в которые не допускались служители культа любых конфессий.

Вместе с тем в виде исключения по просьбе умирающих или тяжело больных разрешалось отправление религиозно-культурных обрядов в особо изолированных помещениях. Однако и оно на практике не действовало, так как, во-первых, осужденные об этом праве не знали, а во-вторых, в связи с тем, что находящемуся в местах лишения свободы признать себя верующим было весьма небезопасно. Поэтому верующие скрывали свои религиозные взгляды. В

места лишения свободы не попадала религиозная литература, а также запрещалось пользоваться религиозной символикой (например, нательными крестиками, четками, моельными ковриками).

В конце 1980-х гг. отношение к религии изменилось: были сняты многие запреты и ограничения. В исправительно-трудовые колонии и тюрьмы направлялись тысячи экземпляров Библии, Корана; изменились Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений. Осужденным было разрешено пользоваться религиозной символикой. В колониях, тюрьмах, следственных изоляторах начали создаваться культовые комнаты, где осужденные могли отправлять религиозные обряды, а также встречаться со священнослужителями.

В 1992 г. впервые право осужденных на вероисповедание получило правовую основу, а также была гарантирована свобода совести и вероисповеданий.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ, вступивший в действие с 1 июля 1997 г., в ст. 14 закрепил гарантии осужденным реализации ими свободы совести и свободы вероисповедания.

В настоящее время в местах лишения свободы возможно отправление религиозных обрядов как индивидуально, так и группами осужденных. В колониях и следственных изоляторах происходят обряды крещения, венчания, исповеди, отпевания умерших, групповые молитвы. Некоторые из культовых действий могут происходить и без священнослужителей (например молитва).

Служители культа, принадлежащие к зарегистрированным в установленном порядке религиозным объединениям, могут посещать учреждения, исполняющие наказания, и следственные изоляторы не только по просьбе осужденных, но и по своей инициативе. Однако религиозные обряды могут совершаться лишь с согласия осужденных. Как правило, в таких обрядах участвуют небольшие группы осужденных — по их желанию¹.

Право осужденных на свободу совести принадлежит каждому из них, однако его

¹ См.: Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX — начала XX века / Под ред. А. И. Зубкова. М., 2005. С. 35–36.

реализация не должна нарушать права других лиц. Например, недопустимо проводить массовые религиозные мероприятия, если имеются возражения других осужденных. Отправление религиозных обрядов не должно нарушать также правил внутреннего распорядка.

В местах лишения свободы служители культа помимо отправления религиозных обрядов проводят индивидуальные беседы с осужденными, выступают перед группами лиц. Все это не только способствует приобщению осужденных к религии, но и оказывает на них определенное воспитательное воздействие, так как многие религиозные заповеди совпадают с правовыми запретами.

Несмотря на существенные улучшения в сфере обеспечения права на свободу совести лиц, подвергаемых мерам юридической ответственности, по-прежнему в законодательстве и правоприменительной практике встречаются необоснованные ограничения указанных прав. Согласно п. 148 Правил внутреннего распорядка исправительных уч-

реждений² осужденным разрешено брать с собой в штрафные изоляторы принадлежащие им религиозную литературу и предметы культа индивидуального пользования для нательного или карманного ношения. До этого пронос осужденными указанных предметов в штрафной изолятор не допускался.

Таким образом, создание реальных гарантий реализации права на свободу совести является важнейшим условием становления в России правового государства и гражданского общества.

Библиографический список

1. Савельев, В. Н. Свобода совести : история и теория / В. Н. Савельев. – М., 1991.
2. Уголовно-исполнительное право России : теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XX века / под ред. А. И. Зубкова. – М., 2005.
3. Черемных, Г. Г. Свобода совести в Российской Федерации / Г. Г. Черемных. – М., 1996.

И. Н. Куркина,

*доцент кафедры гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук*

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СТРАНАХ СНГ

Еще в 80-е гг. XX столетия за рубежом преступность выходцев из бывшего СССР оценивали всего лишь как преступность мигрантов вообще, а в России к криминальным деяниям не ее граждан относились как к «преступлениям иностранцев». В дальнейшем стало вполне очевидным, что нередко речь идет о проявлениях международной преступной деятельности, доля россиян в которой составляет около 47 %¹.

Однако и эта цифра не дает полного представления об этом явлении. Тщательная конспирация высокоорганизованной

преступной деятельности, смена гражданства частью преступников, недостаточная организация сотрудничества правоохранительных органов, «лукавая» политика государств ряда стран при решении вопросов об экстрадиции и осуждении виновных, а также иные обстоятельства препятствуют раскрытию и пресечению международных преступлений. Нельзя при этом умалять значения дефектов криминологической защиты международных контактов, транснациональных форм экономической, гуманитарной и иной деятельности, политику двойных стандартов одних государств по отношению к другим.

Обобщенного официального статистического учета транснациональной организованной преступности в странах бывшего СССР сегодня не ведется. По оценкам ряда экспертов, к 2006 г. более 300 организованных групп и преступных сообществ

¹ См.: Сухаренко А. Н. «Российская» организованная преступность в США. М., 2005; Kleinknecht W. The New Ethnic Mobs: The Changing Face of Organized Crime in America. N.Y., 2006.

² См.: Об утверждении правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: Приказ Минюста РФ от 3 ноября 2005 г. № 205 // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 47.

СНГ имеют международные связи, т. е. соучастников, подразделения или обособленные группы на территории других государств. Большая часть этих связей (70 %) приходится на государства СНГ¹.

В настоящее время к числу наиболее распространенных и опасных видов транснациональных организованных преступлений, совершаемых на территории стран бывшего СССР, относят: терроризм; незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ; взяточничество в высших органах государственной власти; незаконный оборот вооружений, в том числе оружия и боеприпасов; контрабанда алкоголя, нефти и газа, валютных ценностей, автотранспорта; легализация (отмывание) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем; фальшивомонетничество; лжепредпринимательство.

Транснациональная организованная преступность на территории государств-участников СНГ по своей природе мало чем отличается от мировой транснациональной преступности. Вместе с тем транснациональная организованная преступность имеет свои особенности: довольно успешное проникновение в высшие органы государственной власти; объединение усилий в целях не только эффективного противостояния уголовному преследованию, но и «вытеснения» лидеров мирового криминалитета с их традиционных рынков в Европе и США; ориентированность на длительный вывоз за пределы СНГ денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем; активное использование заказных убийств и насильственного вымогательства как средств перераспределения сфер влияния, прежде всего отраслей и регионов получения доходов от преступной деятельности; обеспечение функций транспортного коридора для наркотиков, перемещающихся из азиатского и кавказского регионов в государства Западной Европы (даже с учетом того, что на территории некоторых государств-участников СНГ имеется небольшое по мировым масштабам собственное производство нар-

котических средств); критически высокий удельный вес преступных объединений, имеющих коррумпированные связи, т. е. соучастников из числа должностных лиц органов государственной власти (в том числе правоохранительных), местного самоуправления и их учреждений; тяготение к московскому финансовому центру, выполняющему функции «денежного моста» между преступными сообществами стран СНГ и остальным миром.

Развитие транснациональной организованной преступности в течение последних десятилетий может рассматриваться как процесс рациональной реорганизации в международном масштабе преступных предприятий аналогично реорганизации законных хозяйственных операций в экономике, построенной на рыночных отношениях. При этом национальные и международные преступные организации строят свои структуры в соответствии со структурами корпораций, разделением труда, направленным на извлечение максимальных прибылей и обеспечение минимального риска.

В странах СНГ транснациональная организованная преступность появилась не спонтанно, а в результате роста социально-политической нестабильности, вызванной быстрыми и ошибочными преобразованиями в экономике и политике.

Преступники бывших союзных республик, как показывает практика, организуя преступные сообщества, действуют согласованно в едином криминальном пространстве на территориях своих государств. Тенденция роста транснациональной организованной преступности, характерная сегодня для многих стран мира, в дальнейшем сохранится и для СНГ. Вряд ли можно рассчитывать на то, что организованные преступные группы не будут использовать такие благоприятные для них факторы, как упрощение порядка пересечения границ страны, создание свободных экономических зон, слабость правовой базы, регламентирующей борьбу с международной преступностью, несовершенство пограничного, таможенного и другого контроля для осуществления своих преступных целей.

Развитие международных отношений при одновременном росте преступности

¹ См.: Стерлинг Б. Будущее уже началось: что ждет каждого из нас в XXI веке? Екатеринбург, 2006. С. 106.

практически во всем мире влечет за собой повышение активности преступной среды по установлению международных связей, рост объема преступлений транснационального характера на территории СНГ. Индикатором «срачивания» организованной преступности СНГ и дальнего зарубежья может служить торговля «живым товаром» – прямое и косвенное вовлечение граждан СНГ в проституцию, обманный вывоз за границу женщин и их продажа в наложницы, нелегальный ввоз и вывоз рабочей силы и т. п.

Изучение материалов уголовных дел и средств массовой информации свидетельствует о том, что процесс создания в СНГ свободных экономических зон сопровождается активизацией деятельности транснациональной преступности.

Так, например, по данным МВД РФ, свободная экономическая зона «Янтарь» в Калининградской области стала центром легализации транспорта, ранее похищенного в Европе либо не прошедшего таможенного оформления.

Связи организованной преступности стран СНГ с преступными сообществами дальнего зарубежья в свободных экономических зонах используются для ввоза в страны СНГ наркотиков из Западной Европы. При этом территория СНГ, как свидетельствует пограничная и таможенная статистика, чаще всего используется для транзитной перевозки наркотиков в Европу.

География и состав участников транснациональных преступных групп, специализирующихся на кражах и контрабандной торговле автомобилями, постоянно расширяются. Автомагистрали, например, между Германией и Россией превратились в «дороги риска», контролируемые организованными преступными группами.

В последнее десятилетие в СНГ появились новые виды организованных преступлений, прежде всего в финансово-кредитной сфере:

- подделка банковских чеков и кредитных карточек;
- выпуск и распространение необеспеченных ценных бумаг;
- проведение незаконных операций по переводу за границу крупных денежных сумм;

– фиктивные банкротства и др.

Транснациональная организованная преступность в СНГ активно эксплуатирует такое международное направление, как вывоз антиквариата и других произведений искусства, золота, драгоценных камней, наиболее легко поддающихся конвертированию. Так, одна из организованных групп, возглавляемая петербургским искусствоведам, подкупила инспекторов таможни и с их помощью организовала «окна» на границе, а бывший член коллегии адвокатов переправлял антиквариат фургонами «Совтрансавто». Нередко используют дипломатические каналы, прибегают к услугам студентов, обучающихся в российских вузах, различного рода специалистов.

По данным Главного управления МВД России по борьбе с организованной преступностью, более 2 000 граждан СНГ вовлечены в мировую организованную преступность¹. Они имеют устойчивые связи с преступными структурами стран СНГ, Балтии, США, Германии, Польши, Венгрии, Китая, Турции и других государств. По оценкам зарубежных экспертов, преступниками из СНГ помещено в западных банках не менее 50 млрд дол. США.

Изучение деятельности транснациональной организованной преступности в разных странах СНГ позволяет говорить об их так называемой специализации. Так, например, в Средней Азии распространены незаконный оборот и контрабанда наркотиков; на Дальнем Востоке – махинации с автомобилями, привозимыми из-за рубежа, вымогательство, контрабанда, преступления в рыбной промышленности. Криминальная обстановка в Москве и Санкт-Петербурге в основном определяется организованными преступными группами, состоящими из граждан республик Закавказья (прежде всего Азербайджана и Армении).

Для таких организованных преступных групп характерно то, что они, как правило, формируются в одном регионе, а совершают преступления в разных. Механизм совершения преступлений у таких групп обычно предусматривает несколько этапов.

¹ См.: Караганов С. СНГ и непризнанные государства // Рос. газ. 2005. 3 июня. С. 4.

Среди рассматриваемых транснациональных организованных преступных групп встречаются и такие, которые делятся на организованные группы, локализирующиеся в нескольких регионах.

Обобщение существующей практики позволяет сформулировать следующие основные признаки транснациональной организованной преступности в СНГ:

1) регулярные сделки по приобретению в странах проживания членов транснациональных организованных преступных групп товаров и доставка их в страны, где проживают другие члены преступных группировок и где они пользуются повышенным спросом;

2) наличие смешанных по составу организованных преступных групп, занимающихся контрабандой и специализирующихся исключительно на нелегальном вывозе крупных партий товаров;

3) действующая в отдельных сферах (но с единым руководством) сеть сбыта товаров;

4) наличие сети обмена рублей, полученных от нелегального сбыта, на конвертируемую валюту, установление каналов вывоза за границу ценностей, полученных преступным путем.

Помимо стремления потеснить мировые преступные кланы в их традиционных сферах влияния вполне четко обозначились следующие тенденции транснациональной организованной преступности в странах СНГ:

– внедрение в легальную экономику (особенно тех стран, чье законодательство не слишком требовательно к доказыванию законного происхождения внешних инвестиций);

– образование собственных «ниш» в мировой криминальной экономике, в том числе в сферах незаконной торговли оружием, видео- и аудиопиратства, сексуальной эксплуатации;

– строительство многоуровневого «криминального моста» между Востоком и Западом, основным элементом которого является наркопуть;

– создание лжеэкономических структур для отмывания преступных доходов, которые не могут быть легализованы в странах их получения из-за слишком жесткого контроля;

– начало второй стадии криминальной консолидации, выражающейся в том, что вслед за вытеснением или укрупнением большого числа мелких организованных групп все интенсивнее становятся координационные и согласительные процедуры между преступными объединениями, функционирующими на территории разных государств-участников СНГ.

В целом изучение тенденций транснациональной организованной преступности в странах СНГ позволяет предположить, что:

– во-первых, на территории стран СНГ может появиться объединенное криминальное сообщество, эксплуатирующее некоторые невостребованные или нереализованные функции в сферах экономики и политики и даже идеологии, оставшиеся от бывшего СССР;

– во-вторых, высока вероятность постепенного превращения России и Украины в течение ближайших 5–7 лет в крупных мировых потребителей наркотических средств;

– в-третьих, изменения в мировой инвестиционной политике, предполагающие, возможно, более широкое, чем прежде, привлечение ресурсов на территорию других стран СНГ, могут спровоцировать появление новых теневых денежных потоков, перемещающихся в сферу национального теневого бизнеса для последующего отмывания через отлаженные связи в московском финансовом центре.

В заключение следует отметить, что организованная преступность – тотально опасное явление, ставшее уже глобальным. Поэтому следует более решительно задействовать правоохранительные структуры стран СНГ, создавать эффективные системы сотрудничества, способные противостоять постоянно совершенствующимся формам транснационального сотрудничества самих организованных преступников.

Библиографический список

1. *Караганов, С.* СНГ и непризнанные государства / С. Караганов // Рос. газ. – 2005. – 3 июня.

2. *Сухаренко, А. Н.* «Российская» организованная преступность в США / А. Н. Сухаренко. – М., 2005.

Д. С. Кучков,
адъюнкт кафедры государственно-
правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОТНОШЕНИЯ ЛЮДЕЙ

В последние два десятилетия в России осуществляется процесс реформирования во всех сферах жизни общества, в том числе в сфере воздействия права на общественные отношения.

Право является социальной необходимостью, детерминирующей порядок в обществе и противостоящей хаосу и произволу. Иными словами, с помощью права регламентируются и цементируются социальные связи и процессы. Однако, несмотря на многовековую историю, до настоящего времени остается дискуссионным вопрос о содержании понятия правового воздействия¹.

Профессиональное и обыденное правосознание, а следовательно, юридическая практика, прочно связывают правовое воздействие исключительно с юридическими нормами и, как правило, не учитывают иных средств, влияющих на поведение человека². В юридической науке вопрос о содержании правового воздействия рассматривается более объемно³, т. е. как процесс более широкий, чем правовое регулирование. В частности, по мнению известного отечественного правоведа М. И. Байтина, данная ситуация обуславливается следующими обстоятельствами. Во-первых, правовое регулирование представляет собой воздействие права на отношения между людьми специально-нормативными, специфическими средствами (правовые нормы, формы-источники права, правоспособность, дееспособность, акты применения права и

иные юридические факты, правоотношения, субъективные права и обязанности сторон, юридическая ответственность и т. п.). Во-вторых, к правовому относится общесоциальное, духовное, культурное, воспитательное и тому подобное воздействие, свойственное морали, науке, искусству и всякому иному надстроечному явлению, в том числе праву (правосознание, правовая культура, правовое воспитание и т. д.). Следовательно, правовое регулирование (с точки зрения данной концепции) представляет собой основную, важнейшую часть правового воздействия на общественные отношения⁴.

Указанная позиция в целом отражает современное представление о правовом воздействии на общественные отношения. Вместе с тем полагаем, что ее следует дополнить.

Итак, в-третьих, право действует на общественные отношения в системе не только с моралью, как указывается выше у М. И. Байтина, но и со всеми социальными нормами. Правовое воздействие зависит от стадии, на которой оно осуществляется, и от субъекта, его реализующего. На практике это означает, что лицо, участвующее в правотворчестве или правоприменении, согласовывает эти процедуры и их результат со своим правосознанием, которое в процессе социализации «впитывает» весь комплекс социальных норм. Данный вывод подкрепляется результатами социологических исследований, проведенных в апреле 2007 г. среди прокуроров, судей и депутатов Законодательного собрания Владимирской области⁵. Подавляющее большинство респондентов (в среднем более 86 %) отметили тот факт, что в своей профессиональной деятельности они руководствуются не только правом, но и моралью, обычаями и другими социальными нормами.

В-четвертых, правовое воздействие охватывает не только нормативные, но и ненормативные средства, которые зависят и от стадии регулирования (индивидуальные акты), и от субъекта (ситуативно-ценностный регулятор), и от окружающей действи-

¹ Подробнее об этом см.: Мешков Д. Н. Эффективность воздействия права на отношения личности и государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007.

² Об этом см.: Витченко А. М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. Саратов, 1974.

³ См., напр.: Лазарев В. В. Сфера и пределы правового регулирования // Сов. государство и право. 1970. № 11; Малько А. В. Механизм правового регулирования // Правоведение. 1996. № 3; Эффективность правового регулирования // Там же. 1990. № 6.

⁴ См.: Байтин М. И. Сущность права. М., 2005. С. 168.

⁵ Опрос проводился под руководством Р. Б. Головкина при участии А. М. Анисимовой, Ю. П. Боруленкова, Д. В. Лызлова, М. В. Новикова во Владимирском областном суде, прокуратуре г. Владимира и Законодательном собрании Владимирской области.

тельности (естественно-стихийные силы природы). На этот факт также обратили внимание респонденты (в среднем около 68 %).

В-пятых, правовое воздействие возможно не только на отношения в обществе, но и на любые взаимосвязи людей, даже в сферах, относительно обособленных от общества, например, в сфере частной жизни¹.

Таким образом, правовое воздействие представляет собой *многоуровневое регламентирующее влияние права в системе с иными социальными нормативными и ненормативными средствами на общественные отношения*.

Исходя из данного определения регулирования отношений между людьми многопланово, оно осуществляется с помощью комплекса нормативных и ненормативных факторов воздействия на поведение человека, венчают который право и правовые явления. Таким образом, правовое воздействие представляет собой систему, а, как известно, каждый элемент системы действует согласованно с другими. Согласованное и взаимообусловленное влияние права на различные отношения осуществляется с помощью определенных средств, которые позволяют наиболее эффективно осуществлять задачи правового воздействия. Эти средства обозначаются термином «механизм правового воздействия».

Следует отметить, что механизм правового воздействия шире, чем механизм правового регулирования². С учетом данного постулата в механизме правового регулирования выделим следующие элементы: юридические нормы, правоотношения, акты реализации. В механизм правового воздействия помимо названных элементов включим правовые нормы, не отраженные в законодательстве, иные социальные регуляторы, согласованно с правом воздействующие на определенный вид общественных отношений, правосознание субъектов правотворческой, правореализующей деятельности, а также участников регулируемых общественных отношений, их общую и правовую культуру.

¹ Более подробно об этом см.: Головкин Р. Б. Морально-правовое регулирование частной жизни в современной России. Владимир, 2004; Он же. Правовое и моральное регулирование частной жизни: свойства, стороны, охрана и защита. Владимир, 2005.

² С учетом анализа соотношения понятий «правовое воздействие» и «правовое регулирование».

Юридические и иные социальные (прежде всего моральные) нормы представляют собой основу³ механизма правового воздействия, они закрепляют в абстрактном виде типизированные возможности и необходимость определенного поведения субъектов. С их помощью программируется, нормативно направляется поведение участников общественных отношений в соответствии с заложенной в нормах идеальной моделью поведения. Кроме того, в нормах предусматриваются все те последующие юридические и неюридические средства, которые образуют иные элементы механизма правового регулирования. Иными словами, от вида и характера нормы зависят содержание и весь строй регулирования⁴.

В пользу предложенной концепции свидетельствует и тот факт, что правоприменитель, например, судья, вынося решение, опирается на свое правосознание, которое, как известно, основывается не только на праве, но и на морали, обычаях и иных нормативных и ненормативных средствах. Отсюда применение иных социальных регуляторов обусловлено правовыми нормами.

Во-первых, иные социальные нормы прямо принимаются во внимание при формировании правовых предписаний (например, весьма часто учитывается общесоциальная мораль и с ее требованиями согласовывается вновь принимаемый акт).

Во-вторых, всегда имеет место скрытое влияние нормативных и ненормативных факторов на формирование и принятие нормативно-правовых актов, поскольку законодатель оценивает общественные отношения исходя из своих представлений, убеждений и побуждений, которые носят неюридический характер. Кроме того, данное обстоятельство усугубляется тем, что в законотворческом органе, формируемом выборным путем, часто отсутствуют специалисты-юристы⁵.

³ Более подробно об основах см.: Зяблова Т. Е. Социальные основы законотворчества в современной России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004.

⁴ См.: Новиков М. В. Ограничительная функция права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 14–16.

⁵ Так, например, в сформированном в 2005 г. составе Законодательного собрания Владимирской области (39 членов) только 8 депутатов имеют юридическое образование.

В-третьих, санкции охранительных юридических норм часто носят относительно определенный характер и содержат лишь указания от минимального до максимального размера наказания.

В-четвертых, в юридических регуляторах широко применяются сложные гипотезы.

В-пятых, правоприменитель конкретизирует норму в соответствии с судебной практикой и региональными особенностями в пределах юридических норм. Отсюда механизм правового воздействия на отношения людей – *это совокупность взаимосвязанных, взаимодействующих правовых и иных нормативных и ненормативных средств, с помощью которых осуществляются организация и стабилизация отношений людей между собой, а также между личностью и различными коллективными субъектами.*

Основываясь на проведенном анализе и предложенных дефинициях, предлагаем следующую схему реализации правового воздействия на поведение людей.

1. *Формирование правового предписания.* На данном этапе значительную роль играет правосознание лиц, осуществляющих правотворчество. С одной стороны, на их правосознание влияют ранее изданные юридические нормы, акты реализации и интерпретации правовых предписаний, с другой стороны, оно находится под воздействием иных социальных норм, воспринятых сознанием творцов права. Кроме того, на этом этапе, как правило,

работают личные ситуативные интересы и пристрастия.

2. *Восприятие правового предписания.* Данный этап зависит от уровня общей и правовой культуры населения, на который оказывают влияние ранее сложившиеся стереотипы, соответствие конкретных норм системе нормативного регулирования, а также личностным установкам.

3. *Реализация правового предписания.* Субъекты вступают в систему общественных отношений, соглашаясь с правовой нормой или нарушая ее, либо вступают в другие отношения на основании других норм. В данном случае также имеет место влияние ранее сложившихся стереотипов, соответствие данных норм системе нормативного и ненормативного регулирования, а также иным установкам.

4. *Создание устойчивого стереотипа выполнения предписаний правовых норм,* который формируется на основе повторяемости поведения, соответствующего правовым предписаниям.

Библиографический список

1. *Витченко, А. М.* Метод правового регулирования социалистических общественных отношений / А. М. Витченко. – Саратов, 1974.

2. *Лазарев, В. В.* Сфера и пределы правового регулирования / В. В. Лазарев // Сов. государство и право. – 1970. – № 11.

3. *Байтин, М. И.* Сущность права / М. И. Байтин. – М., 2005.

В. Ф. Лапшин,
*доцент кафедры уголовного права
и криминологии Вологодского института
права и экономики ФСИН России
кандидат юридических наук*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В современной научной литературе достаточно большую популярность приобретает проблема уголовной политики, осуществляемой государством и реализуемой в соответствующих нормах действующего уго-

ловного законодательства¹. Это обстоятельство, как представляется, позволяет сделать вывод о завершении становления отрасли отечественного уголовного права и о создании дифференцированной системы уголовно наказуемых деяний, в основе которой лежит характер общественной опасности посягательства (характер его вредонос-

¹ См., напр.: *Тер-Акопов А. А.* Уголовная политика Российской Федерации. М., 1999. С. 59; *Лесников Г. Ю.* К вопросу о понятии уголовной политики // Рос. следователь. 2005. № 6; *Жалинский А. Э.* Уголовная политика и задачи уголовного права // Право и политика. 2006. № 6 и др.

ности)¹. По этой причине представители науки уголовного права пытаются ответить на вопросы об эффективности действия (применения) уголовного закона и перспективах его совершенствования с позиций защиты интересов общества и государства в целом, что требует обозначения главных направлений современной политики государства.

Термин «политика» в переводе с греческого языка буквально означает искусство управления государством. Таким образом, любая из сфер политики (в подлинном значении этого слова) предполагает определение руководящих функций государства в общественной жизни. В данном контексте под уголовной политикой можно понимать одно из направлений государственной политики в области борьбы с преступностью², в зависимости от содержания стратегических целей которой решаются задачи по совершенствованию уголовного законодательства, что, в свою очередь, создает предпосылки для эффективного предупреждения и профилактики как преступности в целом, так и отдельных ее видов.

Финансовая преступность представляет собой совокупность корыстных посягательств на финансовую систему государства, причиняющих существенный вред личности, обществу и государству, запрещенных нормами уголовного закона под угрозой наказания, которые носят умышленный общественно опасный характер и совершаются в процессе формирования, распределения и использования денежных средств и экономических ресурсов³. К преступлениям данного вида относятся предусмотренные УК РФ деяния, которые совершаются в сферах формирования (ст. 185–187), распределения (ст. 176, 194–

199²) и использования (ст. 174, 174¹, 177, 191–193) финансов.

Последние изменения уголовного законодательства, начиная с декабря 2003 г., свидетельствуют о либерализации государственной политики в области противодействия финансовой преступности. Это нашло отражение в снижении верхних пределов санкций по отдельным статьям гл. 22 УК РФ, установлении закрытого перечня способов совершения преступного деяния (ст. 198–199¹), увеличении суммы ущерба, причиненного преступным деянием, определение которой необходимо для криминализации совершенного правонарушения и др.⁴

Согласно анализу динамики совершения уголовно наказуемых деяний, предусмотренных ст. 198–199 УК РФ (как и других финансовых преступлений), наиболее низкие показатели данного явления наблюдались именно в 2003 г.⁵ Очевидно, что по этим причинам законодатель принял решение о смягчении ответственности за совершение финансовых преступлений. Однако истинные причины снижения количественных показателей финансовой преступности заключались в том, что фактически с марта 2003 г. перестала функционировать Федеральная служба налоговой полиции РФ (ФСНП России). Полномочия по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, отнесенных к подведомственности данной службы, с июля 2003 г. были переданы органам МВД России⁶. Но и новая служба, созданная в рамках МВД, прежде всего, должна была решить организационные и кадровые вопросы, без чего невозможно качественное осуществление профессиональной деятельности. В связи с этим можно утверждать, что государственная правоохранительная система в период со второго по четвертый квартал 2003 г.

¹ См.: Кругликов Л. Л. О понятии и видах дифференциации ответственности // Дифференциация ответственности и вопросы юридической техники в уголовном праве и процессе: Сб. науч. ст. Ярославль, 2001. С. 7.

² Более подробно см.: Побегайло Э. Кризис современной российской уголовной политики // Уголов. право. 2004. № 3. С. 132.

³ См.: Лапшин В. Ф. Преступления в сфере распределения финансовых ресурсов: вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 7–8.

⁴ См. об этом: О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 162-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

⁵ См.: Лопашенко Н. А. Парадоксы уголовной политики в области налоговых преступлений и пути их преодоления // Рос. юстиция. 2005. № 3. С. 15–20.

⁶ Более подробно см.: Вопросы совершенствования государственного управления в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 11 марта 2003 г. № 306 // Рос. газ. 2003. 25 марта.

практически не оказывала противодействия финансовой преступности. Отсюда приведенные выше официальные данные далеко не точно отражают реальное состояние количественных показателей совершенных преступлений, а потому не могут свидетельствовать об улучшении криминальной обстановки в финансовой сфере.

Что же касается вопросов борьбы с преступностью (и финансовой, и любой другой), то, по нашему мнению, нецелесообразно применять либеральные меры, направленные на противодействие данному социально негативному явлению. Общественная опасность экономического (а тем более, финансового) преступления достаточно велика¹. Нарушение интересов государства в рассматриваемой области негативно отражается на всех без исключения общественных отношениях: начиная с системы образования, социальной защиты и заканчивая обеспечением безопасности от внешних угроз. По этой причине уголовное

Ю. Н. Москалёв,

доцент кафедры экономики

Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

кандидат экономических наук

А. С. Тимошук,

доцент кафедры гуманитарных дисциплин

ВЮИ ФСИН России

доктор философских наук

ТРАДИЦИОННЫЙ ФАКТОР

В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Под благом в современной экономической теории понимается средство удовлетворения потребностей человека. Соотношение между потребностью и доступностью распоряжения количеством благ делает их экономическими или неэкономическими.

Существуют различные подходы к определению стоимости (ценности) экономического блага (товара). Сторонники одного из

законодательство должно предусматривать достаточно суровые меры правового реагирования на любые общественно опасные посяательства на финансовые интересы государства и общества. Либеральная же политика борьбы с финансовой преступностью, как представляется, вряд ли оправдана с точки зрения эффективности, что, в частности, доказывают статистические показатели динамики налоговой (финансовой) преступности².

Библиографический список

1. *Лопашенко, Н. А.* Парадоксы уголовной политики в области налоговых преступлений и пути их преодоления / Н. А. Лопашенко // Рос. юстиция. – 2005. – № 3.

2. *Тер-Акопов, А. А.* Уголовная политика Российской Федерации / А. А. Тер-Акопов. – М., 1999.

3. *Побегайло, Э.* Кризис современной российской уголовной политики / Э. Побегайло // Уголов. право. – 2004. – № 3.

весьма распространенных подходов – трудовой теории стоимости – исходят из того, что товары приравняются друг к другу потому, что имеют общую основу – труд. Ценность в данной теории характеризуется временем, «которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда»³.

Современная экономическая теория базируется на ином подходе. Он сформировался на основе работ представителей теории предельной полезности, согласно которой ценность определяется в соответствии с первым и вторым законами Германа Генриха Госсена. Первый закон Госсена гласит, что величина предельной полезности зависит от количества данного товара и степени потребности в нем. Второй закон Госсена

¹ См.: Соловьев О. Г., Худякова Е. Е. «Беловоротничковая (экономическая) преступность» в США: криминологические и уголовно-правовые аспекты // Налоговые и иные экономические преступления: Сб. науч. ст. Ярославль, 2001. Вып. 3. С. 97–100.

² См.: Лопашенко Н. А. Указ. соч. С. 15–20. О необходимости пересмотра стратегии российской уголовной политики см.: Побегайло Э. Указ. соч. С. 133; Он же. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4. С. 116.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 47.

уточняет первый: при максимизации общей полезности предельная полезность всех потребительских благ должна быть одной и той же величины, т. е. условие равновесия потребителя выражается следующим образом: $MU_1 / P_1 = MU_2 / P_2 = \dots = MU_n / P_n$, где MU – предельная полезность; P – цена товара¹.

Теоретики той и другой школ столкнулись в принципе с одной и той же проблемой. В теории трудовой стоимости нет ответа на вопрос: как определить коэффициент, с помощью которого можно было бы соизмерить затраты общественно необходимого времени использования сложного труда по сравнению с простым?

В теории предельной полезности требуется выяснить, каким образом количественно измеряются абсолютные величины предельных полезностей, т. е. в каких единицах следует оценивать и сопоставлять последние. Выйти из затруднительного положения в маржиналистической теории помогли «кривые безразличия» Вильфредо Парето. Он высказал идею о том, что вместо абсолютных величин предельной полезности целесообразнее было бы перейти к относительному анализу предпочтения одних комбинаций товаров другим комбинациям².

Логика анализа социально-экономических процессов обеих школ весьма сходна. Попробуем провести параллели. Первый и второй законы Госсена весьма напоминают логику формирования средней цены предприятия в трудовой теории стоимости, только логические построения ведутся не относительно предприятия, а относительно индивида:

1. а) величина предельной полезности зависит от количества данного товара (т. е. от производственных возможностей предприятия (страны) и от того, какой социально-экономический уровень рассматривается);

б) величина предельной полезности зависит от степени потребности в нем (т. е. от степени спроса на рынке на данное благо).

Эти два положения первого закона Госсена не противоречат положениям трудовой теории стоимости.

Второй закон Госсена характеризует процесс формирования средней цены предприятия в теории трудовой стоимости, который увязан с переливом капиталов из менее прибыльных предприятий (отраслей) в более прибыльные.

2. При максимизации общей полезности предельная полезность всех потребительских благ должна быть одной и той же величины. Различные уровни «кривых безразличия» можно сравнить с классификацией фирм на мелкий, средний и крупный бизнес.

Анализ социально-экономической реальности не вписывается только в рамки количественных (эконометрических) принципов исследования. Во все времена любая экономическая школа неизбежно сталкивается с ценностно-смысловым фактором. Его относят к отрицательным и положительным экстерналиям, поскольку он большое влияние оказывает на транзакции.

В. Парето в своих социально-экономических исследованиях опирался на утилитаризм, в основе которого лежит принцип, признающий критерием нравственности полезность поступка, его экономическую целесообразность. Исходной посылкой теоремы Парето является положение о том, что критерии счастья (удовольствия, полезностей) различных людей могут суммироваться в некое общее счастье для всех. Таким образом, ценностной оптимальностью служит не общая максимизация прибыли, а ее максимизация для каждого отдельного индивида, в пределах обладания оптимальным исходным законом благ.

В связи с этим следует остановиться на классификации социально-экономических систем. Их подразделяют на четыре группы: командно-административная; рыночная; традиционная; смешанная. В современной экономической литературе большое внимание уделяется проблеме соотношения командно-административной и рыночной систем. Представление о роли государства в социально-экономических системах формируется односторонне, без учета традиционной составляющей, объективно присутствующей в транзакциях и соответственно экстерналиях. В современной экономике она воспринимается как рудимент, т. е. величина, которой можно пренебречь. Здесь мы опять наблюдаем редук-

¹ См.: Первый и второй законы Госсена // Большой экон. слов. / Под ред. А. Н. Азрилияна. 5-е изд., доп. и перераб. М., 2002.

² См.: Кривая Парето // http://ru.wikipedia.org/wiki/Кривая_Парето.

ционистскую тенденцию в исследованиях, которые обходят стороной феномен сознания в социально-экономических процессах. Между тем внимание к традиционной составляющей принесло ощутимые теоретические и практические результаты. М. Вебер, в частности, продемонстрировал ее значение в христианском мире, различие между трудовой этикой католика и протестанта¹. Новая методология М. Вебера, созданная в полемике с марксизмом, показала, что процессы взаимодействия сознания и бытия носят симметричный характер.

Использование традиционного фактора в национальных экономиках «азиатских тигров» принесло ощутимые плоды в виде максимизации положительных экстерналий и минимизации отрицательных. Это в первую очередь относится к динамике экономики Китая и стабильности экономики Японии. Ментальность буддийского характера этих стран весьма сбалансированно сочетается с количественно-логическими схемами рыночного механизма.

Ислам давно является примером самобытной социально-экономической системы, характеризующейся единством светской и религиозной жизни (умма) и противостоянием ростовщичеству (иудео-христианской капиталократии).

Обогащение социально-экономической теории за счет ведийской (индийской) традиции еще только начинается, но уже сегодня Индия обгоняет Китай по объему западных инвестиций. В связи с этим необходимо указать на ряд перспективных теоретических и практических положений.

1. Метафизическая фиксация общественно-экономической деградации. Золотое состояние общества Индии – доминирование брахманов, духовного класса, незаинтересованного в эксплуатации других. Экономика состоит на 100 % из института дарения. По мере ценностно-смыслового расслоения в обществе выделяются вайшьи (торговцы) и управленцы (кшатрии). Власть кшатрия – это балансирование между капиталом и долгом. Обладая смешанной характеристикой благости (вайшьи) и страсти (брахманы), он может осуществлять перераспределение между данными качествами.

В актуальный период качества страсти и невежества составляют до 75 %, что приводит к доминированию в обществе шудр, или людей с базовой мотивацией. Наиболее эффективно управляют таким обществом вайшьи, крупные финансовые группы, капиталократия. Они задействуют рычаги страсти и невежества для использования энергии людей: больше работайте, потребляйте.

2. В обществе капиталократии растет временной и качественный разрыв между потребностью и ее удовлетворением. В философии Веданты для осмысления глобальной динамики используется термин «деша-кала-патра» (место – время – обстоятельство). Общество потребления – сложнейшая структура искусственных потребностей, а чем сложнее система, тем сложнее управление ею. Таким образом, сильно затрудняется задача реализации потребности быть счастливым. Вместе с тем недостаток в обществе духовного человеческого капитала в виде чистоты, аскетизма, милосердия, правдивости усложняет схему удовлетворения потребностей посредством денег, поскольку следствием удовлетворения потребностей исключительно средствами финансовых механизмов часто бывает низкая эффективность исполнения требований. В связи с этим можно привести такую аналогию: «Дом сгорел, пожарные приехали поздно. Тушить нечего, но мы все равно польем, поскольку мы работаем и нам нужно отчитаться за выезд».

3. Помимо теоретических положений Индия дала социально-экономическим трендам новую холистическую мотивацию. Индийские менеджеры, работающие по всему миру, не только принесли с собой карри, чатни и досы, но и йогу, аюрведу, медитацию. Они относятся к работе как духовному усилию, выполняя завет Бхагавад-гиты: «Старайся в исполнении своего долга, но при этом понимай, что результат не зависит от тебя». Молодые индийские клерки вдохновлены мантрами для нового века гуру этики бизнеса Д. Чопры: следуй своей природе (свадхарма); сознание определяет бытие; не будь эгоистом, работай в команде; дари благодарность и одобрение окружающим; принимай ответственность за ошибки; будь скромным в успехе, и он придет еще не раз, делись успехом с командой; уважай

¹ См.: Вебер М. Избранные сочинения. М., 1990.

слабости окружающих; не бойся соперничества и изменений, такова диалектика жизни; средства не менее важны, чем цель; будь целеустремленным; не забывай о чувстве юмора. Другой популярный бизнес-гуру Атрея основывает трудовую мотивацию своих клиентов на принципах каушалам, саматва, сева и кирти (мастерство, самообладание, служение, доброе имя). Изобилие, к которому должна стремиться компания, – это не просто оборот и доходы, а изобилие счастья, мира и гармонии. Таким образом, индийская этика бизнеса работает на примирение экологии и экономики.

Мы полагаем, что традиционный компонент в социально-экономических процессах будет только усиливаться. Традиция в структуре глобализации выполняет индивидуационную функцию и противостоит отчуждению. Чем больше масса социальной группы, тем меньше их аксиологическая плотность. В рамках большого контекстного круга неизбежно образуются другие

контекстные круги с индивидуализированными ценностями. Смысл, как параметр идеальный, может «растянуться» на значительное количество людей (идеи спасения, патриотизма, добра, справедливости), однако тот же смысл, выступающий предметом ценностного анализа, обнаружит множество дискретных воплощений. Ценность означает повседневную капитализацию, но далеко не все участники большой смысловой группы готовы к ежедневным жертвам ради их далекой цели. Поэтому в рамках единой смысловой группы формируются малые ценностно-смысловые образования.

Библиографический список

1. Москалёв, Ю. Н. Традиция и НТП в социально-экономических процессах (на примере индуизма) / Ю. Н. Москалёв. – Н. Новгород, 2005.
2. Тимошук, А. С. Традиционная культура: сущность и существование : дис. ... д-ра филос. наук. – Н. Новгород, 2007.

И. А. Остапенко,

старший следователь

Следственного управления

УВД Прикубанского внутригородского округа г. Краснодара

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СУДЕБНЫХ ОШИБОК

В настоящее время актуальна проблема, касающаяся причин судебных ошибок, влекущих отмены или изменения судебных приговоров, так как выяснение причин правонарушений в значительной мере способствует их устранению. Согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР «О дальнейшем укреплении законности при осуществлении правосудия» от 5 декабря 1986 г. № 15 по каждому факту вынесения неправоудного приговора надлежит тщательно выяснить причины допущенной судебной ошибки.

Ученые выделяют различные виды и группы причин судебных ошибок: чрезмерная нагрузка на судей¹; нестабильность

законодательства, отсутствие единообразия судебной практики, несвоевременная информация о практике применения нового законодательства, концептуальное устаревание действующих процессуальных законов²; недооценка судьями требований процессуальных норм, устанавливающих сроки совершения судебных действий³.

Так, по мнению Э. В. Казгеривой, «односторонность, необъективность и неполнота предварительного и судебного следствия являются наиболее распространенными причинами судебных ошибок»⁴.

Причинами и условиями нарушений в правоприменительной деятельности некоторые авторы называют неясность, противоречивость законодательства; отсутст-

¹ См.: Жилин Г. А. Защита прав человека в гражданском судопроизводстве // Рос. юстиция. 1998. № 1. С. 7.

² См.: Лебедев В. От концепции судебной реформы к новым идеям развития судебной системы // Рос. юстиция. 2000. № 3. С. 3–4; Судебные проблемы – глазами судей (обобщение информационных писем и материалов региональных конференций, проведенное Советом судей РФ в апреле 2000 г.) // Рос. юстиция. 2000. № 8. С. 3–4.

³ См.: Зайцев И. М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. Саратов, 1985. С. 7.

⁴ Казгерива Э. В. Причины возникновения судебных ошибок // Мировой судья. 2006. № 7. С. 12.

вие стабильной юридической практики; недостаточность юридических знаний правоприменителя; личностные качества следователей, дознавателей, судей; противодействие заинтересованных лиц; неблагоприятные условия деятельности; недостатки в подборе и расстановке кадров; односторонность и неполнота доказательств; сложность процессуальных требований к совершению отдельных юридических действий; большая служебная загруженность; отсутствие специализации в работе судей¹.

В. И. Власов в число причин нарушений уголовно-процессуального закона среди работников следствия и дознания включает низкий уровень деловых качеств следователей (дознавателей) (недостаточность теоретических знаний и практических навыков); отсутствие должных политических, моральных, а также некоторых специальных качеств, их недостаточное развитие; организационные недостатки, перегрузки в работе следователей (дознавателей). Условиями, способствующими совершению нарушений уголовно-процессуального закона, по его мнению, являются недостатки в осуществлении прокурорского надзора и участия адвокатов в предварительном следствии².

По мнению А. М. Ларина, одной из причин нарушений в уголовно-процессуальной деятельности является «сращивание предварительного следствия и оперативно-розыскной деятельности»³.

Не вызывает сомнений тот факт, что допущенные при производстве предварительного следствия ошибки часто приводят к ошибкам в судебном следствии и влияют на постановление неправоудного приговора. В результате уголовное дело годами пересматривается в вышестоящих инстанциях. Ущемление прав граждан, и без того уже нарушенных преступлением, усугубля-

ется волокитой при разбирательстве уголовных дел в судах.

Одной из причин судебных ошибок, допускаемых в ходе судопроизводства по уголовным делам, по мнению И. В. Щербаковой, является некачественный подбор кадров на должности юристов: «Причины ошибок в судебном правоприменении, злоупотребление служебным положением, профессиональная непригодность – все это не что иное, как результат случайного подбора кадров для государственного аппарата, без учета мотивов, установок, ценностных ориентаций будущего субъекта юридической деятельности»⁴.

Верной в этой связи видится точка зрения М. Б. Фаткулиной о том, что «причины ошибок зависят в основном от психических свойств личности, особенностей ее нервной системы»⁵.

Небезынтересным представляется и умозаключение Н. В. Михалкина, который считает, что «знание логики составляет необходимый элемент общей духовной культуры судей. Их высокая логическая культура, умение стройно и убедительно излагать свои мысли являются важнейшим средством завоевания ими авторитета и уважения среди сослуживцев, руководства, специалистов различного профиля. От умения судей строить умозаключения и исследовать доказательства, принимать решения зависит во многом эффективность правосудия»⁶.

Кроме личностных качеств правоприменителей сам уголовно-процессуальный закон, отличающийся как пробельностью, так и коллизиями, создает условия для его неточного исполнения.

По мнению А. А. Ширванова и С. С. Безрукова, к одной из причин нарушений уголовно-процессуального закона, непосредственно связанной с пробелами в уголовно-процессуальном законодательстве, сле-

¹ См.: *Вопленко Н. Н.* Причины ошибок в правоприменении (Опыт конкретно-социологического изучения) // Сов. государство и право. 1982. № 4. С. 104.

² См.: *Власов В. И.* Расследование преступлений: проблемы качества. Саратов, 1988. С. 97–111.

³ *Ларин А. М.* Рецензия на книгу: Криминалистика: Учебник для вузов МВД России // Государство и право. 1996. № 12. С. 158.

⁴ *Щербакова И. В.* Установки юридической деятельности // Юридическая деятельность: сущность, структура, виды: Сб. науч. тр. Ярославль, 1989. С. 85.

⁵ См.: *Фаткулина М. Б.* Юридические и фактические ошибки в праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 23.

⁶ *Михалкин Н. В.* Логика и аргументация в судебной практике. СПб., 2004. С. 19.

дует отнести проблему использования в уголовно-процессуальном законе оценочных терминов, предоставляющих правоприменителю относительную свободу при принятии решений, а также при производстве следственных и иных процессуальных действий¹.

На наш взгляд, оценочные понятия, содержащиеся в нормах законодательства, приводят к субъективному толкованию и произвольному их применению, допущению уголовно-процессуальных правонарушений, влекущих отмены и изменения судебных решений.

Мы разделяем точку зрения А. А. Ширванова, отмечающего, что «основным критерием для уточнения содержания и понимания оценочного понятия является обстановка и конкретный факт, в котором оно имеет место»². Уголовно-процессуальный закон не должен содержать неточностей, которые могли бы влиять на принятие судебных решений, имеющих заранее спорную уголовно-процессуальную основу их постановления и служащих поводом их отмены судами вышестоящих инстанций.

По справедливому замечанию Н. А. Громова, «заранее запрограммировать все ситуации, при которых произойдет нарушение, вряд ли возможно»³. Однако в настоящее время первостепенной задачей является совершенствование законодательства, критерий подбора кадров и методов работы.

По нашему мнению, причины судебных ошибок можно разделить на две группы, проведя классификацию по критерию субъективности.

К причинам субъективного характера относятся: психологические особенности личности дознавателя, следователя, прокурора, судьи; низкая профессиональная подготовка или незначительный опыт работы лиц, производящих расследование уголовного дела, или судьи, рассматривающего уголовное дело; наличие мотивов личной

заинтересованности в конкретном результате расследования или рассмотрения уголовного дела; неверное понимание и применение отдельных норм законодательства; влияние общественного мнения на возможный результат рассмотрения уголовного дела (общественный резонанс).

Причинами объективного характера выступают: влияние социально-экономического положения в стране, в условиях которого принимается решение по уголовному делу; нестабильность законодательства; наличие пробелов и коллизий в правовых нормах, а также оценочных понятий в уголовно-правовых и уголовно-процессуальных нормах; отсутствие своевременных рекомендаций Верховного суда РФ по применению норм законодательства; отсутствие практики обобщения судебных решений на региональном уровне; недостаточный ведомственный контроль и прокурорский надзор за производством по уголовному делу, отсутствие института наставничества для вновь принятых сотрудников правоохранительных органов и судей, а также действенных нормативов нагрузки на лиц, производящих дознание и предварительное следствие, и судей; несовершенство построения организации судопроизводства, отсутствие в отдельных судах специализации судей.

В настоящее время утверждена Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 гг. Некоторые указанные аспекты уже нашли свое отражение в данном документе. Для дальнейшего совершенствования уголовного процесса в целях сокращения судебных ошибок необходимы систематическая разработка мер, направленных на устранение негативного влияния вышеуказанных факторов, а также контроль за их применением.

Библиографический список

1. Казгерива, Э. В. Причины возникновения судебных ошибок / Э. В. Казгерива // Мировой судья. – 2006. – № 7.
2. Лебедев, В. От концепции судебной реформы к новым идеям развития судебной системы / В. Лебедев // Рос. юстиция. – 2000. – № 3.

¹ См.: Ширванов А. А. О причинах нарушений закона в уголовном судопроизводстве // Рос. следователь. 2005. № 8. С. 40; Безруков С. С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве России. Омск, 2003. С. 4.

² Ширванов А. А. Указ. соч. С. 41.

³ Громов Н. А., Полушин С. А. Санкции в уголовно-процессуальном праве России. М., 1998. С. 106.

П. И. Остапенко,
начальник Краснодарского филиала
ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук, профессор

**ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ
АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
(НА ПРИМЕРЕ Г. КРАСНОДАРА)**

В последние годы в России значительно увеличилось число тяжких преступлений, террористической направленности. В качестве одной из причин этого можно отметить отсутствие надежных оперативных позиций в этнических преступных группировках и диаспорах в целом по России. Необходимо больше внимания уделять вопросам оперативного внедрения в преступную среду, преодолению ведомственной и внутриведомственной разобщенности, укреплению взаимодействия между различными службами органов внутренних дел, а также другими заинтересованными ведомствами, в задачи которых входит борьба с незаконным оборотом оружия и взрывчатых веществ. Одним из эффективных способов противодействия терроризму является проведение крупномасштабных контртеррористических операций. В них всегда принимают участие подразделения органов внутренних дел (далее: ОВД) и внутренних войск во взаимодействии с ФСБ, МЧС, Министерством обороны Российской Федерации, иными заинтересованными ведомствами. В ходе проводящихся на протяжении ряда лет операций подобного рода было установлено большое количество лиц, скрывающихся от следствия и суда за совершенные преступления, активизирована работа по противодействию организованным преступным группировкам, причастным к незаконному обороту оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, наркотиков. При этом очень важно, с одной стороны, четко разграничивать компетенции основных субъектов, участвующих в борьбе с терроризмом, а с другой стороны, стремиться к взаимодействию как в повседневной оперативно-служебной деятельности, так и проведении общих крупномасштабных мероприятий.

Оперативно-служебная деятельность ОВД в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом должна строиться по следующим основным направлениям.

1. Противодействие распространению радикальной исламской идеологии и пресечение деятельности общественных объединений и организаций, исповедующих антигосударственную экстремистскую идеологию под прикрытием исламских ценностей.

2. Пресечение деятельности молодежных экстремистских организаций, радикальных объединений крайне правой и крайне левой идеологической направленности.

3. Предупреждение совершения террористических акций (прежде всего изъятие самодельных взрывных устройств).

4. Раскрытие совершенных террористических акций и привлечение лиц, их организовавших, совершивших и оказывавших содействие при их проведении, к установленной законом ответственности.

5. Пресечение каналов финансирования террористических организаций и бандформирований, все еще действующих в Северо-Кавказском регионе.

6. Коренное совершенствование агентурно-оперативной составляющей в работе по пресечению террористической деятельности этнорелигиозных организаций, перенос акцента на внедрение в данную среду.

7. Укрепление взаимодействия с МВД государств-участников СНГ по реализации межгосударственного договора по противодействию терроризму, использование всего потенциала Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств-участников Содружества Независимых Государств, Национального центрального бюро Интерпола, механизмов Шанхайской организации сотрудничества и др.

8. Организация тесного взаимодействия как между структурными подразделениями МВД России, так и с органами ФСБ России и Генеральной прокуратуры России.

Практика показывает, что терроризм проявляет себя там, где для этого имеются соответствующие условия. В обстановке экономической слабости и политической

нестабильности именно на Северном Кавказе, важнейшем для нашей страны в силу его географического и военно-стратегического положения регионе, занимающим уникальное положение в евразийской транзитной инфраструктуре, наиболее ярко проявились и приобрели особую остроту многочисленные международные, военные, экономические, социальные, экологические, этнокультурные проблемы, а также ошибки национальной политики прошлого. На этом фоне г. Краснодар является центром крупного российского региона, непосредственно соседствующего с северокавказскими республиками. Это налагает особый отпечаток на антитеррористическую деятельность ОВД, включающую в себя подготовительную и практическую части.

Прежде всего, сотрудники, привлекаемые к антитеррористическим операциям, должны быть тщательно отобраны и подготовлены. На занятиях с ними в первую очередь обращается внимание на социальный феномен современного терроризма, представляющего собой многоаспектное явление.

Борьбе с преступлениями террористического характера в ОВД придается особое значение. Критерием успеха здесь должно являться предотвращение преступления на стадии его подготовки, недопущение совершения акта терроризма, неизбежно приводящего к тяжким последствиям.

В своей деятельности по противодействию терроризму правоохранительные органы в большей степени ориентируются на профилактику и предупреждение. Именно превентивный характер присущ тем мерам, которые осуществляются в данном направлении.

Насколько данные меры, проводимые в Краснодарском крае, эффективны, свидетельствуют мероприятия контртеррористической направленности. В качестве примера можно остановиться на практике проведения широкомасштабных оперативно-профилактических операций подобного рода в одном из крупных милицеских подразделений г. Краснодара – Управлении внутренних дел (далее: УВД) Центрального округа.

Основной упор сотрудники милиции делают на работу с населением, в том числе с квартальными комитетами. Проводятся со-

вместные обследования жилых домов, подвалов, чердаков. Например, был установлен подвал, где общественная организация «Поиск» хранила взрывчатые вещества времен Великой Отечественной войны, представляющие опасность для жителей дома.

На территории Центрального округа г. Краснодара расположен вещевой рынок, который ежедневно посещают до 80 тыс. человек. Здесь постоянно осуществляется профилактика в форме разъяснительной работы среди торгующих лиц, информирование граждан по радиотрансляционной сети, направленное на предупреждение преступлений и правонарушений. Это во многом способствует усилению бдительности граждан. Так, продавец одного из складов, обнаружив подозрительный предмет в коробке, сразу обратился в милицию, в результате подозреваемый был задержан. Общественный совет рынка постоянно доводит до сведения торгующих о необходимости обращать внимание на подозрительных лиц и посторонние предметы. При въезде на автостоянку происходит досмотр автомобилей кинологовической службой совместно с охраной рынка.

Антитеррористические мероприятия всегда проводятся по четко составленному плану. Для его разработки создаются временный оперативный штаб и его рабочая группа. В них входят заместители начальника окружного УВД, начальники отделов уголовного розыска и участковых уполномоченных милиции, ряд других руководителей среднего звена. Территория округа разбивается на сектора с закреплением личного состава в каждом. Сотрудники УВД переходят на усиленный режим работы (в две смены по 12 часов), создаются усиленные следственно-оперативные группы. По ряду направлений активизируется агентурная работа, особенно в плане выявления лиц, прибывших из Чечни, Дагестана и имеющих опыт взрывной работы. Для информирования населения округа распространяются специальные листовки. Совместно с работниками коммунальных служб проверяются объекты жилищной сферы (гостиницы, общежития, чердаки, подвалы).

Так, например, подобное мероприятие проходило с 1 по 20 февраля 2007 г. За

время проведения операции было раскрыто более 100 преступлений, задержано 28 человек, находившихся в розыске, изъято 55 единиц огнестрельного оружия, выявлено 6 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов. Значительно увеличилась раскрываемость преступлений по горячим следам.

Все особо важные объекты жизнеобеспечения (радиотелецентр, водозабор, масложиркомбинат «Краснодарский», городская клиническая больница скорой медицинской помощи, автовокзалы и т. д.), были закреплены за конкретными сотрудниками, которые проверяли их не реже одного раза в сутки. За группами однородных объектов, такими как: жилой сектор, автостоянки, аптеки и т. п., – закреплены подразделения окружного УВД, на каждый объект заведено литерное дело. На основе анализа результатов проверок совместно с администрацией округа и руководителями объектов были осуществлены дополнительные меры по укреплению их антитеррористической устойчивости.

Тщательную проверку проходят объекты разрешительной системы, места нахождения гражданского нарезного огнестрельного оружия, частные охранные и детективные структуры, имеющие в своем владении служебное оружие. Особое внимание оперативный состав уделяет сбору сведений, имеющих отношение к уже совершенным терактам, а также о лицах, способных либо вынашивающих намерения совершить действия террористической направленности. Имеющимися оперативными возможностями обеспечивается тщательный контроль за лицами, в отношении которых имеется оперативная и иная информация об их связях с незаконными вооруженными формированиями, неформальными объединениями экстремистской направленности. Постоянно контролируется регистрация временного пребывания в гостиницах, ежедневно производится сбор информации о поселившихся в них лицах, прибывших из Чечни, Дагестана, Ингушетии.

Постоянно планируются и проводятся специальные мероприятия по отработке силами личного состава и негласного аппа-

рата железнодорожных вокзалов Краснодар-1 и Краснодар-2, автовокзалов, рынков (кооперативный, вещевой, автомобильный) и прилегающих к ним жилых зон с целью выявления прибывших из других регионов лиц, их намерений, вида занятий, связей. Реализован комплекс профилактических мероприятий в отношении лиц без определенного места жительства и рода занятий и других категорий граждан, представляющих оперативный интерес. Установлен плотный оперативный контроль за лицами, проявляющими повышенный интерес к арсеналам силовых структур и объектам особой важности.

Совместно с военными комиссариатами устанавливаются лица, уволенные с военной службы и из ОВД по дискредитирующим основаниям, участвовавшие в действиях федеральных войск по наведению конституционного порядка и террористической операции на территории Чеченской Республики, для их проверки на предмет торговли оружием и боеприпасами.

Аналогичным образом антитеррористические мероприятия проводятся и другими территориальными ОВД г. Краснодара. Они осуществляются под постоянным контролем УВД г. Краснодара, которое организует деятельность подчиненных подразделений милиции в этом направлении. Результаты данного направления работы обобщаются, в необходимых случаях принимаются соответствующие меры реагирования.

Проведение указанных мероприятий способствует повышению антитеррористической защищенности населения г. Краснодара, сведению до минимума угрозы совершения террористических актов, что особенно важно, если учесть, что серьезную опасность таит в себе не только успешно реализованный террористический акт, но и сама подготовка к нему.

Библиографический список

1. О противодействии терроризму : федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Рос. газ. – 2006. – 10 марта.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2007.

Д. В. Пожарский,
заместитель начальника кафедры
гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

ЦЕЛИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

В настоящее время тезис о том, что отношения между личностью и властью должны строиться на основе взаимно и точно осуществляемых прав и обязанностей, вряд ли вызовет серьезную критику. Согласно ст. 29 Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) каждый человек имеет обязанности перед обществом, так как только в нем возможно свободное и полное развитие его личности¹.

Рассматривая категории «обязанности государства» и «обязанности личности (гражданина)», необходимо соотнести данные правовые явления с целями государства, поскольку последние тесно связаны с осуществляемыми им функциями.

Общепринятым в науке является то, что цель представляет собой конечный результат какой-либо деятельности (человека, коллектива людей), предварительное, идеальное представление о котором и желание его достигнуть определяют выбор соответствующих средств и системы действий по его достижению. В самом общем виде цель государства можно рассматривать как предвосхищаемое и декларируемое на законодательном (конституционном) уровне состояние социальной действительности, обуславливающее систему и содержание осуществляемых государством функций.

Проблема целей государства является одной из наиболее важных и дискуссионных и имеет не только теоретико-методологическую значимость, но и существенное практическое значение. В настоящее время в обществе отсутствует единое мнение относительно вопроса о целях

современного Российского государства. В известной степени парадоксальной следует признать ситуацию, когда вполне очевидны выполняемые государством функции (политическая, экономическая, социальная, экологическая, охранительная и др.), однако не известны (по крайней мере, не восприняты большинством населения) преследуемые им цели.

Вышеуказанное обстоятельство во многом объясняет те неудачи и издержки, сопровождавшие так называемый переходный (пореформенный) этап развития российской государственности. Общество, имеющее относительно ясное представление о целях государства, более восприимчиво к реализуемому государством политическому курсу, основным содержанием которого в последние десятилетия являлось тотальное реформирование.

В контексте проблематики целей государства исследование категории «права и обязанности человека» характеризуется наличием существенных теоретико-методологических трудностей.

Первая трудность заключается в решении вопроса о главной цели Российского государства. Поиск ответа на него затруднен тем, что категория «цель» прежде всего является субъективным отражением будущего, желаемого результата. Вместе с тем еще Гегель указывал, что цели как субъективной категории противостоит объективность: «Цель есть ближайшим образом нечто сущее внутри меня, субъективное, но она должна перестать быть только субъективной»². Аналогичной точки зрения придерживаются А. В. Малько и К. В. Шундилов. «С одной стороны, – отмечают авторы, – цель – субъективный по своей природе феномен, продукт свободной воли индивида, результат сложной деятельности мышления, итог различных умственных операций, происходящих в человеческом мозге. С другой стороны, любая цель несет в себе и момент объективности, который предопределен уже тем, что сознание лишь отражает реальный

¹ См.: Обеспечение прав человека в деятельности органов внутренних дел / Под ред. Ю. В. Анохина, В. Н. Бутылина. М., 2006. С. 24.

² Цит. по: Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001. С. 292.

мир, становясь его частью»¹. В связи с этим вопрос о цели государства может быть решен только в относительном смысле.

Мы согласны с данным утверждением, однако с юридической точки зрения возможно выявление целей Российского государства. Для этого необходимо обратиться к Конституции РФ, которая не только является отражением соотношения социально-политических сил, существующего на момент ее создания и принятия, но выступает также в качестве программы, алгоритма государственно-правового развития.

Опыт социалистического строительства в данном отношении следует признать более удачным и в какой-то степени образцовым. Цели государства не только закреплялись на законодательном (прежде всего конституционном) уровне, но носили системный, иерархический характер, в результате неплохо организованной идеологической деятельности становились осознанными большей частью общества. При сравнении современного Российского государства и существовавшего до него Советского следует отметить, что в последнем существовала и последовательно реализовывалась система государственных и общественных целей. Например, в преамбуле Конституции СССР 1977 г. декларировалось: «Высшая цель Советского государства – построение бесклассового коммунистического общества, в котором получит развитие общественное коммунистическое самоуправление»². Кроме того, в данном документе были закреплены главные задачи, достижение которых являлось необходимым условием реализации высшей цели, заключающиеся в создании материально-технической базы коммунизма; совершенствовании социалистических общественных отношений и их преобразовании в коммунистические; воспитании человека коммунистического общества; повышении материального и культурного уровня жизни трудящихся; обеспечении безопасности страны; содействии укреплению мира и развитию международного сотрудничества.

Вполне ясными следует признать и иные (отраслевые) цели Советского государства, предопределяющие содержание его внутренних и внешних функций. Так, экономическая функция была обусловлена целью полного удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей людей (ст. 15 Конституции СССР 1977 г.). В сфере социального развития и культуры цель государства заключалась в расширении реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, а также всестороннего развития личности (ст. 20 Конституции СССР 1977 г.). Защита социалистических завоеваний, мирного труда советского народа, суверенитета и территориальной целостности государства являлись целью, порождающей функцию обороны (ст. 31 Конституции СССР 1977 г.).

По нашему мнению, современное российское общество не достаточно ясно представляет цели и задачи, преследуемые государством. Главная цель Российского государства и общества, на наш взгляд, сформулирована в одном из положений преамбулы Конституции РФ: «...стремясь обеспечить благополучие и процветание России...»³. Таким образом, государство преследует двоякую цель – безопасность граждан и общественный прогресс.

Вторая трудность заключается в определении места категорий «права», «свободы и обязанности» в системе государственных целей.

В соответствии с ч. 1 ст. 1 Конституции РФ Россия есть демократическое федеративное правовое государство, одним из принципов которого выступает верховенство и реальное гарантирование прав и свобод человека. В современной юридической науке неоднократно обращалось внимание на то, что норма, содержащаяся в ст. 1 Конституции РФ, – не точное отображение действительности, а образец для нее. В этой связи положение о правовом и социальном характере российской государственности иногда рассматривается в качест-

¹ Малько А. В., Шундилов К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. С. 11.

² Конституция СССР 1977 г. М., 1979.

³ Конституция (Основной закон) Российской Федерации. М., 2002.

ве цели Российского государства¹. Таким образом, права и свободы представляют собой вынужденное обязательство, исполнение которого ставит в прямую зависимость легитимность государственной власти.

Формирование той или иной цели обусловлено наличием конкретного интереса и ценностей. По мнению Б. С. Эбзеева, государство, однажды возникнув (хотя моментным данный процесс назвать нельзя), так или иначе тяготеет к поглощению общества, максимальному ограничению степени его свободы и прежде всего заинтересовано в исполнении индивидом обязанностей во благо всех. С. С. Щербинин отмечал, что не совсем верным в данной связи выглядит утверждение авторов, считающих что «целью всякого политического объединения является сохранение естественных и неотчуждаемых прав человека. Таковы собственность, свобода, безопасность и сопротивление угнетению...»². Права и свободы человека выступают в качестве цели для общества и личности в известной степени удаленных, обособленных от государства, осуществляющего публичную власть. Однако в большей мере непонятно суждение о том, что целью государства выступает обеспечение всем и каждому возможности сопротивляться власти. Государство, на наш взгляд, прежде всего имеет интерес оставаться таковым и пото-

му не может стремиться к тому, чтобы каждый сопротивлялся власти. Кроме того, подобные рассуждения недостаточно согласуются с идеей законности и конституционного патриотизма³.

Четкое исполнение всеми и каждым своих обязанностей (уплата налогов, служба в армии, охрана природы и др.) позволяет государству сформировать и сбалансировать материальный, духовно-культурный, экологический и другие ресурсы для их перераспределения при обеспечении прав и свобод личности.

Таким образом, целью государства следует считать реальную гарантированность исполнения всеми и каждым юридических обязанностей (прежде всего конституционных). Права и свободы являются скорее целью индивида или коллектива и во многом зависят от правовой активности личности, способности бороться за них.

Библиографический список

1. Наумова, Е. Н. Социальное государство в России: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2006.
2. Обеспечение прав человека в деятельности органов внутренних дел / под ред. Ю. В. Анохина, В. Н. Бутылина. – М., 2006.
3. Щербинин, Е. С. Проблема цели в теории государства : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.

Т. Б. Пухова,
соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
Т. Е. Зяблова,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одной из основных тенденций в развитии юридической практики современного

российского государства является гуманизация, понимаемая как признание приоритета прав и свобод человека и необходимости их соблюдения и защиты. Утверждение высоких гуманистических начал в деятельности сотрудников правоохранительных органов невозможно без эффективного правового воспитания и повышения их правовой культуры. В значительной степени данный тезис актуален также в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы, которые в своей работе испытывают постоянное влияние криминальной субкультуры, приводящее в ряде случаев к таким негативным явлениям

¹ См., напр.: Наумова Е. Н. Социальное государство в России: проблемы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 52.

² Щербинин С. С. Проблема цели в теории государства: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 129.

³ См.: Конституция Российской Федерации: стабильность и развитие общества / Отв. ред. акад. РАН Б. Н. Топорнин. М., 2004. С. 11–21.

ям, как деформация правового сознания, снижение уровня общей и профессиональной культуры.

Вопросам теории и практики повышения правовой культуры в советской и российской правовой науке всегда уделялось большое внимание, а в последние годы интерес к ним еще более усилился, что, на наш взгляд, лишний раз подчеркивает важность проблемы и острую необходимость ее решения¹. Вместе с тем ряд аспектов данной проблемы недостаточно исследован. Речь, в частности, идет о таком компоненте правовой культуры, как эстетика.

Термин «гуманизация» означает приведение деятельности, условий и т. п. в соответствие с потребностями человека, становление чего-либо более человечным, культурным, приобретение свойств, присущих человеку, истинно просвещенному². Эстетика совместно с другими способами освоения действительности играет не последнюю роль в формировании гармонично развитой, мыслящей и чувствующей личности, способной в полной мере реализовывать свои субъективные права и нести юридические обязанности.

В связи с этим представляется странным исключение эстетического компонента из числа структурных элементов профессиональной правовой культуры, к которым относятся профессиональные знания, профессиональная этика, профессионально значимые качества личности, профессиональные направленность, мышление, интересы, идеалы, ценности и

предпочтения и др.³ Вместе с тем согласно положению о том, что правовая культура не имеет своей собственной предметности и является одним из компонентов общечеловеческой культуры, воплотившейся в праве и юридической практике, можно сделать вывод о том, что в той или иной степени эстетическое начало не чуждо также правовой профессиональной культуре.

Основание для признания наличия эстетического компонента в различных структурных компонентах правовой культуры (праве, законодательстве, правовой науке, правосознании, юридической практике и др.), особенно в юридической деятельности, базируется на том, что это один из способов освоения человеком окружающего мира, отражения действительности, представляющее собой эмоционально напряженную гармонизированную сторону всех типов и видов специализирующейся деятельности человечества, в том числе юридической.

Эмоциональная, чувственная сторона этой деятельности несправедливо недооценивается. Вместе с тем эстетическое освоение мира выступает необходимым условием возникновения богатого спектра чувств и переживаний, объективно присутствующих и играющих большую роль в деятельности сотрудников правоохранительных органов, в том числе и того, что на языке юридической терминологии именуют «правовой психологией».

В общественном мнении сложилось представление о преимущественно рациональном характере мышления юристов, узости эмоциональной сферы деятельности, характеризующейся как исполнительская и рутинная, далекая от искусства и красоты. Однако следует отметить, что достаточно часто труд юристов называют творческим, а творчество неотделимо от эмоций, познания мира с позиций эстетики. В связи с этим целесообразно дополнить характеристику юридической профессии, в которой акцент делается на ее официальной установленности и наличии необходи-

¹ См., напр.: *Вопленко Н. Н.* Правосознание и правовая культура. Волгоград, 2000; *Ковалев О. Г., Емельянов С. Н.* Профессиональная культура сотрудника уголовно-исполнительной системы (психолого-педагогические вопросы и проблемы формирования). М., 2003; *Кониченко Е. Б.* Правовая культура сотрудников пенитенциарной системы в современном российском государстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005.

² Понятие «гуманизация» относительно недавно вошло в широкое употребление и пока отсутствует в толковых словарях русского языка. Авторское толкование основано на словарных определениях слов «гуманизм», «гуманный». См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 408.

³ См., напр.: *Кониченко Е. Б.* Указ. соч. С. 14.

мых знаний и навыков, приобретенных путем юридического образования или практического опыта¹ таким существенным, на наш взгляд, признаком юридической профессии, как способность ее носителя улавливать и чувствовать особую интеллектуальную красоту правовых явлений (например, четкость, логичность, ясность и изящество римского права и др.).

По нашему мнению, игнорированию эстетического начала в юридической деятельности способствует не только «стереотип юриста» и шаблонное представление об эстетике, часто неправомерно сводимое к искусству и художественному творчеству, но и тесная связь эстетического с другими способами освоения мира, в частности, этикой. Это приводит к тому, что нередко для оценки поведения людей используются этические категории, а эстетическая оценка скрывается за моральной. Так, по справедливому мнению Ю. П. Николаева, в оценке поступка «хороший–плохой» содержится эстетический элемент, поскольку она является проявлением человеческих чувств и выражением эмоционального отношения к действительности².

Различные аспекты юридической деятельности вполне могут быть охарактеризованы через такие основные категории эстетики, как «прекрасное» и «безобразное», «возвышенное» и «низменное», «трагическое» и «комическое». Так, сотрудники правоохранительных органов по характеру службы испытывают и переживают чувство удовольствия и радости, и не только в тех ситуациях, когда требуется проявить храбрость и мужество. В будничной обстановке совершенное, прекрасное проявляется в знании своего дела, понимании движущих сил и законов обеспечения правопорядка, умении эффективно применять их при решении конкретного практического дела.

¹ См., напр.: Соколов Н. Я. Юридическая профессия: понятие, сущность и содержание // Государство и право. 2004. № 9. С. 30.

² См.: Николаев Ю. П. Основные эстетические категории и их значение в деятельности органов внутренних дел: Лекция. М., 1993. С. 11.

Возвышенное может проявляться в осознании и выдвижении на первый план нравственных, гуманистических аспектов деятельности юристов, мотивах, связанных со служением обществу и высокой степенью социальной ответственности юридической профессии. В общественной жизни возвышенное часто предстает как эстетическое качество силы характера, могущества духа, дающего возможность преодолеть физические страдания, боль, страх смерти, личные желания, т. е. героическое тесно связано с подвигом. Именно так может быть охарактеризована деятельность многих сотрудников правоохранительных органов, ведущих борьбу с преступными и другими антиобщественными явлениями.

Таким образом, сфера права не исключает эстетического начала, как другие явления действительности, и может восприниматься и оцениваться через призму эстетики, эстетических ценностей и категорий. Это, в свою очередь, дает основание для начала специального исследования проблемы эстетических оснований права. Оно чрезвычайно актуально, поскольку имеет не только теоретико-познавательное, но и практическое значение, так как в качестве элемента профессиональной правовой культуры эстетика, выступая как фактор, оказывающий самое непосредственное влияние на юридическую деятельность, и становится неотъемлемым компонентом последней.

Библиографический список

1. Борева, Ю. Б. Эстетика / Ю. Б. Борева. – М., 1975.
2. Кониченко, Е. Б. Правовая культура сотрудников пенитенциарной системы в современном российском государстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2005.
3. Николаев, Ю. П. Основные эстетические категории и их значение в деятельности органов внутренних дел : лекция / Ю. П. Николаев. – М., 1993.
4. Соколов, Н. Я. Юридическая профессия: понятие, сущность и содержание / Н. Я. Соколов // Государство и право. – 2004. – № 9.

О. Р. Рузевич,
*ассистент кафедры уголовного права
и процесса факультета права и психологии
Владимирского государственного
университета*

КЛАССИФИКАЦИЯ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Проблема классификации способов совершения преступлений до настоящего времени является недостаточно разработанной в теории уголовного права.

Классификация (от лат. *classis* – разряд, класс и *facio* – делаю, раскладываю) – важнейшая операция в научном познании, основа процесса упорядочения знания. Она представляет собой систему распределения, отличающуюся следующими свойствами: 1) последовательность деления, производимого на основании признаков, существенных для решения теоретической или практической задачи; 2) нацеленность на такое распределение предметов по группам, чтобы по месту в классификации можно было судить об их свойствах; 3) удобство для дальнейших процессов формализации¹.

Процедура классификации, как правило, позволяет свести многообразие состава изучаемых объектов к сравнительно небольшому числу образований, выявить исходные единицы анализа и разработать систему соответствующих понятий и терминов, обнаружить регулярности, устойчивые признаки и отношения, вскрыть новые связи и зависимости между уже известными объектами, фиксируя тем самым закономерные взаимоотношения между классами объектов с целью определения места объекта в системе, которое указывает на его свойства².

Способ совершения преступлений является наиболее динамичной их характеристикой, которая развивается вместе с научно-техническим прогрессом. Последний предоставляет новые материальные средства, а следовательно, новые способы совер-

шения преступлений. Знание конкретных способов, их видов, распространенности и повторяемости служит целям своевременной и обоснованной криминализации новых общественно опасных деяний и декриминализации утративших такое свойство явлений.

Известно, что общее понятие способа совершения преступлений включает в себя весь класс явлений, образующих его объем, и не раскрывает отличительных признаков, которыми обладают определенные группы (виды) указанных явлений. Именно для этого служит классификация, позволяющая распределить способы по отдельным группам, в соответствии с их общими или отличительными признаками, упорядочить их, привести в определенную систему, выявить как отличительные черты, так и признаки сходства, а также изучить и глубже рассмотреть способы совершения преступлений в целом.

Традиционно в юридической литературе все общественно опасные деяния подразделяют: на физические (энергетические) и информационные (интеллектуальные)³.

Физические деяния характеризуются таким общественно опасным поведением, которое заключается в использовании мускульной, физической силы для осуществления преступного посягательства. Указанные действия направлены на изменение внешней (физической) сферы предметов материального мира (убийство, уничтожение и повреждение имущества, вандализм).

Информационные деяния заключаются в общественно опасном поведении, которое направлено на передачу соответствующей информации другим лицам и выражается в словесной форме, а также с помощью действий, несущих информацию: смысловых жестов и выразительных движений, например различные виды криминальных угроз (убийством, причинением вреда здоровью, распространением сведений, могущих причинить вред), клевета, оскорбление.

В связи с этим представляется сомнительной обоснованность выделения Г. В. Тимей-

¹ См.: *Ивлев Ю. В.* Логика. М., 2001. С. 171–172; *Малахов В. П.* Формальная логика. М., 2001. С. 45 и др.

² См.: *Методология науки. Научное познание: формы, методы, подходы.* М., 2001. С. 56.

³ См., напр.: *Жордания И. Ш.* Структура и правовое значение способа совершения преступления. Тбилиси, 1977. С. 96–97; *Панов Н. И.* Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Харьков, 1982. С. 16.

ко трех форм внешнего выражения действия: физического воздействия, слова и жеста¹.

Н. И. Панов, критикуя указанную позицию, отмечает: «Выделение второй и третьей форм не основано на каком-либо определенном признаке, так как слово и жест относятся к одному и тому же виду информационных действий, выполняют одну и ту же функцию передачи информации, с той лишь разницей, что форма выражения передачи этой информации различна»².

Следует отметить, что для отдельных видов преступлений характерна смешанная форма их осуществления, характеризующаяся сочетанием физических и информационных действий (например, в составах разбоя, грабежа угроза как информационное действие выступает способом, облегчающим выполнение основного действия – нападения, открытого хищения).

Преобладающими являются типы преступного поведения, связанные с прямым физическим воздействием, осуществляемые путем изъятия, разрушения материальных ценностей и убийства людей. По мнению В. Н. Кудрявцева, это объясняется тем, что прямое физическое воздействие представляется многим преступникам самым легким способом достижения цели³.

Несмотря на распространенность физических способов совершения преступлений, остановимся подробнее на характеристике второй их группы, а именно информационных. Большинство исследователей единодушно в вопросе о типичных формах активных действий, которые носят информационный характер⁴.

¹ См.: Тимейко Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов н/Д, 1977. С. 48. Аналогичной позиции придерживается и В. Н. Кудрявцев, подразделяя все способы совершения преступлений на слово, жест и воздействие на других людей и внешние предметы (см.: Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 72).

² Панов Н. И. Указ. соч. С. 16.

³ См.: Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. М., 1968. С. 88–89.

⁴ См.: Жордания И. Ш. Указ. соч. С. 97–98; Крашенинников А. А. Угроза в уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 28–29; Чернявский А. Д. Психическое насилие при совершении корыстных преступлений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 53; Якубович О. Р. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 59–60.

Выделяют следующие разновидности информационных способов совершения преступления: 1) письменная речь; 2) документы, справки, удостоверения, которые носят официальный характер и исходят от имени должностных лиц и учреждений; 3) устная речь и звуковое сопровождение человеческих действий (требование, приказ, угроза, насмешка, просьба, совет, сообщение); 4) вспомогательные средства общения: мимика, жесты, телодвижения.

Одним из оснований классификации преступлений выступает характер общественных отношений, являющихся объектом посягательства. Исходя из этого основания все способы подразделяют: 1) на посягающие на материальные общественные отношения (например, имущество); 2) посягающие на нематериальные общественные отношения (например, на честь и достоинство).

В структуре общественного отношения выделяют три составляющих его элемента: субъект, предмет и взаимные права и обязанности (социальная связь). Данная структура также выступает основанием для классификации способов совершения преступлений.

1. Способы воздействия на субъекта общественных отношений: насилие, психическое воздействие, ненасильственные посягательства.

В свою очередь, способы, соединенные с насилием, в зависимости от степени общественной опасности можно сгруппировать следующим образом: а) совершенные с помощью насилия, опасного для жизни или здоровья; б) совершенные посредством применения насилия, не опасного для жизни или здоровья.

2. Способы воздействия на предмет общественных отношений: а) непосредственного воздействия (путем уничтожения, повреждения, разрушения, видоизменения, изъятия, замены, создания); б) опосредованного воздействия на предмет преступления через субъекта общественных отношений (хищение путем обмана или злоупотребления доверием).

3. Способы воздействия на социальную связь, подразделяющиеся на совершенные с использованием: а) беспомощного, зависимого или подчиненного положения другого лица; б) условий общественного бедствия; в) служебного положения; г) общеподоба.

Данные следственной и судебной практики свидетельствуют о том, что применение орудий, предметов, используемых в качестве орудий, значительно облегчает достижение результата, выгодного преступнику, поэтому можно выделить: простые (без использования орудий и приспособлений) способы совершения преступлений и инструментальные (связанные с их применением).

Следует отметить, что описание способа совершения преступлений в законе может быть различным. В связи с этим в качестве основания для классификации выделяют приемы отражения данного признака объективной стороны преступления в УК РФ.

Одним из таких приемов является количественный показатель способов совершения преступлений.

Так, к первой группе относятся нормы уголовного закона, содержащие исчерпывающий перечень способов совершения преступления: единственный способ совершения конкретного преступления (например, ч. 1 ст. 158 УК РФ) либо точный перечень возможных способов совершения преступлений – два, три или более способов, которыми может быть совершено конкретное преступление (например, доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ) осуществляется путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего). Исходя из конструкции уголовно-правовых норм деяние признается преступным только в том случае, если оно совершено хотя бы одним из способов, перечисленных в их диспозиции, однако возможно и их сочетание (например, обман при мошенничестве может сочетаться со злоупотреблением доверием).

Вторая группа включает нормы уголовного закона, содержащие примерный перечень способов совершения преступлений: называется два, три или более способов, а затем указывается «или иным способом», «иным незаконным способом» (например, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления наказуемо по ст. 150 УК РФ, если совершено путем обещаний, обмана, угроз или иным способом).

Следует отметить, что в данном случае закон воспрещает наиболее распространенные способы совершения преступлений. При этом подобная конструкция уголовно-

правовых норм предполагает возможность произвольной их интерпретации, так как неясно, что входит в содержание понятия «иным способом». Если деяние совершено одним из перечисленных в законе способов, то данный признак состава преступления должен быть назван и обоснован при его юридической оценке.

Следующим приемом описания способов совершения преступлений служит закрепление в законе их обобщенной характеристики или только отдельных признаков. Так, в одних нормах УК РФ учитывается совершение деяния общеопасным способом (п. «е» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 167, ч. 2 ст. 261 УК РФ), незаконным способом (ч. 1 ст. 183, ч. 1 ст. 302 УК РФ), а в других в качестве признаков способа совершения преступления названы: тайность (ст. 158 УК РФ), открытость (ст. 161 УК РФ), публичность (ч. 2 ст. 129, ч. 2 ст. 130, ч. 1 ст. 137, ч. 2 ст. 282, ст. 319 УК РФ).

Закрепление в законе обобщенной характеристики или отдельных характерных черт (признаков) способа совершения преступлений обуславливает необходимость оценочной деятельности правоприменителя, уяснение им смысла закона применительно к конкретным проявлениям преступного посягательства. В этом случае важное значение приобретает доктринальное и судебное толкование уголовного закона, а при изменении законодательства – историческое и сравнительно-правовое.

Обобщающая характеристика в описании способов совершения преступлений отражает их общественную опасность и позволяет конструировать норму уголовного закона как бы «про запас», на случай появления новых отношений, формально не подпадающих под конкретно сформулированные признаки состава преступного деяния.

Составы ряда экологических преступлений образованы большим числом альтернативных признаков, что обуславливает нетипичное для большинства норм УК РФ выделение пунктов уже в первых частях статей. В число данных признаков входит указание на способ совершения преступления либо в виде перечня конкретных способов, либо их обобщающей характеристики. Так, в п. «б» ч. 1 ст. 256 УК РФ предусматривается ответственность за незакон-

ную добычу водных животных и растений с применением самоходного транспортного плавающего средства или взрывчатых и химических веществ, электротока либо иных способов массового истребления, а в п. «б» ч. 1 ст. 258 УК РФ – за охоту с применением механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей. Несомнительно, что способ совершения экологического правонарушения данным родовым характеристикам (при отсутствии иных альтернативных признаков) свидетельствует об отсутствии состава преступления.

Следующим основанием для классификации способов совершения преступлений могут выступать особенности их грамматического закрепления в конструкциях составов преступных деяний.

Наиболее распространенной формой указания на способы совершения преступления является использование предлога «путем», означающего посредством, при помощи чего-нибудь и этимологически связанного с существительным «путь», толкуемого как «направление деятельности, развития чего-нибудь, образ действия»¹ (например, доведение до самоубийства путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом и т. п.). В подобных случаях формулировка закона определяет либо способ совершения преступления в целом (например, уничтожение чужого имущества путем поджога), либо часть способа – действия, которые должны включаться в способ совершения преступления данного состава, но не являются исчерпывающими. Например, указания, что способом совершения преступления явилось применение насилия или угроза его применения, шантаж, уничтожение или повреждение имущества либо обман, явно недостаточно для установления признаков объективной стороны такого состава преступления, как вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ).

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1970. С. 625.

Если предлог «путем» используется чаще при перечне способов, которыми может быть совершено преступление без каких-либо дополнительных действий (поджог как способ уничтожения имущества, угроза как способ доведения до самоубийства и т. п.), то для характеристики отдельных признаков (составляющих) способа совершения преступлений в законе употребляются обороты «с применением», «с использованием».

Выражение «с применением» чаще всего служит выражением насильственного характера посягательства. Указание на совершение посягательства с применением различного по характеру общественной опасности насилия или с угрозой применения такого насилия встречается в тексте закона примерно 110 раз. Кроме того, в УК РФ содержатся следующие признаки способов совершения преступлений: 1) с применением пытки (п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ); 2) с применением садистских методов (ст. 245 УК РФ); 3) с применением насилия, издевательств или пытки (ст. 302 УК РФ).

Еще одним аспектом употребления в тексте закона рассматриваемого термина является указание на применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, в большинстве случаев выступающее признаком квалифицированного состава преступления².

Оборот «с использованием» наиболее часто встречается в уголовном законе применительно к служебному положению. Данный признак находит отражение в тексте закона примерно 40 раз и, по нашему мнению, указывает не только на наличие специального субъекта, но и на способ совершения преступления.

Кроме того, согласно УК РФ использоваться при совершении преступления могут: особенности потерпевшего (беспомощное состояние – ст. 105, 111, 112, 117, 120, 131–133 УК РФ или зависимость от виновного – ст. 117, 120, 133 УК РФ); сред-

² В 13 статьях применение орудий и средств совершения преступления является признаком квалифицированного или особо квалифицированного составов (ст. 126, 127, 162, 205, 206, 211, 213, 227, 286, 313, 333, 334, 335 УК РФ); в 2 статьях указание на применение средств и орудий входит в число альтернативных признаков простого состава (ст. 256, 258 УК РФ).

ства совершения преступления (обманное использование документов – ст. 188 УК РФ; использование ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения – ч. 3 ст. 205 УК РФ, средств массовой информации – ст. 280, 282, 354 УК РФ).

По своему лексическому значению обороты «с применением» и «с использованием» близки друг к другу. В русском языке слово «применить» означает осуществить на деле, а «использовать» – воспользоваться кем-нибудь или чем-нибудь, употребить с пользой¹. Различие между данными понятиями видится в том, что применение относится к факторам, подвластным субъекту (применение собственной мускульной силы или оружия), а использование отражает его расчет на уже сложившиеся внешние обстоятельства, извлечение пользы из предоставляемых ими возможностей (нахождение на государственной службе, зависимость потерпевшего, особенности передачи информации средствами массовой информации и т. п.).

В ряде норм уголовного закона квалифицирующие признаки начинаются с предлога «с», например, с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище (ст. 158, 161, 162 УК РФ); с особой жестокостью, издевательством или мучениями для потерпевшего (ст. 111, 112 УК РФ).

На особенности способа совершения преступления могут указывать и такие обороты, как деяние, соединенное (ст. 131, 132, 141, 156, 302, 309 УК РФ) или сопряженное (ст. 188, 204, 287, 333, 335 УК РФ) с теми или иными действиями. Чаще данные конструкции используются для установления квалифицирующих признаков преступлений, но встречаются и среди основных составов. Например, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ) уголовно наказуемо, если соединено с жестоким обращением с подростком. Одним из альтернативных признаков контрабанды (ст. 188 УК РФ) выступают действия, сопряженные с недекларированием или недостоверным декларированием.

Следует отметить, что слово «соединить» означает, во-первых, составить из

многого одно целое, объединить, слить воедино, во-вторых, скрепить, связать с другим. Слово «сопряженный» толкуется как взаимно связанный, непременно сопутствующий чему-нибудь². Следовательно, указанные понятия близки по значению. Они часто используются как синонимы, однако между ними можно установить следующее различие. Употребление термина «соединенный» более логично в отношении целого и части, т. е. присоединения каких-либо признаков действия (дополнительных действий), которые, входя в целое, не имеют самостоятельного значения, не требуют квалификации по совокупности с основным деянием. Слово «сопряженный» в соответствии с лексическим значением более подходит для указания на связь двух деяний, сопутствующих друг другу или связанных между собой как цель и средство, но имеющих самостоятельное значение при квалификации, а потому образующих реальную или идеальную совокупность.

Например, в ч. 1 ст. 117 УК РСФСР указывалось на изнасилование, сопряженное с угрозой убийства или причинением тяжкого телесного повреждения. Формулировка данного состава в действующем законодательстве как изнасилование, соединенное с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ), на наш взгляд, представляется предпочтительней с точки зрения рассмотренных различий между терминами «соединенное» и «сопряженное». Используемая при изнасиловании угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью характеризует способ совершения преступления, повышенная общественная опасность которого учтена путем образования квалифицированного состава и дополнительной квалификации не требует.

Как классический пример может быть рассмотрено убийство, сопряженное с изнасилованием. В данном случае имеется полное терминологическое соответствие между указанием на данный признак в п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и в п. «е» ст. 102 УК РСФСР. Исследуемый признак разъясняется в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практи-

¹ См.: Ожегов С. И. Указ. соч. С. 249, 584.

² См.: там же. С. 733, 738.

ке по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». Под убийством, сопряженным с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, следует понимать убийство в процессе совершения указанных преступлений или с целью их сокрытия, а также совершенное, например, по мотивам мести за оказанное сопротивление при совершении этих преступлений. Содеянное следует квалифицировать по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и в зависимости от конкретных обстоятельств дела, по соответствующим частям ст. 131 или ст. 132 УК РФ¹.

Очевидно, что в данном случае речь идет о совокупности преступлений, причем она может быть как реальной (убийство с целью сокрытия или по мотивам чести), так и идеальной (убийство в процессе изнасилования, когда примененное насилие, являющееся признаком способа изнасилования, повлекло причинение общественно опасного последствия – смерти потерпевшей).

А. Ю. Садов,
соискатель кафедры
уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России

ГРАЖДАНСКИЙ ИСТЕЦ ИЛИ ПОТЕРПЕВШИЙ?

Лидирующими субъектами производства по уголовному делу, в котором заявлен иск о возмещении вреда, являются гражданский истец и гражданский ответчик. Кроме того, закон допускает участие в деле их представителей и законных представителей, а также прокурора.

Несмотря на то, что в представленном в ст. 5 УПК РФ понятийном аппарате отсутствует разъяснение термина «гражданский иск», норма ст. 44 уголовно-процессуального закона дает развернутую характеристику субъекта уголовного процесса, предъявившего его. Итак, гражданским истцом является физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением. Решение о признании граждан-

В зависимости от значения, которое способ совершения преступления имеет в конкретном составе последнего, все способы действий можно подразделить: 1) на способы, являющиеся признаками основных составов преступлений; 2) способы, выступающие признаками квалифицированных составов преступлений.

Таким образом, приведенная классификация способов совершения преступлений может использоваться при совершенствовании уголовного законодательства и практики его применения, квалификации преступлений, дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания.

Библиографический список

1. Методология науки. Научное познание: формы, методы, подходы. – М., 2001.
2. *Якубович, О. Р.* Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.

ским истцом оформляется определением суда или постановлением судьи, прокурора, следователя, дознавателя. Гражданский истец может предъявить гражданский иск и для имущественной компенсации морального вреда.

В данном законодателем определении можно выделить необходимые признаки гражданского истца: 1) им может быть физическое или юридическое лицо; 2) должны быть основания полагать, что вред причинен непосредственно преступлением; 3) должны быть заявлены требования о возмещении вреда; 4) вред должен быть имущественным или моральным; 5) необходимо формальное закрепление статуса гражданского истца. Отсутствие хотя бы одного из перечисленных признаков влечет непризнание такой процессуальной фигуры.

Совокупность названных признаков с неизбежностью указывает на одно важнейшее обстоятельство: гражданским истцом может быть только лицо, претерпевшее вред в результате преступления. Последнее согласно ст. 14 УК РФ – это виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания. Невозможно представить ситуа-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

цию, при которой лицо не пострадало от преступления, но заявляет о возмещении вреда. Следовательно, если вред причинен не преступлением, то его возмещение относится к сфере гражданско-правовых отношений и любые притязания о возмещении вреда подлежат рассмотрению в гражданском производстве судами гражданской ветви. Отсюда вытекает еще один вывод: если вред не причинен, то о его возмещении не может идти речь, а значит, признать заявителя гражданским истцом нет никаких оснований.

Таким образом, причиненный преступлением вред не может существовать как самостоятельное понятие. Обязательно наличие субъекта, которому он причинен, т. е. потерпевшего от этого вреда. Статья 42 УПК РФ потерпевшим называет физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя, прокурора или суда.

Налицо коллизия двух норм: ст. 42 и ст. 44 УПК РФ. И в том, и в другом случае законодатель ведет речь о лице, которому причинен преступлением вред. Разница заключается только в том, что потерпевший не заявляет требований о возмещении вреда (ст. 42 УПК РФ), а гражданский истец заявляет такие требования, которые должны быть оформлены определением суда или постановлением судьи, прокурора, следователя, дознавателя (ст. 44 УПК РФ).

В этой связи примечательно выражение профессора В. Божьева, который обращает внимание на то, что «рабочая группа Комитета по законодательству Госдумы нового созыва в 2001 г. спешно, «в революционном порядке», перекроила текст ст. 42 УПК, возвратившись к положениям ст. 53 УПК РСФСР сорокалетней давности. Одновременно творцы последней версии проекта УПК РФ сохранили неизменным содержание статьи УПК о гражданском истце (ч. 1 ст. 44). И невдомек псевдоноваторам, что гражданский истец в уголовном процессе – это тот же потерпевший, предъя-

вивший в ходе производства по уголовному делу требования о возмещении (или компенсации) вреда, причиненного (по его мнению) преступлением. Таким образом, в одном Кодексе даны фактически два принципиально различных определения понятия потерпевшего»¹.

Данной точки зрения придерживается и Н. Н. Сенин: «Исходя из формулировок ст. 42 о потерпевшем и ст. 44 о гражданском истце, следует сделать вывод о том, что единственным отличием гражданского истца от потерпевшего теперь является то, что гражданский истец предъявляет требование об имущественном возмещении (компенсации) причиненного вреда. Фактически это означает, что по новому УПК гражданский истец – это такой потерпевший, который заявил гражданский иск»².

Мы согласны с мнением профессора А. Гриненко, отмечающего, что «...до принятия в 1994 году ГК РФ вопрос о возмещении морального вреда в уголовном процессе не был урегулирован. Именно поэтому возникали ситуации, когда в уголовном деле потерпевший имелся, моральный вред ему был причинен, однако гражданский иск при этом не мог быть заявлен. В настоящее время тот факт, что потерпевший для возмещения ему морального вреда дополнительным постановлением должен быть признан еще и гражданским истцом, создает излишнюю процедуру. Следовало бы предусмотреть процедуру «автоматического» надления потерпевшего правами гражданского истца таким же образом, как на обвиняемого возлагаются обязанности гражданского ответчика (за исключением случаев, когда процессуальные статусы потерпевшего и гражданского истца не совпадают)»³.

Однако в юридической литературе можно встретить и другие мнения. Так, А. П. Рыжаков отрицает тождественность понятий «потерпевший» и «гражданский истец» и говорит следующее: «... мы не можем со-

¹ Божьев В. Предпосылки обеспечения интересов потерпевшего в уголовном процессе // Законность. 2005. № 11.

² Сенин Н. Н. Возмещение вреда в уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 146.

³ Гриненко А. Потерпевший должен иметь не меньше процессуальных прав, чем обвиняемый // Рос. юстиция. 2002. № 9.

гласиться с теми авторами, которые понятия «потерпевший» и «гражданский истец» в тексте своей работы используют как синонимы. Да, действительно, один и тот же человек иногда вправе и соответственно может обладать и тем, и другим статусом. Тем не менее гражданский истец и потерпевший – это разные процессуальные фигуры, разные субъекты уголовного процесса. И ст. 44 УПК РФ посвящена правовому положению гражданского истца, а не потерпевшего...»¹.

Мы, в свою очередь, считаем, что гражданским истцом может быть только потерпевший, заявивший требование о возмещении вреда, причиненного преступлением. Следовательно, в УПК РФ даны два различных определения потерпевшего.

В. Н. Сбитнева,
соискатель кафедры
уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУДА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одной из особенностей современного уголовно-процессуального законодательства является установка на дальнейшее развитие принципа состязательности сторон, что наибольшее преломление находит в стадии судебного разбирательства.

В соответствии с разграничением уголовно-процессуальных функций на три основных: обвинения (уголовного преследования), защиты и разрешения дела по существу (в идеале присущая только суду) – осуществляется судоговорение в судебном заседании, где доминирующее положение всегда занимает суд (судья).

В УПК РФ регламентировано правовое положение участников уголовного процесса.

Анализ ст. 29 УПК РФ позволяет констатировать, что только суд среди прочего в ходе досудебного производства вправе

Полагаем, что выделение отдельного субъекта уголовного процесса, в частности, гражданского истца, не вполне оправданно. На наш взгляд, в ст. 42 УПК РФ, регламентирующей права потерпевшего, следует указать его права в части заявления и разрешения гражданского иска. Данное предложение будет способствовать устранению разночтений при применении норм ст. 42 и 44 УПК РФ.

Библиографический список

1. *Божьев, В.* Предпосылки обеспечения интересов потерпевшего в уголовном процессе / В. Божьев // Законность. – 2005. – № 11.
2. *Сенин, Н. Н.* Возмещение вреда в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2004.

принимать решения о производстве наиболее значимых следственных действий, например, о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц (п. 4 ч. 2); производстве обыска и (или) выемки в жилище (п. 5 ч. 2), которые сопряжены с вторжением в сферу личных прав и свобод граждан, охраняемых Конституцией Российской Федерации.

В контексте судебной-правовой реформы последних лет и воспринявшего ее ключевые идеи УПК РФ специфическое содержание имеет уголовно-процессуальная деятельность суда в стадии судебного разбирательства. При этом главной отличительной чертой является пропагандируемая в настоящее время так называемая пассивная роль суда при активности сторон (обвинения и защиты).

Вместе с тем анализ правовой регламентации полномочий суда в ходе судебного следствия (ст. 273–291 УПК РФ) позволяет сделать вывод о том, что абсолютной непричастности суда к осуществлению «процессуальных действий познавательного характера» законодатель (текстуально) обеспечить не удается.

В этом смысле главенствующее положение в ходе судебного разбирательства отведено стороне обвинения и прежде всего прокурору.

Поэтому, говоря о необходимости оперативного сопровождения (обеспечения,

¹ *Рыжиков А. П.* «Понятие и правовой статус гражданского истца в уголовном процессе. Комментарий к статье 44 УПК РФ // СПС «Консультант-Плюс».

содействия) со стороны органов дознания производимого судом (судьей) судебного разбирательства по уголовным делам, по всей видимости, целесообразно подразумевать традиционное взаимодействие органов прокуратуры с оперативными подразделениями правоохранительных органов, и прежде всего органов внутренних дел, в задачи которых в рассматриваемом контексте может входить оперативное участие (содействие) в проведении отдельных следственно-судебных действий, выполнении поручений прокурора (государственного обвинителя) в ходе судебного заседания, обеспечении безопасности участников уголовного процесса и др.

Однако ст. 37 УПК РФ, регламентирующая правовое положение прокурора в уголовном процессе, а также его полномочия в ходе судебного производства (ч. 4) не содержит никакого упоминания об этом.

Р. П. Сокол,
заместитель прокурора
г. Краснодар

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ СРОКОВ СОСТАВЛЕНИЯ ПРОТОКОЛА СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ И ОЗНАКОМЛЕНИЯ С НИМ

Одной из важнейших составляющих производства по уголовному делу в суде первой инстанции является ведение протокола в ходе судебного заседания. Составление этого документа способствует объективному и законному разрешению уголовного дела¹.

Как справедливо замечает П. Е. Кондратов, «протокол судебного заседания служит основным источником информации относительно как содержания исследованных судом доказательств, так и соблюдения судом и участниками заседания порядка проведения судебного разбирательства»².

¹ См.: О фактах нарушений сроков изготовления протоколов судебных заседаний // Бюл. Верховного Суда РФ. 1999. № 7.

² Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / Л. Н. Башкатов и др.; Отв. ред. И. Л. Петрухин. М., 2007. С. 461.

Лишь ч. 3 ст. 37 УПК РФ упоминает о том, что письменные указания прокурора органу дознания, дознавателю, следователю, данные в порядке, установленном УПК РФ, являются обязательными. Очевидно, что указанные предписания законодатель «привязывает» к уголовно-процессуальной деятельности следователей и органов дознания в рамках досудебного производства.

По нашему мнению, правовое положение суда в уголовном процессе Российской Федерации требует более удачного законодательного регулирования.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2005.
2. О внесении дополнений и изменений в УПК РФ : федер. закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ // СЗ РФ. – 2003. – № 27 (ч. 1). – Ст. 2706.

Если же исследование каких-либо доказательств не получило отражения в протоколе судебного заседания, то ссылка на эти доказательства недопустима при обжаловании приговора, а сам факт отсутствия в уголовном деле протокола служит безусловным основанием отмены приговора суда (п. 11 ч. 2 ст. 381 УПК РФ).

Порядок изготовления протокола и ознакомления с ним регламентирован в ст. 259 УПК РФ, в соответствии с которой протокол должен быть изготовлен и подписан председательствующим и секретарем судебного заседания в течение 3 суток со дня окончания судебного заседания (ч. 6 ст. 259 УПК РФ).

Однако А. П. Рыжаков отмечает, что «по многим уголовным делам затягивается изготовление протокола заседания и ознакомление с ним сторон, что влечет нарушение сроков направления дел с поступившими жалобами и протестами в кассационную инстанцию и, в конечном счете, несвоевременное исполнение приговоров.

Плохая организация судебного процесса и недостаточно ответственное отношение к исполнению своих должностных и служебных обязанностей со стороны отдельных судей и работников аппарата становятся иногда причиной волокиты, осо-

бенно нетерпимой тогда, когда она влечет длительное пребывание подсудимых под стражей»¹.

При этом протокол в ходе судебного заседания может изготавливаться по частям, которые, как и протокол в целом, подписываются председательствующим и секретарем². И сторонам по их ходатайству может быть предоставлена возможность ознакомиться с частями протокола по мере их изготовления (ч. 6 ст. 259 УПК РФ).

Ходатайство об ознакомлении с протоколом судебного заседания подается сторонами в письменном виде в течение 3 суток со дня окончания судебного заседания.

Таким образом, законодатель установил единые, параллельно длящиеся срок для изготовления протокола и срок, в течение которого может быть подано ходатайство об ознакомлении с ним, хотя само ознакомление с протоколом может быть осуществлено только после изготовления протокола.

В случае если ходатайство в установленный срок не было подано по уважительным причинам, судья наделен правом восстановления срока для ознакомления с протоколом судебного заседания. При этом ходатайство не подлежит удовлетворению, если уголовное дело к моменту подачи ходатайства направлено в апелляционную или кассационную инстанцию или по истечении срока, предоставленного для апелляционного или кассационного обжалования, находится в стадии исполнения.

Председательствующий обеспечивает сторонам возможность ознакомления с протоколом судебного заседания в течение 3 суток со дня получения ходатайства. В любом случае ознакомление с протоколом должно проходить после подписания его

председательствующим и секретарем судебного заседания.

Председательствующий вправе предоставить возможность ознакомления с протоколом и иным участникам судебного разбирательства по их ходатайству и в части, касающейся их показаний.

Если протокол судебного заседания в силу объективных обстоятельств изготовлен по истечении 3 суток со дня окончания судебного заседания, то участники судебного разбирательства, подавшие ходатайства, должны быть извещены о дате подписания протокола и времени, когда они могут с ним ознакомиться (ч. 7 ст. 259 УПК РФ).

В ч. 7 ст. 259 УПК РФ закреплено, что время ознакомления с протоколом судебного заседания устанавливается председательствующим в зависимости от объема указанного протокола, однако оно не может быть менее 5 суток с момента начала ознакомления. В исключительных случаях председательствующий по ходатайству лица, знакомящегося с протоколом, может продлить установленное время. Однако закон не дает разъяснений, что следует понимать под «исключительными случаями». По нашему мнению, таковыми можно считать случаи, когда происходит ознакомление с протоколом судебного заседания по многотомным уголовным делам, когда в деле есть несколько подсудимых, когда судебное заседание не заканчивается в один день. Кроме того, существует мнение, что к таким случаям можно отнести и те, когда есть большое число желающих ознакомиться с протоколом³. Однако если участник судебного разбирательства явно затягивает время ознакомления с протоколом, председательствующий вправе своим постановлением установить определенный срок для ознакомления с ним. Такая норма, с нашей точки зрения, является правильной.

Статья 260 УПК РФ посвящена замечаниям на протокол судебного заседания. Согласно ч. 1 данной статьи замечания на протокол судебного заседания должны быть поданы в течение 3 суток со дня ознакомления с ним.

¹ Рыжаков А. П. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 августа 1993 г. № 7 «О сроках рассмотрения уголовных и гражданских дел судами Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Об обеспечении всесторонности, полноты и объективности рассмотрения судами уголовных дел: Постановление Пленума Верхов. Суда РСФСР от 21 апр. 1987 г. № 1 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РФ. 1961–1993. М., 1994; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. И. Радченко; Науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 592.

³ См.: Лупинская П. А. Протокол судебного заседания // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. М., 2002. С. 493.

Закон установил предельно короткие сроки – незамедлительно – для рассмотрения председателем замечаний, поданных на протокол судебного заседания.

По результатам рассмотрения замечаний председательствующий выносит постановление об удостоверении их правильности либо об их отклонении. Замечания на протокол и постановление председательствующего приобщаются к протоколу судебного заседания.

Таким образом, исследовав правовую основу установленных в ст. 259 и 260 УПК РФ сроков, можно сделать следующий вывод.

В названных статьях предусмотрены следующие сроки:

- 1) в течение 3 суток – срок изготовления протокола;
- 2) в течение 3 суток – подача ходатайства об ознакомлении с протоколом;
- 3) в течение 3 суток – решение председателем вопроса об удовлетворении ходатайства об ознакомлении с протоколом;
- 4) в течение 5 суток – ознакомление с протоколом судебного заседания;
- 5) в течение 3 суток – срок подачи замечаний на протокол судебного заседания;
- 6) незамедлительно – рассматриваются председателем поданные сторонами замечания на протокол судебного заседания.

Поскольку первые два вида сроков совпадают, то общий предельный срок, предусмотренный для написания протокола и рассмотрения поступивших замечаний, составляет 14 суток. Вместе с тем, как известно, в суде первой и апелляционной инстанций приговор вступает в законную силу по истечении 10 суток с момента провозглашения. Вследствие этого, если поданное стороной ходатайство об ознакомлении с протоколом судебного заседания будет подано на третьи сутки со дня окончания судебного заседания, в котором постановлен и оглашен приговор, председателем будет удовлетворено данное ходатайство на третьи сутки с момента его получения, а время для ознакомления с ним предоставлено максимальное – 5 суток и на третьи сутки поданы замечания на протокол, то к этому моменту приговор вступит в законную силу, после чего должно начаться его исполнение. Следовательно, решение судьи по поступившим замечаниям будет вынесено после вступления в законную силу

приговора. Представляется, что указанная ситуация требует своего разрешения.

Если председательствующий должен рассмотреть замечания на протокол незамедлительно, то возникает вопрос: почему для рассмотрения самого ходатайства об ознакомлении с этим документом требуется 3 суток? Ведь для отказа в удовлетворении достаточно проверить всего два основания: передано ли дело в вышестоящую инстанцию для рассмотрения соответствующих жалоб или представлений и находится ли дело в стадии исполнения. Рассмотрение же замечаний на протокол требует времени для их изучения и, возможно, вызова лиц, подавших эти замечания, для уточнения отдельных вопросов. Кроме того, согласно ст. 121 УПК РФ ходатайство подлежит рассмотрению и разрешению непосредственно после его заявления, а срок его разрешения в течение 3 суток установлен только для предварительного расследования.

Считаем, что решение председательствующим вопроса об удовлетворении ходатайства об ознакомлении с протоколом судебного заседания должно производиться незамедлительно. Поэтому в ч. 7 ст. 259 УПК РФ четвертое предложение целесообразно изложить в следующей редакции: «Ходатайство об ознакомлении с протоколом рассматривается председательствующим незамедлительно».

Полагаем, что внесение соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство будет способствовать соблюдению условий доступа граждан к правосудию, оптимизации сроков рассмотрения уголовного дела в суде, обеспечению гарантий защиты прав граждан.

Библиографический список

1. О фактах нарушений сроков изготовления протоколов судебных заседаний // Бюл. Верхов. Суда РФ. – 1999. – № 7.
2. Рыжаков, А. П. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 августа 1993 г. № 7 «О сроках рассмотрения уголовных и гражданских дел судами Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / Л. Н. Башкатов [и др.] ; отв. ред. И. Л. Петрухин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2007.

С. В. Сртлян,
соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России

СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ГАРАНТИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

Важнейшим показателем высокой степени демократичности и цивилизованности современного государства является закрепление в действующем законодательстве широкой системы прав и свобод человека и гражданина, а также системы средств их юридического обеспечения. В такой ситуации права и свободы приобретают качество своеобразного базиса, на котором основывается разветвленная система юридических возможностей, обеспечивающих максимально полную реализацию личностью своих интересов.

Вместе с тем провозглашение прав и свобод может стать формальной декларацией, если при их осуществлении не будут использованы различные средства, получившие в научной литературе название гарантий, под которыми понимается система действия общих условий и специальных средств, обеспечивающих правомерное осуществление прав и свобод личности.

Подчеркнем, что гарантии представляют собой не простую совокупность разрозненных элементов, а образуют отвечающую требованиям законности слаженную и сбалансированную в своих частях систему, выступающую действующим механизмом осуществления прав и свобод¹.

В юриспруденции гарантии традиционно принято воспринимать как триединую систему, включающую: 1) общие; 2) специально-юридические; 3) организационные гарантии².

По нашему мнению, общие гарантии — это экономические, социальные, политические, идеологические и другие виды усло-

вий, выступающих по отношению к правам и свободам в качестве благоприятной среды их реализации. Полагаем нецелесообразным подробно останавливаться на их характеристике, поскольку они уже в достаточной мере изучены в юридической литературе и, кроме того, не имеют какой-либо специфики реализации. Отметим только, что сущность общих гарантий заключается в наличии своеобразной среды, создающей лишь возможность реального осуществления прав и свобод личности. Поэтому, выступая в таком качестве, они не могут сами по себе обеспечить их реализацию и защиту, прежде всего потому, что такое обеспечение связано с использованием правовых средств³, представляющих собой не что иное, как юридические гарантии.

Юридическим гарантиям правового статуса личности в данной системе отводится особая роль, так как они являются своего рода фактором, определяющим специфику реализации прав и исполнения обязанностей.

Общее понятие юридических гарантий в научной литературе не вызывает дискуссий, несмотря на включение в него различных аспектов, характеризующих данную правовую категорию. Большинство авторов трактуют юридические гарантии практически однозначно и склоняются к мнению, что под ними следует понимать закрепленные законодательством средства и способы, которые непосредственно обеспечивают правомерное осуществление и защиту прав, свобод и законных интересов личности⁴. Исходя из данного определения нам представляется возможным сформулировать следующую дефиницию юридических гарантий обеспечения правового статуса личности — это система закрепленных в нормах права условий, средств, приемов и способов, посредством которых обеспечивается реализация прав, свобод, законных интересов и обязанностей личности, а в случае их нарушения или необоснованного

¹ См.: Колташов А. И. Гарантии реализации и защиты прав и свобод молодежи в РФ // Юридические механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина: региональные проблемы: Сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. Хабаровск, 1998. С. 21.

² См.: Шубина Т. Б. Теоретические проблемы защиты права: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 10.

³ См.: Раздымалова Н. И. Механизм реализации гарантий прав и свобод граждан в сфере охраны общественного порядка: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 13.

⁴ См., напр.: Снежко О. А. Конституционный принцип государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в РФ // Вестн. Саратов. акад. права. 1998. № 3. С. 13.

ограничения — деятельность управомоченных субъектов по их охране и защите.

Что касается конкретного проявления юридического гарантирования прав и свобод, то в юридической науке среди всех юридических гарантий прав и свобод личности принято выделять две группы: гарантии реализации прав и гарантии охраны и защиты¹.

К первой группе, по нашему мнению, относятся следующие виды гарантий:

- конкретизация пределов прав и свобод;
- юридические факты, с которыми связывается их реализация;
- процессуальные формы осуществления прав и свобод;
- меры поощрения и льготы для стимулирования правомерной инициативной их реализации.

Во вторую группу входят:

- надзор и контроль над правомерностью поведения субъектов права с целью выявления случаев правонарушений;
- правовая защита;
- юридическая ответственность;
- пресечение и другие правоохранительные меры;
- процессуальные формы охраны и защиты прав;
- профилактика и предупреждение правонарушений.

В условиях построения развитого демократического общества должны доминировать тенденции к расширению сферы регулирования прав и свобод, подкрепленные необходимостью четкой фиксации в законодательстве их ограничений в отношении субъектов правоотношений в конкретных условиях. Отсутствие точных правоустановлений, позволяющих однозначно воспринимать ту или иную юридическую норму, должно стать одним из важнейших факторов, обеспечивающих максимально полную реализацию прав.

Вместе с тем одно лишь закрепление соответствующих норм в законодательстве не может обеспечить осуществления всеми субъектами правоотношений своих прав и свобод. Для этого нужны дополнительные средства. Поэтому к следующему виду рассматриваемой нами формы гарантий прав и свобод мы отнесли наличие меха-

низма их реализации. Недостаточно только продекларировать право, для того чтобы им можно было реально воспользоваться, необходимо отразить в законодательстве порядок его осуществления. Без установления такого порядка юридическая норма не сможет действовать.

В юридической литературе решение вопроса о содержании механизма реализации прав и свобод следует оценивать весьма неоднозначно², поскольку большинство авторов подходят к нему нередко с прямо противоположных позиций. Так, например, А. С. Мордовец называет элементами рассматриваемого механизма сами гарантии, общественные нормы, гласность, общественное мнение, ответственность, процедуры, контроль³, Н. И. Раздымалина — систему государственных органов, призванную защищать права и свободы, правовые нормы, цель правового регулирования и наличие конкретной социально-правовой ситуации⁴. По нашему мнению, эти и подобные им точки зрения в силу своей неопределенности и расплывчатости включаемых в рассматриваемую категорию элементов (общественное мнение, наличие конкретной социально-правовой ситуации и др.) не могут служить основой для определения содержания механизма реализации прав и свобод лиц, находящихся в исправительных учреждениях, как одного из средств их осуществления.

На наш взгляд, в структуру механизма реализации прав должны входить строго юридические категории, имеющие под собой сугубо правовую почву и не допускающие двойственности своего толкования. Отталкиваясь от этого и учитывая позитивные стороны обозначенных точек зрения, мы сочли необходимым включить в указанное понятие следующие элементы:

- наличие нормативно-правовой базы, закрепляющей субъективные права, а также определяющей конкретный порядок и условия их осуществления;
- правомерная деятельность лиц, направленная на их реализацию;

² См.: Лазарев В. В. Поиск права // Журн. рос. права. 2004. № 7. С. 5.

³ См.: Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1997. С. 19.

⁴ См.: Раздымалина Н. И. Указ. соч. С. 15.

¹ См.: Витрук Н. В. Правовой статус личности в СССР. М., 1985. С. 95.

– корреспондированная правом деятельность обязанных субъектов по его осуществлению.

Следует отметить, что предложенная нами структура механизма реализации прав и свобод носит весьма упрощенный и несколько схематичный характер. Это обусловлено тем, что включение в нее только обязательных, на наш взгляд, элементов, характеризующих анализируемый механизм с исключительно юридически-догматической позиции, в свою очередь, не исключает появления дополнительных элементов, насыщающих его социальным содержанием.

Таким образом, анализируя механизм реализации юридических гарантий обеспечения правового статуса личности, предлагаем определить его как совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных средств, при помощи которых формируется и действует система позитивно влияющих условий и факторов, обеспечивающих претворение в жизнь юридически закреплённого статуса личности.

Основными элементами механизма реализации юридических гарантий обеспечения правового статуса личности являются регулятивный, институционный и функциональный. Первый из них включает в себя нормативную и ненормативную части. К нормативной относятся акты национально- и международного права, а также иные социальные нормы, регламентирующие права человека. Ненормативная объединяет индивидуальные предписания, ситуативные ценности, символы и иные средства.

Институционный элемент механизма реализации юридических гарантий правового

статуса личности – это система специально созданных государственных и негосударственных органов и учреждений, основными целями которых являются обеспечение реализации субъективных прав и исполнение нормативных обязанностей граждан.

Функциональный элемент представляет собой оптимизированную, систематизированную, целенаправленную деятельность государственных и негосударственных органов, должностных лиц и отдельных граждан по защите прав рассматриваемых категорий граждан и исполнению ими обязанностей, а также деятельность самих лиц по обеспечению их правового статуса.

В то же время сущность юридических гарантий обеспечения правового статуса личности не должна сводиться лишь к мерам охраны и защиты закреплённых в законодательстве субъективных прав. К ней также следует относить механизм исполнения юридических обязанностей, наряду с субъективными правами образующих правовой статус личности и служащих гарантией реализации прав других людей.

Библиографический список

1. *Лазарев, В. В.* Поиск права / В. В. Лазарев // Журн. рос. права. – 2004. – № 7.
2. *Мордовец, А. С.* Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 1997.
3. *Раздымалова, Н. И.* Механизм реализации гарантий прав и свобод граждан в сфере охраны общественного порядка : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1991.

И. А. Тараканов,

*преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ФАКТИЧЕСКОГО И ДОКАЗАННОГО

Состояние преступности в современной России, несмотря на определенную стабилизацию, по-прежнему остается достаточно

серьезным фактором, отрицательно влияющим на жизнь общества. Особые опасения вызывает рост числа насильственных преступлений.

Лица, подвергающиеся общественно опасному посягательству, как правило, стремятся избежать его, не вступая в противоборство с посягающим. Это обусловлено, во-первых, тем, что многие граждане попросту не осведомлены о правомерности действий, направленных на защиту своих прав и свобод путем причинения вреда посягающему; во-вторых, при фор-

мальном отношении должностного лица к производству расследования уголовного дела либо рассмотрению проверочного материала нередко самого обороняющегося могут привлечь к уголовной ответственности за якобы совершенное им преступление против личности. Поэтому граждане порой предпочитают оказаться жертвой преступления, нежели подвергнуться уголовному преследованию за причинение вреда преступнику.

Нарушения законности при рассмотрении дел о необходимой обороне связаны в основном с обвинительным уклоном расследования. Каждым неправильно разрешенным делом наносится непоправимый вред обществу, подрывается авторитет органов правосудия. При подобной практике генерируется социальная пассивность граждан, у населения возникает нежелание участвовать в осуществлении государственных функций охраны правопорядка, чтобы не ставить под угрозу свои собственные интересы. Это является серьезной социальной проблемой, порожденной «человеческим фактором», стереотипами правосознания.

Она заключается в том, что в условиях дефицита времени органы предварительного расследования не всегда уделяют достаточно внимания установлению обстоятельств, исключающих преступность деяния, в частности, признаков необходимой обороны. В подавляющем большинстве случаев уголовное дело возбуждается по факту причинения, например, тяжкого вреда здоровью. В результате посягавшее лицо, которому причинен вред, в соответствии со ст. 42 УПК РФ становится потерпевшим, а лицо, причинившее его, – подозреваемым и впоследствии обвиняемым.

Иными словами, лицо, отразившее общественно опасное посягательство, подвергается уголовному преследованию, включая применение мер уголовно-процессуального принуждения. У истинного же преступника появляется время для уклонения от правоохранительных органов до установления истины по делу, возможность продолжить преступную деятельность, воздействовать на участников уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства, а также иным путем воспрепятствовать

быстрому, полному и объективному расследованию¹.

Возникают вполне закономерные вопросы о причинах вышеуказанного обвинительного уклона, недоверчивого отношения следователя (дознателя) к показаниям оборонявшегося, а также о том, что существовавшее в реальности состояние необходимой обороны далеко не всегда находит отражение в процессуальных документах.

Прежде всего следует отметить, что содержанием ситуации необходимой обороны является противостояние посягательства и оборонительных действий. Посягающий стремится причинить вред обороняющемуся или третьим лицам, обороняющийся же причиняет вред посягающему для отражения и пресечения его действий. Соответственно, при рассмотрении ситуации необходимой обороны следует вести речь не только о вреде причиненном, но и предотвращенном. Вместе с тем при доказывании признаков необходимой обороны в совершенном деянии прежде всего неминуемо обращает на себя внимание причиненный вред как очевидный, а предотвращенный вред является абстрагированной категорией.

В условиях дефицита времени для разрешения материала следователем (дознателем) не всегда можно с уверенностью установить, имела ли здесь место необходимая оборона либо ее инсценировка, либо было просто совершено преступление против личности. Существующий алгоритм действий довольно прост: поскольку причиненный вред очевиден и гражданин не отрицает своей причастности к причинению данного вреда, то первоначально уголовное дело возбуждается в отношении него, а потом уже в рамках этого дела происходит рассмотрение возможности наличия признаков необходимой обороны в совершенном деянии. Формально действия следователя правомерны, поскольку при наличии доказанности признаков необходимой обороны лицо теряет статус подозреваемого или обвиняемого и переходит в число потерпевших или свидетелей. Однако само

¹ См.: Тараканов И. А. Особенности доказывания состояния необходимой обороны в стадии предварительного расследования: Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 4–5.

первоначальное возбуждение уголовного дела в отношении оборонявшегося расценивается им как негативная оценка его правомерных действий, что лишает его и других граждан уверенности в своем праве на необходимую оборону.

В результате возникает порочная практика, при которой следователь изначально занимает обвинительную позицию в отношении оборонявшегося, а последнему предстоит доказывать правомерность своих оборонительных действий.

Однако представляется несправедливым утверждать, что обвинительный уклон расследования деяний, связанных с необходимой обороной, связан лишь с формальным отношением должностных лиц к производству расследования. Нередко поведение гражданина после совершения оборонительных действий мало чем отличается от поведения лица, действительно совершившего насильственное преступление.

Проведенный опрос граждан показал, что лишь 24,1 % респондентов, правомерно причинив смерть посягавшему, останутся на месте происшествия, вызвав милицию. Один из опрошенных, мотивируя свое решение, заметил, что «бежать от преступника – логично, бежать от трупа – нет»; 8,3 % респондентов затруднились с ответом. А большинство опрошенных (67,6 %) предпочитают быстро покинуть место происшествия, не уведомляя сотрудников милиции о содеянном. Мотивацией этого служили боязнь подвергнуться уголовной ответственности при неправильной оценке следствием и судом характера оборонительных действий, а также опасения, что у посягавшего окажутся родственники или знакомые, способные повлиять на ход расследования.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что возникает своеобразный «замкнутый круг»: оборонявшийся причиняет смерть посягавшему, после чего, опасаясь уголовного преследования вследствие неправильной квалификации его действий, покидает место происшествия. Приехавший на место происшествия следователь прокуратуры обоснованно полагает, что произошло убийство, а преступник скрылся. Данное предположение легло в основу возбуждения уголовного дела по ст. 105 УК РФ.

В последующем, если в результате оперативно-разыскных мероприятий личность оборонявшегося будет установлена, к его показаниям о состоянии необходимой обороны отнесутся крайне критически. И уголовное преследование, которого так опасался оборонявшийся, практически неизбежно¹.

Другая особенность заключается в том, что лицо, выявленное в результате оперативно-разыскных мероприятий, первоначально может отрицать свою причастность к данному происшествию, и лишь потом, поняв всю бессмысленность такого поведения, заявит о причинении вреда в состоянии необходимой обороны. Очевидно, что абсолютно так же будет вести себя истинный преступник, поэтому к указанным показаниям следователь отнесется весьма критично. Необходимо учитывать, что при расследовании преступлений против жизни и здоровья версия о причинении вреда в состоянии необходимой обороны является типичной версией защиты. Термин «версия защиты» трактуется в криминалистической литературе как «всевозможные доводы «за» обвиняемого», в том числе и те, о которых он может не знать либо умалчивать по тем или иным мотивам².

Ложная версия о причинении смерти в состоянии правомерной необходимой обороны не самая «выгодная» для виновного, поскольку связана с неизбежностью признания факта, что именно он лишил жизни другого человека. Поэтому данная версия часто выдвигается подозреваемым не на первоначальном этапе расследования, а позже, когда он убедится после предъявления ему доказательств, что следствием доказана его вина в смерти пострадавшего. Например, в материалах дела имеются показания свидетелей-очевидцев, обнаружено и изъято орудие убийства с отпечатками пальцев и т. п. Версия о необходимой обороне нередко выдвигается обвиняемым не по своей инициативе, а является «подсказанной» ему адвокатом. В последнем случае задержанный может выдвинуть ее сразу при первом допросе с участием защиты, а может намеренно выжидать предъявления

¹ См.: Тараканов И. А. Указ. соч. С. 50–51.

² См.: Бурданова В. С. Выдвижение и проверка версий защиты при расследовании преступлений. Л., 1983. С. 3–4, 38–40.

ему следователем доказательств, изобличающих его в совершении преступления¹.

Это подтверждается результатами проведенного среди следственных работников опроса, согласно которому 20,8 % респондентов сталкивались с ситуацией, когда лицо, причинив вред посягавшему, само вызывало милицию, оставаясь на месте происшествия; 34,2 % отметили, что лицо заявляло о данном обстоятельстве после его установления в ходе оперативно-разыскных мероприятий. С появлением такой версии защиты при задержании подозреваемого сталкивались 37,5 %, а ситуацию, когда лицо заявляло об этом после предъявления обвинения, назвало лишь 7,5 %².

В соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 73 УПК РФ при производстве расследования подлежат доказыванию обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, к которым относится и необходимая оборона. Доказывание факта ее наличия, отсутствия либо инсценировки – важная задача лица, производящего расследование, поскольку данное обстоятельство может радикально повлиять на квалификацию деяния в целом.

Таким образом, для того чтобы при расследовании деяний, связанных с признаками необходимой обороны, доказанные события соответствовали реально существовавшим, необходимы, с одной стороны, ис-

коренение формализма в работе правоохранительных органов, а с другой – повышение уровня правосознания граждан. Иными словами, нужно добиться того, чтобы граждане были способны активно обороняться от преступников и своевременно сообщать о происшествии, не боясь подвергнуться уголовному преследованию вследствие ошибочной правовой оценки его действий.

Несомненно, уровень доверия граждан к правоохранительным органам во многом зависит от качества работы последних. Поэтому действия должностных лиц, направленные на обеспечение быстрого, полного и объективного расследования, будут способствовать формированию более высокого уровня правосознания населения. В результате этого гражданин будет чувствовать себя уверенней как при обороне от преступника, так и при даче показаний о данном происшествии.

Библиографический список

1. *Сергеева, О. Н.* Теория и практика криминалистического обеспечения проверки версий о необходимой обороне и превышении ее пределов : дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1999.

2. *Тараканов, И. А.* Особенности доказывания состояния необходимой обороны в стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2006.

С. А. Тверезовская,
*инспектор ГУ «МРУИИ № 1 УФСИН
России по Тверской области»*

А. М. Зюков,
*старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России*
кандидат юридических наук

СООТНОШЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ЗАКОНОВ И ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОЙ ЭТНОПОЛИТИКЕ

Проблема соотношения религиозных законов и законов светских – уголовных в

различных государствах и разных правовых системах возникла давно и до сих пор остается актуальной. При ее рассмотрении в данной работе авторы основывались на анализе проблем общественного и частного, всеобщего и индивидуального, единства и множества.

В первую очередь обратимся к закону Моисееву. Так как некоторые заповеди и законы Моисея носят общечеловеческий, глобальный характер, они так или иначе присутствуют в современном законодательстве всех цивилизованных государств, в том числе и России. Без увязки правовой системы с религиозной все, даже привлекательно сформулированные, нормы останутся лозунгами.

По мнению профессора А. А. Тер-Акопова, закон Моисея – это в значительной мере законодательство охранительного плана, устанавливающее запреты и ответ-

¹ См.: *Сергеева О. Н.* Теория и практика криминалистического обеспечения проверки версий о необходимой обороне и превышении ее пределов: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 53–54.

² См.: *Тараканов И. А.* Указ. соч. С. 52.

ственность за их нарушение. В этом смысле оно роднится с уголовным законодательством, а значит, должно исследоваться и в уголовно-правовом аспекте¹.

Говоря о законе Моисея, А. А. Тер-Акопов указывает, что существует ряд деяний, которые носят однозначно уголовно-правовой характер, и за них предусмотрены наказания физического характера: смертная казнь, побои, телесные повреждения. Иным отраслям права подобные наказания не присущи. Другая группа деяний имеет явно выраженный гражданско-правовой, имущественный характер, за их совершение налагается наказание в виде возмещения виновным убытков. Например, хозяин вола должен заплатить 30 сиклей серебра владельцу раба, если последнего этот вол забодал. По мнению профессора А. А. Тер-Акопова, это — явно штрафная санкция, которая может быть отнесена и к уголовно-правовой норме².

Таким образом, в странах с авраамическими религиями закон Моисея не имеет пределов действия по деяниям, кругу лиц, месту и времени, по крайней мере в своей духовной части, но выступая в качестве фактора, участвующего в образовании духовного поля, влияет и на современное действующее право.

Существовавшие в России законодательные акты, например, Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное уложение 1649 г., последующие уложения, в том числе уголовные, почти в полном объеме включали в себя нормы Моисеева закона, конкретизируя и развивая их в соответствии с российскими реалиями.

Например, в древнерусском праве для характеристики общей превенции наказания употреблялись выражения «дабы другим неповадно было» или «чтобы другие убоялись» и т. п. Например, ст. 6 гл. XXII Соборного уложения 1649 г. устанавливала, что за блудную жизнь и убийство незаконнорожденных детей «казнить смертью безо всякой пощады, чтобы на то гляд,

иные такова незаконного и скверного дела не делали и от блуда унялися».

Правосознание большинства россиян имеет евангельские корни. Поэтому причину всеобщего правового нигилизма, ставшего бичом России, А. Куприянов видит в том, что православное сознание граждан пока практически не адаптируется к системе действующего права. Сегодня мы имеем существенный разрыв между принципами так называемого гражданского общества, заложенными в российском законодательстве, и канонами православия³.

По мнению А. Куприянова, решить проблему правового нигилизма, а также принятия законов, которые укладываются в народное миросозерцание, можно в том числе и через рецепцию церковного права. Но для того чтобы что-либо заимствовать, желательно получить представление о предмете, дисциплину же «Церковное право» сегодня преподают только в духовных учебных заведениях. Например, в Московской духовной академии и Свято-Тихоновском богословском институте Московской патриархии, где собственно юристов не готовят⁴. Таким образом, с одной стороны, православное церковное право, чьи традиции насчитывают две тысячи лет, разработанное глубоко и на высоком научном уровне, доступно только будущим клирикам. «Канонисты» (так называют специалистов по церковному праву), в свою очередь, должны одновременно с богословским образованием иметь подготовку и по общим юридическим дисциплинам, поскольку в самом церковном праве распространена рецепция из других правовых систем, а также для достижения большего понимания между церковью и светской властью, сосуществующих на едином правовом поле.

С другой стороны, светские юристы, не изучившие основ церковного права, не смогут использовать его достижения в своей работе, в том числе и законотворческой. Отказываясь от изучения этой отрасли права, мы, кроме всего прочего, сужаем свой правовой, исторический и даже лингвистический кругозор.

¹ См.: Тер-Акопов А. А. Законодательство Моисея: общая характеристика // Рос. юстиция. 2003. № 9. С. 40–42.

² См.: Тер-Акопов А. А. Законодательство Моисея: Источники и применение // Рос. юстиция. 2003. № 10. С. 39–43.

³ См.: Куприянов А. Церковное право и его рецепция в российское законотворчество // Рос. юстиция. 2001. № 2.

⁴ См.: там же.

Законы Моисея изложены в четырех из пяти книг Торы¹: Исход, Левит, Числа, Второзаконие. Основа Нового Завета изложена в книге Левит, в которой указывается: «не крадите, не лгите, не обманывайте друг друга, не грабительствуй, не делай неправды в суде, по правде суди ближнего своего» (Левит. 19.11, 13, 15). Кроме того, в книге Числа содержится важное положение о праве «мстителя за кровь» самому «умертвить убийцу». Такое право принадлежит ему только в отношении того, кто убивал с умыслом: «лишь только встретит его, сам может умертвить его» (Числа. 35.19).

В книге Числа подробно изложен вопрос устройства городов – убежищ, «куда мог бы убежать убийца, убивший человека неумышленно» (Числа. 35.11), «чтобы не был умерщвлен убивший, прежде нежели он предстанет пред обществом на суд» (Числа. 35.12). «Общество должно рассудить между убийцей и мстителем за кровь» (Числа. 35.24).

Соборное уложение 1649 г., в отличие от современного уголовного законодательства, содержало уголовную ответственность детей за нанесение побоев своим родителям: «А будет кто сын или дочь, не помня закона христианского, учнет отцу или матери грубые речи говорить или отца и мать з дерзости рукою зашибет, и в том на них отец или мати учнут бити челом, и таких забывателей закона христианского за отца и мать бити кнутом»².

Закону Моисея соответствует Закон об уголовном праве Израиля 1977 г.³ Например, в нем предусмотрена ответственность за многобрачие (ст. 176): женатый, вступающий в брак с другой женщиной, и замужняя, выходящая замуж⁴ за другого

мужчину, наказываются тюремным заключением на пять лет. В данном случае настоящее узаконение соответствует заповеди – «не прелюбодействуй».

Статья 179 Закона об уголовном праве Израиля 1977 г. гласит, что если новый брак лица был заключен по закону Торы, то лицо не будет признано виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 176 (многобрачие), т. е. это означает, что новый брак был заключен после того, как лицо получило разрешение на него в соответствии с окончательным постановлением, принятым раввинским судом, и после того, как такое постановление было утверждено Высшим раввинским судом.

Обращение к источникам древнего права позволяет сегодня по-новому взглянуть на институт кровной мести, который в современной России продолжает сохраняться у отдельных народов Северного Кавказа. Согласно закону Моисея, прежде, чем принять решение о наказании лица, совершившего убийство, и определить право мстителя совершить акт возмездия, деяние необходимо было разобрать всем обществом в суде.

Для современного уголовного закона главная на настоящий момент проблема – реализация воспитательной функции в части достижения целей уголовного наказания – предупреждения преступлений, т. е. формировать у народов, сохранивших у себя обычай кровной мести, правовое сознание. Карательная функция должна находиться в руках государственных органов, что позволит, на наш взгляд, существенно скорректировать политику противодействия преступлениям, составляющим пережитки местных обычаев или совершенные под их воздействием самоуправные действия среди народов, сохранивших такой обычай.

На существование в человеческом обществе оборонительной реакции и целесообразности избегать недопустимости перехода необходимой реакции против обидчика еще в XIX в. указывал Э. Ферри: кровная месть в большинстве случаев выступает как оборонительная реакция⁵. До сих пор существуют дикие племена, в которых всякое покушение на естественные условия

¹ Тора (др.-евр. учение), Пятикнижие Моисея; иудейская Библия, создававшаяся приблизительно в XI–II вв. до н. э.; вместе с некоторыми другими древними религиозными книгами составляет иудейский канон – ТаНаХ // Новый слов. иностр. слов. Минск, 2006. С. 902.

² Российское законодательство XI–XX веков: В 9 ч. / Под ред. О. И. Чистякова. М., 1999. Ч. 1. С. 252.

³ См.: Закон об уголовном праве Израиля / Предисл., пер. с иврита М. Дорфмана; науч. ред. Н. И. Мацнев. СПб., 2005. С. 412.

⁴ В ст. 176 главы хет «Многобрачие» Закона об уголовном праве Израиля отмечено, что «брак» включает обряд посвящения невесты в жены. – *Примеч. авт.*

⁵ См.: Ферри Э. Уголовная социология / Сост. и предисл. В. С. Овчинского. М., 2005. С. 359.

существования вызывает со стороны потерпевшего лишь индивидуальную и преходящую реакцию. Племя не руководит этой реакцией и смотрит на нее как на частное право. В этом случае единственным судьей, определяющим, преступно ли, т. е., вредно ли, и опасно ли деяние или нет, единственным исполнителем приговора является сам потерпевший, реакция которого определяется желанием защититься в данный момент и оградить себя на будущее время. Поэтому, подчиняясь одновременно чувству злобы и жажде мести, он почти всегда переходит границы необходимой реакции против обидчика. Такая реакция может проявляться двояко: во-первых, в виде непосредственной, мгновенной реакции в момент нападения; во-вторых, в виде задержанной реакции, отложенной до более благоприятного момента (эта реакция и есть истинная месть). Однако ранее индивидуальная, преходящая и чрезмерная форма оборонительной реакции и мести постепенно, с развитием общества, начинает уступать социальной форме этой реакции, существовавшей совместно с ней. Социальная форма проявляется сначала в виде непосредственной реакции всего общества, затем в виде обязанности, выполняемой от имени племени его предводителем. Так должно было случиться, потому что этого требовали общественные интересы. То есть, как замечает Ч. Дарвин, для того, чтобы племя, понесшее материальный ущерб со стороны внешних врагов или, что еще хуже, со стороны своих собственных сочленов, не утратило бы сравнительно с другими племенами тех сил, которые необходимы для борьбы за существование¹. В настоящее время эти проявления кажутся варварским состоянием уголовного правосудия, однако в свое время они были мощной сдерживающей силой, нравственным и социальным прогрессом, так как препятствовали чрезмерной жестокости индивидуальной или семейной мести.

В современном российском обществе отошли от неоспоримой доли истины, отмечаемой еще Ч. Беккариа, в соответствии с мыслью которого все члены общества от-

казались от права наказания в пользу государства. Вместе с тем сохраняется положение, при котором члены общества временно возвращают себе это право в тех случаях, когда государство оказывается не в силах использовать его для их защиты, например в случае необходимой обороны². Раньше, когда исполнителем оборонительной или репрессивной реакции являлся сам потерпевший, эта реакция носила характер *частной мести*; когда ее стала выполнять семья потерпевшего, она получила название *кровной мести*, а когда ее выполняли общество или предводитель племени, она приняла вид *общественной мести*. Когда месть стала осуществлять каста жрецов, она получила характер *божеского возмездия*. При этом она перестала считаться только оборонительной функцией и превратилась в религиозную и нравственную миссию, стала сопровождаться, как и всякий религиозный обряд, строгим формализмом и прониклась мистическим духом искупления и очищения.

Книги премудростей, притчей и пророчеств, кроме того, говорят о значении послушания законам, вскрывают пороки и нарушения, содержат призывы к восстановлению законности и надлежащей религиозной жизни. Например, в Книге Премудростей Соломона изложена идея дифференциации ответственности в зависимости от подчиненности виновных таким образом, что начальник должен нести более строгую ответственность по сравнению с подчиненными: «...строг суд над начальствующими, ибо меньший заслуживает помилования, а сильные сильно будут истязаны» (Премудрости. 6.6). В этом тезисе уже просматривается современное обстоятельство, исключающее преступность деяния, совершенного во исполнение приказа начальника (ст. 42 УК РФ).

По мнению А. А. Тер-Акопова, закон Моисея обладает рядом черт, свойственных уголовному законодательству. Эту закономерность он рассматривает через установления, касающиеся вины, наказания и обстоятельств, исключающих ответствен-

¹ См.: Ферри Э. Указ. соч. С. 360.

² См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Сост. и предисл. В. С. Овчинского. М., 2004. С. 90–91.

ность¹. При этом в законе Моисея отсутствует понятие вины в нашем представлении.

Современная Россия – государство многонациональное, характеризующееся многоконфессиональностью, что не могло не отразиться на политическом строе и тем более на правовой системе.

Ислам и мусульманское право по-прежнему остаются векторами, определяющими формирование мировоззрения и правосознания северокавказского этнического социума.

Мусульманское уголовное право представляет собой неотъемлемую часть религии (ислама). Сферой его влияния является Ближний Восток, часть Азии и Африки. Собственно мусульманское право действует в Саудовской Аравии, Йемене, Судане, Кувейте, Афганистане. Правовые системы этих государств органично включают нормы шариата².

Отличительными чертами мусульманского права являются: специфичные классификации преступных деяний и наказаний на категории, заимствованные из шариата, криминализация религиозных и аморальных проступков, возможность применения членовредительских наказаний и воздаяния равным, существование смертной казни.

Традиционные источники мусульманского права имеют религиозное происхождение. Исследователи мусульманского права обычно делят их на три основные группы. К первой, наиболее значимой, группе источников относятся Коран – главная священная книга мусульман, содержащая высказывания пророка Мухаммеда, обрядовые и правовые предписания, молитвы и притчи, им произнесенные и записанные его ближайшими сторонниками, и Сунна – сборник преданий о решениях пророка. Таким образом, первая группа источников мусульманского права включает религиозные нормы, имеющие священный характер.

Вторая группа источников представлена нормами, сформулированными мусульман-

ской правовой доктриной. К этой группе относятся *иджма* и *кияс*. *Иджма* – это единодушное мнение наиболее авторитетных знатоков ислама по вопросам, не регламентированным Кораном и Сунной. *Кияс* представляет собой толкование Корана и Сунны, или так называемые суждения по аналогии.

Третья группа источников включает обычаи – *урф*. К таким обычаям, действующим до сих пор в Судане, Йемене и других мусульманских государствах, относится, например, обычай кровной мести³.

Один из субъектов России – Чеченская Республика (Ичкерия) приняла в 1996 г. собственный Уголовный кодекс (далее: УК ЧРИ), который не имел ничего общего с УК РФ и общепринятыми нормами международного уголовного права. Попытка соединить несоединяемое – мусульманское право с некоторыми институтами европейского права – явно не удалась⁴.

УК ЧРИ состоял из 17 глав, включающих в себя 185 статей⁵. Понятия основных уголовно-правовых институтов отсутствовали. Например, определение преступления оказалось в числе разъясняемых терминов и под ним понимались «любые действия, подлежащие наказанию в соответствии с нормами того или иного любого закона». Там же пояснялось, что к преступлениям, наказуемым в соответствии с положениями мусульманского права, относятся: употребление спиртных напитков, вероотступничество, прелюбодеяние, клевета, грабеж и воровство. Не согласовывалась с принципом гуманизма система наказаний, сконструированная в духе раннефеодального уголовного права. Так, согласно ст. 27 УК ЧРИ смертная казнь исполнялась либо отсечением головы, либо побиванием камнями, либо таким же путем, каким преступник лишил жизни свою жертву. Смертная казнь могла служить мерой наказания либо в соответствии с тем или иным установлением шариата, либо в качестве воздаяния рав-

¹ См.: *Тер-Акопов А. А.* Законодательство Моисея: уголовно-правовая характеристика // Рос. юстиция. 2003. № 11. С. 39–42.

² Шариат (от араб. *шариа*, букв. – надлежащий путь) – свод мусульманских правовых и теологических нормативов, провозглашенный исламом «вечным и неизменным плодом божественных установлений» // Сов. энцикл. слов. М., 1985. С. 1498.

³ См.: *Мухаммед М. С.* Действие обычая кровной мести в Йеменской Республике // Вестн. РУДН. Сер. Юрид. науки. 1997. № 2. С. 168.

⁴ См.: *Курс уголовного права: В 5 т. Общая часть* / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. Т. 1: Учение о преступлении.

⁵ Уголовный кодекс Чеченской Республики (Ичкерия). Грозный, 1996.

ным, либо в качестве назидательного наказания, при этом допускалось выставление тела напоказ (последнее касалось наказания за грабеж). За прелюбодеяние предусматривалась смертная казнь, за мужеложство в третий раз – смертная казнь либо пожизненное тюремное заключение. Был реанимирован принцип талиона «око за око, зуб за зуб» при наказании «воздаяния равным». Такое наказание назначалось за совершение умышленных преступлений. Потерпевший мог применить в отношении преступника те же действия, которые предпринял тот против него. Было воссоздано телесное наказание – бичевание. Совершивший кражу наказывался по шариату отсечением кисти правой руки. Грабеж, совершенный повторно, карался отсечением левой ступни (ст. 171).

Ограничение властью мусульманского права на территории Российской Федерации выразилось в изъятии из его юрисдикции разбирательства по уголовным делам, которые рассматривались на основе адатского права. В то же время по гражданским и уголовным делам широко применялась клятва или присяга на Коране как трансцендентное доказательство.

Таким образом, государственная власть признала и легализовала мусульманское право, ограничив, однако, его компетенцию регулированием отношений в сфере брака, семьи, наследства и религиозных преступлений.

В первые годы становления советской власти на территориях, где население исповедовало ислам, наряду с систематизированными актами – уголовными кодексами РСФСР 1922 и 1926 гг. – нормы шариата широко использовались в уголовной политике для борьбы с преступностью вообще и преступлениями против личности и имущественными деликтами, в частности. Рассмотрев, например, уголовное деяние, совершенное на почве кровной мести, шариатский суд выносил решение о выдаче осужденного родственникам убитого для убийства в соответствии с законом мусульман¹. Известен и такой случай, когда шариатский суд в Дагестане, вынеся обвиняемому смертный приговор, отсрочил его исполнение на три года в связи с тем, что малолетний сын убитого в тот момент физи-

чески был не в силах убить своего кровника². С 1925 г. советский законодатель пошел по пути свертывания юрисдикции шариата по уголовным делам.

Падение значимости мусульманского права в атеистическом Советском государстве объективно связано с сужением правового пространства ислама в стране и формированием официального правового монизма. Тем не менее и в XXI в. для большей части населения Северного Кавказа это право продолжает оставаться не только теорией обязанностей идеального характера, но и важным средством регулирования отношений. Надо радикально реформировать мировоззрение северокавказских народов, а не только право, и отказаться от исламской цивилизации в целом, чтобы полностью ликвидировать мусульманскую юридическую традицию в этническом социуме.

Анализ проблемы востребованности ислама и мусульманской правовой традиции в новейшее время на Северном Кавказе дает основание связать ее с издержками процесса становления нового социального и правового порядка, обусловленного внедрением единообразного права, имеющего большие пробелы и игнорирующего культурно-правовые традиции народов.

В повседневной жизни, вопросах личного статуса (брак, семья, наследование), а также в посткриминальном примирении северокавказский этнический социум, ориентированный на ислам, опирается по-прежнему на принципы и нормы мусульманского и традиционного адатского права. Это следует рассматривать не столько как конфронтацию с современной правовой системой, сколько как продолжающуюся преемственность и воспроизводимость мусульманского права в конкретных условиях становления отечественного правового государства. Обладая авторитетом в глазах мусульман, оно, по признанному мнению Л. Р. Сюкияйнена, само выступает в качестве инструмента легитимации по отношению к позитивному праву³.

Сегодня некоторые современные авторы предлагают возродить полиюридизм на

¹ См.: ЦГАРФ, ф. р-182, оп. 1, ед. хр. 9, л. 11.

² См.: там же, ф. 33-р, оп. 2, ед. хр. 9, л. 4.

³ См.: Сюкияйнен Л. Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. М., 1997. С. 38.

территории Республики Дагестан. Они указывают, что полиюридизм как одна из форм урегулирования общественных отношений используется во многих государствах. По их мнению, применение ее в Республике Дагестан приемлемо, так как полиюридическая практика имеет многовековую историю. В связи с этим в данном регионе предлагается ввести применение шариатского законодательства, в частности, в части разрешения семейных споров, а также для противодействия деструктивным процессам в обществе через традиции, противодействуя экстремизму в любой его форме, отказа от насильственных мер как крайности, предотвращая доведение конфликта до необратимости¹.

Дискуссии по поводу права на наказание человеческим судом велись не одно столетие. Бог или государство имеют право наказывать человека, совершившего преступление? По данной проблеме написано большое количество работ и предложено более десятка теорий – абсолютных, относительных и смешанных². Существует мнение, что в настоящее время они утратили свою актуальность и право на наказание государства сегодня вне каких-либо сомнений. Религиозные санкции в светских государствах более не конкурируют с государственным наказанием.

Несколько иное положение в мусульманском уголовном праве. Там государственные и религиозные наказания довольно бессистемно переплетаются. Уголовные кодексы мусульманских стран сохраняют наказуемость религиозных преступлений и преступлений против души. Шариатские суды руководствуются в производстве по уголовным делам не уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, а Кораном и Сунной.

В заключение приведем интересную интерпретацию теологической концепции преступности, предложенную Ф. М. Достоевским: «Все эти ссылки, работы, а прежде

с битьем, никого не исправляют, а главное, почти никакого преступника и не устрашают, и число преступлений не только не уменьшается, а чем далее, тем более нарастает. И выходит, что общество, таким образом, совсем не охранено, ибо хоть и отсекается вредный член механически и ссылается далеко, с глаз долой, а на его месте тотчас же появляется другой преступник, а может и два другие. Если что и охраняет общество в наше время, и даже самого преступника исправляет и в другого человека перерождает, то это опять-таки единственно лишь закон Христов, сказывающийся в сознании собственной совести. Только осознав свою вину как сын Христова общества, то есть церкви, он признает вину свою перед самим обществом». И далее: «Надо, чтобы не церковь перерождалась в государство, а, напротив, государство должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью»³.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет сделать вывод, что соотношение религиозных законов и отдельных аспектов наказания всегда находилось и находится в центре внимания исследователей.

В условиях многоконфессиональности и построения современной России по национально-территориальному принципу перед властью стоят серьезные задачи по формированию уголовной этнополитики (с учетом предлагаемых идей о полиюридизме), в условиях которой будет формироваться уголовное законодательство, отвечающее потребностям многонационального и многоконфессионального общества, базирующегося на моральных принципах, установленных в том числе и религиозными нормами.

Библиографический список

1. Религиозный экстремизм и террористическая деятельность в Дагестане: проблемы противодействия / У. Т. Сайгитов [и др.]. – Махачкала, 2004.
2. Сюкияйнен, Л. Р. Шариат и мусульманско-правовая культура / Л. Р. Сюкияйнен. – М., 1997.
3. Тер-Акопов, А. А. Законодательство Моисея: общая характеристика / А. А. Тер-Акопов // Рос. юстиция. – 2003. – № 9.

¹ См.: Сайгитов У. Т., Исмаилов А. Г., Демиров К. К., Курбанмагомедов А. А. Религиозный экстремизм и террористическая деятельность в Дагестане: проблемы противодействия. Махачкала, 2004. С. 175.

² См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 19–36; Шаргородский М. Д. Наказание по советскому уголовному праву. Ч. 1–2. Л., 1958.

³ Цит. по: Иншаков С. М. Криминология: Учеб. пособие. М., 2002. С. 31.

А. И. Чучаев,
*профессор кафедры уголовного права
Московской государственной
юридической академии
доктор юридических наук, профессор*

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ

1. Уголовные кодексы абсолютного большинства государств наряду с уголовной ответственностью за преступления предусматривают ответственность за правонарушения, не являющиеся таковыми. Речь, в частности, идет об ответственности за уклонение от отбывания назначенного судом уголовного наказания. Таким образом, уголовно-правовой механизм обеспечения реализации наказания включает в себя нормы Особенной части (в случае, если уклонение признается самостоятельным преступлением) и нормы Общей части уголовного законодательства (если имеет место замена одного вида наказания другим, более строгим, видом).

В разных странах указанный механизм имеет существенные различия. Уголовный кодекс (далее: УК) РФ содержит пять норм, предусматривающих уголовную ответственность: 1) за незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ст. 312 УК РФ); 2) побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ); 3) уклонение от отбывания лишения свободы (314 УК РФ); 4) неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта; 5) дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ).

Последнее преступление российский законодатель отнес к числу деяний, посягающих на порядок управления. С таким решением согласиться достаточно сложно по ряду моментов. Во-первых, согласно ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ деятельность уголовно-исполнительной системы направлена на достижение целей исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений как ими, так и иными лицами. Таким образом, деяние, предусмотренное ст. 321 УК РФ,

нарушает не просто нормальную деятельность учреждения уголовно-исполнительной системы, но и те ее составляющие, которые направлены на достижение целей и задач правосудия. Иначе говоря, имеет место воспрепятствование исполнению приговора о наказании в виде лишения свободы в соответствии с условиями, регламентированными уголовно-исполнительным правом. Следовательно, указанным преступлением нарушаются интересы правосудия, и его место – в главе о преступлениях против правосудия¹. Законодательство многих стран относит это деяние к числу преступлений, совершаемых против правосудия.

Во-вторых, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 321 УК РФ, не затрагивает порядка управления и в принципе сделать этого не может. Общественные отношения в сфере управления при посягательстве на личность могут быть нарушены лишь в том случае, если потерпевший является носителем властных полномочий (как, например, в ч. 2 данной статьи). Осужденный, независимо от мотивов посягательства на него, таковым не является по определению.

Ответственность за злостное уклонение от уплаты штрафа, отбывания обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы наступает согласно нормам Общей части УК РФ (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 4 ст. 53).

Правовые последствия за уклонение остальных пяти² видов наказаний УК РФ не определяет.

2. По УК Испании наказуемыми являются нарушения приговора, выразившиеся: а) в уклонении от исполнения приговора

¹ См. об этом подробно: Басков А. В., Чучаев А. И. Спорные вопросы объекта преступления, посягающего на деятельность ИТУ // Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью (вопросы теории, истории и практики). М., 1988. С. 47–58; Друзин А. И., Чучаев А. И. Проблемы систематизации уголовно-правовых норм // Современные проблемы взаимодействия материального и процессуального права: теория и практика: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2004. Ч. 1. С. 337–341.

² Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью являются двумя самостоятельными видами наказаний, объединяемых воедино, скорее, по традиции, нежели по их правовой природе.

(ст. 468); б) побеге и пособничестве к побегу (ст. 469 и 470).

УК Франции преступными признает: побег (ст. 434-27–434-37)¹; нарушение запрета появления в каком-либо месте (434-38); уничтожение, сокрытие или срывание расклеенных афиш об обвинительном приговоре (434-39); нарушение запрета осуществлять профессиональную деятельность (434-40); нарушение обязанностей или запретов, следующих из наказаний в виде временного лишения или аннулирования водительских прав, запрещения хранить или носить оружие, изъятия разрешения на охоту, запрещения пускать в обращение чеки или пользоваться кредитными карточками, закрытия заведения или исключения из договоров, заключаемых от имени государства (ст. 434-41); нарушение обязанностей, вытекающих из наказания в виде работ в общественных интересах (ст. 434-42).

В УК Республики Украины рассматриваемый механизм обеспечения реализации наказания охватывает нормы, предусматривающие ответственность: 1) за неисполнение судебного решения (ст. 382); 2) сокрытие имущества (ст. 388); 3) уклонение от наказания, не связанного с лишением свободы, (ст. 389); 4) уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы и в виде лишения свободы (ст. 390); 5) злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения (ст. 391); 6) действия, дезорганизующие

работу исправительных учреждений (ст. 392); 7) побег из места лишения свободы или из-под стражи (ст. 393); 8) побег из специализированного лечебного учреждения (ст. 394).

В отличие от УК РФ в УК Республики Украины данные нормы расположены в логической последовательности, по правилам законодательной техники: на первое место поставлена общая норма, а затем – специальные. В УК РФ данная группа преступлений сформирована в противоположной последовательности: общая норма указана последней, а ст. 321 УК РФ, как уже отмечалось, вообще включена в гл. 32 «Преступления против порядка управления».

Украинский законодатель уклонение от наказания лица, осужденного судом, практически во всех случаях признает самостоятельным преступлением, тогда как в России этот вопрос решается иначе. Во-первых, преступным согласно УК РФ является только уклонение от отбывания лишения свободы и ареста. Во-вторых, в случае злостного уклонения от эквивалируемого вида наказания он заменяется другим видом наказания.

3. При реализации принципов, заложенных в УК РФ, возникает ряд вопросов, которые затрагивают конституционные права осужденного: наказание заменяется более строгим не по приговору суда, а в ином порядке, фактически при отсутствии надлежащим образом обеспеченной защиты и т. д.

4. Вызывает сомнение целесообразность криминализации в Украине злостного неповиновения требованиям администрации и побега из специализированного лечебного учреждения. УК РСФСР 1960 г. также содержал указанные преступления. Статья 186 УК РСФСР и позднее введенная норма, содержащаяся в ст. 188³ УК РСФСР, российскими учеными-пенитенциаристами в начале оценивались положительно², однако впоследствии оценки изменились³, а позднее законодатель вообще отказался от их включения в УК РФ 1996 г.

¹ Согласно ст. 434-29 УК Франции побегом признаются также деяния, выразившиеся: а) в уклонении заключенного, помещенного в медицинское учреждение или госпиталь, от надзора; б) уклонении осужденного от контроля, которому он подвергнут, при нахождении его за пределами пенитенциарного учреждения, в случае помещения под электронный надзор, при режиме полусвободы или при разрешении покидать на время пенитенциарное учреждение; в) невозвращении в пенитенциарное учреждение по окончании какой-либо отсрочки или исполнения по частям тюремного заключения, по истечении времени нахождения за пределами пенитенциарного учреждения, по окончании режима полусвободы или по истечении срока разрешения покидать на время пенитенциарное учреждение; г) нейтрализации осужденным, помещенным под электронный надзор, каким бы то ни было способом прибора, позволяющего определять на расстоянии его присутствие или отсутствие в месте, определенном судьей по исполнению наказаний.

² См., напр.: *Зубков А.* Новое в законодательстве // *Воспитание и правопорядок.* 1984. № 3. С. 49.

³ См. об этом подробно: *Федоров А. В.* Преступления против правосудия (вопросы истории, понятия и классификации). Калуга, 2004.

5. Не все виды наказаний нуждаются в уголовно-правовом обеспечении реализации. При решении данного вопроса надо исходить из характера наказания и роли наказанного при его отбывании. Например, трудно представить уклонение от отбывания таких видов наказаний, как лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (ст. 48 УК РФ), ограничения по военной службе (ст. 51 УК РФ), смертной казни (ст. 59 УК РФ).

Особого рассмотрения требует наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. На наш взгляд, фактическая возможность нарушения запрета занимать определенную должность со стороны осужденного сомнительна. Это может сделать лишь соответствующее должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции, уклоняющееся от исполнения приговора суда (не увольняет осужденного с занимаемой должности, переименовывает должность при сохранении тех же функций и т. д.). Именно поэтому законодатель предусмотрел ответственность за злостное неисполнение представителем власти, государственным служащим органа местного самоуправления, а также служащим государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации вступившего в законную силу приговора (ст. 315 УК РФ).

Иная ситуация складывается при лишении права заниматься определенной (профессиональной или иной) деятельностью. Надлежащая реализация данного вида наказания во многом зависит от осужденного. Реальных же механизмов социального и правового контроля за его отбыванием в настоящее время не существует. Поэтому не исключается, что осужденный, лишенный, например, водительского удостоверения, продолжает управлять транспортным средством; лицо, которому запрещена педагогическая деятельность, занимается репетиторством, и т. д.

В этом случае требуется уголовно-правовое регулирование отбывания данного вида наказания. В уголовном праве уже

давно ставится вопрос о криминализации уклонения от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью¹. Однако общий подход, на наш взгляд, здесь неприемлем, во-первых, в силу того, что указанный вид объединяет, как говорилось ранее, два разных наказания; во-вторых, потому, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может назначаться в качестве как основного, так и дополнительного вида наказания.

Последнее обстоятельство предопределяет ряд моментов. В частности, уклонение от отбывания основного наказания более опасно, чем от дополнительного вида наказания. Дополнительное наказание нельзя заменить основным.

Цель лишения права заниматься определенной деятельностью заключается в устранении виновного из той сферы, в которой его участие причинит вред общественным отношениям. Следовательно, замена данного вида наказания обязательными или исправительными работами не позволит реализовать указанную цель.

Таким образом, замена рассматриваемого наказания, назначенного в качестве основного, целесообразно только наказаниями, связанными с лишением свободы.

Лишение права заниматься определенной деятельностью как дополнительный вид наказания может заменяться штрафом, применяемым в этом же качестве (ч. 2 ст. 45 УК РФ).

6. Криминообразующие факторы в аналогичных составах преступлений практически в целом имеют небольшие отличия. Однако обращает внимание наличие в УК Республики Украины преступлений с так называемой административной и даже дисциплинарной преюдицией. Так, ответственность за злостное неповиновение законным требованиям администрации исправительного учреждения либо иное противодействие администрации в законном осу-

¹ См., напр.: *Махоткин В. П.* Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Наказания, не связанные с лишением свободы / Под ред. И. М. Гальперина. М., 1972. С. 74.

ществлении ее функции лицом, отбывающим наказание в виде ограничения свободы, если это лицо за нарушение требований режима отбывания наказания было подвергнуто в течение года взысканию в виде перевода в помещение камерного типа (одиночную камеру) или переводилось на более строгий режим отбывания наказания.

УК РФ, как известно, отказался от такого криминообразующего признака, как административная преюдиция. Такая позиция более обоснована, согласуется с положением о взаимосвязях различных отраслей права, отражает элементы структуры общественной опасности как интегрированного свойства преступления. Повторение любых правонарушений в любом количестве не образует указанного свойства, а следовательно, проступок не может перерасти в преступление.

7. Формулировки уголовно-правовых норм об ответственности за уклонение от отбывания наказания требуют совершенствования. Это касается как редакции статей Особенной, так и Общей части УК РФ. Например, в ч. 5 ст. 46 УК РФ говорится, что в случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, он заменяется в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Таким

образом, исполнение штрафа как дополнительного наказания вообще не обеспечивается средствами уголовного права, хотя уголовно-правовой механизм его реализации, безусловно, необходим. Кроме того, целесообразно установить вид заменяющего наказания и коэффициент (эквивалент) замены.

В некоторых случаях законодателем нарушены правила законодательной техники, в частности, запрет обозначения одним и тем же термином различных понятий. Так, в ст. 312 УК РФ деяние названо растратой. Между тем данным термином обозначается одна из форм хищения, каковым указанное преступление, даже исходя из названия статьи, не признается.

Библиографический список

1. *Махоткин, В. П.* Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью / В. П. Махоткин // Наказания, не связанные с лишением свободы / под ред. И. М. Гальперина. – М., 1972.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2007.
3. *Федоров, А. В.* Преступления против правосудия (вопросы истории, понятия и классификации) / А. В. Федоров. – Калуга, 2004.

И. В. Юсипова,
*соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Владимирского государственного
педагогического университета*

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

В современных условиях построения правового государства и становления гражданского общества в России язык права становится особенно актуальным. Право – это не только система законов и нормативных актов, но и величайшее завоевание культуры всей цивилизации; оно должно быть надежной опорой как в жизни отдельного индивидуума, так и общества в целом.

И не в последнюю очередь именно от языка нормативно-правовых актов, который является эффективным и адекватным средством хранения и передачи правовой информации, во многом зависят интенсивность информационного влияния права и действенность правового регулирования в целом. Поэтому очевидно, что лингвистическая некомпетентность языка права может серьезно ущемить конкретные права человека – в юридической практике тому есть немало примеров.

В свете вышесказанного представляется необходимым уделять серьезное внимание лингвистическому анализу текстов нормативно-правового характера, в том числе тем, которые касаются регулирования частной жизни и – шире – обеспечения прав и свобод человека, объявленных Конституцией РФ высшей ценностью (ст. 2).

На всех значимых уровнях языка (морфемном, лексическом, морфологическом, синтаксическом) в текстах нормативно-правовых актов обнаруживаются особенности¹, характерные и для норм, призванных регулировать частную жизнь человека.

Интересным с этой точки зрения представляется морфологический уровень, на котором выявляются объективные закономерности употребления тех или иных частей речи и их форм в языке нормативного регулирования частной жизни. Обратимся к двум основным знаменательным частям речи русского языка – имени существительному и глаголу – и остановимся на некоторых морфологических особенностях их функционирования в указанных юридических текстах.

Имя существительное является одной из наиболее употребительных частей речи в обиходном языке: из 9 тысяч самых частотных слов 4 тысячи составляют существительные. Такое же соотношение, т. е. примерно 44 % от общего лексического состава, наблюдается и в текстах нормативно-правового характера. Однако с точки зрения лексико-грамматических разрядов в языке права складывается иная картина. Если в обиходно-разговорной речи преобладают конкретные существительные (обозначающие конкретные предметы), то в текстах нормативно-правового характера (это относится и к нормативному регулированию частной жизни) доминируют абстрактные (отвлеченные) существительные, среди которых выделяются две основные группы: отадективные (образованные от имен прилагательных) и отглагольные (образованные от глаголов), например: *Утверждая права и свободы человека, его честь и достоинство как высшую ценность общества и государства, отмечая необходимость приведения законодательства... в соответствие с...; Лица, виновные в нарушении равноправия граждан, привлекаются к ответственности на*

¹ См., например, работы Г. И. Шатковой «О языке закона» (1959), В. М. Баранова «Истинность норм советского права» (1989), А. С. Пиголкина «Язык закона» (1990), Е. А. Крюковой «Язык и стиль законодательных актов» (2002), И. Л. Петровой «Синтаксис в праве» (2007) и др.

*основании закона; Каждый имеет право на приобретение и прекращение гражданства в соответствии с законом; Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность*² и т. д. Подобные существительные в большом количестве представлены и в федеральных законах, имеющих отношение к регулированию частной жизни граждан: *На территории Российской Федерации гарантируется тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи*³; Целями защиты являются: **предотвращение утечки, хищения, утраты, искажения, подделки информации; предотвращение угроз безопасности личности, общества, государства**...⁴; *Оперативно-розыскные мероприятия, связанные с контролем почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушиванием телефонных переговоров с подключением к стационарной аппаратуре предприятий... физических и юридических лиц... проводятся с использованием оперативно-технических сил и средств... в порядке, определяемом межведомственными нормативными актами*...⁵ и др.

Абстрактный характер лексики служит определенному уровню обобщения высказываний в юридическом тексте, отражающем фундаментальные идеи и идеалы относительно ценности и неприкосновенности жизни человека, его прав и свобод и потому имеющем высокий уровень абстрагирования.

С лексико-грамматическими разрядами тесно связана морфологическая категория числа имени существительного, которая в

² О Декларации прав и свобод человека и гражданина: Постановление Верховного Суда РФ от 22 нояб. 1991 г. № 1920-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

³ О связи: Федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ. Ст. 63 // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

⁴ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федер. закон от 7 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Ст. 20 // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.

⁵ Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ. Ст. 6 // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

самом общем виде может быть представлена как противопоставление значений *один – не-один*. По этому признаку все существительные распределяются в три группы:

1) слова с выраженным противопоставлением числовых форм, т. е. образующие соотносительные пары единственного и множественного числа;

2) слова с невыраженным противопоставлением числовых форм, т. е. не имеющие соотносительных форм числа – существительные только единственного числа (*Singularia tantum*) и существительные только множественного числа (*Pluralia tantum*);

3) слова с невыраженным значением реального числа, т. е. не имеющие форм числа – несклоняемые существительные.

Поскольку конкретные существительные обозначают предметы, поддающиеся счету, постольку большая их часть оказывается с точки зрения категории числа в первой из указанных групп. Абстрактные существительные, обозначающие отвлеченные понятия, которые в силу этого исключают идею о счете, входят во вторую группу. О словах третьей группы здесь речи не идет, поскольку они фактически не встречаются в интересующих нас юридических текстах.

Употребление слов первой группы в рассматриваемых нормативных актах является, как и в литературно-обиходном языке, регулярным, например: *Предоставление третьим лицам сведений об абонентах-гражданах может осуществляться только с согласия в письменной форме абонентов, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами* (Федеральный закон «О связи». Ст. 53). Таким же регулярным является функционирование абстрактных существительных *Singularia tantum* в своей единственной числовой форме, например: *Осмотр почтовых отправлений лицами, не являющимися уполномоченными работниками оператора связи, вскрытие почтовых отправлений, осмотр вложений, ознакомление с информацией и документальной корреспонденцией... осуществляются только на основании решения суда...* (Федеральный закон «О связи». Ст. 63); *Целями защиты являются: предотвращение утечки, хищения, утра-*

ты, искажения, подделки информации... (Федеральный закон «Об информации, информатизации и о защите информации». Ст. 20).

Имена существительные, представленные только формой множественного числа – *Pluralia tantum*, – в текстах законов используются достаточно редко. Одним из примеров может служить слово *переговоры*, часто встречающееся в Федеральном законе «О связи», например, в ст. 63: *На территории Российской Федерации гарантируется тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений.*

Выделенные признаки категории числа существительных в текстах, относящихся к нормативному регулированию частной жизни, обеспечению прав и свобод человека и гражданина, в общем совпадают с признаками этой морфологической категории в общелитературном языке. Однако в указанных текстах обнаруживаются и специфические признаки категории числа имен существительных.

Так, в живой речи значения слов не остаются неизменными, развиваясь, они могут приобретать новые оттенки, меняя свой общий характер. Например, в результате процесса лексикализации форма множественного числа существительного может обособиться от своего значения в единственном числе и стать самостоятельной лексемой: *березовый лес – березовые леса и строительные леса* (*Pluralia tantum*). То же самое произошло с формой множественного числа существительного *выбор*. Форма *выборы*, употребляющаяся в законодательстве во множественном числе потому, что означает процесс, который является периодическим, повторяющимся, стала самостоятельной лексемой со значением «*избрание путем голосования депутатов, должностных лиц, членов организации*»¹. Например, в преамбуле Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ сказано: *Демократические свободные и периодические выборы в*

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1987. С. 94.

органы государственной власти, органы местного самоуправления, а также референдум являются высшим непосредственным выражением принадлежащей народу власти¹.

В речевой практике происходят и другие процессы, влияющие на характер грамматической категории числа: абстрактные значения могут конкретизироваться, и тогда отвлеченные существительные *Singulalia tantum* способны образовывать форму множественного числа (*чувство радости* – *маленькие радости*; *красота души* – *красоты природы*; *чтение вслух* – *воскресные чтения*), а конкретные значения могут абстрагироваться, и тогда существительное становится словом *Singulalia tantum*: *И крупной солью светской злости / Стал оживляться разговор* (А. С. Пушкин). С точки зрения последнего процесса интересным представляется функционирование в юридическом языке слова *тайна*. Тайна – один из важнейших социальных институтов, выражающих меру взаимоотношений личности и государства, их взаимную информационную защищенность. Данный термин является одним из ключевых в нормативном обеспечении прав и свобод человека, регулировании частной жизни. В силу этого указанное существительное получает в языке законодательства предельно обобщенное значение и становится субстантивом² *Singulalia tantum*³ (*государственная тайна, тайна следствия* и др.). В анализируемых нормативных актах читаем, например: *Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну* (Конституция РФ. Ст. 23); *На территории Российской Федерации гарантируется тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений* (Федеральный закон «О связи». Ст. 63); *Целями защиты являются: ...защита конституционных прав граждан на сохранение личной*

тайны и конфиденциальности персональных данных, имеющихся в информационных системах... (Федеральный закон «Об информации, информатизации и о защите информации». Ст. 20).

Другие особенности функционирования существительных и их категорий в нормативных текстах, относящихся к обеспечению прав и свобод человека и гражданина, регулированию частной жизни, в основном совпадают с общими для языка права закономерностями.

Вышесказанное в общих чертах относится и к глаголу – второй по частоте употребления знаменательной части речи. Из всех собственно глагольных категорий – вида, залога, наклонения, времени и лица – две являются обязательными, т. е. присущими всем глагольным формам: это категории залога и вида. Рассмотрим одну из них – категорию вида.

В основе значения данной категории лежит понятие предела и целостности действия. Абстрактный внутренний предел обозначает достижение какого-то качественно-го предела, границы действия, т. е. такой критической точки, по достижении которой действие, исчерпав себя, либо прекращается, либо переходит в другую стадию. Глаголы несовершенного вида обозначают неограниченное пределом (хотя в живой речи встречаются и предельные глаголы несовершенного вида) действие безотносительно к понятию ограниченной целостности, а глаголы совершенного вида интерпретируют действие как целостный факт, ставший таковым по достижении действием предела.

Глагольная категория вида помогает законодателю передавать различные семантические оттенки при создании правовых норм. Специфика употребления глаголов совершенного и несовершенного видов в языке права связана с характером действий, совершаемых различными субъектами права. Основанием для употребления той или иной видовой формы является ограниченность или неограниченность действия каким-либо пределом и целостность или нецелостность действия. Если действие не предполагает предела и является нецелостным, то в нормативном тексте употребляется форма глагола несовершенного вида.

¹ СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

² Букв. «существительное» (лат. substantivum).

³ Видимо, поначалу форма единственного числа этого существительного употреблялась в обобщенном значении, а затем и вовсе в таком значении оно перестало иметь соотносительную форму множественного числа.

Например, в ст. 3, 4, 6 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» употребление глаголов несовершенного вида **обладать, голосовать, избирать, участвовать, осуществляться** и др. объясняется спецификой предмета регулирования этих норм: действия, совершаемые гражданином Российской Федерации при реализации своих избирательных прав, не имеют обозначенного предела и являются неоднократными, распределенными во времени, что объясняется свойствами относительно постоянного, неотчуждаемости, непоглощаемости конституционных прав человека и гражданина. Этими же причинами мотивировано использование глаголов только несовершенного вида в Декларации прав и свобод человека и гражданина, например: *Права и свободы человека принадлежат ему от рождения; Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается; Каждому гарантируется право на пользование квалифицированной юридической помощью.* Многие статьи указанной Декларации начинаются с фразы *Каждый имеет право*, где глагольно-именной описательный оборот в роли сказуемого также имеет значение несовершенного вида. В нормативно-правовых актах, относящихся к регулированию частной жизни, обнаруживаем аналогичное употребление глаголов несовершенного вида, например: *На территории Российской Федерации гарантируется тайна переписки, телефонных переговоров* (Федеральный закон «О связи». Ст. 63).

Если же субъектом права совершается действие, имеющее конкретный предел, обладающее целостностью и однократностью, то в законе употребляется форма глагола совершенного вида. Примечательно, что в Декларации прав и свобод человека и гражданина эти формы встречаются только у страдательных причастий, т. е. в пассивном залоге, обозначающем, что глагольный признак, будучи связан с подлежащим, тем

не менее своим источником имеет какой-то другой предмет либо лицо, представленные творительным падежом либо вообще не представленные. Это объясняется тем, что в указанной Декларации страдательные причастия относятся к действиям, которые должны совершить, реализуя предписания Декларации и законов, органы исполнительной и судебной власти, иные органы и лица, и действия эти имеют конкретный предел и исчерпывающий характер, например: *Никто не может быть лишен жизни (ст. 7). Никто не может быть без его добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам (ст. 8). Никто не должен быть принужден к определению и указанию его национальной принадлежности (ст. 16). Граждане...имеют право направлять личные и коллективные обращения в государственные органы и должностным лицам, которые в пределах своей компетенции обязаны рассмотреть эти обращения, принять по ним решения и дать мотивированный ответ в установленный законом срок (ст. 21) и т. п.*

Таким образом, в использовании видовых форм глагола в текстах, относящихся к нормативному обеспечению прав и свобод человека, есть свои особенности.

Далеко не полный анализ морфологических свойств двух основных частей речи – имени существительного и глагола – уже позволяет говорить о том, что с лингвистической точки зрения в нормативных текстах, относящихся к гарантированию прав человека, регулированию частной жизни, есть своя специфика и свои закономерности, обусловленные непоглощаемостью конституционных прав человека и гражданина, с одной стороны, и обязанностью государства обеспечивать эти права – с другой.

Библиографический список

1. Баранов, В. М. Истинность норм советского права / В. М. Баранов. – М., 1989.
2. Петрова, И. Л. Синтаксис в праве / И. Л. Петрова. – Владимир, 2007.
3. Шаткова, Г. И. О языке закона / Г. И. Шаткова. – М., 1959.